

Усе прасяга в дусавенон полехи яно в
Страны дотла. Сигурно сулех лагуе
Сенд рашшаево вав ялописов со
Стрнхх странди. Сидево дертоши и др. радиди
др. С. Власи 1762 Сиде Стрнхх. 20 окт.

Г. Л. Кессельбреннер

ХРОНИКА ОДНОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

Воспитанного в сиротском доме неимено-
ванного в записке двенадцатого воспитания
Филиппа Ковалева. Именем ефимов, ~~и~~
менем димитрия, в сиротском доме
сестры его неименованной, в сиротском
и воспитанном в сиротском доме в сиротском
доме Филиппа Ковалева в сиротском
доме в сиротском доме в сиротском
доме в сиротском доме в сиротском
доме в сиротском доме в сиротском
доме в сиротском доме в сиротском
доме в сиротском доме в сиротском

12. ноября
1779

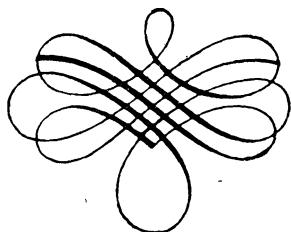

Султан Кошкарлы

Г. Л. Кессельбреннер

ХРОНИКА ОДНОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

(Дипломат-востоковед
С. Л. Лашкарев
и его время)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

Ответственный редактор

Н. А. ХАЛФИН

Рецензенты

М. С. ЛАЗАРЕВ, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

Кессельбреннер Г. Л.

К36 Хроника одной дипломатической карьеры (Дипломат-востоковед С. Л. Лошкарев и его время). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

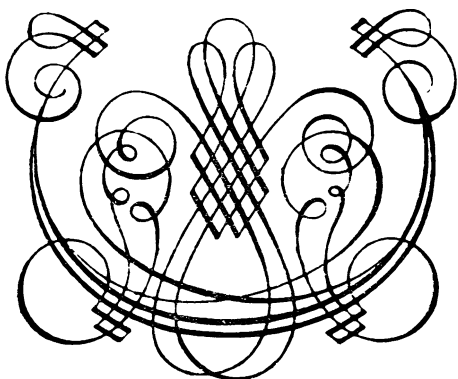
280 с.

Книга о деятельности талантливого русского дипломата-востоковеда тайного советника С. Л. Лашкарева, который в конце XVIII — начале XIX в. оказывал заметное влияние на внешнюю политику России на Востоке. С именем С. Л. Лашкарева связаны многие важные инициативы русской дипломатии в установлении добрососедских отношений России с Османской империей и Ираном. Книга написана на основе архивных материалов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

К 0504020000-187
013(02)-87 37-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука». 1987.

ВВЕДЕНИЕ

...**Т**олпа негодующих фанатиков-мусульман окружила особняк богатого турецкого купца, в котором волею обстоятельств очутился русский дипломат, и решительно требует его выдачи. Казалось, трагическая развязка неминуема.

Но тут случилось непредвиденное — русский сам смело бросился навстречу смертельной опасности. Выскочив на открытую террасу дома с тазом, полным воды, смельчак на чистейшем турецком языке обратился к беснующимся с угрозой, сказав, что если они немедленно не разойдутся, то он будет крестить их всех: «Во имя Отца и Сына и Святого духа». От таких слов толпа на какой-то миг оцепенела, затем бросилась врассыпную прочь, а он на заранее приготовленной лошади ускакал в гавань и спасся на одном из европейских кораблей...

Произошло это в небольшом турецком городке на одном из островов Архипелага незадолго до окончания русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Начавшая эту войну Османская империя несла огромные потери на суше и на море, и ее правители, чтобы как-то ослабить все усиливающееся недовольство населения тяжелыми военными неудачами, развернули в стране оголтелую антирусскую кампанию.

Героем описанного выше эпизода, проявившим незаурядное самообладание и удивительную находчивость, оказался молодой русский дипломат Сергей Лашкарев¹. Однако случай этот никак не повлиял на его решение продолжать службу в рус-

ском посольстве в Константинополе (Стамбуле). Надо сказать, что в подобных сложных жизненных обстоятельствах С. Л. Лашкарев оказывался в дальнейшем не раз. В этом Риме Востока ему удалось, несмотря на происки и интриги английских и французских агентов, установить доверительные отношения с ближайшим окружением султана.

Знание нескольких восточных языков, детальное знакомство с местными условиями и обычаями, особый талант общения с людьми, умение вести сложные и трудные переговоры снискали Сергею Лазаревичу уважение всех, с кем на протяжении многих лет его сводила судьба в этой стране.

В его личном деле хранится прелюбопытное рекомендательное письмо, написанное в 1779 г. ...реис-эфенди* Абдул Резаком и адресованное канцлеру графу Н. И. Панину. Приведем его полный текст: «Ваше сиятельство, дражайший приятель! По изложении самых сильных выражений дружбы моей и изъявлении желания моего узнать о Вашем здоровье я имею честь уведомить Вас, что служащий с отличным успехом со времени заключения мира между обеими державами при российской миссии у Высокой Порты податель сего драгоман Сергей отъезжает ныне в Россию обратно. Рекомендуя его к Вам как достойного всякой награды от своего двора, я воспользуюсь сим случаем, дабы засвидетельствовать Вам истинные мои дружественные расположения и осведомиться с этим письмом о Вашем здоровье. Такому премудрому лицу, как ваше сиятельство, коротко известно, что служащие усердно и верно должны быть награждены по их желаниям. Посему прошу Вас по получении сего письма удостоить вышеупомянутого Вашею благосклонностью, а этим доказательством дружбы ко мне вы меня обяжете» (ф. ВКД, 1779 г., д. 1537, л. 6).

Разумеется, Лашкарев в подобном рекомендательном письме не очень нуждался: в Коллегии иностранных дел России о его заслугах были осведомлены куда больше реис-эфенди. Так, в сентябре того же 1779 г. в специальном докладе Коллегии Екатерине II, подписанном графами Н. И. Паниным и И. А. Остерманом, Сергей Лазаревич аттестовывался следующим образом: «Помянутый Лашкарев, по заключению резидента Обрескова (русского посланника, сразу же после начала русско-турецкой войны в 1768 г. брошенного по приказанию султана в Едикуле.— Г. К.), управляя, как сей последний сам о том свидетельствует, оставше[ся] его свитою, российскими купцами и другими вашего императорского величества подданными и от всяких притеснений защищал, а посему не только разным опасностям был подвержен, но и действительно побои даже до увечья от варварства турецкого понес». И далее: «...ото всех по спо-

* Здесь и далее переводы с других языков на русский современные подлинникам. Транскрипция собственных имен, должностей, топографических названий и терминов основана по преимуществу на начертании, которое встречается в русских архивных документах.

собности своей, по расторопности и по знаемости турецких вельмож заслужил немалые похвалы» (ф. ВАД, 1779 г., д. 6, л. 97б об.—98).

Примечательно, что, когда летом 1787 г. вновь резко обострились русско-турецкие отношения и Османская Порта открыто повела дело к разрыву, один из влиятельных турецких сановников буквально накануне объявления войны России решился на довольно смелый шаг, тайно послав к Лашкареву курьера с письмом, в котором содержался совет-предупреждение: «Уезжай, завтра поднимут знамя Магомета».

Деятельность этого замечательного дипломата была наполнена остросюжетными конфликтными ситуациями, рискованными столкновениями с высокопоставленными вельможами. Да и сама его служебная карьера для того времени довольно необычна: сначала он студент «ориентальных языков» в Коллегии иностранных дел, затем становится опытным драгоманом, потом занимает ряд важных дипломатических постов, после чего создает Азиатский департамент этой Коллегии и назначается его первым управляющим с правом личного доклада Екатерине II, а впоследствии и Павлу I. Факт сам по себе исключительный, поскольку даже не всем президентам коллегий такое право тогда предоставлялось.

С. Л. Лашкарев, обладая уникальными лингвистическими способностями, владел десятью языками: турецким, персидским, арабским, татарским, грузинским, армянским, древне- и новогреческим, французским, итальянским. Знал также латынь. При этом по-турецки он говорил как турак, по-персидски — как перс... Имел чин тайного советника и за свои заслуги был удостоен многих высших наград империи.

Лашкареву довелось работать бок о бок с видными государственными деятелями, маститыми дипломатами России. Среди них — Н. И. Панин, Г. А. Потемкин, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцов. И он не мог не испытать на себе их влияния. Настойчиво учился он дипломатическому искусству у своих учителей: А. М. Обрескова, П. А. Левашова, Н. В. Репнина, А. С. Стахива, Я. И. Булгакова.

А между тем имя Сергея Лазаревича Лашкарева мало что говорит современному читателю. К сожалению, даже в фундаментальных многотомных русских энциклопедиях XIX в., за одним исключением, о котором речь пойдет ниже, этому русскому дипломату-востоковеду, оставившему определенный след в истории отечественной дипломатии, в лучшем случае отводится несколько строк. А в весьма обширном фундаментальном восьмитомном «Словаре достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского для Лашкарева места вообще не нашлось. Небезынтересно, что сам автор этого словаря начал свою службу в Московском главном архиве Коллегии иностранных дел в то время, когда Сергей Лазаревич продолжал еще успешно трудиться на дипломатическом поприще.

Вот почему появление на таком фоне в «Справочном энциклопедическом словаре» Старчевского краткой биографической справки о Лашкареве, написанной к тому же в объективно доброжелательном духе, заслуживает особого внимания. В этой публикации подчеркивалось, что С. Л. Лашкарев принадлежал «к замечательным явлениям» екатерининского времени. Тем самым историк А. В. Старчевский, вольно или невольно, упрекал своего знаменитого коллегу Д. Н. Бантыш-Каменского в небрежении к заслугам известного дипломата.

И лишь потомки Лашкарева (его дети и внуки) настойчиво пытались увековечить память о нем. Сделать это в какой-то мере удалось одному из внуков Сергея Лазаревича, названному в честь деда Сергеем. Сергей Сергеевич Лашкарев-младший, профессиональный литератор, написал и в 1858 г. издал в Петербурге на свои средства краткую биографию деда. Тираж этой тоненькой брошюры (всего 24 странички) «в малую осьмушку» был мизерным. Неудивительно, что книжечка эта вскоре после издания стала библиографической редкостью.

Правда, больше «повезло» Лашкареву в живописи: его запечатлел В. Л. Боровиковский, написавший парадный портрет Сергея Лазаревича. Тот факт, что полотно написано таким прославленным живописцем, создавшим целую галерею портретов исторических лиц, сам по себе примечательный.

Портрет был написан в 1811 г. Хорошо известно, что после 1807 г. и вплоть до своей кончины в октябре 1814 г. Сергей Лазаревич жил уединенно и почти безвыездно в своих двух имениях в Витебской губернии. Так где же он мог позировать художнику? Скорее всего в столице, поскольку именно в 1811 г. он приезжал туда на некоторое время погостить к своей дочери Елене Сергеевне.

Боровиковский изобразил Лашкарева сидящим за небольшим бюро, на котором лежит лист бумаги с аккуратными строками арабской вязи. В правой руке у него гусиное перо. Умное, сосредоточенное лицо, упрямо сжатые губы и усталые, чуть слезящиеся глаза — ему тогда было уже за семьдесят. О чем вспоминает этот искусный дипломат? Может быть, хочет записать что-то важное и интересное? Тогда ведь так в моде были мемуары. А Лашкарев о многом мог бы рассказать, но, к сожалению, о существовании каких-либо его записок, дневниковых записей решительно ничего не известно.

Кстати, научные сотрудники Эрмитажа перевели арабскую запись на полотне Боровиковского на русский язык². В ней упоминается о присоединении Крыма к России — важном историческом событии, к которому Лашкарев имел самое непосредственное отношение.

Этот портрет превратился в важный иконографический документ, став, можно сказать, составной частицей биографии Лашкарева. Заметим, что судьба самого полотна, на котором живописец как бы подводит жизненный итог талантливому дип-

ломату, оказалась на редкость счастливой. После кончины Сергея Лазаревича портрет перешел к его сыну Сергею Сергеевичу, впоследствии тайному советнику, дипломату николаевского времени. Тот, в свою очередь, передал эту дорогую семейную реликвию своей дочери Поликсене Сергеевне Лашкаревой, в собрании которой портрет бережно хранился до начала нашего века. В 1870 г. он экспонировался в Петербурге на Исторической выставке портретов лиц XVI—XVIII вв. В наше время, с 1949 г., это полотно украшает экспозицию Одесского художественного музея.

Была у этого холста копия, владельцем которой был сын Сергея Сергеевича, генерал-лейтенант русской армии Павел Сергеевич Лашкарев. Желая внести и свою лепту в увековечение памяти своего знаменитого деда, П. С. Лашкарев в 1885 г. принес эту копию в дар Московскому Главному архиву министерства иностранных дел (впоследствии АВПР), где находилась галерея портретов исторических лиц, «писанных от руки»³. Не исключено, что и копия эта выполнена Боровиковским. В пользу такого предположения говорит следующая немало важная подробность.

Блестящий знаток русской живописи, известный искусствовед Сергей Дягилев, который, по меткому замечанию художника И. Э. Грабаря, «имел исключительную зрительную память и иконографический нюх», изъездил чуть ли не всю Россию в поисках портретов для организуемой им в Таврическом дворце выставки. Осведомлен он, разумеется, был и о том, что свыше 400 полотен, большинство которых принадлежало кисти маститых русских художников, хранилось в упомянутой галерее Московского Главного архива. Нами обнаружена переписка Сергея Дягилева в бытность его генеральным комиссаром историко-художественной выставки портретов, прошедшей с большим успехом в 1905 г. в Петербурге, с Московским Главным архивом. Из этой переписки явствует, что Дягилев для экспозиции отобрал в архиве несколько десятков особо выдающихся произведений живописи. Среди бумаг сохранилась и опись полотен, отправляемых по просьбе Дягилева из галереи архива в Петербург. Под № 23 значится портрет С. Л. Лашкарева⁴.

На наш взгляд, сам по себе дар П. С. Лашкарева галерее представляется весьма символичным, поскольку именно в АВПР хранятся документы, относящиеся к деятельности Лашкарева.

В процессе выявления необходимых для нашей работы о Сергее Лазаревиче Лашкареве первичных материалов было просмотрено около 900 дел из фондов АВПР (см. Список сокращений). В работе использованы также некоторые материалы из фондов ЦГАДА.

Большинство просмотренных документов интересны еще и потому, что их можно отнести к так называемой «архивной целине». Речь идет о тех из них, которые по тем или иным причинам оказались вне поля зрения исследователей.

Именно такого рода документы имел в виду известный советский историк акад. Н. М. Дружинин, когда в одной из своих статей писал: «Занимаясь в архивах, я все больше убеждался, что основную роль в исследовании играют архивные материалы, если, конечно, желаешь сказать что-то новое, а печатные источники — лишь вспомогательную»⁵. Аналогичной точки зрения придерживался и акад. Е. В. Тарле, который несколько десятилетий плодотворно работал над архивами. В этой связи он подчеркивал: «Свой собственный глазок-смотрок исследователя, проникающий в документы архиво-хранилища, ничто вполне не заменит: никакие монографии и никакие публикации материалов, где подбор выдержек из фондов всегда по технической необходимости ограничен»⁶.

Разумеется, без первичных исторических материалов встреча с С. Л. Лашкаревым едва ли могла состояться. Теперь, когда работа над этими интереснейшими документами, которые буквально таят в себе запахи времени, подошла к концу, понимаешь всю правоту и другого высказывания акад. Е. В. Тарле, утверждавшего, что тот, кто раз отравился сладким ядом работы над абсолютно новыми архивными материалами, уже не может от них «отлипнуть».

Отметим также, что, опираясь на обнаруженные документы, автор этих строк в отдельных случаях, когда позволяли обстоятельства, старался реконструировать события прошлого. В этой связи вспоминается замечание Гёте: историк всегда пишет так, как если бы он сам присутствовал при том, о чем рассказывает.

С. Л. Лашкарев принадлежит второй половине XVIII столетия. «Осьмнадцатый» век начинался с петровских реформ — этих важных преобразований, которые привели к успехам в промышленности, росту товарного производства, строительству флота. Русское государство остро нуждалось в доступе к мировым морским путям. Таким образом, борьба за выход к Балтийскому и Черному морям становится основным содержанием русской политики. В результате победоносной Северной войны 1700—1721 гг. удалось овладеть берегами Балтики.

Вторая половина XVIII в. отмечена продолжением упорной борьбы за выход к Черному и Средиземному морям. Этим усилиям России, в частности, активно противостояла Османская империя. Документы, обнаруженные в АВПр и ЦГАДА, развертывают широкую панораму политических событий того времени. Вместе с тем многие из новонайденных архивных материалов дают возможность ответить и на важные вопросы, непосредственно относящиеся к биографии тайного советника С. Л. Лашкарева.

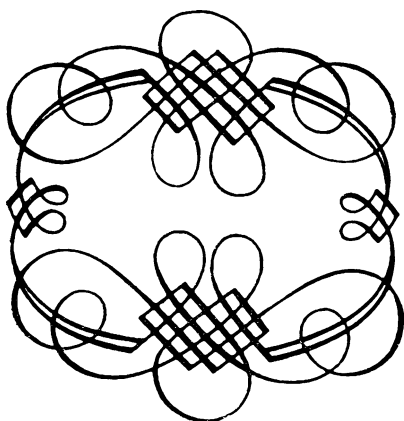
Как проходила учеба студента «ориентальных языков» Сергея Лашкарева в Константинополе? И что известно вообще о подготовке драгоманов в Коллегии иностранных дел в XVIII веке? При каких обстоятельствах во время русско-турецкой

войны 1768—1774 гг. Лашкарев очутился в Константинополе? К числу важных предприятий Сергея Лазаревича следует отнести его поездку в 1776 г. в район Дарданелл, где он пробыл около полутора лет. Чем он там занимался? В 1779 г. Коллегия иностранных дел по инициативе Н. И. Панина принимает решение об определении Лашкарева «консулом в Синоп», но в последнюю минуту это решение отменяется. Почему? В 1783 г. Лашкарева назначают резидентом к крымскому хану Шагин-Гирею, которому он должен вручить кредитивную грамоту. Но подлинник этого документа нами обнаружен в одном из дел Коллегии. Как он там очутился? Какова роль Лашкарева в присоединении Крыма к России? В марте 1786 г. Сергей Лазаревич получает должность высокого ранга — его назначают поверенным в делах в Персию, но в Тегеране он так и не появился, хотя продолжал числиться в этой должности несколько лет. Почему? Какова его роль в выработке условий и подписании Ясского мира? В 1794 г. Екатерина II дает Лашкареву «особое поручение». В чем оно заключалось? Какова роль Лашкарева в создании Азиатского департамента? С именем Сергея Лазаревича связаны многие начинания, предпринятые им в бытность его на посту управляющего Азиатским департаментом. Какие именно? Каково его отношение к павловскому режиму? Александр I поручает Лашкареву важную «временную комиссию». Что именно ему предстояло сделать?

Следует иметь в виду, что, хотя непосредственно по теме настоящей работы действительно обнаружено немало важных архивных материалов, все же найдено далеко не всё. Пример: не удалось разыскать челобитную, поданную Сергеем Лашкаревым на «высочайшее имя» при поступлении его на «царскую службу». Возможно, эта челобитная и не заслуживала бы особого внимания, если бы не одно существенное обстоятельство...

Известный русский историк Тимофей Николаевич Грановский как-то сказал, что есть личности, которые становятся заметнее «на расстоянии исторического выстрела». И вот архивные материалы позволили высветить значимость Сергея Лазаревича Лашкарева на русской дипломатической сцене.

Глава I
СТУДЕНТЫ
«ОРИЕНТАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ»

Один из таких будущих студентов, Сергей Лазаревич Лашкарев, родился в 1739 г. в Москве в небогатой семье. Отец его, Лазарь Григорьевич Лашкарев-Бибилури, происходил из старинного рода грузинских дворян. 18-летним юношей он сопровождает в составе многочисленной свиты (свыше 1200 человек!) грузинского царя Вахтанга VI, отправившегося в Россию в конце царствования Петра I. Через некоторое время после прибытия в Москву Лазарь Григорьевич женится на русской дворянке и становится одним из представителей ранней грузинской эмиграции в первопрестольной. Сын его Сергей получил обычное для того времени образование — домашнее, но вполне разностороннее. Отец в мечтах видел сына дипломатом. Он настойчиво обучал его иностранным языкам, в том числе и турецкому.

Скупые строки архивного документа свидетельствуют: Сергей Лазарев сын Лашкарев «в 1762 году поданной в Коллегию иностранных дел челобитной ... просил об определении его в Коллегию, почему он, Лашкарев, тогда и принят студентом с жалованием по 60 р. в год» (ф. ВКД, 1779 г., д. 1537, л. 3).

Челобитная будущего студента Сергея Лашкарева... Из такого документа, который составлялся по особо заведенной форме и имел так называемые пункты, можно было бы узнать подробнее о его родителях и о нем самом.

Вот, например, обнаруженная в одном из дел челобитная однокашника Сергея, студента Коллегии Ильи Иванова, о котором у нас еще пойдет речь: «Всепресветлейшая державнейшая великая государыня Елисавет Петровна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая. Бьет челом придворного скатертника Ивана Григорьева сын Илья Иванов. А о чем мое прошение, тому следуют пункты: 1. Отец мой именованный служил при дворе вашего императорского величества двадцать лет, а в прошлом 1750-м году волею Божиею умре. 2. А я, нижайший, остался после отца своего малолетен и обучался российской грамоте, читать и писать. А ныне по своей охоте начал по-турецки учиться и уже несколько разговоров и отчасти читать обучился. А по сие время в службе вашего императорского величества нигде не нахожусь. И дабы высочайшим вашим императорского величества указом повелено было сие мое прошение в государственную Коллегию иностранных дел принять и за толь долговременную службу отца моего меня нижайшаго определить студентом турецкого языка с милостивейшим вашим императорского величества жалованьем при оной Коллегии, а для основательного обучения моего оной турецкой науке препоручить меня кому надлежит. Всемилоостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем прошении милостивое решение учинить. Августа 30 дня 1757 году к поданию надлежит. Государственной Коллегии иностранных дел прошение писал Илья Иванов и руку приложил».

К челобитной приложена записка, где его учитель турецкого языка статский советник Хризоскулеев, у которого через несколько лет будет учиться и Лашкарев, излагает свое мнение: «Объявленной Илья Иванов по ево летам турецкому языку в крайное время хорошо учился. Ибо уже отчасти читает и несколько речей понимает... Для поощрения же ево к той науке и для содержания себя на первый случай жалованья двадцать четыре рубли [в год] ему определить можно» (*ф. ВКД, разр. 27, 1757 г., д. 31, л. 1—1 об., 3*).

Как мы уже видели, в конце челобитной о «принятии в царскую службу» обязательно проставлялась точная дата подачи ее написания: кроме года еще месяц и число. Последнее обстоятельство для нас очень важно. Ведь Лашкарев, как упоминалось выше, был зачислен студентом Коллегии в 1762 г., а год этот был не совсем обычным: в первой половине его царствовал Петр III, затем к власти пришла Екатерина II. Так кому же из них адресовал свою челобитную Сергей Лашкарев?

Пытаемся найти в архиве этот документ. Может быть, он хранится в деле, озаглавленном «Челобитные и прошения в Коллегию иностранных дел российских и иностранных особ обо его пола о разных делах с приложением алфавитного реестра с 1742 по 1763»? В реестре этом, составленном известным археографом действительным статским советником Н. Н. Бантыш-

Каменским в 1810 г., числится около 300 фамилий, однако, к сожалению, челобитная Сергея Лашкарева там не значится. Правда, известно, что к этому времени Главный Санктпетербургский коллежский архив еще полностью разобран не был за указанные выше годы, следовательно, нужное нам дело могло еще и не поступить в Московский архив.

Продолжаем поиски в других делах... Наконец в руках у нас папка, в которой безымянный канцелярист Коллегии собрал такие челобитные в 50—60-е годы XVIII в., расположив их в строгом алфавитном порядке фамилий просителей, причем каждой букве предпослан список чиновников и иностранцев, чьи бумаги хранятся в этом деле. Итак, фамилии чиновников на букву «Л». Сразу же находим в списке нужную нам фамилию Лашкарева, но... наша радость преждевременна: трудно поверить, но бумага Сергея Лашкарева нет! Они из этого дела кем-то изъяты, точнее вырваны, причем, как оказалось, давным давно, в первой половине XIX в. Да еще вырваны грубо, наспех. Скажем прямо — случай невероятный и исключительный. Спрашивается: кому они могли понадобиться? Никаких компрометирующих или особо интересных данных в них быть не могло. К тому же хорошо известно, как тщательно во все времена берегут архивы. И все же...

И тут возникает осторожное предположение: а не взяли ли эти документы, скажем, «на память», в качестве реликвии, близкие Лашкареву люди? Но тогда кто именно? И, согласитесь, такой человек должен был иметь какое-то непосредственное отношение к архиву. Мы знаем, что еще при жизни Сергея Лазаревича в Коллегии начинали службу трое его сыновей: Андрей, Григорий и Сергей. Просматриваем их послужные списки. Андрей проходил службу за границей, Григорий вскоре ушел в отставку «для определения по другим делам».

Итак, остается Сергей, который поступил на службу в 1797 г., уже в следующем году был произведен в переводчики, в 1808 г. «по высочайшему указу» определен секретарем посольства в «Минхен» (Мюнхен), а в 1813 г. «причислен к министерской канцелярии». Эта запись заставляет задуматься, но все же канцелярия это еще не архив. Однако уже следующие строки послужного списка несколькостораживают: в 1822 г. «предписанием управляющего министерства иностранных дел возложено на него приведение в порядок по новой системе политического архива канцелярии министерской с 1812 г. по 1819 г.». Выходит, он все-таки имел прямое отношение к архиву, но, с другой стороны, хронологические рамки фондов, приводимых им в порядок, никакого отношения, как видим, к XVIII столетию не имеют.

Зато последующая запись (от 3 мая 1827 г.) может дать пищу для некоторых вполне конкретных предположений. Поскольку она нас особенно интересует, попытаемся найти в другом деле подробности ее появления. Оказывается, министр ино-

странных дел граф Нессельроде 3 мая 1827 г. обратился со специальной запиской к Николаю I, в которой, подчеркнув успешное выполнение статским советником Сергеем Сергеевичем Лашкаревым предыдущего поручения министерства иностранных дел по приведению в порядок архивных дел, он просил: «Желая таким же образом привести в порядок все бумаги, хранящиеся с 1762 года в здешнем архиве (надо же случиться такому совпадению: именно этот год нас сейчас всего больше занимает! — Г. К.), я осмеливаюсь испрашивать высочайшего позволения вашего императорского величества употребить к сему того же статского советника Лашкарева и определить ему в прибавок к получаемому им жалованью еще 3000 рублей в год» (ф. АД, разр. IV-2, 1827 г., д. 1, л. 1—2). И здесь же — нужная резолюция императора: «Быть по сему».

Таковы некоторые весьма любопытные обстоятельства, имеющие отношение к исчезнувшей челобитной.

В поисках челобитной Сергея Лазаревича и других материалов о нем мы решили также просмотреть опись дел фонда «Делопроизводство архивов»¹, который стоит несколько особняком от других основных, скажем оперативных, фондов. А вдруг в этих делах (а их свыше 13 тыс.) среди переписки частных лиц и отдельных учреждений с АВПР мелькнет запрос и о таком видном дипломате, как С. Л. Лашкарев?! Чтение одного перечня дел упомянутого фонда, несмотря на то что там хранятся документы разной значимости, — занятие хотя и трудоемкое, но зато весьма интересное².

Довольно быстро удалось обнаружить несколько дел, где упоминается имя С. Л. Лашкарева. Об одном из них, зарегистрированном под № 539 и озаглавленном «О доставлении некоторых сведений о службе тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева», расскажем подробнее. С понятным нетерпением мы просматривали каждый лист этого архивного документа. На его обложке сделана помета: «Началось 7 января 1846 г.». К сожалению, бумаг, которые позволили бы восстановить какие-либо неизвестные ранее факты из биографии русского дипломата, обнаружить в нем так и не удалось. И все же материалы дела 539 представляют определенный интерес и заслуживают должного внимания: неожиданно мы здесь столкнулись с совершенно иным, на этот раз чисто «архивным» сюжетом.

Осенью 1845 г. управляющий Санктпетербургским Главным архивом министерства иностранных дел посылает неофициальное письмо исполняющему должность управляющего Московским Главным архивом (МГА) князю Михаилу Андреевичу Оболенскому, в котором «покорнейше» просит своего коллегу приказать составить во вверенном ему архиве справки по приложениям к сему письму вопросам. Минувл месяц, другой, а ответа из Москвы все не было, и тогда в конце декабря того же года управляющий Санктпетербургским архивом, которому нельзя отказать в настойчивости, обращается с новым письмом к кня-

зю Оболенскому, чтобы все-таки получить нужные ему «выправки» в МГА. Были в этом послании и такие строки: «На это письмо я не получил ответа, и, уверен будучи, что оно не дошло до Вас, побуждаю вновь утруждать Вас, и, прилагая у сего вышесказанные вопросные статьи, покорнейше и убедительнейше прошу Вас, милостивый государь, употребить ваше благосклонное содействие к доставлению мне по возможности просимых сведений».

Итак, о ком просят доставить материалы, нам понятно: ведь речь идет о деле 539 «О доставлении некоторых сведений о службе тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева». Но почему этот запрос из Петербурга сделан в неофициальной форме лицом сугубо официальным? Причина в том, что управляющим Санктпетербургским архивом был в то время С. С. Лашкарев. При подобных обращениях в МГА полагалось объяснить причину запроса, и Сергей Сергеевич ограничился такими словами: «Сведения сии как мне, так и братьям моим необходимо нужны».

Как видим, в этой лаконичной строке минимум информации, и не очень понятно, для чего же все-таки нужны «сведения сии». Однако все проясняется после ознакомления с содержанием весьма подробных «вопросных статей», которые касаются основных вех биографии Сергея Лазаревича Лашкарева. Можно предположить, что Сергей Сергеевич задумал писать книгу об отце и надеялся получить важные материалы из МГА.

Между тем ответ князя Оболенского, датированный 8 февраля 1846 г., казался обнадеживающим: «Милостивый государь Сергей Сергеевич, по письму вашего превосходительства от 28 декабря минувшего 1845 года я немедленно сделал распоряжение о выправке в делах Московского Главного архива, имея в виду сделать Вам угодное, чтобы, сколь возможно, собрать сведения касательно покойного Вашего родителя по вопросам, приложенным к письму Вашему. Теперь для этого просматриваются дипломатические турецкие дела, и, как скоро придет к концу работа, не премину сообщить вашему превосходительству о всем оказавшемся...»

Целых восемь месяцев трудились архивариусы, МГА над «краткой выпиской» о службе Сергея Лазаревича Лашкарева, для чего, по их утверждению, они просмотрели множество материалов о сношениях России с Австрией, Турцией и Крымом, о российском консульстве в Молдавии, а также «дела о студентах, отправленных Коллегией иностранных дел в чужие края для изучения восточных языков в 1762 и 1763 и списки чинам Коллегии 1790-х лет». Но, увы, результаты оказались самыми минимальными. «Краткая выписка» начиналась такими словами: «Сергей Лазаревич Лашкарев вступил в службу в Коллегию иностранных дел в 1762 году, но, когда был послан в Константинополь для изучения восточных языков, из дел, сохранившихся в МГА МИД, не видно».

А вот один из вопросов С. С. Лашкарева: «При начатии первой Турецкой войны, когда посланник наш Обресков посажен был в крепость, Лашкарев с согласия Порты оставлен был при делах посольства. Точно ли было это согласие, кем и как оно изъявлено?» Или другой: «Во время военных действий между Россиею и Портою, кончившихся Кайнарджийским миром, не был ли Лашкарев послан в турецкий лагерь фельдмаршалом Румянцевым и в чем состояли поручения, Лашкареву данные?»

На эти и некоторые другие «вопросные статьи» ответа не последовало.

Можно представить себе, как обескуражен был Сергей Сергеевич. Позднее, в 1849 г., он поднялся еще на одну ступеньку служебной лестницы, вступив в должность члена Совета министерства иностранных дел. Вероятно, такое повышение как-то подействовало на князя Оболенского: неожиданно 8 марта 1851 г., т. е. спустя пять лет (!), он сообщил Сергею Сергеевичу несколько дополнительных сведений об отце, указав, что за последние годы при разборе и приведении в порядок дипломатических бумаг, относящихся к царствованию Екатерины II, появилась-де такая возможность. В Петербург были направлены копии только четырех документов, которые, конечно, погоды не делали. И всё.

Однако последнюю точку в деле 539 поставил С. С. Лашкарев, он счел необходимым ответить на столь запоздалый, к тому же и весьма слабый знак внимания. В небольшом письме к Оболенскому мы находим такие слова: «Примите искреннейшую мою благодарность за доставление этих любопытных бумаг» (*ЦГАДА, д. 539, л. 1—21*).

Итак, МГА члену Совета министерства иностранных дел так и не открылся. Следовательно, необходимых документов для написания книги о своем отце С. С. Лашкареву собрать не удалось. Почему так случилось? Точный ответ дать трудно, можно лишь строить догадки на этот счет. Может быть, разобранные в свое время стараниями того же Сергея Сергеевича архивные дела периода царствования Екатерины II и Павла I и затем отправленные им же в Москву там на протяжении многих лет не были должным образом систематизированы. А возможно, все было проще: проявил небрежность в работе или даже некомпетентность архивариус, которому поручено было сделать разыскания и выписки о службе Сергея Лазаревича Лашкарева. Нельзя полностью исключить и такого предположения: а что, если князь Оболенский разделял взгляды на работу архива своего предшественника, известного историка-археографа акад. А. Ф. Малиновского, которому современники приписывали такое парадоксальное высказывание: «Архив до тех пор интересен, пока неизвестен?»

Так или иначе, несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, небольшая биография С. Л. Лашкарева благодаря

усилиям его семьи написана была. Поскольку в середине 50-х годов XIX в. тайный советник С. С. Лашкарев стал часто хворать, то на семейном совете решено было, что брошюру напишет его сын, тоже Сергей Сергеевич. И внук Сергея Лазаревича, основываясь на домашнем архиве Лашкаревых (заманчиво было бы узнать, где же он находится ныне да и вообще сохранился ли), успешно выполнил эту работу. Обращаться в МГА он не решился, хотя некоторые данные о своем деде, полученные отсюда в свое время его отцом, он использовал. Брошюра была издана в Петербурге в 1858 г. накануне 120-летия со дня рождения С. Л. Лашкарева. Неизвестно, довелось ли ее увидеть сыну Сергея Лазаревича, который скончался в том же году.

На последней странице обложки читаем: «Цензор И. Гончаров». Да, по случайному совпадению цензором книжки оказался известный русский писатель, с которым, кстати, литератор Лашкарев-младший мог быть знаком лично. На этой же странице обложки, внизу, указано, что брошюра отпечатана «в типогр. штаба отдельн. корпуса внут. стражи».

Надо сказать, книжка написана хорошим литературным языком в стиле имевшей в те годы хождение так называемой житейной литературы.

Отмечая удивительную скромность Сергея Лазаревича, автор особо подчеркивает, что он никогда «вообще не говорил о подвигах своей службы и жизни». Мы узнаём, что во время нахождения в турецкой столице (в войну 1768—1774 гг.) Сергей Лазаревич сочувственно относился к освободительному движению греческих патриотов, что он «имел влияние на бывшие тогда волнения в Эпире и в Греции, за что не раз подвергался грубостям и неистовствам турецкой черни, подозревавшей его тайные сношения: неоднократно он был в опасности лишиться жизни...»³.

К сожалению, в брошюре встречаются некоторые неточности. Например, автор, основываясь на данных, полученных его отцом из МГА, утверждает, что Лашкареву удалось ввести военный фрегат «Северный орел» в Дарданеллы 14 ноября 1776 г. Однако это событие произошло значительно позднее — 19 января 1777 г. Досадно, что и здесь не упоминается, в каком месяце 1762 года Лашкарев был зачислен студентом Коллегии.

...Пытаемся найти другой документ, который, как и исчезнувшая челобитная, мог бы пролить свет на интересующий нас вопрос. Хорошо известно, что, когда в Коллегию принимали на службу нового человека, тот, независимо от своего чина, обязан был принимать присягу. Материалы архива дают нам возможность сегодня реконструировать саму процедуру приведения к присяге в Коллегии. Непосредственный начальник вручал вновь принятому чиновнику печатный экземпляр присяги и приказ Коллегии иностранных дел... священнику. С этими документами такой чиновник отправлялся в близлежащую от здания Коллегии церковь.

Вот, например, какую бумагу предъявили священнику одноклассники Лашкарева братья Яблонские: «Из Государственной Коллегии иностранных дел церкви Вознесения Господня священникам. По ее императорского величества [Елизаветы Петровны] указу надлежит вам по приложенному при сем печатному экземпляру привести к присяге новоопределенных в оную Коллегию студентов Петра да Николая Яблонских...» (ф. ВКД, разр. 27, 1755 г., д. 25, л. 8).

Значит, надо попытаться найти «присяжной лист» Лашкарева, тем более что почерк его за время архивных поисков стал хорошо знаком. Правда, со времени присяги минуло более 220 лет! На всякий случай заказываю дело с подобными документами. И вскоре у меня на столе оказывается пухлая папка из «архивной целины». Медленно перелистываю одинаковые полулисты белой бумаги (они еще не пожелтели!) с типографским текстом присяги, внимательно всматриваюсь в многочисленные подписи — от них скоро начинает мельтешить в глазах. Редкий по своей «монотонности» архивный том. И вдруг — стоп! — лист 255... неужели то самое клятвенное обещание? Характерный нервный, «некаллиграфический», бегущий почерк, буквы врзлет. Да, это и есть экземпляр присяги Лашкарева. Он начинается следующими словами: «Аз, нижепоименованный, обещаю и клянуся всемогущим Богом пред святым его Евангелием, что хочу и должен моему природному и истинному всепресветлейшему державнейшему великому государю императору Петру Феодоровичу самодержцу всероссийскому...»

Внизу листа торопливой рукой написано: «У се присяги Государственной Коллегии иностранных дел студент Сергей Лазарь сын Лашкарев был и подписуюсь». (Это самый ранний автограф Лашкарева, хранящийся в архиве.) И еще ниже: «К присяге приводил синодальной Харитоньевской церкви священник Иосиф Зеленский 1762 году апреля 16 дня» (ф. ВКД, 1760—1767 гг., д. 5529, л. 255).

Итак, Сергей Лашкарев все-таки успел присягнуть Петру III. Именно успел, потому что через несколько недель ему придется убедиться, сколь непрочным оказался трон этого самодержца, о котором в одной из своих лекций акад. Е. В. Тарле сказал: «...в июне 1762 г. с низвержением Петра III с престола сразу же окончились безумные фантазии этого хронически пьяного немца...»⁴

Между поступлением на службу в Коллегию (сначала в качестве студента) и принятием присяги проходило обычно две-три недели. Значит, скорее всего Лашкарев был зачислен студентом в конце марта 1762 г.

А теперь попытаемся выяснить, откуда «есть пошли» русские драгоманы.

В Коллегии иностранных дел еще при Петре I уделялось большое внимание обучению студентов «ориентальных языков» — будущих драгоманов. Во второй половине XVIII в. их

подготовка велась уже более целенаправленно, постепенно обретая контуры определенной системы. Кого же зачисляли в студенты Коллегии? Как и где проходило их обучение? Как подбирались преподаватели? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сделать небольшое отступление.

Еще в XVII в. при Посольском приказе, который ведал внешней политикой России, сложился определенный штат толмачей и переводчиков. Первые предназначались для устных переводов. Квалификация вторых, выполнявших письменные переводы, была более высокой⁵. По знанию языков первоначально переводчики разделялись на «переводчиков латинских, с европейских языков, фарсовских (персидских), арабских, турецких, грузинских, татарских». Все поступающие в Посольский приказ переводчики, как и другие служащие этого учреждения, должны были принимать присягу. Переводчик присягал в том, что будет «всякие государские дела переводить вправду, и с неприятели их государскими тайно никакими письмами не ссылаться, и мимо себя ни через кого писем не посылать»⁶.

В петровскую эпоху переводчики Посольского приказа использовались и для перевода различных книг на русский язык. Переводы делались в основном по инициативе и под непосредственным наблюдением самого Петра I. Он внимательно следил за тем, чтобы книги не перегружались лишними сведениями, которые могли оказаться в оригиналах, и в этой связи писал: «Понеже немцы многими рассказами негодными свои книги наполняют для того, чтобы велики казались,—чего переводить не надлежит»⁷. Государь заботился также о стиле и точности переводов. Например, в одном из государственных указов подчеркивалось: «Переводчики должны иметь художество и языки, а не имея того художества, о котором переводит, перевести правильно не может»⁸.

В 1700—1701 гг. была сформирована походная канцелярия при Петре I, которая занималась главным образом иностранными делами. С 1710 г. местом пребывания этой канцелярии стал Петербург, где для нее в том же году рядом с домом князя Меншикова было построено здание. Спустя десять лет в нем был произведен небольшой ремонт, о котором в архивном деле «О починке в Иностранной Коллегии печей» читаем: «В секретной экспедиции в двух палатах — в одной, где сидят секретари и подьячии, в другой, где переводчики, — в печах своды обвалились...» (ф. ВКД, 1721 г., д. 1992, л. 3).

Разумеется, здесь важна не сама по себе информация о неисправных печах. Небезынтересно другое: у переводчиков была своя палата, притом упоминаются палаты в этом деле с соблюдением «табели о рангах» — переводчики следуют после секретарей и подьячих.

Эти же переводчики, или по крайней мере некоторые из них, буквально через несколько месяцев, в сентябре 1721 г., подают коллективную челобитную Петру I, из которой видно, как труд-

но им жилось. Вот ее текст: «Державнейший царь государь милостивый. В прошлом году в Государственную Иностранных Дел Коллегию подано наше, нижепоименованных вашего величества рабов, всеподданнейшее прошение о предьявлении нам всемилостивейше на покупку или на строение дворов дачи, которою многие в помянутой Коллегии подчиненные уже и пожалованы, но на оное наше прошение по се число никакова решения получить не удостоиваемся, и яко не имущие, кроме определенного годового жалованья никаких доходов, ниже деревень, к нужному здешнею дороговизною пропитанию толь несносную нужду претерпеваем, ето как женатые, так и неженатые. Нанимая квартиры дражайшею ценою и собственными деньгами, в великие долги впали. А ныне, государь, на Васильевском острове суть готовые деревянного строения дворы. А имянно французская слобода, которая строена казною вашего величества и еще не в роздаче. А нам, рабам Вашим, когда на оном острове высокопомянутая Иностранных Дел Коллегия строитца будет, без домов пробавитца невозможно, а собственных построить не в состоянии есмы... Вашего величества нижайшие рабы Государственной Коллегии разных языков переводчики. Сентября 6 1721 году». Подписи 11 человек (ф. ВКД, 1721 г., д. 1993, л. 1—2).

Как видно из приведенного выше текста, это была уже вторая челобитная, на которую, по-видимому, ответа также не последовало. Во всяком случае, никакой резолюции в деле не имеется.

Правда, годом раньше, 17 августа 1720 г., Петр I подписал указ, адресованный московскому вице-губернатору И. А. Воейкову, о предоставлении квартиры учителю восточных языков мулле Зеки и его ученикам. В этом документе Воейкову предписывалось отвести «для постою двор с каменным строением в Китае или Белом городе, чтоб ему было где самому жить и русских школьников обучать без утеснения» (ф. ВКД, 1720 г., д. 149, л. 1).

Персиянин мулла Зеки прибыл в Москву в 1718 г. по приглашению русского посланника в Персии Артемия Вольтинского. В следующем году у Зеки обучалось двое учеников — Сенюков и Чегодарев, которым велено было, как сказано в одном документе, «для обучения ориентальных языков давать кормовых по 3 рубля на месяц человеку» (ф. ВКД, 1723 г., д. 1054, л. 3—3об.).

Любопытно, что спустя несколько недель после обнародования царского указа от 17 августа 1720 г. мулла Зеки написал в Посольский приказ о своем желании перейти в христианскую веру (ф. ВКД, 1720 г., д. 999, л. 1).

Вместе с общей реформой центрального управления Петр I создает в 1718 г. Коллегию иностранных дел и по этому поводу собственноручно пишет следующее предписание: «К делам иностранных служителей Коллегии иметь верных и добрых,

чтоб не было дыряво, и в том крепко смотреть, и отнюдь не определять туда недостойных людей или своих родственников, особенно своих креатур. А ежели кто непотребного в оное место допустит или ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, те будут наказаны яко изменники»⁹.

При вновь созданной Коллегии имелась специальная «ориентальная экспедиция», в ведении которой были «дела на восточных языках».

В 1724 г. был предъявлен «во всемилостивейшее рассуждение» новый проект, названный «Предложения к сочинению штата Коллегии Иностранных Дел» и составленный А. И. Остерманом. Предлагалось, в частности, для изучения восточных языков «держатъ» на Востоке учеников, но только таких, которые имеют хорошие познания в латинском языке, «понеже латинский язык есть фундамент изучения всех прочих языков». По проекту следовало отправлять за границу «канцелей-юнкеров» на их собственный счет, без жалованья¹⁰.

По повелению Петра I в октябре того же года был направлен в Османскую империю Александр Иванович Румянцев, и тогда же был издан указ Сената о направлении в Константинополь «ради обучения турецкого языка из шляхетства несколько молодых людей... летами в тринадцать или четырнадцать... при посылке бригадира и гвардии маэора Румянцева»¹¹.

И действительно, при русских миссиях в странах Востока стали «держатъ» учеников, для которых были выделены специальные штатные места. Поначалу они не всегда полностью заполнялись. Характерный пример. В обнаруженной «окладной ведомости» на 1723 г. русской миссии в Константинополе были «ныне налицо» (цифры означают ежегодное жалованье в рублях):

«Иван Неплюев — 3000
Священник есть, а имени неведомо — 100
Переводчик Антони Марини — 350
Переводчик Григорий Мальцов — 350
Ученик Федор Сетуков — 200».

По штату же Русской миссии в Константинополе положено было иметь четырех учеников.

В этой связи определенный интерес представляет донесение русского резидента в Османской империи И. И. Неплюева Петру I, в котором он сообщал (в том же 1723 г.), что при нем в Константинополе живет полгода «галерной эскадры капитана командора господина Демьянова сын Иван Демьянов, который желает принять вашего императорского величества службу в ученики здешних переводческих дел». И далее: «Ежели вашего величества соизволение на то будет, может он турецкий язык свободно принять, понеже доволен других языков и того ради потребен для всяких нужд». В этом же документе И. И. Неплюев, пользуясь случаем, высказывает пожелание иметь при

миссии для пользы дела одного-двух учеников сверх штатного расписания, поскольку в процессе учебы случается отсев: «Доношу вашему величеству истину, и паче ежели изволите приказать прислать ево в Коллегию и освидетельствовать и сие будет интересу вашего величества в пользу, чтоб больше учеников иметь, хотяб пять или шесть человек училось, ибо не могут все в перфекцию придти, равно как и при протчих министрах» (ф. ВКД, 1723 г., д. 1052, л. 3об.— 5).

Заметим, что спустя полвека, когда в Константинополе изучал языки Сергей Лашкарев, при русской миссии одновременно занималось от четырех до шести студентов.

В 1724 г. (как это видно из выписки «о служителях Коллегии Иностранных Дел, которые по табели 1723 года и по особливим его императорского величества именным указам состоят в штате, и обер-офицерских рангах, и с которого времени при Коллегии в службу определены, и в настоящие чины пожалованы») в Царьград был послан ученик Константин Репикин. В этом документе о нем сообщаются следующие данные: «В 1724 году взят из Московской Академии и послан в Константинополь, и тамо, будучи при российских министрах (послах.— Г. К.), из учеников в переводчики произведен 1-го мая 1734 года».

Но не у всех учеников Коллегии складывались обстоятельства так благополучно, как у упомянутого Репикина. Так, в том же деле о Степане Писареве читаем: «Сперва в 1726 году взят при российском посольстве в Китай и был тамо учеником и канцеляристом и по возвращении оттуда в 1730 году обреталяся у дел канцелярии Правительствующего Сената...» (ф. ВКД, 1740—1789 гг., д. 103, л. 3).

Как-то туманно сказано, что Писарев был в Китае «учеником и канцеляристом». Да и возвратился он оттуда сравнительно быстро. Однако все разъясняет его послужной список, в котором приводятся более подробные сведения о нем: «Секретарь Степан Иванов сын Писарев с 1725 года, а именно взят он в том году по Указу из Московской Еллино-Греческой школы отправляющимся тогда чрезвычайным посланником графом [Рагузинским-] Владиславичем в Китайское государство для оставления в тамошнем столичном городе Пекине студентом к обучению тамошних языков с определением жалованья по двести рублей в год, но за воследовавшею по делам того посольства в канцелярских служителях нуждою студентом он тамо между протчими не оставлен, а употреблен от него, графа Владиславича, в канцелярской должности...» Всего же в Пекин с 1728 по 1770 г. «для обучения тамошним языкам» из Петербурга было отправлено 13 учеников (там же, л. 31).

В 30-х годах XVIII столетия в связи с расширением международных связей со странами Востока возникла необходимость открыть при Коллегии иностранных дел специальную школу восточных языков для подготовки драгоманов. С этой целью

вице-канцлер А. И. Остерман в 1731 г. приглашает из Берлина в Петербург известного в то время востоковеда Георгия Якоба Кера. Родился Кер в Шлезингене в 1692 г., успешно изучал восточные языки в Галле, в 1722 г. получил в Лейпцигском университете звание магистра.

4 ноября 1731 г. полномочный министр Михаил Петрович Бестужев выдал Керу в Берлине паспорт для свободного проезда в Россию, и в январе следующего года Кер прибыл в Петербург. А в марте 1732 г. был заключен контракт, по которому Георгий Яковлевич (так называли Кера в России) поступил переводчиком арабского, персидского и турецкого языков в Коллегию иностранных дел с обязательством обучать этим языкам русских юношей. Ему положили 400 руб. ежегодного жалованья да сверх того по 100 руб. наградных за каждого в совершенстве обучившегося студента.

В июне 1732 г. из московской Славяно-греко-латинской академии (школы) по требованию Коллегии иностранных дел в Петербург прибыли для изучения «ориентальных языков» у «императорского профессора восточных языков» Кера шестеро учеников: Сергей Яковлев и Петр Чекалевский — сыновья подьячих, Петр Воронин — сын церковного сторожа, Василий Братищев — сын церковника, Федор Черницын — сын иконописца, Петр Щукин — сын «купецкого человека». Они были переведены в Петербург с тем же скудным содержанием, которое отпускалось им в Москве — 8 коп. в день. Студенты вынуждены были обратиться с челобитной к императрице Анне Иоанновне о назначении им годового жалованья, однако решение по этому ходатайству принято не было. Крайняя нужда во всем необходимом не могла не сказываться на их учебе. К тому же их подолгу, «через целые месяцы», по выражению проф. Кера, отрывали от занятий «посторонними делами и комиссиями». Их «отяготили перепискою курантов, переведенных на русское», часто использовали как рассыльных, отчего у них «бедных... платье дерется и обувь топчется». В своем донесении по этому поводу в Коллегию Кер просит освободить его студентов «от сих препятствий и иных, впредь имеющих случиться... отчего более мысли и веселости к успеху в науке им придается. Ибо и один арапский язык целого мужа и всех лет его требует». Программа учебных занятий в школе проф. Кера была очень напряженной — по восемь часов ежедневно, и студенты были «отягощены гораздо», заканчивая учебу в девять вечера.

Г. Я. Кер, как свидетельствуют документы, весьма серьезно относился к своим обязанностям и, сколько мог, заботился о своих учениках. Об этом лишней раз свидетельствуют и вновь обнаруженные архивные материалы. В них речь идет об одном из лучших учеников, Петре Чекалевском (до обучения в коллежской школе он проживал с матерью в Москве). Однажды, в марте 1733 г., он получает письмо из дому. В нем мать слезно просит сына исходатайствовать на несколько недель отпуск для

поездки домой: у нее возникла тяжба с неким капитаном Масловым, который после смерти главы семьи Чекалевских «на² сильно» завладел принадлежащей им деревенькой в Тамбовском уезде.

10 марта Чекалевский в челобитной на имя императрицы Анны Иоанновны сообщает о случившемся и пишет, что ему «ныне быть в Москве есть необходимая нужда». Затем он обращается за помощью к своему учителю, без согласия которого вообще не может идти речь об отъезде. Кер не возражает, хотя знает, что подобные отпуска предоставляются весьма неохотно, да и то лишь при обстоятельствах исключительных. А по его мнению, резоны его ученика выглядят не очень убедительно. И профессор «ориентальных языков» для своего донесения в Коллегию придумывает совершенно новую версию случившегося: «Я, нижеподписавшийся, рассуждаю, что студента турецкого, персидского и арабского языков господина Петра Чекалевского за опасною матери его болезнью на шесть или семь недель отпустить можно с матерью своей перед кончиною ея повидаться и говорить». Далее: Чекалевский получил учебное задание и «по обещанию своему» «на дороге и у матери своей прилежно твердить будет», а учебный материал, который будет пройден с учениками в его отсутствие, он «скоро и с прилежанием по моему показанию нагонит». После такого заверения Кер, желая усилить свою аргументацию, указывает, что в отсутствие Чекалевского новых уроков вообще будет мало, поскольку «и без того ныне разные праздники приспевают».

Донесение это, посланное через несколько дней в догонку челобитной, произвело, видимо, на коллежских чиновников должное впечатление: 19 марта 1733 г. был подписан указ «ея императорского величества» Коллегии иностранных дел, по которому предписывалось Петру Чекалевскому «с позволения профессора Кера отпустить в Москву». В челобитной студент просил дать ему «проезжий указ, а на сколько времени, о том как вашего императорского величества милостивым указом повелено будет». Было «повелено» «сроком майа до третьяго числа сего 1733 года», т. е. ученика отпускали на время, указанное в донесении Кера. С Чекалевского была взята подписка со следующим текстом: «Вышеписанное определение Петр Чекалевский читал и на показанной срок возвратиться повинен». Получив «пашпорт» и подорожную, он отправился в Москву (ф. ВКД, 1733 г., д. 1198, л. 1—4).

Так и хранятся рядышком два документа в одном архивном деле: челобитная «нижайшего раба» Чекалевского, которую в Коллегии, видимо, не удосужились прочесть, и донесение проф. Кера, по которому и была учинена «надлежащая резолюция».

В 1734 г. Чекалевский и Братищев были отправлены в Персию для усовершенствования своих знаний в персидском языке, и у Кера осталось только четыре студента. Оставшиеся сту-

денты кое-как дотянули до января 1737 г., подав затем в Коллегию прошение освободить их от изучения восточных языков, так как на то требуется «природная своих стран практика»¹².

Работая в Коллегии иностранных дел, проф. Кер также выполнял двоякого рода переводы — персидских и турецких трактатов на родной немецкий язык и с русского, при посредстве немецкого, на восточные языки.

В 1733 г. он написал на латыни проект «Учреждения Восточной Академии в С.-Петербурге», необходимой для «ближайшего изучения восточных языков». Обосновывая важность создания академии, Кер подчеркивал, что Российская империя находится в постоянных сношениях с турецким султаном, крымским ханом, персидским шахом, с владетелями кабардинскими, черкесскими, дагестанскими, ширванскими, бухарскими, а «по временам с императором Восточной Индии, называемом обыкновенно Великим Моголом». Профессор объяснял, что для этого нужны «переводчики грамотные и ученые, знакомые с правилами герменевтики... которые бы все писанное по-арабски, по-персидски, по-турецки и по-татарски могли переводить и изъяснять точно, отчетливо, верно и изящно, потому что малограмотные переводчики, чуждые знания герменевтики, могут иногда столь ошибочно передать значение какого-нибудь важного слова, что ошибка их поведет к несогласию и даже разрыву между двумя государствами».

Кер считал также необходимым готовить такую категорию чиновников, как «письмоводцы и чистописцы, или секретари восточные, которые бы не только умели разбирать всякого рода почерки турецкие, персидские и арабские, но и сами были опытные и искусны в составлении писем и переписке их каллиграфически». Кроме того, по мнению профессора, нужны также «переводчики устные, или так называемые толмачи, которые могли бы вести ученую беседу с посланцами по-арабски, по-турецки или по-персидски о словесности, истории, географии». При этом Кер заверял, что если возникнет такое учреждение, как «Академия или Общество восточное», и оно будет поддерживаться «в цветущем состоянии... то немалая произойдет от того польза и слава для Империи». Он указывал, что для создания подобной академии имеются «при Императорской Коллегии знающие азиатские языки секретари, переводчики и толмачи», как то:

а) для турецкого и татарского языка: секретарь Сүда, весьма знающий турецкий язык; переводчик Синевич, отлично говорящий по-турецки; Мустафа Ахмед, знающий письменно и устно турецкий язык; Муртаза-Тевкелев;

б) для арабского, персидского, турецкого, сирско-халдейско-самаританско-пунического, эфиопско-абиссинского, греческого и латинского языков: Георгий Кер — императорский профессор восточных языков.

Равным образом:

в) для языков и письмен калмыцко-монголо-маньчжурских и

китайских: Теофил Зигфрид Байер — профессор древностей при Академии и Бу[рк]харт — блестящий молодой человек, недавно возвратившийся в С.-Петербург из императорской китайской столицы Пекина; также секретарь посольства Бакунин и переводчик для калмыцкого языка Петр Смирнов» (там же, с. 101—107).

Несмотря на то что Коллегия в то время располагала столь опытными специалистами, проекту Кера не суждено было осуществиться. Почти 100 лет спустя проект министра просвещения С. С. Уварова о создании Академии восточных языков тоже остался только на бумаге.

Вернемся, однако, к ученикам Кера, которые были посланы в Персию. Братищев стал опытным переводчиком и одно время исполнял должность резидента в Персии. Чекалевский дослужился до чина надворного советника. В сентябре 1763 г. в челобитной он писал: «В высочайшей службе вашего императорского величества при Государственной Коллегии Иностранных Дел нахожусь я, нижайший, с 1732 года, которую начал обучением персидского языка, и для того послан был в 1734 году в Персию, откуда выехал в Россию в 1740 году при великом персидском посольстве, будучи определен к оному для переводов...» (ф. ВАД, 1762—1765 гг., д. 4, л. 1).

Во время своего пребывания в Персии в должности консула он оказал большое содействие в изучении персидского языка Илье Шубину, направленному туда из Коллегии в 1753 г. Шубин пробыл в Персии шесть лет, и в 1759 г. Чекалевский отвез его в Астрахань (вернее, в Астраханское училище восточных языков), где он был «оставлен с прочими учениками при тамошней губернской канцелярии для обучения». В 1763 г. Шубин направляется в Персию переводчиком, а спустя десять лет «по надобности в нем для помянутого языка, — написано в его послужном списке, — взят был он, Шубин, в реченую Коллегию, и в бытность его при оной исправлял он все персидские переводы и действительно служил по знанию своему» (ф. ВАД, 1784 г., д. 11, л. 224—224об).

В Коллегии «усердно и ревностно служит по знанию своему» и надворный советник Алексей Леонтьев, который «переводит с китайского и манчжурского на российский язык, а с российского на манчжурский». В 1739 г., когда С. Л. Лашкарев только родился, Леонтьев был взят из «московской славяно-греко-латинской школы», направлен в Петербург и зачислен студентом при Коллегии иностранных дел. Два года он изучал манчжурский язык у служившего тогда при Коллегии «крещеного китайца Джюги», у него научился «на сем языке читать, писать и несколькими вокабулам и простым разговорам». Как же первоначально обучался Леонтьев «на сем языке»? Узнать некоторые не лишние интереса детали помог случай. В одном из дел фонда «Внутренние коллежские дела» оказался необычный документ — преподавательский журнал, озаглавленный «Ведо-

мость в которые числа и месяцы ученики Алексей Леонтьев и Александр Каняев обучались манчжурскому языку и письму и в которые не обучались и для чего». Чуть ниже на обложке читаем: «Учитель Федор Джого».

Обыкновенный на первый взгляд журнал учета занятий: добротная плотная бумага, аккуратно разлинованные, правда от руки, страницы. Первая запись в нем сделана в начале августа 1739 г., последняя — в конце февраля 1740 г. Значение такого документа трудно переоценить: ему без малого 250 лет, и в каждой заполненной в нем строке важная для нас информация — дата и тема урока. Кстати, здесь есть даже графа «день недели». Например: «2 августа [1739 г.] — Обучение азбуке и письму — Четверк».

Редкая и неожиданная возможность как бы слегка прикоснуться к конкретной методике обучения восточному языку в середине XVIII столетия. Приведем несколько записей, сделанных в этом журнале Федором Джогой, но заполненных Леонтьевым (это видно по его почерку) под диктовку учителя (дни недели опускаем):

«9 августа [1739 г.] — Обучались вокабулам, как что назвать.

2 октября — Что учили — твердили и наизусть говорили вокабулы.

29 октября — Переводили вокабулы с манчжурского на русский язык.

8 декабря — Переводили с манчжурского на русский язык.

14 января [1740 г.] — Писали по-манчжурски для учения письма и читали.

11—12 февраля — Масленица.

21 февраля — Твердили большую книгу всю наизусть.

23 февраля — Твердили всю наизусть ее ж и говорили мне.

26 февраля — Переводили с манчжурского на русский язык 20 листов» (ф. ВКД, 1739—1740 гг., д. 1325, л. 1—5).

Порой мелькала в журнале и такая запись: «В школе». Это, очевидно, означало, что в этот день языковых занятий вообще не было, а проводились уроки истории, географии и других предметов.

Затем, до отправления в китайскую столицу в 1742 г. с двумя школьными соучениками «для обучения двух языков — китайского и манчжурского», Алексей Леонтьев «употребляем был в Коллегии в писании дел, принаучился стилям и приказному порядку».

В Пекине он пробыл долго — 13 лет, и, как написано в послужном списке, «тамо будучи, он оказал прилежность в учении и ревность к Отечеству; *прилежность видна* в удостоении его по богдыханскому указу тамошними учителями во учителя обучать их учеников российскому языку и быть при трибунале у переводов с российского языка, с чем и жил он тамо до возвращения своего в Россию; *ревность видна* на присланном в Колле-

тию из Пекина доношения его, которое содержит важность, касающуюся до императорских обоих государств титулов, о чем до его доношения не могло быть в Коллегии известно».

В 1756 г., возвратившись на родину, Леонтьев усиленно занимается переводами. Так, им был переведен на русский язык «оригинальный китайский трактат, и переводом своим во время случившейся между Коллегией и трибуналом об одном трактатном положении переписке оказал Коллегии в трактатах несходство, что спорное трактатное положение в китайском оригинальном трактате есть, в латинском и российском оригинальных трактатах нет (но сии суть в самом деле переводы с китайского трактата). О чем до него в Коллегии так и не было известно» (ф. ВКД, 1740—1789 гг., д. 103, л. 30—31; разр. 27, 1762 г., д. 30, л. 2).

Следующие шесть лет отражены в послужном списке Леонтьева на удивление скупо. Почему? Ответ на этот вопрос находим в другом архивном деле. Оказывается, по указу Сената он был в сентябре 1757 г. прикомандирован к Академии наук для перевода на русский язык «китайской в XVI томах состоящей истории», изданной в Китае в 30-х годах XVIII в.

1757 год... Ведь именно в это время в Петербургской Академии Наук активно трудится М. В. Ломоносов, без ведома которого вряд ли мог осуществляться перевод такого капитального труда, к тому же еще неизвестного в Европе. Именно это обстоятельство дало основание предположить, что в архиве хранятся первичные документальные материалы, относящиеся к такому важному начинанию и, возможно, подписанные великим ученым. Длительные поиски увенчались успехом: удалось обнаружить два автографа М. В. Ломоносова. Приведем полностью один из найденных текстов:

«Промемория № 1893

Из канцелярии Академии Наук в Государственную Коллегию Иностранных Дел. Сего сентября 1 дня в Канцелярию Академии Наук из оной Коллегии Иностранных Дел прислан китайского и манчжурского языка переводчик Алексей Леонтьев для перевода по силе Указа Правительствующего Сената купленной в Китае в бытность нынешняго каравана всему Китайскому государству истории; и требовано, чтоб объявленному переводчику Леонтьеву производиться жалованье по четыреста рублей в год и оной переводчик Леонтьев к переводу той истории определен, а о произвождении ему с присылки ево, то есть сентября с 1 числа, жалованья по четыреста рублей в год по окончании каждой трети в государственную статс-контору промемория послана; и Государственная Коллегия Иностранных Дел благоволит о том быть известна.

Сентября 10 дня 1757 год. Михайло Ломоносов» (ф. ВКД, разр. 27, 1756 г., д. 42, л. 13).

На верху документа запись о получении: «№ 1406. Получена сего сентября 10 дня 1757 году, записана».

Предшествующая этому официальному документу другая промемория по аналогичному вопросу, также адресованная в Коллегию иностранных дел и подписанная М. Ломоносовым и др., отправлена 15 мая 1757 г.¹³ Обращаемся к десяти tomному собранию сочинений М. В. Ломоносова. Этих документов там нет, не обнаружены они и в более поздних публикациях...

В Академии А. Леонтьев по заданию М. В. Ломоносова подготовил краткую справку о содержании предстоящего издания: «О происшествии манчжурского народа. О расположении оного и некоторых мунгал и китайцов на „8“ знамен, то есть дивизий, в военнoслужашие по ротам и по полкам. О установлении регламентов. О учреждении военных и штатских чинов и всех порядков. О герольдии. Кто за какую заслугу и каким именно указом чем пожалован. О разделении по дивизиям земель пашенных. О знатных учреждениях и знатных делах именные указы. Словом сказать, заключает в себе все манчжурское состояние и из многих дел и указов показывает форму всего их государственного правления» (там же, л. 6—7).

Перевод «Истории» был окончен в марте 1762 г. Напомним читателю, что именно в это время был принят студентом в Коллегию иностранных дел Сергей Лашкарев.

Ларион Россохин (см. выше, примеч. 13) перевел пять томов «Истории» (в русском переводе озаглавленной «Обстоятельное описание происхождения и состояния манчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»), а остальные — Алексей Леонтьев. Кроме того, он составил к этому изданию терминологический словарь и «сочинил с китайской географии ведомость о всех Китайского государства губерниях». Но этим его деятельность в то время не ограничивалась. Сам Леонтьев писал, что одновременно, «сверх сего», он исправлял должность переводчика в Коллегии иностранных дел, где переводил «бываемыя китайския листы» (там же, л. 16—16 об).

Указом Сената от 7 августа 1762 г. А. Л. Леонтьев за заслуги по переводу китайской истории был произведен в чин «первых трех коллегий секретаря». Затем он, к тому времени уже известный синолог, узнав, что в школе переводчиков при Коллегии иностранных дел открылась вакансия преподавателя китайского языка, решает подать челобитную о назначении его на эту должность. Прошение было не совсем обычным: ведь Леонтьев знал, что в школе, как правило, преподавали выходцы из тех стран, языки которых изучали студенты (сегодня таких преподавателей называли бы «носителями языка»). Однако в порядке исключения просьба Леонтьева была удовлетворена, и он вернулся преподавателем в ту же школу, где когда-то сам начинал изучение китайского языка.

В 1762 г. были приняты в Коллегию переводчиками Федор Эмин и Яков Булгаков, с которыми вскоре познакомился Сергей Лашкарев. О них речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что спустя два десятилетия волею судеб Лашкарев и Булгаков встре-

тятся в Константинополе, станут близкими друзьями и останутся ими на всю жизнь.

В одном из архивных фондов посчастливилось обнаружить официальное письмо, направленное «марта 15 дня 1762 года»¹⁴ в Коллегию известным государственным деятелем, первым куратором Московского университета Иваном Ивановичем Шуваловым, которого современники называли «российским Меценатом». Он уведомлял, что «обучающийся в Императорском Московском Университете студент Яков Булгаков, который, с 1755 года начав свое учение продолжать с первых оснований, и обучался вышним наукам, философии, красноречию Российского языка, математике и экспериментальной физике, истории, географии, французскому и итальянскому языку с крайнею ревностию и отменным прилежанием». И далее: «...Императорский Московский Университет, усмотря в нем особливую склонность в [ис]правлении переводческой должности, за наилучший способ находит об оном Булгакове в Государственную Коллегию Иностраных Дел представить и рекомендовать как об ево знании вышеозначенных учений, так и честных поведениях» (ВКД, разр. 27, 1762 г., д. 12, л. 1).

Такая рекомендация И. И. Шувалова произвела должное впечатление в Петербурге: уже 24 марта именным указом Яков Булгаков был зачислен переводчиком Коллегии иностранных дел России (там же, л. 3).

«Стат» коллежской школы в то время был небольшой: несколько преподавателей и менее десяти учеников «ориентальных языков». Неудивительно, что Леонтьев вскоре заметил любознательного Сергея Лашкарева. Несмотря на значительную разницу в возрасте, они подружились. Юноша, должно быть, частенько расспрашивал много повидавшего на своем веку учителя о далеком и неведомом ему Китае, о его переводческой работе и встречах с Ломоносовым, а сам Леонтьев, вероятно, не раз с благодарностью вспоминал своего первого учителя Федора Джогу...

Любопытная деталь: в совершенно другом архивном фонде на клочке бумаги обнаружилась не совсем обычная расписка этого учителя. Текст ее сочинен одним коллежским чиновником, зато подписана она самим Федором Джогой. Вглядываясь в эти скачущие в разные стороны корявые буквы, и невольно создается впечатление, будто они упорно не хотели ложиться на бумагу. Все же содержание этого полностью приводимого ниже документа, составленного в 1742 г., и сегодня представляет для нас определенный интерес: «В Коллегии Иностраных Дел вышеобъявленные присланные при указе из Правительствующего Сената на японском языке письма объявлены были китайцу Федору Джогу, который, посмотри их, сказал, что их перевести он, Джогга, не может» (ф. ЯПД, 1742 г., д. 1, л. 4).

А произошло следующее: каким-то неведомым образом, возможно, после одного из кораблекрушений у берегов Кам-

чатки, в Сенат попали «два письма и один листок японские». Там их прочесть не смогли и отправили «для переводу» в Коллегию иностранных дел. Но коллежские чиновники «за неимением того языка переводчика» поспешили эти материалы вернуть обратно в Сенат. Но не тут-то было: там порешили снова отправить материалы на японском языке в Коллегию, но на этот раз при указе «ее императорского величества». Вот тогда чиновники Коллегии для своего оправдания и заготовили приведенную выше расписку. А чтобы каким-то образом выйти из такого щекотливого положения (указ надо выполнять!), они, в свою очередь тоже сославшись на указ императрицы Елизаветы Петровны «из Государственной Коллегии Иностранных Дел» от «1742 года сентября 22 дня», засылают эти документы за тысячи верст от Петербурга — в Сибирскую губернскую канцелярию. Указ предписывал, «чтоб в переводе тех писем она канцелярия имела старание и когда переведены будут, то б оные и с переводом отосланы были в Правительствующий Сенат, и о том для ведома в Коллегию иностранных дел репортовать».

Через пять месяцев из Тобольска был наконец отправлен в столицу «Репорт о действительном исполнении по присланному указу», в котором сообщалось, что полученные из Петербурга бумаги на японском языке были показаны местному муфтию, но последний, «посмотря те письма, сказал, что знает-де он языки и грамоту татарскую, арапскую, персицкую, а объявленные письма на каком языке писаны, того он не знает» (*там же*, л. 3—3 об., 7—7 об.). Словом, круг замкнулся. И неудивительно: островная Япония тогда находилась еще в глухой самоизоляции, и по этой причине Россия не поддерживала с ней каких-либо связей, а значит, в указанное время не оказалось человека, знающего японский язык. Приведенный курьезный случай — лишнее тому подтверждение. Правда, еще в 1705 г. при Петербургской мореходной математической школе все же было начато изучение японского языка.

Зато переводчиков высокой квалификации по другим восточным языкам в 40—50-х годах XVIII в. в Коллегии иностранных дел готовили весьма успешно, несмотря на то что студенты «ориентальных языков» испытывали нужду в учебниках и учебных пособиях, особенно в словарях и грамматиках. Впрочем, и значительно позднее эта проблема полностью решена не была. Правда, в Коллегии внимательно следили за появлением подобных изданий за границей и не жалели денег на их выписку. Об этом, в частности, свидетельствует и архивный документ «О покупке в Лондоне персицкого и арабского языка лексиконов и грамматик». Примечательно, что письмо к русскому послу в Лондон (от 24 апреля 1778 г.), которому поручалось приобрести такие учебные пособия, было направлено по личному распоряжению канцлера графа Н. И. Панина.

В этом письме указывалось «выписать новонапечатанные»

в Оксфорде книги, а «именно лексикон персический и арабский и грамматику одну арабского, а другую персического языков, о которых публиковано в аглицких газетах, называемой „The London chronicle“, от 28 февраля под № 3313, каждой книги по два экземпляра». Этот заказ был выполнен для того времени весьма быстро: уже в июне 1778 г. советник русского посольства Лизакевич уведомил Коллегию, что заказанные издания закуплены и отправлены в Петербург (ф. ВКД, 1774—1783 гг., д. 5021, л. 166—168).

В подобных пособиях, разумеется, нуждались и другие петербургские ведомства. Так, годом раньше начальник Артиллерийского инженерного шляхетского кадетского корпуса генерал-инженер Михаил Иванович Мордвинов обратился со специальным прошением в Коллегию иностранных дел о «выписании из Константинополя и из Персии... потребных по приложенному реестру для обучающихся в учрежденной при Артиллерийском инженерном шляхетском кадетском корпусе гимназии чужестранных одноврещев на турецком и персидском языках книг да из Вены одного лексикона Менинского, в четырех томах состоящего». Заметим, кстати, что в этой заявке имелась одна неточность: лексикон был издан не в четырех, а в пяти томах: (*Meninsky. Thesaurus Linguarum Orientalium cum Supplemento 5 volumina in folio*).

В приложенном реестре перечислялось свыше десяти наименований: турецкие и персидские грамматики, учебники по истории, «книги исторические и баснословные» и даже «персическая история в стихах». При этом оговаривалось, что все выписываемые издания «должны быть хорошим письмом и каждой книги надобно по четыре или шести экземпляров».

Сложнее всего оказалось приобрести пятитомный лексикон Менинского, поскольку уже в то время это издание стало библиографической редкостью. Оно было обнаружено случайно в лавке одного венского книгопродавца. Русский посол в Вене князь Д. М. Голицын сообщал в Коллегию любопытные подробности об этом словаре. Оказывается, он был издан «тому уже сто лет», т. е. в XVII в. в Вене. И в то время «множество экземпляров» было закуплено главной конторой «индейской в Англии находящейся компании», которая отправила их в Бенгалию. Что касается «венского» экземпляра, добавлял Голицын, так «ежели книгопродавцу оценить последний его экземпляр, то он менее [чем за] сто червонных оного продать не может». Но в Петербурге и за такой немислимой ценой не постояли, и в феврале 1779 г. требуемые деньги были переведены в Вену. Уже в апреле того же года лексикон, «который обучает ориентальным языкам, особливо турецкому и персическому», был получен канцелярией кадетского корпуса. Еще ранее были присланы в Петербург и другие заказанные книги. Лишь из Иранского портового города Энзели от переводчика Коллегии иностранных дел Ивана Ванслова было получено доношение о том, что требуе-

мые книги он прислать не может, поскольку «весь город Ряш (Решт.— Г. К.) до основания сгорел». На что из Петербурга последовало резонное замечание: «Предполагать не можно, что сии книги в одно только погоревшем городе Ряше были» (*там же*, д. 5013, л. 3—22).

Тем временем в коллежской школе усилиями работавших там преподавателей составлялись учебные пособия по изучаемым языкам, постепенно совершенствовалась методика их преподавания. Весьма существенно и другое обстоятельство: вначале в Петербурге, а затем в Москве и других крупных городах возрастало, хотя и медленно, количество переводов книг с иностранных языков на русский. Постепенно оттачивалось и само искусство перевода¹⁵.

Значительный интерес к переводной литературе во второй половине XVIII в. настоятельно требовал создания отечественных словарей. Именно в это время Екатерина II составляет словник из 280 русских слов, которые надлежало перевести на 180 языков и наречий. В связи с изданием такого необычного «сравнительного словаря» граф А. А. Безбородко в октябре 1781 г. направляет кавказскому генерал-губернатору П. С. Потемкину следующее указание: «Ее императорскому величеству угодно, чтобы ваше превосходительство приказали слова, в приложенной при сем бумаге означенные, перевести всеми теми языками и их диалектами, кои употребляются между разными народами, губернию Кавказскую населяющими, и написать их, буде те народы имеют свои письмена, оными, приложив при том тут же и по-русски, как что выговаривается, а у коих письмен нет, написав оные их языком русскими буквами, и все сие поспешили сюда доставить...» В постскрипуме Безбородко добавлял: «Сверх разных языков, в губернии Кавказской употребляемых, угодно ее императорскому величеству, чтоб ваше превосходительство приказали приложить такие же переводы персических, калмыцких и индийских языков и диалектов их, какие в Астрахани или в другом вам подчиненном месте кто-либо знает, написав, сверх свойственных каждому языку характеров, русскими буквами всякое слово, как оно выговаривается»¹⁶.

Подобные словники для заполнения были посланы и ко многим иностранным дворам. В одном из своих писем к барону Ф. М. Гриму императрица сообщала, что переводы на ее словник ей «продолжают доставлять всякий день». Но не обошлось и здесь без курьезов, если судить, разумеется, по меркам нашего времени. Так, неожиданно Петербург получил на свою просьбу отрицательный ответ от неаполитанского двора, который мотивировал свой отказ прислать перевод словника тем, что-де мексиканский и перуанский словари составляют... государственную тайну¹⁷.

В целом же издание это, подготовленное по инициативе и при личном участии Екатерины II и озаглавленное «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею

высочайшей особы», сыграло определенную роль в истории русского языкознания вообще и востоковедения в особенности.

Свою лепту в историю востоковедения внесли и многие талантливые русские драгоманы, к подготовке которых прямое отношение имела Коллегия иностранных дел. Интересы русской политики и экономики во второй половине XVIII в. на Ближнем Востоке, сама военная обстановка в этом обширном регионе, особенно русско-турецкие войны 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг., предъявляли серьезные требования к подготовке переводчиков — знатоков восточных языков. Расширялся их штат в Коллегии, и соответственно увеличивалось число студентов «ориентальных языков».

Так, 12 мая 1781 г. вице-канцлер Остерман получил такое распоряжение: «При издании штата Коллегии Иностранных Дел ее императорское величество оставить немалую сумму на диспозицию Коллегии Иностранных Дел для содержания переводчиков и прочих канцелярских служителей в том уважении, что Коллегия воспользуется сею суммою на заведение в довольном количестве переводчиков и учеников ориентальных языков, для чего и желает ведать ее императорское величество как о числе переводчиков и учеников тех языков, так и об успехах сих последних. Впрочем, ее императорское величество повелевает иметь о сей части крайнее старание» (*ф. ВКД, 1781—1782 гг., д. 829, л. 3 об.*).

Спустя три недели при рассмотрении Екатериной II «расписания канцелярских чинов» Коллегии была сделана следующая запись: «Что же до учеников азиатских языков касается, то угодно ее величеству, чтоб для каждого языка по крайней мере учеников по пяти содержано было и чтоб они выбраны были из надежных и способных людей» (*там же, л. 32*). Разумеется, «надежные люди» — это социально благонадежные лица. Еще указ Коллегии от 28 июня 1753 г. предписывал таких учеников отбирать из «дворянских, офицерских и ротмистерских детей». Если же таковых не сыщется, то надлежит «приискать из подъяческих и толмачевских молодых людей, а из самых подлых не брать» (*ф. АсД, 1782—1798 гг., д. 9, л. 21—22*).

В августе 1781 г. русский посланник в Константинополе Я. И. Булгаков доносил Екатерине II: «В силу высочайшего вашего императорского величества повеления... взял я из Новороссийского училища трех турецкому языку обучающихся учеников... и поместил их на студентские места, здесь положенные» (*ф. СРТ, 1781 г., д. 587, л. 14—14 об.*).

Один из отобранных Булгаковым учеников, Лукьян Стефанов, сообщил о себе: «В проезд через Кременчуг его превосходительства... Якова Ивановича Булгакова в 1781 г. июля 1 дня принят был я оным в студенты Константинопольской миссии, где и обучался итальянского, французского и турецкого языков, математике, истории, географии и другим словесным наукам по 1784 год 1-е августа; сего числа был я определен в

качестве второго драгомана при Синопском poste» (ф. ВАД, 1788 г., д. 18, л. 220).

Русские студенты в Константинополе жили на частных квартирах, что создавало массу неудобств. По инициативе Я. И. Булгакова в 1782 г. началось строительство «дома для священника и студентов» (ф. ВАД, 1782 г., д. 8, л. 223).

В 1782 г., как явствует из архивных документов, в самом Петербурге почему-то не нашлось желающих заполнить вакантные студенческие места. Но в Коллегии, по-видимому, учли опыт Булгакова, так как во «всепоподданнейшем» докладе по этому поводу предлагалось следующее решение: «...Коллегия Иностранных Дел, не находя здесь способных к тому людей, мнит, что в училищах малороссийских или Новороссийской и Азовской губерний способные ученики, не старше пятнадцати лет, из охотников легко отысканы быть могут...» (ВАД, 1782 г., д. 3, л. 358). И действительно, из названных училищ стали отбирать юношей, которых зачисляли студентами в Коллегию, а также направляли в школы переводчиков при русских дипломатических миссиях в странах Востока. Крупным центром подготовки драгоманов традиционно считался Константинополь. Здесь выходцы из богатых семей фанариотов сумели завоевать себе монопольное право на драгоманские должности при султанском дворе. Порой они даже оказывали заметное влияние на политику Порты. К услугам греческих драгоманов прибегали также европейские посольства в Константинополе. Однако постепенно влияние их стало падать. По этому поводу Ф. Энгельс писал: «Влияние, которым пользовались в Константинополе представители немногих греческих знатных семейств в качестве драгоманов (переводчиков), почти утрачено ими с тех пор, как турки стали получать образование в Европе, а европейские посольства завели себе атташе, владеющих турецким языком»¹⁸.

В Константинополе уже в 30-х годах XVIII в. работала при русской миссии своя школа переводчиков. А. М. Обресков 19 сентября 1774 г. писал князю Николаю Васильевичу Репнину, назначенному послом в Османскую империю: «Дела же с министерством Порты трактуются через посредство переводчиков — малые словесно, а удержания достойные предлагаются письменно. Дополняются, смотря по возражениям, словесно же, а иногда и письменно. В нужных случаях поывают к себе переводчика Порты, иногда посылают секретаря посольства, а неизредка требуют конференции, смотря по важности дел, то с верховным визирем, то с реис-эфендием» (ф. КМ, 1775 г., д. 617, л. 62).

К этим сведениям можно добавить и мнение видного французского дипломата Сен-При. После 15-летнего пребывания на посту посла в Турции у него было достаточно опыта, чтобы сказать (в 1785 г.), что французский король «может отправить в Константинополь посла наиболее способного, наиболее опыт-

ного в переговорах, все равно этот посол не может и никогда не сможет быть никем иным, как только первым секретарем при первом драгомане»¹⁹.

А вот какие строки посвятил драгоманам один из путешественников, посетивший Константинополь в 30-х годах XVIII в.: «Ошибись драгоман не только в слове, но даже в интонации передаваемой им речи, и ожидаемый успех переговоров может быть сорван... Отправление драгоманских обязанностей есть своего рода священнодействие... Он не может не сознавать, что промах с его стороны, хотя бы и невольный, есть преступление, могущее повести к пагубным для его страны последствиям... Он, как честный стрелок, должен сдать свое оружие, если не чувствует в себе способностей *всегда* бить наперняка».

Подготовка русских драгоманов шла успешно. Некоторые из них блестяще овладевали этим искусством, но, достигнув полного развития своих сил, как метеоры, исчезали с «драгоманского» горизонта, что было, впрочем, весьма естественно — они замещали важные посты в дипломатических миссиях и в Коллегии²⁰.

Один из ярких тому примеров — дипломатическая карьера С. Л. Лашкарева.

Надо сказать, что подготовкой драгоманов, например, в той же константинопольской школе в разное время руководили такие опытные дипломаты, как Вешняков, Неплюев, Обресков, Стахнев, Булгаков и др. Здесь студенты изучали, как правило, три-четыре иностранных языка.

Из архивных материалов узнаём, что «Василий Степанов сын Рубанов в 1740 г. в Государственной Коллегии Иностранных Дел определен студентом и обретался в Константинополе при российских министрах Вешнякове и Неплюеве для обучения турецкого, итальянского и греческого языков, а в 1753 г. он Коллегией пожалован в актуариусы... Отроду ему 30 лет, детей мужеска полу и деревень за собою не имеет» (ф. ВКД, 1754 г., д. 104, л. 60).

Одновременно с Рубановым был произведен в актуариусы Константин Юрьев, который «отечество имеет в Молдавии, природный тамошний дворянин. В службе ея императорского величества с 1743 года. Сначала определен был по присланному из Государственной Коллегии указу при Киевской губернской канцелярии толмачом, а в 1746 году студентом послан в Константинополь к резиденту Неплюеву для обучения тамо турецкого, греческого, волоского и итальянского языков» (там же).

В январе 1764 г. в Константинополь из Петербурга вместе с поверенным в делах Левашовым прибыли студенты Николай и Петр Яблонские, Илья Иванов и Сергей Лашкарев. Они находились в школе при русской миссии около пяти лет, но вынуждены были прекратить занятия из-за вспыхнувшей в 1768 г. русско-турецкой войны. В школе студенты овладевали турецким, итальянским, французским и греческим языками. Кроме

того, их учили еще и латыни, что видно из посольской платежной ведомости за апрель 1768 г., где есть такая запись: «Учителю латинского языка за каждого по червонцу за месяц» (ф. СРТ, 1768 г., д. 421, л. 76). Преподавались и другие предметы, в частности математика, история и география (ф. СРТ, 1781 г., д. 587, л. 42—42 об.).

В значительных пределах колебался возраст обучавшихся в школе. Так, Сергею Лашкареву, когда его послали учиться в Константинополь, было 24 года. Другие же студенты зачислялись в школу в значительно более раннем возрасте. Из реляции Обрескова—Левашова Екатерине II, датированной 14 января 1766 г., мы узнаём данные о возрасте кандидатов в ученики: «Находящийся в высочайшей вашего императорского величества службе с 1740-го года переводчик Велим Дандрий всеподданнейше ваше императорское величество просит о принятии в высочайшую вашу службу учеником сына его, на двенадцатом [подчеркнуто красным карандашом] году возраста, Иосифа со все милостивейшим пожалованием на содержание и обучение его против определенного на протчих учеников, здесь находящихся, о чем и мы ваше императорское величество просить вольность приемлем...» Обресков и Левашов также ходатайствуют за сына покойного переводчика Ивана Мариния — Иону, который «ныне уже на десятом году возраста», и просят «пожаловать Иону [сыну] хотя по шестидесяти рублей на год, пока более возрастет и в состоянии будет с протчими учениками вмещен быть, и сей совсем беспомощный сиротина тем более сего вашего императорского величества монаршеского все милостивейшего изречения достоин, что, как кажется, некоторый прок иметь обещает» (ф. СРТ, 1766 г., д. 394, л. 17—17 об.).

Подобные ходатайства делались и позднее. В архиве сохранилось «покорнейшее доношение» в Коллегию переводчика Дениса Мельникова от 16 ноября 1775 г. К этой просьбе была приложена формальная препроводительная, подписанная Н. В. Репниным. Мельников писал: «Сын мой Павел, отроду десяти лет, обучен мною первым началам греческого, французского, також и турецкого языков, но, не имея способов продолжать далее на своем иждивении помянутого моего сына, прошу Государственную Коллегию Иностранных Дел, дабы соблаговолила принять его в студенты, определя ему по сему званию обыкновенное ея императорского величества жалование» (ф. КМ, 1775—1776 гг., д. 611, л. 51—52).

И Павел Мельников стал переводчиком. Об этом мы узнаём из подписанного 21 ноября 1803 г. С. Л. Лашкаревым списка чиновников Азиатского департамента, «по коему равномерно предоставляется о испрошении высочайшей милости в поощрение». Правда, в документе упоминается, что «переводчик Павел Мельников (сей уже вышел) за слабостью здоровья» (ф. ПГА, разр. IV-10, 1803 г., д. 4, л. 13 об.).

С годами должность драгомана становится все более пре-

стижной, и неудивительно, что студентами Коллегии зачислялись сыновья известных дипломатов: Александр Стахийев, сын посланника в Турции,— в 1775 г.; Константин Булгаков (о его отце см. выше и ниже) — в 1797 г.; Николай Константинов, сын резидента в Крыму,— видимо, в самом начале 1780-х годов. О последнем известно, что он сын «первоклассного толмача» и «в рассуждении [его собственного] желанья в совершенном знании переводу турецкого языка в Царьград уволен» (ф. СРКР, 1780—1783 гг., д. 63, л. 6).

По ходатайству С. Л. Лашкарева в Коллегию были приняты трое его сыновей. В своем прошении, датированном сентябрем 1797 г., Сергей Лазаревич указывал, что из старших его сыновей двое (Павел и Иван) служат в Старооскольском мушкетерском полку в чине капитана, а Александр — в полку генерал-лейтенанта Зорича корнетом, трое же младших сыновей помещены в один из петербургских пансионов для «приготовления их к занятиям «пристойными науками». И далее: «Но как получаемое мною его императорского величества жалованье и малые с деревень доходы на мое содержание и на воспитание оных детей моих недостаточны, тем паче что ими же я принужден оплачивать нажитые мною по необходимости долги, кои меня весьма отягчают, то покорнейше и прошу Государственную Коллегию Иностранных Дел в облегчение означенного моего состояния и в милостивое оно уважение определить остальных трех сыновей моих, Сергея, Андрея и Григория, в службу его императорского величества ведомства ее, Коллегии, юнкерами: Сергея — с жалованьем, как он уже действительно может исправлять служение при письменных делах и переводах с французского и немецкого языков, а двух последних — без жалованья, коего и просить для них считаю за грех, пока учение свое продолжают» (ф. ВКД, разр. IV, 1797 г., д. 47, л. 1).

В цитированном прошении, на наш взгляд, содержится некоторое преувеличение материальных затруднений семьи Лашкаревых. Однако в те времена при составлении подобных документов «пускать слезу» вошло в обычай.

Между тем девять лет спустя, 8 июня 1806 г., министр иностранных дел князь Адам Чарторьский обратился к Александру I с таким посланием: «Убеждаясь, с одной стороны, просьбою тайного советника Лашкарева, что по многочисленному семейству его и долгам, его обременяющим, содержание двух сыновей его, служащих в Иностранном департаменте, становится для него чрез меру тягостным, а с другой, поставляя долгом своим свидетельствовать перед вашим величеством, что сии молодые люди действительно своим поведением, прилежанием и способностью к делам заслуживают поощрения, осмеливаюсь испрашивать к малому их жалованью небольшую прибавку...» Далее испрашивались прибавки (по 200 руб. в год) для проходящего службу при русской миссии в Гааге надворного советника Андрея Лашкарева и для находящегося при

Азиатском департаменте надворного советника Григория Лашкарева (*ф. АД, разр. IV-11, 1806 г., д. 15, л. 1—2*). Соответствующий указ о прибавке жалованья вскоре был подписан императором.

Во время Отечественной войны 1812 г. особо отличился старший из сыновей, Павел Сергеевич Лашкарев. Он командовал Сибирским пехотным полком. Так, автор «Записок старого преображенца» Николай Имеретинский вспоминает: «Под Шевардиным он (Павел Сергеевич.— Г. К.) получил кутузовскую рану пулею навывлет в правую щеку и насквозь под левое ухо. Он почти ослеп, но уцелел и дожил до начала Крымской войны...»²¹.

...А теперь вернемся на несколько десятилетий назад, к студенческим годам самого Сергея Лазаревича. Надо сказать, что студенты, которым родители или родственники не могли оказать материальную помощь, жили в постоянной нужде. Особенно трудно приходилось Сергею Лашкареву, жалованье которого даже по сравнению с его однокашниками по учебе в Царьграде было минимальным. Зато его сразу же заметил Обресков как наиболее способного ученика. Вот почему уже 10 апреля 1764 г., спустя всего три месяца после приезда Лашкарева в Стамбул, Обресков и Левашов обратились с реляцией к Екатерине II, в которой, в частности, писали: «Из вновь присланных учеников Сергею Лашкареву всемилостивейшего вашего императорского величества жалованья определено на год только по шестидесяти рублей, которым он с товарищами его в чистоте и опрятности никак исправиться не возможет, чего, однако же, по здешнему иностранному месту необходимо пристойнство требует, а к тому же он и по качествам его сей милости заслуживает, ибо уже перед товарищами его в турецком языке гораздо более сведущ и оным говорит, да и для переду (для будущего.— Г. К.), кажется, удачею обнаруживает, также и в рассуждении совершенного его сиротства всеподданнейше ваше императорское величество прошу всемилостивейше повелеть уравнивать жалованье его с товарищами» (*ф. СРТ, 1764 г., д. 356, л. 4—4 об*).

«И для переду, кажется, удачею обнаруживает» — слова эти по отношению к Лашкареву оказались пророческими. Между тем через несколько месяцев Сергей Лашкарев получил прибавку к жалованью — 20 руб. в год. Но и после этого жалованье его оставалось мизерным, особенно если учесть, что еще делался вычет «на кошпиталь по копейке с рубля».

Мог ли тогда предполагать Обресков, что спустя почти треть века этот его бывший студент сам напишет аналогичное ходатайство относительно троих студентов Коллегии «за прибавкою сим студентам жалованья по 20 рублей каждому».

Архивные документы дают возможность узнать, как в дальнейшем сложилась карьера и однокашников Сергея по учебе в Константинополе.

После объявления войны Османской империей России в

1768 г. вместе с Обресковым они были заключены в Едикуле, вынуждены были быть в походах с неприятельской армией, наконец, находились в ссылке в Демотике. А Сергей Лашкарев был оставлен при миссии для «надзирания».

Возвратившись в 1772 г. со всем штатом посольства из заточения на родину, Обресков представил Коллегии «Сведение о службах и состоянии офицеров и прочих, в высочайшей ея императорского величества службе находящихся... и в отечество возвратившихся». Так вот, среди «прочих» Обресков пишет и об учениках школы при русской миссии (ф. ВАД, 1766—1775 гг., д. 5, л. 141—142).

О Николае Яблонском: «...умеет говорить по-турецки, по-французски, по-итальянски и несколько по-гречески... а наипаче много труда понес в Едикуле, в походе с турецкой армией, Демотике и в проезды мои сюда исполнял должность казначея». Николай Яблонский был послан на Фокшанский конгресс переводчиком. Длительное время работал в Коллегии секретарем, а впоследствии занимал ответственный пост обер-секретаря.

О его брате Петре Яблонском: «Умеет говорить по-итальянски и несколько по-турецки, может быть способным служить в канцелярии, оставлен мною в Киеве». Позднее переехал в Петербург и работал в таможне.

Об Илье Иванове: «Разумеет говорить итальянским, греческим и несколько французским и турецким языками; не весьма способен ни к исправлению переводческой должности, ни канцелярской, потому несколько похабен и сварлив. Отослать для определения в другую службу». Возможно, в своих прогнозах в отношении Иванова Обресков ошибался или его резкие замечания пошли на пользу этому студенту, но, как бы там ни было, Иванов длительное время добросовестно исполнял обязанности толмача при киевском генерал-губернаторе, а в 1786 г. ему было присвоено звание переводчика.

Сергея Лашкарева требовательный и скупой на похвалу Обресков характеризует следующим образом: «Разумеет говорить турецким, французским, итальянским, греческим, татарским, армянским, грузинским языками и который правил всеми оставшими в Пере по моем в Едикуле заточении по соединению их со мною в Демотике, и поведением своим от всех обще заслужил похвалу, а от многих и благоволение... За упомянутое его надзирание и переписку с двором будет произведен по Коллегии в переводчики, а в награждение можно пожаловать до четырех сот рублей».

Верный своему служебному долгу, Сергей Лашкарев в отсутствие всего штата миссии, работая в сложнейших условиях, проявлял находчивость, решительность, а в некоторых случаях и героизм.

Надо сказать, что вообще в сложных, необычных обстоятельствах переводчики Коллегии, как правило, действовали смело и решительно. Так, в одном из докладов А. А. Безбородко со-

общает, что 6 июля 1788 г. переводчик ассессор Александр Стахив, находясь при главнокомандующем флота адмирале С. К. Грейге, во время морского боя «командовал на адмиральском корабле несколькими пушками». Из того же доклада узнаём, что при вице-адмирале Крузе находился переводчик Коллегии Павел Дивов, который «во время бывшего с неприятельским флотом от 22 до 25 мая сражении командовал на вице-адмиральском корабле несколькими пушками». За этот подвиг Дивов был пожалован в коллежские ассессоры (*ф. ВАД, 1790 г., д. 20, л. 35—36*).

Участие в боевых действиях и выполнение других связанных с риском поручений давало неплохую жизненную закалку переводчикам, большинство которых следовало емкому рыцарскому правилу — «честь зовет, долг велит». Многие из них, подобно Лашкареву, не раз смотрели смерти в глаза.

Павел Дивов на разных должностях зарекомендовал себя с самой лучшей стороны и был впоследствии назначен начальником коллежского архива в Петербурге. Вот тогда-то с ним, по рекомендации обер-секретаря Коллегии Вестмана, и познакомился молодой коллежский чиновник С. П. Жихарев. Наблюдательный мемуарист, он отзывался о Дивове как об умном, образованном и обходительном человеке, искренне осуждавшем тех баричей, которые бездельничали и служили в Коллегии лишь «для проформы», ради чинов: «Говоря о некоторых молодых людях богатых фамилий, состоящих на службе в Коллегии, не занимающихся делом и ничего не знающих, а между тем почитающих себя великими мудрецами, он (Дивов.— Г. К.) сказал, что недостатки их происходят от того, что им все льстили с детства: от математического учителя до танцевального, и было бы гораздо полезнее посылать их учиться в манеж, потому что лошадь не льстит: неумелого тотчас сшибет, будь он богат, как Крѣз»²². Справедливости ради отметим, что подобные юноши в Коллегии, как говорится, погоду не делали: их там было не так уж много.

Коллегии ежегодно требовала предоставления сведений о том, как учатся и работают ее переводчики. Вот пример такой характеристики, которую однажды, в 1782 г., представил в Коллегию С. Л. Лашкарев, уже будучи генеральным консулом в Молдавии, Валахии и Бессарабии: «Канцелярских служителей при мне находится двое: переводчик Иван Форсман и второй драгоман Августин Нордонг. Первый управляет с достоинством рачением все письменные дела на российском, французском и итальянском языках и посылаем по случившимся делам к господарям. Последний упражняем для переводу с турецкого на французский и с французского на турецкий равномерно и посылаем в турецкие судебные места. О поведении же оных я поднесь весьма доволен...» (*ф. РГК, 1782 г., д. 6, л. 20*).

По этому же поводу Яков Иванович Булгаков в 1786 г. доносил, что он «из студентов одобряет наиболее актуариуса

Ивана Леванду, который при весьма похвальном поведении, оказывая прилежание к познанию разных языков, как то: французского, турецкого и итальянского, подает надежду быть способным служителем при Константинопольской миссии» (ф. ВАД, 1786 г., д. 14, л. 226).

И все же переводчиков не хватало, поэтому Коллегия время от времени, в порядке исключения, принимала на службу иностранцев, и главным образом христиан. Биографии некоторых из них изобилуют острыми авантурными сюжетами. Так оказался в Петербурге Ф. А. Эмин, обладавший недюжинными лингвистическими способностями: он знал латинский, английский, итальянский, испанский, португальский, польский и турецкий языки. Всего за каких-то два года Эмин в России основательно изучил русский язык. Он побывал в Венеции, жил в Португалии, вообще много странствовал по белу свету, и, как явствует из различных источников, не без приключений. Длительное время он провел в Турции, где служил в янычарском корпусе. В 1761 г. 26-летний Эмин из Константинополя попал в Лондон. Однажды он явился к русскому посланнику в Англии князю Александру Михайловичу Голицыну, рассказал ему подробно о своих необычных похождениях, а также о своем желании принять православие и отправиться в Петербург. Князь Голицын дал свое согласие, и в посольской домово́й церкви был совершен обряд крещения. Молодой человек получил имя Федор. 11 апреля 1761 г. посланник выдал ему паспорт для проезда в Россию с объяснением, что имя его до крещения было Мехмет. В июне того же года Эмин прибыл в Петербург и подал на имя Елизаветы Петровны прошение об определении его на русскую службу.

9 июля 1761 г. под № 27 было заведено «Дело о принятии в службу, в вечное подданство и определении быть при делах в Коллегии Иностранных Дел крещеному турчанину Федору Емину». К делу была приложена автобиография Эмина. Его дед, «родом поляк, обретался в службе его цесарского величества порутчиком» на границе с турецкой провинцией. Затем «по причине некоторого приключения» перебрался в г. Зверник и, «будучи в гонении, принужден для спасения своей жизни магометанский закон принять». Отец же Эмина в Константинополе женился на «христианского закона невольнице». Одно время он был ливанским губернатором, позднее, тоже не без приключений, очутился в Алжире.

Естественно, что в Коллегии не спешили с принятием Эмина «в службу». Из Петербурга была послана в Константинополь к резиденту Обрескову «цидула» «о разведании» об Эмине и его родственниках (ф. ВКД, 1761 г., д. 27, л. 9—12). В «Записке для представления канцлеру» от 21 мая 1762 г. есть ссылка на осторожный ответ Обрескова, который «сюда представлял, что хотя он с точностью о том Эмине сказать не может, но, сколько экзиперенция показывает, в подобных выходцах весь-

ма редко прок бывает, и ежели соизволено будет его в службу принять, то бы держать его в совершенном отдалении не токмо от всяких дел, до Турецкой державы касающихся, но и от граници» (ф. ВКД, 1762 г., д. 1485, л. 5об).

После освидетельствования Эмина в знании им иностранных и русского языков он при покровительстве графа Г. Г. Орлова, а возможно, и князя А. М. Голицына, который в то время был уже вице-канцлером, был принят в Коллегию переводчиком в июне 1762 г.

Впоследствии Эмин приобретает определенную известность и как русский литератор. Он переводит несколько книг с французского, итальянского, испанского и португальского языков, сочиняет сатирические произведения и приключенческие романы на русском языке. Между прочим, один из этих романов посвящен графу Г. Орлову. Правда, по замечанию современника Эмина, самым любопытным романом этого автора «есть собственная жизнь его». Ему принадлежит также «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния „Отоманской Порты“», выдержавшее несколько изданий²³.

В одном из архивных дел обнаружен любопытный документ, датированный 24 октября 1764 г., из которого мы узнаём, какой была сама процедура проверки знаний иностранных языков у желающих поступить на службу в Коллегию. Оказывается, назначалась специальная комиссия из трех человек, которая проверяла умение испытуемого свободно переводить с иностранного языка на русский и с русского на иностранный. Интересно, что более чем за два истекших с тех пор столетия сама схема такого экзамена, разумеется в самом общем виде, особых изменений не претерпела:

«Предписание

Записка для г-на секретаря Турчанинова

Приказано от Коллегии Вам обще с секретарем Румом и переводчиком Постниковым присланного при сем сербской нации Василья Миролюба освидетельствовать в турецком и греческом языках и может ли он с оных языков на российский, а с сего последнего на турецкий и греческий свободно переводить, и потом о оном Коллегию репортовать» (ф. ВКД, 1762—1790 гг., д. 30, л. 18).

В 1767 г. был определен в Коллегию Михайла Дуза, человек «греческой нации», который по указу Коллегии был направлен в Московский университет, где «сверх знания его греческого и турецкого языков обучался по-русски и по-латыни». Спустя шесть лет по окончании учебы он был принят в Коллегию актуариусом и послан в Московский архив «для разобранья турецких и палестинских дел». Через некоторое время Дуза возвратился в Петербург и был произведен в переводчики, а в 1778 г. отправлен драгоманом в Крым.

Четырьмя годами ранее были произведены в переводчики трое студентов, успешно окончившие обучение китайскому язы-

ку в Пекине. Причем только один из них был оставлен при Коллегии, а двое других за неимением штатных мест были направлены в распоряжение иркутского и колыванского генерал-губернатора генерал-поручика Якоби «для употребления к делам в губерниях, ему доверенных». Иными словами, эти двое специалистов по китайскому языку одно время находились как бы в своеобразном резерве. И действительно, когда в 1787 г. Коллегии понадобился еще один переводчик китайского языка «для случающейся нередко переписки с китайским трибуналом», то генерал-поручику было приказано вернуть обратно в Петербург одного из ранее направленных к нему переводчиков. Якоби переводчика «вследствие сего в Коллегию и прислал, а именно Алексея Агафонова». А в январе 1792 г. вице-канцлер И. А. Остерман доносил Екатерине II, что переводчик Агафонов «в должности своей исправен и заслуживает милостивого вашего императорского величества призрения» (ф. ВАД, 1792 г., д. 22, л. 43об).

Стараниями Лашкарева при Коллегии расширяется перечень изучаемых восточных языков, определяется постоянный штат студентов, выделяются определенные материальные средства для организации учебного процесса, а школа переводчиков преобразуется в училище. В принятом по этому поводу высочайшем указе от 19 июля 1798 г. предписывалось: «Для обучения студентов языкам китайскому, маньчжурскому, також персидскому, турецкому и татарскому с принадлежащими к тому расходами повелеваем Коллегии Иностранных Дел употреблять ежегодно по три тысячи рублей с первого числа июля из сумм, вообще на департамент сей отпускаемых, учиня надлежащие о содержании такового училища распоряжения» (ф. ВКД, 1796—1798 гг., д. 7211, л. 178).

В самом конце XVIII в. по настоянию Лашкарева в Коллегии было уже занято три переводчика китайского языка, что видно из «примерного штата Коллегии Иностранных Дел» на 1800 г., подписанного Паниным и Ростопчиным. В этом же штате, в разработке которого Сергей Лазаревич принимал самое активное участие, по департаменту Азиатских дел кроме уже упомянутых переводчиков китайского языка числились также: «Переводчик для турецкого языка: 1-й драгоман, второй; переводчик персидского языка, второй переводчик» (ф. ВАД, 1800 г., д. 37, л. 6об).

А в Пекине в это же время продолжала учебу очередная группа студентов, командированных Азиатским департаментом. Надворный советник Соколов, о котором у нас еще пойдет речь, из Кяхты 30 июня 1803 г. в рапорте доносил Сергею Лазаревичу Лашкареву, что находящиеся в Пекине студенты «получили в языках довольно знание» (ф. ПГА, разр. 1-9, 1800—1805 гг., д. 1, л. 40).

И все же на рубеже XVIII—XIX вв. нехватка драгоманов продолжала ощущаться и в Коллегии, и в других ведомствах.

Так, в утвержденном «штате Главногокомандующего кавказской линией, Астраханского и Кавказского военного губернатора и управляющего пограничными делами» (наверху этого документа сделана надпись: «Быть по сему. Александр в СП февраля 13 1803 г.») числились переводчики персидского, арабского (по контракту), татарского, черкесского, осетинского и калмыцкого языков.

Сколь трудно было заместить эти должности, свидетельствует содержащееся в этом документе указание: «Переводчиков да будет вольно начальнику выбирать по верности их из всякой службы, и буде бы нашелся знающий многие языки, то и жалованьем двух переводчиков может пользоваться» (ф. СРГ, 1802—1805 гг., д. 127, л. 25).

Счастливый случай помог Лашкареву увеличить штат сотрудников Азиатского департамента на одного крайне нужного и весьма квалифицированного специалиста. После длительного пребывания в Индии на родину возвратился известный русский индолог Герасим Степанович Лебедев, который по именному указу от 2 февраля 1802 г. был причислен к департаменту с жалованьем 1800 руб. в год «из почтовых расходов». Ему был присвоен чин коллежского асессора, за который полагалось уплатить определенную сумму. И действительно, в «Книге сообщаемым в Департамент казенных и текущих дел бумагам» находим зарегистрированное сообщение из Главного почтового управления от 5 марта 1802 г. «о вычете за настоящий чин у коллежского асессора Лебедева» (ф. ВКД, 1802 г., д. 5806, л. 35).

Через некоторое время Лашкарев оформляет Лебедева переводчиком Азиатского департамента. Под «клятвенным обещанием» сделана следующая запись: «По сей форме присягался коллежский асессор Герасим Лебедев. К присяге привел Исаак-киевского собора протоиерей Михаил Соколов 1802 года, февраля 25 дня».

В архиве также хранится «Список коллежского асессора Герасима Лебедева. 1803 год, декабря 3-го», заполненный им самим: «Коллежский асессор Герасим Степанов сын Лебедев состоит в службе Государственной Коллегии Иностранных Дел при Азиатском департаменте, от роду имеет 54 года. Происходит от древней благородной священнической фамилии Лебедевых. Имеет в С-кт Петербурге в Рождественской части в 1-ом квартале под № 898-м собственный дом деревянный...» (ф. ДЛС, д. 1962, л. 1об). Именно в этом доме устроил Лебедев первую в Европе типографию с наборным бенгальским шрифтом²⁴.

Далее из послужного списка узнаём, что в 1775 г. он «отправился в чужие края на собственном иждивении для познания наук и языков и странствовал в Австрии, Голландии и Англии до 1782 года». В 1782 г. в Париже был представлен великому князю Павлу Петровичу, который, как известно, в то время путешествовал по Европе инкогнито под фамилией

князя Северного, и «удостоился милостивейшего подкрепления в моем плане касательно поездки моей в Восточную Индию для приобретения сведений как в языках, так и в науках той страны». В 1785 г. Лебедев уже из Лондона отправляется в Мадрас, где «провел два года в познании языков, употребляемых там». Затем — Калькутта, «в коем городе, живши 12 лет, занимался познанием древнейшего шомскритского языка и восточных диалектов». В 1800 г. из «Индии возвратился в Лондон и чрез полномочного посланника его сиятельства графа Семена Романовича Воронцова получил от государя повеление возвратиться в свое отечество» (*там же, л. 10б.—2*).

В служебной записке С. Л. Лашкарева графу А. Р. Воронцову от 2 апреля 1803 г. среди других сотрудников Азиатского департамента был представлен к награждению «путешественник, имеющий сведение в восточных индийских письменах, коллежский асессор Герасим Лебедев». Из уважения к уже известному индологу Лашкарев сам не решается избрать для него меру поощрения, а делает на этот предмет такое примечание: «Сие зависит от благоволения его сиятельства, государственного канцлера» (*ф. ПГА, разр. IV-10, 1803 г., д. 4, л. 18об.*).

В 1805 г. в Петербурге было издано сочинение Лебедева «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев», которое явилось ценным вкладом в русскую востоковедную литературу. Книга содержит обширные сведения по культуре индийского народа, его обычаям и нравам, по географии и экономике страны. Перед возвращением из Лондона на родину Герасим Лебедев издал там в 1801 г. грамматику языка хиндустани. Он по праву считается основоположником русской индологии. Примечательно, что на послужном списке Лебедева, заполненном в 1811 г., имеется карандашная помета: «писатель». До своей кончины в 1817 г. Герасим Степанович работал в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, где высоко ценили его обширные знания Индии. 31 декабря 1811 г. ему был присвоен чин надворного советника, а 1 января 1817 г. он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

В первой четверти XIX в. заметно расширяются международные связи России со странами Востока, растет интерес к изучению их истории и культуры. Соответственно обретает более совершенную форму и подготовка драгоманов. В 1823 г. при Азиатском департаменте на базе училища переводчиков создается учебное отделение восточных языков. В проекте его организации указывалось, что оно учреждено «с специальной целью приготовления молодых людей к драгоманской службе при императорских миссиях и консульствах на Востоке». И далее записано, что на высший курс отделения принимаются лица «православного исповедания и русского подданства и происхождения», окончившие факультет восточных языков университета или специальные классы Лазаревского института. Там же

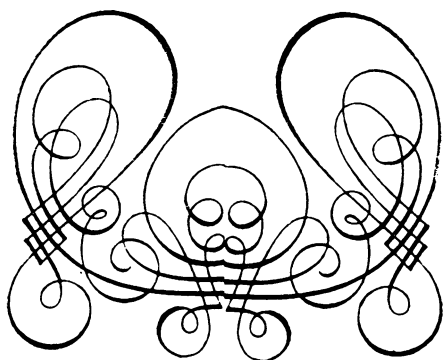
было записано, что «все слушатели лекций в учебном отделении, как внутри его, так и вне его, подчиняются общим полицейским постановлениям» (ф. УОВЯ, 1823 г., д. 97, л. 6—10 об).

Поначалу зачислялись также лица, получившие первоначальное образование дома или в частных училищах. В 1836 г. условия приема в отделение были изменены. 14 мая граф К. В. Нессельроде уведомлял министра народного просвещения С. С. Уварова: «Ныне же от меня строго подтверждено, дабы в помянутое отделение принимать впредь только тех, кои кончили уже полный курс учения в котором-либо из учебных заведений... первого или второго разрядов» (ф. УОВЯ, 1836 г., д. 125, л. 1—10б). Надо сказать, что вступительные экзамены такие лица не сдавали.

Студенты учебного отделения кроме восточных и европейских языков изучали историю и географию Востока, международное и мусульманское право. Читался также специальный курс нумизматики, который одно время вел тайный советник Борис Дорн, впоследствии академик. Выпускники отделения посылались на Восток в звании студентов посольства или миссии.

Так в общих чертах проходило становление знаменитой на весь мир русской школы драгоманов. Именно отсюда многие известные русские дипломаты, подобно Сергею Лазаревичу Лашкареву, начинали свою блистательную карьеру.

Глава 2 В ЦАРЬГРАДЕ

«**М**инувшего мая 26-го дня был здесь, в Санктпетербурге, на адмиралтейской стороне пожар, который нечаянно в одном небольшом доме пред полуднем начался; и хотя при случившемся на то время немалом ветре сильно распространился, однакож прилежным старанием собравшихся к тому разных команд к вечеру тогож дня прекращен, а между тем от сего через несколько часов бывшего пожара сгорели одна деревянная церковь и 94 обывательских двора, почти все деревянные ж, о чем вашему высокоблагородию через сие знать дается для того, дабы вы происходимые иногда о том в публике пустые и чрез меру увеличенные слухи опровергнуть могли объявленную выше сего самую правдою». И дата: «Июня 5 дня 1761 года».

Спустя десять дней еще одно сообщение, как тогда говаривали, «того же пера»: «Сего июня 13 дня пополудни в 8 часу ее императорское величество с его императорским высочеством великим князем Павлом Петровичем соизволили из здешней столицы при совершенном здравии в препровождении своего придворного стага отъехать в Петергоф для пребывания тамо в настоящее летнее время; и при таком ее императорского величестве в Петергофе отъезде с обеих здешних крепостей была пушечная пальба... А обои их императорские высочества еще в минувшем месяце в загородный свой замок Оранienбаум отъехать изволили» (ф. СРС, 1761 г., д. 3, л. 40—41).

Бумаги, подобные этим, рассылались Коллегией иностранных

дел во все русские представительства за границей. Получены они были и исполняющим должность резидента при имперском собрании в Регенсбурге Павлом Артемьевичем Левашовым, который по беглом прочтении привычно положил их в дело, озаглавленное «Циркулярные канцелярские цидулы». Здесь мало кого могли интересовать такого рода известия хотя бы уже потому, что г. Регенсбург лежал как бы на отшибе от основных центров европейской политики.

Но минет один только год и очередное сообщение из Коллегии удивит даже сонное регенсбургское общество: в том же Петербурге отбушевал сильнейший пожар, правда, на этот раз политический, в результате которого на всероссийском престоле неожиданно оказалась Екатерина II.

А еще через год мы застанем Павла Артемьевича уже в Петербурге, где он с нетерпением будет дожидаться рескрипта государыни о своей аккредитации министром при имперском собрании. В документе, озаглавленном «Рескрипт к советнику посольства Левашову», читаем: «Как мы за благо рассудили находящегося ныне в Регенсбурге при имперском собрании нашим министром канцелярии советника Ивана Симолина отсюда отозвать для употребления его при королевском дворе в Дрездене, а Вас определить министром на его место в Регенсбург, то, прилагая при сем за собственноручным нашим подписанием грамоту к имперскому собранию да письмо к имперскому генералу комиссару князю Турн Таксису и копии с оных для известия Вашего, повелеваем Вам отсюда немедленно туда ехать...» На отпуске документа помета: «Отдан ему на руки в 18 день августа 1763 года». На копии заграничного паспорта Левашова, подписанного канцлером графом М. И. Воронцовым, аналогичная помета: «Отдан ему, Левашову, в 18 день августа 1763 года» (ф. СРС, 1763 г., д. 3, л. 1—2 об., 5—5об.).

Получив также подорожную, Павел Артемьевич должен был 21 августа срочно отправиться к «своему посту».

Утром 20 августа 1763 г. курьер с коллежским экипажем был послан за канцелярии советником П. А. Левашовым.

— Ваше превосходительство, его сиятельство князь Александр Михайлович изволили приказать, чтобы вы немедленно явились к его светлости в Коллегию. Экипаж вас дожидается.

— Хорошо, сейчас выйду.

По дороге в Коллегию Левашов, размышляя о столь странном вызове, снова и снова задавался вопросом, зачем он понадобился вице-канцлеру. Ведь не далее как позавчера он там был и получил на руки все необходимые бумаги. А завтра он отправляется к месту службы в Регенсбург. Не иначе как решили послать с ним туда какой-нибудь срочный и важный пакет... Но он ошибался.

Не мог Левашов знать, что еще 31 июля в толстой книге в роскошном кожаном переплете была сделана запись, которой суждено было круто изменить его судьбу. Там были такие

строки: «Во-первых, изволила ее императорское величество отзывать о опасной резидента Обрескова болезни, в которой находится он по последней полученной от него реляции, и, рассуждая о нужде иметь тамо такого человека, кто бы, привыкая к тамошним делам, мог при случае и резидентское место заступит, изволила указать выбрать без отлагательства способного к тому чина и в Константинополь отправить потом» (ф. ВКД. 1762—1763 гг., ф. 820, л. 94).

Минут тридцать спустя Левашов уже поднимался на второй этаж здания Коллегии. Вошел, вернее почти вбежал, в приемную залу. Его сразу же провели в кабинет. Он поклонился вице-канцлеру, который сидел за массивным письменным столом. Князь Голицын, оторвавшись от бумаг, кивнул ему головой, чуть привстал и указал на кресло. Левашов сел.

— Милостивый государь мой, Павел Артемьевич, хорошо, что вы приехали. По изменившимся обстоятельствам вам надлежит поспешить своим отъездом в турецкие пределы, в Царьград.

— Но, ваше сиятельство, вам известно, что по именному указу Коллегии я возвращаюсь в Регенсбург и для отправления туда я уже получил подорожную. Да к тому же, как вы, ваше сиятельство, знаете, я никогда не бывал на Востоке и совершенно не привычен к тамошнему климату...

Князь Голицын не дал ему договорить.

— Знаю, знаю, но такова высочайшая воля. Мы недавно получили депешу, из которой явствует, что наш резидент в Царьграде тяжело заболел. Всякое может случиться: люди, к сожалению, смертны... Коллегия же не может сей важный пост оставить без должного призрения. Касательно же климата, скажу вам, милостивый государь, следующее: русский дипломат должен уметь работать в любых условиях...

Вице-канцлер сделал небольшую паузу и затем вручил Павлу Артемьевичу копию именного указа. Левашов быстро пробежал глазами бумагу: «...канцелярии советника Павла Левашова в Регенсбург не отправлять по данному прежде нашей Коллегии Иностранных Дел о том указу, а послать его ныне в Константинополь в качестве поверенного в делах, дабы он при настоящей тяжелой болезни резидента Обрескова мог ему вспомоществовать в исправлении наших дел, а в случае смерти или отъезда резидента Обрескова его место в качестве нашего резидента заступить... Подлинной за подписанием собственной ее императорского величества руки, тако Екатерина. В Санкт-Петербурге 19 августа 1763 года». Отложив в сторону бумагу, Левашов сказал: «Прочитал», что означало «Слушаюсь».

— Павел Артемьевич, вот еще что: с вами поедут четверо коллежских студентов. Они уже давно дожидаются сей оказии. Рассудили мы за благо обучающихся здесь турецкому языку учеников Петра и Николая Яблонских, Илью Иванова и Сергея Лашкарева отправить в Константинополь, дабы они, будучи тако

там, не только практику в турецком и в начатом итальянском языках приобрести и совершенно обучиться, но и с пользою к службе нашей употреблены быть могли. И так по приезде тех учеников в Царьград повелеваем мы Обрескову отдать их тому ж армянину, на содержании у которого живут переводчики Мельников и Мышкин, и за то содержание и учение платить по стольку же.

После небольшой паузы Голицын продолжал:

— А впрочем, надлежит смотреть, чтобы они прилежно тем языкам обучались и не тратили время втуне да употребляемое на них иждивение вообще не пропадало. Когда же из тех учеников которого-нибудь усмотрена будет вами прилежность и способность к обучению, то можете об них представлять сюда, дабы потом можно было в то время каждого из них по прилежности награждать чинами и жалованьем.

Беседа подошла к концу, и нам лишь остается сослаться на соответствующие листы архивного дела, подтверждающие точный смысл сделанных А. М. Голицыным указаний П. А. Левашову (*ф. ВКД, 1752—1787 гг., д. 23, л. 73, 76—77*).

Крепко сбитый, высоченного роста вице-канцлер встал из-за стола, дав понять, что аудиенция окончена. Прощаясь, Александр Михайлович сказал Левашову:

— Эти юноши дожидаются вас в соседней зале, надеюсь на ваше родительское попечение...

Левашов откланялся. Затем подошел к своим будущим попутчикам. Среди них один студент выделялся своей худобой и малым ростом — это был Сергей Лашкарев. Левашова привлекли его умные глаза, излучавшие нетерпение и доброту одновременно. Учеников волновал главный, по их мнению, вопрос, когда они отправятся в дорогу. Левашов ответил и назначил Сергея своим помощником для подготовки в дальний вояж.

Первым документом, связанным с поездкой, было «доношение», с которым и обратился 31 августа канцелярии советник Левашов в Коллегию: «По именному ея императорского величества указу отправляюсь я, нижеподписавшийся, в Константинополь, и для съезду моего с будущими при мне людьми и багажом потребно мне 12 почтовых лошадей. Того ради Государственную Коллегию Иностранных Дел покорно прошу истребовать мне подорожную на вышеозначенное число почтовых лошадей до Киева и выдать прогонные деньги».

Спустя неделю на основании этого «доношения» Коллегия направляет такую «Записку в публичную экспедицию»: «Посылается при сем определение об отправляемых с господином канцелярии советником Левашовым ориентальных языков учениках, а как оный господин Левашов к отъезду совсем уже готов, и дабы помянутые ученики в потребном заблаговременно исправиться могли, то благоволено было приказать немедленно определенные им деньги выдать и подорожную истребовать».

Затем Левашов посылает Сергея Лашкарева в ямскую кан-

целярию с промеморией следующего содержания: «Отправляющимся из оной Коллегии в Константинополь для обучения турецкому и итальянскому языкам Петру и Николаю Яблонским, Илье Иванову и Сергею Лашкареву надлежит дать от Санкт-Петербурга до Киева четыре ямские подводы и на них подорожную и в ямской канцелярии учинить о сем по ее императорского величества указу 6 сентября 1763 года».

Там все «учинили» быстро и подорожную выдали. Оставалось получить деньги на проезд, для чего был составлен специальный «указ к расходу». В нем, в частности, предписывалось: «...им же на платеж прогонов на четыре ямские подводы от Санкт-Петербурга до Москвы по прежней даче на подводу по 20 копеек. От Москвы до Глухова на 558 верст по три копейки на десять верст, а от Глухова до Киева на 302 версты, на Малороссийския по денге на версту...» И еще одна бумага за подписью вице-канцлера А. М. Голицына: «...на дорожный до Константинополя проезд исправление выдать им здесь по 100 рублей каждому из наличных при Коллегии денег в счет положенной на курьеров суммы...» (там же, л. 74—75, 79, 82—83). Канцелярист все подсчитал и выдал деньги каждому ученику под расписку.

Начиналась осень, а с ней и ненастье — нужно было спешить с отъездом. Да и в Коллегии торопили. Собрались довольно быстро и в начале октября выехали из столицы. Спокойный и обычно уравновешенный Левашов заметно нервничал: как все сложится? Ведь путь предстоял долгий и трудный, в осеннюю, непогодь, а он еще в ответе и за четырех учеников.

А пока что стояли погожие дни, поэтому до первопрестольной удалось добраться сравнительно быстро и без особых происшествий. Всем обозом направились на Мясницкую, к дому генерал-майора Елагина, что «в приходе церкви Флора и Лавра». В доме этом Левашов давно уже занимал несколько комнат, но жил там редко, поскольку подолгу обретался в «чужих краях».

Между тем решено было в Москве задержаться на неделю. Трех учеников-петербуржцев Павел Артемьевич оставил квартировать у себя, Лашкарева же, естественно, отпустил на побывку домой. Но по какому адресу отправился Сергей, установить так и не удалось, что, впрочем, и неудивительно. Тогда подобные данные в личные дела не вносились, зато обязательно требовалось ответить, скажем, на такие вопросы: «Из каких чинов?», «Сколько имеет за собою мужеска полу людей?», «В продолжении статской службы способен или нет?»

В одном из формулярных списков, заполненных Лашкаревым собственноручно много позднее, на первый из приведенных выше вопросов содержится такой ответ: «Из грузинских дворян, родился в Москве, на что имеется свидетельство». Впрочем, в архиве этот документ не обнаружен.

Читатель вправе спросить: тогда каким же образом стал

известен московский адрес Левашова? Как это порою бывает при поиске нужных архивных документов, помог курьез. В одном деле хранится донесение полицейского пристава, озаглавленное «О покраже вещей у советника Павла Левашова в Москве в мае 1763». В нем написано, что иноземец, «который был в услужении у советника посольства Павла Левашова», бежал из его квартиры, «снесши пожитки». И ниже указывался адрес....

Неделя в Москве пролетела незаметно, и наши путешественники отправились в дальнюю дорогу. В пути их застали нудные дожди и непролазная грязь, поэтому ехали медленно, часто останавливаясь. Не обошлось без многочисленных, порой серьезных, поломок подвод, и тогда подолгу задерживались на почтовых дворах, а иногда и просто в деревнях. К тому же Левашова и его спутников преследовали еще и болезни. И как ни спешили, добирались до Царьграда более трех месяцев.

К этому времени А. М. Обресков почти выздоровел. При дворе поговаривали, что болезнь у него была «дипломатическая». Как бы то ни было, он давно уже ожидал приезда Левашова: ведь кабинет-курьеры добирались до посольства так быстро. Для Павла Артемьевича еще в ноябре 1763 г. в «казенном доме» русской миссии были приготовлены «светлицы». Резидент искренне обрадовался приезду Левашова, сразу же ставшего его ближайшим помощником.

Еще в дороге Сергей Лашкарев очень привязался к Левашову, который более чем на пять лет станет его наставником и заменит ему на чужбине отца. Всесторонне образованный, много повидавший на своем веку Левашов оказался для пытливого Сергея своеобразной энциклопедией знаний и опыта. Павел Артемьевич часто бывал у студентов, интересовался их успехами в учебе, рассказывал им много поучительного о тех странах, в которых ему довелось побывать. А был он рассказчиком удивительным. Талант этот проявился и в написанных им книгах, о которых наш рассказ еще впереди. Левашов был человеком необыкновенно одаренным. Вот как, например, этот опытный дипломат характеризуется в «записке о службе», датированной 1775 г.: «Статский советник Павел Артемьев сын Левашов... умеет говорить по-французски и по-итальянски и несколько по-немецки. В бытность в чужих краях по разным комиссиям и по собственному его любопытству объехал почти все европейские государства и знатнейшие места. В сей же его, Левашова, в службе бытности, как в военной, так и в статской, 39 лет служил завсегда добропорядочно и, к особливому удовольствию своих командиров, никогда ни в каких преступлениях и ни же в штрафах не бывал» (там же, л. 110).

По прибытии Левашова в Константинополь Обресков в реляции Екатерине II в конце января 1764 г. докладывал: «Отправленный ко мне в помощники канцелярии советник господин Левашов прибыл сюда сего генваря 15 числа, которого, уместяя в казенном вашего императорского величества доме, чисто-

сердечно стараюсь откровенным сообщением ему как течения настоящих, так и прежде бывших дел привести его в состояние, [как] без потеряния времени случающиеся здесь вашего императорского величества дела с пользою одному исправлять». В реляции сообщалось, что приехавшие вместе с Левашовым ученики будут отданы «на сих же днях» для обучения турецкому и итальянскому языкам «тому же армянину», у которого прежде другие студенты русской миссии жили и обучались.

Обресков доносил также, что он предпринимает все необходимые меры, чтобы Левашов мог вскоре вручить визирю выданный ему вице-канцлером лист «в звании поверенного в делах». Однако Порта отнюдь не спешила аккредитовывать Левашова. По этому поводу русскому резиденту был дан уклончивый ответ, по существу своему откладывавший аккредитацию на неопределенное время: «...переводчик Порты ответствовал, что оное министерство присылку его, господина Левашова, почитает за опыт попечения высочайшего вашего императорского величества двора, дабы дела в течение их никакой остановки претерпеть не могли, почему когда мне вновь какой припадок приключится и через то не возмогу дела исправлять или же когда высочайшим вашим двором отзовусь, то он, господин Левашов, тогда может помянутый лист его сиятельству вручить и в правление дел вступить» (ф. КМ, 1764 г., д. 487, л. 14—14об.).

Однако Обресков продолжал настойчиво требовать аккредитации вновь прибывшего русского дипломата. Наконец 30 июня 1764 г. Левашов получил аудиенцию у визиря и смог вручить ему «верующий его сиятельства вице-канцлера господина князя Голицына на характер его поверенного в делах лист, при котором случае возданы ему все почести, принадлежащие оному характеру» (там же, д. 355, л. 54об.—55).

Со дня приезда Левашова в Царьград все депеши, донесения, реляции отправлялись в Петербург за двумя подписями: кроме резидента их подписывал также поверенный в делах — случай по тем временам весьма редкий в дипломатической практике. Надо сказать, что Левашов, будучи многоопытным дипломатом, быстро вошел в курс всех посольских дел и пользовался полной доверенностью Обрескова. Резидент просил его также продолжить свое попечение над студентами, что он с успехом и делал вплоть до начала русско-турецкой войны 1768 г.

С приближением войны оперативные донесения из Стамбула в Петербург становились все более тревожными. Так, 31 марта 1767 г. в шифрованной реляции императрице Обресков и Левашов сообщали: «Сего марта 1-го числа Порта сменила хана Крымского, как слышно по жалобам принесенным на него от Крымской старшины и по собственному ее усмотрению недостатку в нем смыслу править татарскую нацию и престоерегать интересы ее, а особливо в могущих быть нежных обстоятельствах... На место его возведен Арслан Гирей, бывший ханом

между Селим и Халим Гиреями с 1747-го по 1757-ой год, человек, сколько по экзиперенции известно, хлопоты любящий и татарами смертельно ненавидимый» (ф. СРТ, 1767 г., д. 409, л. 22).

Попутно заметим, что определенный интерес представляли и некоторые обычные донесения в Коллегию. Так, в одной из реляций, отправленных в 1766 г., сообщалось: «11 сего мая по полуночи в пять часов с половиною претерпели здесь весьма сильное и около ста секунд продолжавшееся земли трясение, имеющее двояком действие, сперва перпендикулярное, а потом горизонтальное, которое нанесло в здешней столице несказанный вред, а наипаче в каменных строениях...» (ф. СРТ, 1766 г., д. 395, л. 69).

В ночь с 15 на 16 сентября 1767 г. в Царьграде случилось другое стихийное бедствие — пожар, от которого «целая половина здешней Перы, да и состоящая из лучших домов, выгорела». В результате посольский «дом с церковью и со всяким строением до подошвы сгорел». Благодаря мужеству дежурившего в здании рейтарского вахмистра (к сожалению, в донесении его имя не названо) удалось спасти архив миссии, уцелела и денежная казна (ф. СРТ, 1767 г., д. 411, л. 63; д. 412, л. 9).

Когда случился пожар, никого из сотрудников в здании миссии не оказалось: они были в «загородном доме» в Бююкдере. Строение, где размещались студенты, от огня вообще не пострадало.

У студентов регулярные занятия продолжались вплоть до начала военных действий, что видно из сохранившихся платежных документов их преподавателям.

Сергей Лашкарев, которому учеба давалась особенно легко, иногда еще выполнял отдельные задания А. М. Обрескова. Благодаря частому общению с резидентом он смог многому научиться у него.

Тайный советник Обресков проработал в Турции долгие годы, причем начинал здесь службу еще в 1740 г. пажом у графа Александра Ивановича Румянцева. Это об Обрескове значительно позднее в одном из докладов Коллегии подчеркивалось, что он «в тамошних поведеньях довольно знание имеет». Граф Н. И. Панин очень ценил его за «природное остроумие» и «пространное познание турецких дел и нравов» (ф. СРТ, 1772 г., д. 1729, л. 14об.—15).

А когда Обресков в сентябре 1768 г. (в начале русско-турецкой войны 1768—1774 гг.) больным был посажен в неприступный Семибашенный замок, студент Лашкарев фактически занял должность Левашова (а тот — Обрескова), став поверенным в делах русской миссии в Константинополе. Случай редчайший. Здесь в полной мере, причем при сложнейших обстоятельствах, проявились способности Лашкарева как дипломата.

Турецкое правительство, казалось, сделало все возможное, чтобы полностью изолировать русскую миссию от внешнего

мира. Но, несмотря на строжайший надзор, Лашкарев со временем начнет вести переписку не только с находившимися в заключении Обресковым и Левашовым, но и с командующим русской эскадрой на Черном море графом А. Г. Орловым и главнокомандующим Дунайской армией фельдмаршалом князем А. М. Голицыным.

Уже на второй день войны Левашову (Павел Артемьевич был заточен в Семибашенный замок несколько позднее Обрескова) и Лашкареву удалось узнать, что султан направил крымскому хану указ, предписывающий ему напасть с его 100-тысячным войском на российские пограничные провинции, «пожигая и опустошая все, куда татарская сабля только достигнуть может».

По распоряжению Левашова Лашкареву удалось отправить с этими важными сведениями двух курьеров: одного — в Киев «для донесения ко двору», другого — в Варшаву к князю Репнину. Конечно, посылая курьеров, Левашов и Лашкарев рисковали жизнью, зато благодаря вовремя полученным сведениям коварный план султана был в значительной мере сорван. Таким образом, удалось спасти «от смерти, плена и опустошений все пограничные провинции (кроме новой Сербии, которая тогда от пограничных войск худо была защищаема)» (ф. АД, разр. II-16, 1811 г., д. 42, л. 5об.).

Поначалу в Коллегии были в неведении относительно положения дел в самой Константинопольской миссии. Не было известно, кто там вообще остался. Так, в одной из записок Коллегии (сентябрь 1769 г.) читаем: «Поныне никакого точного сведения здесь нет, кто именно вместе с резидентом Обресковым и поверенным в делах Левашовым при турецкой армии из вышеупомянутых при них в Константинополе бывших находятся. Однакож по окрестным слухам кажется полагать можно, что все их чиновные с ними в армию взяты. А в Константинополе оставлены одни студенты и киевские курьеры...»

И все же Лашкарев сумел наладить связь с Коллегией, куда неоднократно посылал важные сведения. В цитированной выше записке далее указывается: «...в полученном на сих днях в Коллегию от студента Лашкарева доношении от 6-го июля [1769 г.] токмо глухо упоминается о студентах, рейтарах и толмачах, которые ныне тамо находятся и претерпевают немалую нужду от неполучения с сентября месяца 1768 года до сих пор жалования, хотя некоторым из них, по его, Лашкарева, объявлению, по приказу резидентскому выдано по 400 левков [240 р.], а кому точно, о том не разъясняется. Но что они уже те деньги издержали на разные их нужные потребности».

Итак, студенты в Константинополе оказались в тяжелом положении. Это видно и из письма их учителя, Гулиелма Марки, адресованного графу Панину. Оно было написано, по-видимому, по совету Лашкарева. Вот что говорится в той же записке о предпринимаемых Коллегией мерах, направленных на облег-

чение положения студентов: «...Коллегия, не зная точно, кто из свиты резидента Обрескова в Константинополе находится, а уважая токмо помянутое студента Лашкарева доношение и особливо в рассуждении великой всего тамо дороговизны и протчей нужды, описанной в письме учителя вышеозначенных студентов Гулиелма Марки к действительному тайному советнику и кавалеру графу Никите Ивановичу Панину, генерально токмо полагает, чтоб на содержание и учение каждого из помянутых студентов с начала сего сентября 1769-го года до будущего с ними дальнего определения к расчету производить ежегодно по 200 р., да жалованья всякому по 100 р., и на квартиру им всем 120 р....» (ф. ВКД, 1757—1769 гг., д. 76, л. 262—264).

Лашкарев смог также надежным способом при помощи грека Афанасия Дири переслать важные сведения и к русскому послу в Вене князю Д. М. Голицыну. Впоследствии Дири за этот подвиг получил чин титулярного советника и пенсию.

В Петербурге узнали и о другом важном предприятии Лашкарева: он успел благополучно окончить дела всех русских купцов, находившихся в то время в Османской империи, и отправить их из турецких пределов на разных иностранных судах через Голландию в Россию.

Но не всё тогда проходило у Лашкарева гладко. Позже, в 1779 г., он рассказал о таком эпизоде: «В бытность же мою в то время как я шел к Порте для некоторых дел, тогда, напад на меня несколько матросов и узнав, что я был подданным России, по свойственному их варварству били меня кинжальным черенком... от которых побой и поныне я стражду...» (ф. ВАД, 1776—1781 гг., д. 6, л. 101—101об.).

После освобождения из заточения в 1771 г. Обресков, Левашов и другие члены русского посольства отправляются в сопровождении Лашкарева в Киев. По пути из турецкого плена А. М. Обресков получил поздравительное письмо от П. А. Румянцева, а Левашов — от Д. М. Голицына.

В своем письме из Ясс Румянцев, в частности, сообщал Обрескову: «Надеюсь, ваше превосходительство, естли не в Санкт-Петербурге, то еще в дороге услышите о знаменитых подвигах вверенной мне армии, что визирия и всех пашей, в том числе и самого Мусун Углу (Мусук-оглу-паша.— Г. К.), сколь для нас славным и полезным, так для них постыднейшим образом согнали с здешнего и от супротивного берегу Дунайского, взяв их крепости, все магазейны, лагеры и всю артиллерию. Я могу теперь вам сказать мои мысли о славном Мусун Углу, что он не так велик в полководцах, как сиял в министрах. Не дознали мы в его делах потребного настоящим его званию искусства» (ф. КМ, 1771 г., д. 579, л. 3).

Прибыв в Петербург в том же 1771 г., Левашов сразу же передал Коллегии свои военные записки. Они были благосклонно встречены при дворе, что дало ему возможность впоследствии, в 1790 г., издать в столице две книги: «Плен и страдание

россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царьграде по объявлении войны и при войске, за которым владели их в своих походах. С приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну и многих странних, редких и любопытных происшествий» и «Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны ото дня объявления оной до 1773 года». Эти работы и по сей день служат важным источником по изучению внутривосточной обстановки в Османской империи во время войны. В них приводятся обстоятельства ареста свиты Обрескова, любопытные данные о турецкой армии, рассказывается об издевательствах над русскими пленными.

Годом раньше была опубликована в Петербурге интересная книга о Турции безымянного автора, озаглавленная «Цареградския письма о древних и нынешних турках, и о состоянии их войск, и Цареграде и всех окрестностях онаго...» В этой книге 14 глав-писем: о различии древних и нынешних турок, о лучших зданиях в Царьграде, гостиных дворах, о Проливах, об образе жизни турок, о царедворцах, ближайших султанских служителях и т. д.

В пятом письме «Об обхождении турков с послами и министрами чужестранными» неизвестный автор, в частности, пишет: «Резидент Обресков и поверенный в делах Левашов сколько претерпели с начала войны в 1768 и следующих годах, того всего довольно описать не можно: они были заключены в Едикуле, потом таскали их всюду за войском своим, и содержали в ссылке в Демотике, и сверх того неоднократно подвергали опасностям самой позорной и мучительной смерти»¹.

Такие строки мог написать только очевидец или участник тех событий. Кто же он? Известный советский востоковед Б. М. Данциг, пространно цитируя «Цареградские письма» в одной из своих работ, высказал осторожное предположение, что эта книга могла быть написана Левашовым². Такое предположение нам представляется обоснованным, поскольку в стилистическом отношении эта работа близка к двум другим книгам Левашова. Но установить с уверенностью имя автора только по стилистическому сходству все же нельзя или по крайней мере рискованно.

И все же очень захотелось найти имя автора этой книги и внести его в каталожные карточки наших крупнейших библиотек, где этот раритет хранится. И начались обычные в таких случаях поиски. Однако просмотр почти всех архивных документов, имеющих какое-либо отношение к Левашову, к сожалению, ничего не дал. Тогда знакомимся еще с одним, на этот раз тощим делом 42 — всего-то несколько листов. В нем речь идет, как казалось вначале, о вещах не очень существенных, во всяком случае ничего общего с целью нашего поиска не имеющих: Левашов посылает в 1811 г. из Москвы прошение

«на высочайшее имя» с ходатайством, чтобы его порядком затянувшаяся тяжба по имущественным делам из низшей судебной инстанции была направлена для непосредственного рассмотрения в Сенат... И только. Но так как предполагалось, что решение будет принимать лично Александр I, то к прошению была приложена «Краткая записка о службе действительного статского советника Павла Артемьева сына Левашова». Эта «Краткая записка» оказалась довольно подробной — три страницы убористого текста. В ней сообщается, в частности, об изданных им книгах, среди которых упоминаются разыскиваемые нами «Цареградские письма», «где частью описано турецкое прошедших веков и нынешнее их состояние» (ф. АД, разр. II-16, 1811 г., д. 42, л. 5—6).

Теперь сомнений больше нет — автор книги П. А. Левашов. Нам остается только сделать первую запись на «листе использования» дела 42.

Следует добавить, что по возвращении в Россию из турецкого плена Левашов, как указывается в той же «Краткой записке», «не празднен находился». Он издает несколько книг; кроме перечисленных выше и хорошо известных исследователям выходят его работы: «О правах и претензиях российских государей на Крым и Кубань и о полезности для России Крыма и Очакова, также и пристани, на Черном море находящейся, по-турецки называемой Хаджибей, а ныне по-русски переименованной в Одесс» и «Обозрение торговли и способов, служащих к обогащению купечества и всего государства».

Еще одна столь же красноречивая запись, свидетельствующая и об успешной переводческой деятельности Павла Артемьевича: он перевел труд Коллиера «О договорах с государями, с прибавлением о послых и посланниках и прочее». В «Краткой записке» указывается, что этот перевод «ныне, как уповательно, находится в Архиве Государственной Коллегии Иностранных Дел». Действительно, в этом архиве нам удалось разыскать два объемистых рукописных тома перевода. Прекрасные кожаные переплеты с золотым тиснением, аккуратный почерк переписчика. Первый том открывается пометой: «Сия книга прислана при письме к его сиятельству канцлеру (А. П. Бестужеву-Рюмину.— Г. К.) от капитана Левашова из Вены от 7 апреля/28 марта 1757-го года». Далее читаем: «Часть первая. С французского языка перевел и во многом из других авторов пополнил дворянин посольства П. Левашов».

В этом томе в основном подробно говорится об общепринятых правилах дипломатического протокола. Тематика второго тома (к нему приложено письмо-посвящение вице-канцлеру М. И. Воронцову) весьма многообразна, и речь в нем идет о дипломатической практике. Например, одна из глав названа следующим образом: «Может ли женщина отправлять должности посольские?» Ниже читаем: «Женщина не меньше имеет способности, как мужчины, для отправления посольских долж-

ностей, но сие показалось бы странно, потому что оное не в употреблении». В других не менее любопытных главах даются ответы и на такие вопросы: «Дозволено ли послу лгать для достижения великих намерений?», «Надобно ли, чтобы посол был учен?», «Надлежит ли послу быть богату?» Характерна такая деталь: специально даются рекомендации «о выборе переводчиков или толмачей».

Но это еще не всё. Оказывается, Павел Артемьевич одно время занимался... изобретательством. Им напечатана работа «Открытие секретной машины, способной к разрушению понтонных мостов, известной по артиллерии». Не следует этому особо удивляться: в Коллегию Левашов был взят из армии. Изобретатель получил от «монарших щедрот» бриллиантовый перстень (там же, л. 6).

Но и это еще не всё: Левашов был и поэтом. Это о нем в историческом словаре о российских писателях Н. И. Новикова написано: «Много писал лирических стихов, которые от знающих людей похвалу заслуживают»³.

Именным указом Екатерины II от 15 ноября 1771 г. П. А. Левашов был произведен в статские советники и ему повелено «по-прежнему быть при делах» Коллегии — заниматься подготовкой драгоманов. Думается, сделано это было отнюдь не случайно: как известно, Павел Артемьевич несколько лет был наставником Лашкарева и его однокашников и как куратор студентов проявил себя с самой лучшей стороны.

Между тем летом того же 1771 г., после отъезда Обрескова и его свиты в Петербург, Лашкарев был оставлен в Киеве и прикомандирован к тамошнему губернатору Ф. М. Войкову. Однако через четыре месяца он был отозван Коллегией в Петербург, где по представлению Обрескова 6 апреля 1772 г. получил чин переводчика. «По указу ее императорского величества в Коллегии Иностранных Дел определено: возвратившегося из Константинополя бывшего там при тайном советнике и резиденте Обрескове той Коллегии студента Сергея Лашкарева по знанию им разных языков, как то: итальянского, французского, турецкого, греческого, армянского и грузинского, также и за порядочное содержание им в своем присмотре оставшейся свиты помянутого тайного советника чрез все время бытности его в заточении произвести его, Лашкарева, в переводчики той Коллегии и в сем новом чине привести его к присяге, а с пожалования в оный надлежащий вычет на лазарет учинить у него в то время, когда жалованье определено ему будет» (ф. ВКД, 1752—1787 гг., д. 23, л. 277).

Переводчик по чину, дипломат по призванию — Сергей Лазаревич затем направляется на Фокшанский конгресс вторым драгоманом, где неоднократно выполняет важные поручения П. А. Румянцева.

Сразу же после подписания 21 июня 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира Петербург принимает меры к восстановле-

нию дипломатических отношений с Османской империей. В Константинополь в качестве поверенного в делах прибывает полковник Христофор Петерсон с небольшим штатом чиновников. Туда же направляется «для размена пленных» Сергей Лашкарев.

Весной 1775 г. по распоряжению Екатерины II в Царьград отправляется торжественное посольство во главе с известным военным деятелем и опытным дипломатом князем Николаем Васильевичем Репниным. Такая важная миссия Репнину поручается отнюдь не случайно. В 1762—1763 гг. он — посол в Пруссии, а в 1763—1768 гг. — посол в Польше. Затем, во время русско-турецкой войны, Н. В. Репнина направляют командовать особым корпусом. Он отличился в сражениях при Ларге и Кагуле, был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса «За пример мужества, служивший подчиненным к преодолению трудностей и одержанию победы». Овладел крепостями Измаил и Килия, принимал участие в блокаде Силистрии. После окончания военных действий принимал участие в выработке условий Кючук-Кайнарджийского мира.

Посольство Репнина в Константинополь готовилось самым тщательным образом. Внимательно изучался церемониал, с которым принимали в свое время русского посла графа Александра Ивановича Румянцева. Петерсон специально послал в Москву Репнину «Перевод с церемониала, выписанного из книги церемониальной императорского дивана». Ценные наставления по этикету давал А. М. Обресков, он же советовал при беседах с высокопоставленными турецкими вельможами «сильнейшие резоны беречь на закуску». Любопытны его характеристики некоторых дипломатических агентов, обретавшихся в то время в Константинополе. Так, «аглицкий [посол] Мурай на взгляд кажется человек изрядный, плавен и приятен в разговорах, но в делах ничего не сведущ, а думает, что более всех искусней, к тому же неистовством пренаполнен; в глаза вам будет говорить как истинный друг, а коль скоро отвернулся, то другое говорит; с ним хорошо попить да покушать, а дел не иметь никаких. Римско-цесарский интернунциус Тугут породы подлой интригант и криводушлив, а к томуж персонально нас ненавидит». Не позабыл Обресков и о купцах: «...имею честь представить Вам яко почтения и благосклонности Вашей достойных людей купцов аглицкого Георгия Аббата, галландского Бокмена, саксонского Фридриха Гипша да товарища его Ангела Тимония, которые, а наипаче первые два могут вашему сиятельству оказать разные услуги...» (ф. КМ, 1775 г., д. 617, л. 58—64об.).

Наконец, в журнале посольства Репнина читаем: «Мая 29-го в 11 часов с половиною поутру выехал из Киева со всею своею свитою около 700 человек его сиятельство при пушечной пальбе с крепости» (ф. СРТ, 1776 г., д. 467, л. 6).

Посольство двигалось медленно, не спеша, в чем была своя

причина. Еще 16 марта Репнин из Москвы писал Петерсону: «...я не могу приехать в Царьград прежде, как по прошествии года от подписания трактата» (ф. КМ, 1775 г., д. 617, л. 52). Такова была традиция.

26 июня 1775 г. при подъезде посольства к окраине Хотина был замечен большой пожар. Князь Репнин послал одного из секретарей посольства сделать хотинскому паше «сожалительный комплимент». В начале июля вышли на Днестр, и только 5 октября вся свита во главе с послом, как явствует из того же посольского журнала, «с распущенными знаменами и игранием музыки, барабанным боем» вошла в Константинополь через Адрианопольские ворота. Въезд же в Перу, где располагалась русская миссия, происходил уже ночью при зажженных факелах (ф. СРТ, 1776 г., д. 467, л. 6).

К одному из архивных дел приложена небольшая книжка; на ее обложке напечатано: «Российское посольство в Константинополь 1776 г. С гравированными фигурами» -- и ниже: «При Императорской Академии Наук». Она выпущена в Петербурге в 1777 г., вскоре после возвращения в столицу Н. В. Репнина. Написанная на основе посольского журнала, она и представляет собой отчет этого посольства. Книга имеет пространный подзаголовок, искусно выполненный и содержащий большой объем информации: «Описание взаимной размены чрезвычайных и полномочных послов российского генерал-аншефа, лейб-гвардии Измайловского полку подполковника и разных орденов кавалера князя Николая Васильевича Репнина и турецкого трехбунчужного паши Абдул Керима беглербея Румелийского, бывшей под Хотиным на реке Днестре 2 июля 1775 года, в нарочно построенном судне по предварительному между оными послами и уполномоченными к тому с обеих сторон комиссарами, с российской — генерал-аншефа и кавалера Федора Матвеевича Воейкова, а с турецкой хотинского Мегмет Паши трехбунчужного, о церемониале оной условию, и последовавшего потом путешествия упомянутого посла здешнего от Хотина до Константинополя Молдавиєю, Валахиєю, Булгариею и Румелиєю; с подробным объяснением, каких встречи и почести ему, послу, деланы были в знатных городах и местечках, на том его пути лежавших, и каким образом он, посол, в реченную турецкую столицу въезд свой имел, а потом на визите у Верховного визиря и на аудиенции у султана был» (ф. КМ, 1774—1777 гг., д. 589, с. 1—2).

Этот визит к визирю и аудиенция у султана состоялись 28 ноября 1775 г. Н. В. Репнин вручил визирю подписанную Екатериной II верительную грамоту. После «взаимных учтивостей» русский посол произнес речь, в которой подчеркнул, что императрица повелела «наикрепчайше засвидетельствовать султану о истинном ее намерении твердо и нерушимо содержать блаженный мир и восстановленную соседственную дружбу в полной силе и точности всех постановлений заключенного мир-

ного трактата», надеясь при этом, что и султан «совершенно тому всегда соответствовать будет» (*там же*, с. 50).

После ответной речи визиря был дан пышный обед в честь русского посла. В книжке-отчете об этом написано следующее: «Перед послом положен был куверт, то есть ложка, ножик и вилки золотые и убранные алмазами, тож тарелки ему подавали все золотые...» Затем по турецкому обычаю поднесли Репнину шубу соболью, покрытую парчою, которую он надел на себя, «не вставая с места» (*там же*, с. 62—63).

Разумеется, краткая речь князя Репнина была составлена в полном соответствии с полученной им инструкцией Екатерины II при назначении его послом в Константинополь. В инструкции, в частности, указывалось: «Окончив толь славно и толь счастливо войну тягостную, положили мы отныне впредь непоколебимым правилом государственной нашей политики упреждать и отвращать по крайней возможности все поводы и причины к повреждению мира и доброго согласия со всеми окрестными державами, особливо с Портою Оттоманскою... Мы поручаем вам именно и точно изъяснять при всяком случае министерству турецкому сие наше политическое правило...»⁴.

Для того чтобы «именно и точно изъяснять при всяком случае» турецким властям русскую политику, нужен был способный чиновник. Выбор пал на Лашкарева. Именно ему Репнин поручает ведение дел с «Оттоманскою Портою». И надо сказать, посол не ошибся в своем выборе. В подписанной Репниным «Ведомости канцелярским чинам, находящимся в Царьграде» (посол отбирал чиновников для дальнейшей службы в русской миссии), Сергей Лашкарев аттестуется следующим образом: «...желает здесь остаться, усерден...» (*ф. СРТ, 1776 г., д. 663, л. 64об.*).

Между тем в это самое время с молодым дипломатом приключилась романтическая история. Начало свое она берет, надо полагать, еще с того времени, когда в русскую миссию стал наведываться сын генерального консула Женевской республики Ришар Дунан — переводчик голландского посольства. В один из таких визитов Дунан заявил Петерсону о своем желании поступить на русскую службу. Случай для того времени в общем-то обычный. Петерсон 10 мая 1775 г. пишет письмо к находившемуся тогда в Москве А. М. Обрескову, рекомендуя ему Дунана, который «хорошо знает турецкий, французский и итальянский языки сверх греческого». Но осторожный в таких случаях Обресков отнесся к этому предложению скептически, считая этого знакомого ему юношу человеком не очень серьезным и даже ветреным. В своем ответе он порекомендовал Петерсону лишь отослать о Дунане формальное представление в Коллегию, а «без того сделать не можно» (*ф. КМ, 1775 г., д. 642, л. 3, 4об.*).

Собственно, на том тогда дело и кончилось бы. Однако с Дунаном был хорошо знаком Лашкарев, неоднократно бывав-

ший у него дома. Однажды он увидел его сестру Констанцию, которая поразила его своей красотой и недюжинным умом. Их знакомство переросло в любовь. Но влюбленных ожидали серьезные осложнения: отец ни за что не хотел отдавать дочь за бедного переводчика, к тому же ему казалось, что Сергей настойчиво ухаживает за Констанцией из-за богатого приданого. Никакие клятвы и уверения Лашкарева не помогали. Неизвестно, чем бы эта история закончилась, не приди на помощь влюбленным Н. В. Репнин. Ему пришлось со своей супругой нанести визит генеральному консулу Женевской республики, и они сумели убедить Дуна-старшего изменить свое решение. Наконец молодые получили родительское благословение. Надо сказать, что на этом помощь посла не закончилась: было сделано все необходимое, чтобы сама свадьба удалась на славу. Возвращение свадебного поезда из церкви наблюдали не только толпы жителей турецкой столицы. Сам султан выезжал верхом смотреть на этот необычный для Царьграда торжественный ритуал. Князь Репнин был посаженным отцом... Через несколько дней после свадьбы молодой супруг отправился в одну из лавок, чтобы купить кое-какую одежду на первое время для жены, а все приданое было послано с курьером к ее отцу...

Надо сказать, что брак этот оказался удачным и счастливым. Констанция Ивановна подарила Сергею Лазаревичу семерых детей (одну дочь и шестерых сыновей) и всю свою жизнь была ему заботливым другом. Где бы ни оказывался Сергей Лазаревич по делам своей беспокойной дипломатической службы, туда вслед за ним приезжала с детьми и Констанция Ивановна. На придворных балах в редкие наезды с мужем в столицу она неизменно блистала красотой. Была всеобщей любимицей тех, кто ее знал. Умерла Констанция Ивановна безвременно, в декабре 1793 г. Непривычный петербургский климат и неустроенная, кочевая жизнь рано свели ее в могилу. Смерть жены была тяжелым ударом для Лашкарева. На два десятилетия пережил свою супругу Констанцию Ивановну Сергей Лазаревич, однако до конца своих дней оставался вдовцом.

Добавим при этом, что упоминавшийся выше брат Констанции Ивановны Ришар Дунан не без протекции Лашкарева все же был зачислен «в русскую службу» переводчиком (в 1786 г.), несколько лет работал при Сергее Лазаревиче, довольно быстро поднялся по дипломатической служебной лестнице, а после заключения Ясского мира даже был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Выйдя в отставку, он со своей семьей поселился в Крыму. Сергей Лазаревич постоянно проявлял о нем заботу. Так, в 90-х годах Лашкарев писал в Коллегию, что коллежский асессор Дунан может служить в Крыму «при таможенных или карантинных делах» и «покорнейше просит об определении его к коему-нибудь из оных мест по благоусмотрению с награждением следующего чина и с жалованьем,

коим бы мог содержать себя с многолюдным своим семейством» (ф. ВАД, 1793 г., д. 23, л. 24—24об.).

Однако мы забежали далеко вперед, и нам необходимо снова вернуться в турецкую столицу середины 70-х годов. В это время турецкие военные команды еще не оставляли попыток закрепиться в Крыму, а многочисленные турецкие агенты «под видом торга» не спешили его покинуть. В сентябре 1775 г. Н. В. Репнин, основываясь на только что полученных из Петербурга инструкциях, решительно потребовал от реис-эфенди, чтобы турецкие власти во исполнение Кючук-Кайнарджийского трактата повелели «немедленно и без изъятия выехать из всей Крымской области всем оставшимся там турецким военным людям»⁵.

Тем временем подходило к концу пребывание князя Репнина в Константинополе: императрица торопила его возвращение в Петербург. В рескрипте, подписанном 8 декабря 1775 г., она писала: «...старайтесь Вы в самом деле скорее кончить комиссию Вашу и возвратиться ко двору нашему, полагая по возможности лучшее основание к продолжению впредь через обыкновенного министра дружеского сношения с равною на обе стороны равною верою...» (ф. КМ, 1775—1776 гг., д. 611, л. 36об.—37).

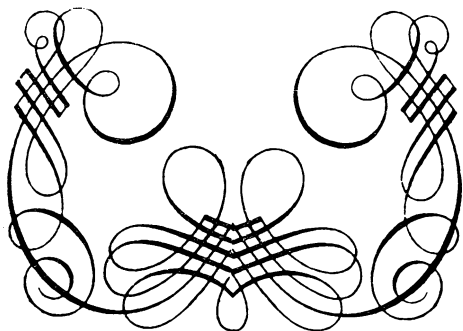
В феврале следующего года граф Панин уведомлял князя Репнина, что все «поступки и отзывы при Порте удостоились высочайшей апробации» (ф. СРТ, 1776 г., д. 465, л. 7).

В том же феврале Репнин получил очередной рескрипт императрицы: «По приближающемуся Вашему из Царьграда обратному в отечество отъезду мы за нужно признали, чтоб по постановлению 5-го артикула последнего вечно мирного трактата министр наш второго ранга, при Вас еще при Порте Оттоманской себя аккредитовав, прямо в дела вступить мог, к чему мы назначили бывшего доньше в Швеции резидентом нашего статского советника Александра Стахиева, в карактере чрезвычайного посланника и полномочного министра. Который для наибольшего в пути поспешания в переезд свой чрез турецкие владения сказывать будет принадлежащим к Вашему посольству» (ф. КМ, 1776 г., д. 611, л. 29).

Н. В. Репнин возвратился в Петербург в сентябре 1776 г. В августе того же года недавно прибывший в Константинополь чрезвычайный посланник и полномочный министр Александр Стахиев дает Лашкареву весьма ответственное, но «самокрайней нежности» задание. О нем речь пойдет в следующей главе.

Глава 3

«ВИЦЕ-КОНСУЛ» В ДАРДАНЕЛЛАХ

Когда из далекого Петербурга прибывал в Стамбул очередной кабинет-курьер, что случалось нечасто, размеренная жизнь русского посольства на какое-то время нарушалась. Все — от посла до последнего канцелярского служителя — были заняты на службе больше обычного. Нечто подобное можно было наблюдать и в один из жарких августовских дней 1776 г., когда в Бююкдере, где был расположен загородный посольский дом, царило необычное оживление. Срочно снимаются копии с отправляемых в Коллегию документов, шифруются секретные депеши. Посланник Александр Стахиевич Стахиев долго совещается в своем кабинете с советником Пинием, затем приглашает к себе в кабинет драгомана Лашкарева.

— Сергей Лазаревич, получен из Петергофа высочайший рескрипт от 5 июля за собственным ее императорского величества подписанием об исходатайствовании у Порты свободного пропуска для нескольких фрегатов под купецкими флагами с товарами и одного военного, отправленных в Средиземное море, а оттуда далее в Черное. В рескрипте этом содержится высочайшее повеление в сих словах: «Для учинения на деле начала и опыта непосредственной торговли в Италию и турецкие области признали мы за нужно отправить туда несколько судов с товарами, из коих четыре пошли уже в путь свой из Кронштадта, а два приказано от нас снарядить и нагрузить в Ливорне из оставшихся там судов от нашего флота... В числе сих фрегатов пять снаряжены в образе и виде прямо купеческих

судов, а шестой оставлен один в настоящей своей военной форме для прикрытия оных на походе от африканских морских разбойников. По прибытии судов в Константинополь приказано командирам оных (кои все определены из морских офицеров) отдать отправленные на оных товары находящимся там комиссионерам и корреспондентам нашего придворного банкира барона Фридрикса, а по сдаче оных и по приеме в обратный путь грузов своих... отправить их назад через Константинопольский пролив яко суда, нагруженные тамошними товарами... прямо в Керченскую гавань... А за важную услугу от Вас сочтем мы, когда предуспеете Вы и прикрывающему военному фрегату исходатайствовать от Порты свободу пройти Константинопольским каналом в Черное море под равным предлогом конвоирования пришедших с ним торговых судов» (*ф. СРТ, 1776 г., д. 471, л. 4—5об.*).

— В конце сентября — продолжал Стахив, — фрегаты эти должны прибыть в Ливорну, а оттуда они направятся в Архипелаг... Мы здесь долго размышляли о выборе способной персоны, чтобы помочь нашим фрегатам пройти через Дарданелли, и я решил сию важную комиссию возложить на вас. А уж их проводкой отсюда в Черное море я сам займусь.

— Ваше высокоблагородие, Александр Стахивич, перед возвращением из Петербурга сюда я ознакомился в Коллегии с некоторыми архивными материалами, до Порты касательство имеющими. Вы знаете, еще в самом начале нынешнего века наш князь Дмитрий Михайлович Голицын тщетно добивался у Порты, чтобы Черное море было открыто для русского торгового судоходства. На это тогдашний реис-эфенди отвечал ему следующим образом: «Султан смотрит на Черное море, как на свою внутреннюю, куда нельзя пускать чужеземца; скорее султан начнет войну, чем допустит ходить кораблям по Черному морю»¹.

— Да, все так, Сергей Лазаревич. Добавлю только, что нечто подобное говорилось и чуть ранее... Вы знаете, что по указу почившего в бозе блаженной памяти его императорского величества государя Петра Великого в 1699 году был послан сюда, в Царьград, для переговоров думный дьяк Емельян Украинцев на сорокавосемипушечном корабле «Крепость». А был тот корабль новый, отменной, надо сказать, постройки. Так вот, 7 сентября, как говорится в выprawке нашего коллежского архива, которая, как видите, сейчас у меня перед глазами, возможно, в такой же, как сегодня, погожий осенний день «Крепость», возбудившая превеликое любопытство жителей турецкой столицы, бросила якорь прямо перед окнами султанского дворца. И сам султан мог наблюдать торжественное прибытие посольского корабля в Царьград... Я бы не возражал, Сергей Лазаревич, если бы вы преуспели в том, чтобы и наши ожидаемые с таким нетерпением фрегаты в том самом месте по прибытии своем якоря бросили.

— Постараюсь, ваше высокоблагородие.

— Вернемся, однако, к миссии Емельяна Украинцева. Однажды во время переговоров с ним и другими посланниками Александр Маврокордато, салтанова величества тайных дел секретарь и переводчик, решительно заявил, что султан никогда не разрешит плавать европейцам ради купечества по Черному морю, а в Аравии по Черному, поелику Оттоманское государство имеет-де эти моря «яко чистую и непорочную девицу, и не токмо иметь на них кому плавание, но и прикоснуться никого никогда не допустит». Для усиления своей аргументации Маврокордато снова прибег к метафорической речи, заметив, что по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится. Но вот с тех пор минуло всего 75 лет, и перемены налицо. Как видите, Сергей Лазаревич, времена меняются и меняются явно к лучшему. Теперь уж никто не рискнет повторить слова Маврокордато, который тогда в запальчивости даже сказал Емельяну Украинцеву, что султан якобы скорее пустит кого-нибудь во внутренности своего дома, чем даст позволение иным народам плавать по этим морям². Да и Черное море ныне больше не собственность турецкого султана. Следует помнить, что последний наш с Портою Оттоманскою мир заключен под звуки оружия, и вольность плавания нашего по Черному морю признана. Первый на десять артикул мирного трактата, в Кайнарджи заключенного, дает России неоспоримое право свободного плавания купецких кораблей во всех турецких морях, равно как и прохождения оных из Черного в Белое, а из оного в Черное. Без таковой свободы отнюдь бы не согласилась Россия заключить мир посреди толиких ее побед.

— Ваше высокоблагородие, при переговорах с чиновниками в Дарданеллях буду стараться напоминать им артикулы блаженного мира, до них касательство имеющие.

— Вот еще что, Сергей Лазаревич. Нелишне будет в связи с вашим отъездом в Дарданелли вспомнить и такую подробность о пребывании «Крепости» в Царьграде. Капитан ее неоднократно производил салютацию, а однажды стрельяние продолжалось долго и ночью, отчего в столице произошел преизрядный переполох и смятение, особенная же «великая тревога» случилась среди женок в султанском гареме. Потому султан настоятельно просил не салютовать более... Соблаговолил передать мою просьбу командующему военным фрегатом «Северный орел» флота капитану Козлянинову, чтобы он при прохождении фрегатом чрез Дарданелли от салютации воздержался.

— Будет исполнено.

— Приметить также хочу, что на основании мирного трактата 1774 года сразу же был дозволен пропуск нескольких наших купецких кораблей чрез Дарданелли.

— Александр Стахивич, у некоторых турецких правителей, как известно, плохая память: торжественно подписав мир, не

решились они, однако, как вам то известно, в землях своих его артикулы обнародовать...

— Все-таки стоит взглянуть вот на этот документ из нашего посольского архива с весьма примечательным заглавием: «Ведомость коликое число с прибытия его превосходительства поверенного в делах Петерсона в Царьградский порт разного рода российских судов под военным и купецким флагами прибыло и куда именно из оных отъехали». Так вот, уже в октябре 1774 года из порты Аузы в Дарданелли отправился военный фрегат «Наталия». Он, как известно, был послан туда вице-адмиралом Андреем Власьевичем Елмановым за хлебными припасами для русской эскадры. Она находилась тогда в Архипелаге. И, надо сказать, турки продали нам необходимое количество сухарей. В том же году в Дарданеллях оказалась шхуна «Победослава Дунайского» под военным флагом, которая, как здесь записано, «из Измаила штормом с потерянием мачты занесена». В феврале 1775 года трехмачтовое судно, именуемое «Черное море», под купецким флагом, нанятое нами в Константинополе, пошло в Керчь. В апреле того же года фрегат «Почталъон» под купецким флагом, прибывший из порта Аузы с переселенцами, отбыл в Керчь. В июне 1775 года фрегат «Тина», тоже под купецким флагом, из Аузы с переселенцами отправился в Еникале. В августе туда же с переселенцами придет фрегат «Победа» под купецким флагом. Ну а теперь пришло время и нам завести подобную ведомость...

— Ваше высокоблагородие, дело это трудное.

— Да, весьма, но нужно постараться. Вы ведь в Дарданеллях уже побывали дважды и довольно знакомы с местными чиновниками...

— Точно так, но турецкие начальники любят трактовать с людьми, у коих чины повыше моего...

— Сергей Лазаревич, вы же знаете, посланник чинов не присваивает. Я могу только представлять к очередному чину в Коллегию. Но мне ваша мысль понятна. Хорошо, вы поедете в Дарданелли в качестве вице-консуля. Получите тысячу левков на первые расходы, заведете шнуровую книгу и с Богом. В помощь себе для разных посылок возьмите студента Ивана Равича, который тоже знает турецкий. Ожидаю от вас доказательств вашей преданности и вашего усердия...

Вместе с другими документами Лашкарев получил от Стахиева письмо для передачи капитану флота Козлянинову³, военный фрегат которого конвоировал суда под купеческими флагами. Стахиев писал: «Милостивый государь мой, Тимофей Гаврилович! Податель сего, находящийся при мне переводчик Сергей Лазаревич Лашкарев, посылается в Дарданелли навстречу к вашему высокоблагородию и для провожания Вашего со всею Вашею свитою оттуда сюда, почему и прошу удостоить его своей полной доверенности. Опасаясь, чтоб в Дарданеллях не воспоследовало затруднений в пропуске сюда Вашего собст-

венного фрегата, я с достаточным наставлением поручил ему об отвращении того всячески стараться...» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 69—69 об.).

14 сентября 1776 г. Сергей Лазаревич из Дарданелл отправил Стахиеву донесение № 1, в котором сообщал: «12 сего сентября прибыли благополучно в Дарданелли. А на другой день был я на визите у здешних начальников, которые приняли меня весьма дружески. А здешний диздарь, т. е. комендант крепости, не очень уверился, что я прибыл на место консуля, и говорит, что я, конечно, имею какую-либо иную комиссию, однако как он, зная меня и в некоторых комиссиях уже опробовал, то и теперь уверен, что сей мой приезд ему ничего не подозрителен; тогда я ему отвечал, что окромя сего сюда приезжал два раза и по отъезде моем от двора их никакого они нарекания не имели.. А приехал трлько для единого порядку в проезде судов и купцов, за неимением ныне здесь нашего консуля» (там же, л. 77—77об.).

После отъезда Лашкарева в Дарданеллы Стахиев получил письмо от графа Н. И. Панина с поместой: «Апробовано ее императорским величеством 12 сентября 1776 г.». В нем содержались дополнительные инструкции о направлявшихся в Средиземное море русских фрегатах. Панин сообщал, что последние «давно уже в путь отправились и действительно миновали Зунд пред несколькими неделями, почему им в настоящую пору надлежит быть в Средиземном море или недалеко оттуда». И далее канцлер подчеркивал: «Сие мое примечание имеет служить единственно к показанию Вам, что не в нашей уже воле остановить явление сих судов в Константинополе... Но в теперешнем вопросе весьма удалены мы от того, чтоб потворствовать прихотливым затеям министерства турецкого... Другим пособием представляется здесь ясное и откровенное изъяснение самого дела министерству турецкому, которое и поручает Вам государыня императрица учинить в дружелюбных, но тем не меньше твердых и точных изречениях» (ф. СРТ, 1776 г., д. 484, л. 9—14).

Итак, по всем предположениям, фрегаты вскоре должны были появиться в районе о-ва Тенедос. Поэтому Сергей Лазаревич отправляет туда на наемной барке студента Равича с письмом к командиру ожидаемой эскадры Козлянинову, в котором официально уведомляет его, что он, Лашкарев, прислан от находящегося в Константинополе российского посланника Стахиева «для проводу Вас через Дарданелли», и при этом просит о следующем: «...как скоро изволите подойти к первым крепостям, то извольте шествовать один за одним, не останавливаясь... без пушечной пальбы...» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 85). Он также посылает своих людей в близлежащие гавани узнать от капитанов прибывающих туда иностранных судов, не встречали ли они на своем пути русские фрегаты. Ответы были отрицательными.

Сам же Лашкарев времени зря не теряет. 20 сентября он

отправляется в местный суд, где официально аккредитует себя в качестве российского вице-консула. Он наносит визиты местным начальникам, только в сентябре посетив влиятельного таможенного директора, всех четверых комендантов Дарданелльских крепостей. Принимает и у себя местных чиновников: его посетили галлипольский янычар-ага с сыном, а комендант первой Дарданелльской крепости прислал к нему двоих своих служителей с поздравлениями. Придерживаясь принятого в таких случаях обычая и, видимо, следуя известной французской поговорке: «Маленькие подарки поддерживают дружбу», Лашкарев делает чиновникам скромные подарки.

В архиве сохранились скрупулезные счета Сергея Лазаревича на такого рода презенты. Заглавие одного из таких документов гласит: «Расход переводчика Сергея Лашкарева, отправленного в Дарданелли под именем вице-консула для спешествования проходу сюда купеческим пяти фрегатам. Сентября 9 дня 1776 года». Приведем из этой ведомости несколько записей. 13 сентября 1776 г.: «В бытность на визите у дарданелльского кадья употреблено на обыкновенные подарки его служителям 13 левков 20 пар». На следующий день: «В бытность с равною же визитою у дарданелльского таможенного директора подарено его людям 4 левка 20 пар». 15 сентября: «В бытность с визитою у коменданта крепости, называемой Румелской, подарено его служителям 9 левков 20 пар». 18 сентября: «Двум чегодарям, присланным с поздравлением от коменданта первой Дарданелльской крепости, подарено 5 левков» (ф. КМ, 1776 г., д. 701, л. 14).

Или, например, такая запись, датированная 17 мая 1777 г.: «Соображаясь прочих иностранных держав находящимся в Дарданеллях консулям, послано в презент к адмиралтейскому кегаю во время бывшей его сына женитьбы два быка в 35 левков, кусок розовой парчи в 48 левков, да при отсылке оногo чегодарям его и адмиралтейским музыкантам подарено 18 левков — всего 101 левк». И в тот же день: «Соображаясь также введенному обыкновению, послано в презент к дарданелльскому кадью три аршина алого сукна во время обрезания его сына» (там же, л. 17об.).

Лашкарев, на наш взгляд, тяготился необходимостью делать подобные подношения. Во всяком случае, занятие это было для него не из самых приятных, о чем красноречиво свидетельствует дарданелльская «шнуровая книга». Особенно характерна в этом отношении запись от 17 мая 1777 г. Оборот «соображаясь прочих иностранных держав находящимся в Дарданеллях консулям, послано в презент к...» появился отнюдь не случайно и предназначался Сергеем Лазаревичем не в последнюю очередь для самооправдания. Да, собственно, в создавшейся ситуации, когда ему чуть ли не каждый день приходилось встречаться с чиновниками (при этом порой он не пренебрегал и простыми писцами), иного выхода у него просто не было, поскольку обы-

чай давать презенты успел сильно укорениться в дипломатической практике.

Хорошо известно, что не только в описываемый период, но еще, скажем, в петровские времена официальные, а чаще неофициальные подарки турецким (да и не только турецким) чиновникам всех степеней считались немаловажным аргументом при дипломатических переговорах. Деньги и меха, золотые табакерки и перстни с алмазами, украшенные бриллиантами часы и дорогие ткани — вот далеко не полный перечень таких аргументов⁴. Дело дошло до того, что в той же Османской Порте еще в XVII столетии получаемые чиновниками всех степеней подобного рода подарки и деньги стали облагаться специальным «налогом с взяток».

Как раз в то время, когда Лашкарев активно занимался своими делами в Дарданеллах, Стахнев был серьезно озабочен тем обстоятельством, что турецкие правители под разными предлогами затягивали выплату контрибуции России, обусловленной Кючук-Кайнарджийским мирным договором⁵. Когда же русским посольством было сделано турецкой стороне представление на сей счет, то реис-эфенди высказался в том духе, что «невеликая будет беда, если уплата перейдет за срок — дело обыкновенное в долговых платежах». Русскому посланнику не оставалось ничего другого, как прибегнуть к испытанному побудительному средству — пообещать султанскому фавориту Ахмед-эфенди и «знатному, сильному и проворнейшему» в корпусе улемов Мурад-молле до 6% с каждого взноса. Только после этого начали более или менее регулярно поступать турецкие мешки с деньгами в русскую казну⁶.

Справедливости ради отметим, что во всех случаях, когда дело касалось траты не личных, а казенных денег «из сумм, на чрезвычайные расходы положенные», Сергей Лазаревич был на удивление прижимист. Один характерный пример. Сообщая в своем очередном донесении Стахиеву о получении его письма от 27 сентября 1776 г., где, в частности, упоминалось «о мехах, купленных за 78 левков» и предназначенных для подарков, Лашкарев замечает: «...немного дороговаты для тех, которым я обещал» (*там же*, л. 1—1об).

Вообще-то дела у Лашкарева в Дарданеллах шли неплохо, но вот погода не радовала. В первой половине сентября ветер, как назло, дул в основном с Черного моря, так что, появившись сейчас в этом районе русские фрегаты, которых с таким понятным нетерпением ожидал Сергей Лазаревич, они все равно не смогли бы войти в пролив.

22 сентября 1776 г. Лашкарев с нарочным посылает письмо, в котором сообщает, что хотя ветер наконец и переменился — теперь он с Средиземного моря, «но со всем тем от наших ничего не слышно». Понятно, «вице-консул» начинает нервничать: уходит драгоценное время, надвигается поздняя осень, когда в этих местах погода особенно неустойчива. Хорошо из-

вестно, сколь капризны и непостоянны архипелагские ветры. А уже в декабре, как правило, проход кораблей из Средиземного в Черное море практически невозможен. Это хорошо понимает и Стахийев. 12 октября он пишет Сергею Лазаревичу: «Поздняя осень наносит мне немалое беспокойство, почему и прошу Вас в свое время употребить всевозможное старание, чтоб оные (русские фрегаты — Г. К.) без всякой в Вашем месте остановки сюда пропущены были».

Тем временем к служебным заботам добавились у Сергея Лазаревича и личные. Он серьезно беспокоился о состоянии жены: она ждала ребенка. В том же письме Стахийев сообщал Лашкареву, что Констанция Ивановна, «слава Богу, в благополучном здравии находится с своим брюшком» (*там же*, л. 42). Еще ранее, в одном из ответов Лашкарева, отправленном 3 октября 1776 г., читаем: «Письмо от вашего высокородия я имел честь получить, писанное от 23 сентября, в котором изволите писать о моих домашних, о чем приношу мою всенижайшую благодарность...» И в другом письме, от 16 октября 1776 г.: «Приношу мою благодарность за оказанную мне отеческую милость о выдаче жене моей пятьсот левков, о которых ваше высокородие изволили мне писать от 12-го октября. Здесь черноморская погода по сие время продолжается» (*там же*, л. 2).

К середине октября Лашкарев в Дарданеллах преуспел в главном: «совсем сговорился» с местными чиновниками о проходе через пролив русских купеческих фрегатов, но сетует на то, что о последних ничего не знает, хотя и спрашивал о них «от всех проезжавших мимо сего места судов»; к тому же «погода и по сие время дует на море противная».

В донесении № 6 от 31 октября 1776 г. Лашкарев писал Стахийеву следующее: «22 октября капитан-паша прибыл в Дарданеллы со своим флотом и ожидает погоды, чтобы следовать в Константинополь. Я посетил его. Он сказал, что слышал-де о нахождении в Архипелаге девяти русских военных судов. Я отвечал, что этого не может быть, а там есть суда купецкие с разными товарами, которые следуют в Константинополь числом до пяти судов, и несумнительно, что с оными должно быть одному военному фрегату для прикрытия оных. Визит закончился весьма ласково. Затем я посетил заместителя капитан-паши, с которым уже говорил более пространнее... Теперь я думаю, что уже никакого нет мне препятствия в проходе известных Вам судов. 27 октября, как мне сообщили, прибыли наши два фрегата и по причине противной погоды стали на якорь между Троею и Тенедосом». В конце донесения Лашкарев сделал такую приписку: «А здесь такая сильная зима, что я уже вышел из надежды, чтоб получить беломорскую погоду» (*ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 80—81*).

Между тем переговоры Стахияева в Константинополе с турецкими властями складывались весьма неблагоприятно. Стахийев сообщил Лашкареву, что капудан-паша получил письменное ука-

зание — по осмотре фрегатов воспрепятствовать их проходу. 31 октября в Петербург была отправлена зашифрованная депеша о грубом ответе реис-эфенди на поданный Порте мемориал по поводу пропуска фрегатов на Черное море (ф. ВКД, 1776 г., д. 767, л. 13).

10 ноября Лашкарев информирует посольство: «Благодарю Всевышнего, погода теперь уже нам весьма полезна, и с часу на час ожидаю гостей, не могу понять, что так они замешкались...» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 82).

На следующий день Лашкарев отправляет Стахиеву еще одно письмо, на этот раз сугубо личное: «Я имел честь получить письмо ваше, писанное от 5-го сего ноября, в котором изволите меня уведомить о новорожденном. Итак, я принимаю смелость всенижайше просить яко моего покровителя воспринять труд и привести оного в христианский закон...» (там же, л. 87).

11 ноября студент Равич возвращается с Тенедоса с письмом Козлянинова к Лашкареву, в котором Тимофей Гаврилович просит Сергея Лазаревича к нему приехать. Несмотря на штормовую погоду, Лашкарев отправляется на Тенедос. Здесь его радушно встречает капитан. Сергей Лазаревич, вручив ему письмо Стахиева, рассказывает, какие предпринимаются усилия, чтобы помочь эскадре пройти через Дарданеллы.

— Ваше высочордие, Тимофей Гаврилович, я уверен, что дарданелльские начальники пропустят фрегаты под купецким флагом через пролив, когда из него уйдет капитан-паша. В его присутствии они себя начальниками не чувствуют. Что же касается до вашего «Северного орла», то здесь обстоятельства посложнее кажутся. Коменданты четырех крепостей с пониманием отнеслись к моей просьбе, чтобы и ваш фрегат пропустить, яко конвоирующий купецкие наши фрегаты, но им нужны дополнительные резоны на сей счет. Я им уже представлял, что Тенедосский порт для вашей зимовки не годится. Но нужно еще, чтобы рапортом на имя нашего посланника вы представили и ту причину, что худое состояние фрегата требует его починки основательной, а таковая может быть сделана только в Константинополе.

— Сергей Лазаревич, я вас понял: в надлежащее время такой рапорт будет составлен.

— Да и капитан-паша не очень возражает против пропуска наших фрегатов, но я ему не очень доверяю. Последняя война закончилась недавно, и у него еще свежи в памяти сокрушительные удары нашего флота в Архипелаге. Да вы ведь сами, Тимофей Гаврилович, в это время находились здесь в крейсерстве и лучше меня знаете эти события...

Действительно, к этому времени капитан Т. Г. Козлянинов успел накопить в дальних походах значительный боевой опыт. Так, в 1770 г. на корабле «Святослав» он плывал из Портсмута в Средиземное море, участвовал в сражениях с турецким фло-

том при Наполи-ди-Романа и при Чесме. На корабле «Ростислав» в 1771 г. ходил из Ливорно в Архипелаг, в августе при высадке десанта в зал. Ди-Макри командовал шебекой, прикрывавшей войска. В 1772 г., находясь на том же корабле, крейсировал по Архипелагу; в июне командовал бомбардирским кораблем «Страшный», а с ноября 1772 по 1774 г.— «Георгием Победоносцем». В 1775 г. на «Георгии Победоносце» Козлянинов возвратился в Россию и в декабре был произведен в капитаны 2-го ранга⁷.

...Козлянинов благодарит Лашкарева за ценные советы и просит его передать Стахиеву свой первый официальный рапорт:

«Обретающаюся в Константинополе Российскому Чрезвычайному Посланнику и Полномочному Министру Александру Стахиевичу Стахиеву флота от капитана Козлянинова

Р а п о р т

По высочайшему ее императорского величества соизволению в силе указу Государственной Адмиралтейской Коллегии с порученною мне эскадрою — четырьмя фрегатами „Северным орлом“, „Григорием“, „Павлом“ и „Наталиею“ — сего году июня 15 дня отправлен я из Кронштадта в повеленный мне вояж, из которых последние три фрегата состоят под купецкими флагами, гружены из России товарами: полосным железом, парусиною, паюсною икрою, разными канатами, свечным салом, воском, рогожными кулями, холстиной, набойкою, красною ефтою, ильмом, а „Северный орел“, на котором я над всею эскадрою командиром, — под военным флагом без товаров для провожания оных фрегатов в Царьград конвоиром. По прибытии с порученною мне эскадрою в Ливорну фрегат „Павел“ оставлен там для перемены товаров; и еще получены в мою эскадру бывшие в Ливорне в ведомстве его превосходительства господина генерал-майора цейхмейстера и кавалера Ивана Абрамовича Ганнибала оставшие от нашего флота фрегаты „Св. Павел“ и „Констанция“, которые также должны погрузиться в Ливорне чрез купца господина Каламая товарами и следовать в Царьград под моим же конвоем, еще с фрегатом „Павлом“. Почему я отправился из Ливорны минувшаго сентября 18 числа, продолжая плавание с фрегатами „Григорием“ и „Наталиею“. Сего ноября 10 дня прибыли к Тенедосу благополучно, где за противным ветром остановились. Присланный от вашего высококородия переводчик господин Лашкарев для нашей встречи сего месяца 13 числа ко мне приезжал, от которого письмо вашего высококородия получить честь имел с великим удовольствием. По полученному повелению фрегатам „Григорию“ и „Наталии“ велено следовать в Царьград, а я до получения сухарей, в которых имею недостаток, с первым благополучным ветром отправлюсь за оставшими в Ливорне тремя фрегатами. Командирами состоят на купецких фрегатах флота капитан-лейтенанты: на „Григории“ — Астафий Одинцов, на „Павле“ —

Николай Скуратов, на „Наталии“ — Федор Мосолов, на „Св. Павле“ — Федор Ушаков, на „Констанции“ — генерал-адъютант Володимер Ржевский.

Всенижайшим моим почтением пребуду Ваш, милостивый государь, всенижайший слуга флота капитан Тимофей Козлянинов. Ноября 13/24 дня 1776 года» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 66—66об.).

В тот же день с этим рапортом Сергей Лазаревич покинул Тенедос. На документе была сделана обычная в таких случаях помета «Получено декабря (явная описка, следует читать: „ноября“.— Г. К.) 13 дня 1776».

Лашкарев и Козлянинов расстались довольные друг другом. Капитан 2-го ранга был уверен, что «вице-консул» сделает все возможное, чтобы «Северный орел» бросил якорь в Царьграде. Козлянинов поверил в него настолько, что в письме Стахиеву от 4 декабря из Ливорно, где он сообщает о своем возможном прибытии в начале января 1777 г. в район Дарданелл, просит его к этому времени «прислать в Дарданеллы господина Сергея Лазаревича Лашкарева, который, зная турецкие манеры, может сделать вспоможение в прохождении моем» (там же, л. 67).

Возвратившись с Тенедоса, Лашкарев 14 ноября пишет Стахиеву: «...помянутые фрегаты сквозь первые крепости уже прошли и надеюсь, что проташу и чрез последние крепости как бы то ни было» (там же, л. 75об.). Спустя неделю он докладывает русскому посланнику, что два фрегата из-за противной погоды дальше не пойдут. Был настолько сильный шторм, «что ни одно европейское судно не могло на якорях устоять и потеряли оные», нашим же фрегатам шторм никакого вреда не причинил. И далее: погода здесь уже совсем стихла, и «фрегаты пойдут в свой путь один за одним, так, как изволили с Портою уговориться» (ф. СРТ, 1776 г., д. 287, л. 33—33об.).

Еще 6 декабря фрегаты «Григорий» и «Наталия» продолжали стоять на якорях в Дарданеллах в «ожидании благополучных ветров». В этот же день Лашкарев сообщал Стахиеву: «Погода противная не позволяет нам отправить находящиеся здесь два фрегата, и Бог ведает, когда оная переменится...» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 96об.).

Но на следующий день «Григорий» с якоря все же снялся и 13 декабря благополучно прибыл в Константинополь. «Наталия» же появилась там тремя днями позже. Сразу же по прибытии командующий фрегатом «Григорий» Астафий Одинцов доложил Стахиеву, что за время плавания фрегат побывал во многих штормах, что «от великой качки фрегата из пазов временами пенька выходила и от того делалась на них течь, которую старались останавливать. А повредила ли оная товары, или нет, за теснотою в интрюйме осмотреть не можно».

Аналогичный рапорт был послан Стахиеву и командующим фрегатом «Наталия». Его экипаж состоял из 136 человек, среди

которых были лейтенанты, мичманы, лекарь, комиссар, иеромонах Софроний, генеральный писарь, лекарский ученик, боцманы, плотники, конопатчики, канониры, денщики, повар (там же, л. 51).

После благополучного прибытия двух фрегатов в Константинополь Стахийев уведомляет Лашкарева, что разрешает ему временное увольнение домой. Сергей Лазаревич уже три месяца находится в Дарданеллах, не видел еще своего первенца и сам просил посланника об отпуске. И все же захваченный водоворотом событий, он не решается уехать — помешало чувство служебного долга. И Лашкарев сообщает Стахийеву, что выехать не может, так как не желает своим отъездом подать здешним начальникам «о себе какое-либо сомнение». Он хочет дожидаться прибытия остальных фрегатов из Ливорно. Капитан 2-го ранга Козлянинов отправился в этот порт на «Северном орле» 14 ноября и обещал возвратиться сюда с остальными двумя фрегатами в начале января.

Лашкарев понимал, что главные трудности впереди: нужно «протащить» через Дарданеллы военное судно «Северный орел». Переговоры же на сей счет русского посланника с турецкими властями по-прежнему не давали даже малейшего повода к оптимизму.

На исходе 1776 г. Стахийев вынужден был уведомить Козлянинова: «Порта Оттоманская никак не соглашается ваше высокоблагородие с вооруженным Вашим фрегатом сюда допустить, предъявляя, что опасается от того народного здесь возмущения, и представляет в протчем свою готовность Вам во всем помогать во всяком другом, за Дарданеллами лежащем порте, а я, напротив того, за нужно признавая такое ее упрямство переломить, неотступно настояю, чтоб Вы сюда допущены были...» (там же, л. 70—70об.).

Стахийев неоднократно представлял реис-эфенди, что согласие Порты на проход военного фрегата в Черное море будет, конечно, принято русским двором за отменный знак дружбы и доброго желанья ее «утвердить оную узлом взаимных снисхождений и взаимной пользы обеих сторон подданных». Россия, со своей стороны, никогда не откажется «равным образом уважать и исполнять требования Порты Оттоманской, ежели такие требования с положениями мирного трактата согласовать можно будет». К тому же одно русское военное судно в Черном море «весьма недостаточно беспокоивать» ее в такое время может, когда сама Порта свои собственные морские силы имеет там в столь исправном положении и многочисленности. Следует иметь также в виду, что все по Средиземному морю «купеческие нации находятся в необходимости прикрывать торговые свои, в оное море посылаемые суда военными кораблями, а иногда и целыми эскадрами».

На заявление реис-эфенди: Порта-де в состоянии различить военные и купеческие корабли, какое бы старание приложено

ни было «к уподоблению первых последним», посланник возражал: реис-эфенди не может не знать, что «разность» между военными и купеческими кораблями не в другом чем состоит, как в образе их вооружения и экипирования, и что вообще суда, к дальним путешествиям употребляемые, обыкновенно бывают такой величины, что легко могут уподобляться военным кораблям и фрегатам. С такими доводами русского посланника не мог не согласиться даже капудан-паша.

В своей депеше Панину Стахийев 10 декабря 1776 г. сообщал, что советник посольства Пиний виделся с известным султанским лекарем Гобисом, который подтвердил ему, что «капитан-паша продолжительно благосклонным пребывает относительно пропуска фрегатов в Черное море, внимая, что дальность их пути извиняет их величину, хотя бы два, а не более из них своею величиною верстались и с здешними линейными кораблями» (ф. СРТ, 1776 г., д. 482, л. 31—31об.).

14 декабря Стахийев доносил Панину: переводчик посольства Пизани посетил переводчика Порты в доме реис-эфенди и имел с ним беседу по поводу находящихся в Константинополе двух русских фрегатов. Услышав от Пизани, что прибывший сюда «Григорий» своею величиною меньше вместе с ним прибывшего венецианского купецкого корабля, как о том из «визирских» покоев, очевидно, удостовериться можно, переводчик Порты с радостью поспешил известить о том «визиря». «А сей тотчас послал от себя к султану для такого же извещения с присовокуплением, что его величество из своих собственных окон может сам усмотреть, что оный фрегат не больше французских, венецианских и других чужестранных вместе с ним прибывших купецких кораблей... И как при том Пизани переводчику Порты в разговоре сказал также, что теперь уже поздно оным фрегатам на Черное море следовать, так Порты может и оные, равно как французские, нанять для хлебного сюда перевоза, что переводчик Порты визирю так же перенес и, возвратясь, сказал Пизанию, что визирь то с крайним удовольствием принял, вызываясь, что таким способом скорее и удобнее всего всякое у их безрассудного народа подозрение истребится и он, привыкнув единожды к их зрению, министерство свое избавит от всяких хлопот и опасности» (там же, л. 64—64об.).

Таким образом, высказанное в свое время Лашкаревым предложение об использовании фрегатов для перевоза хлебных припасов турецкими властями было принято.

И еще одно важное донесение Стахийева Панину от 19 декабря: «Порты указала таможенным служителям прилежно осмотреть, нет ли в прибывших на сих днях сюда двух российских фрегатах амуниционных и других военных припасов, почему оные служители рапортовали, что оные фрегаты наполнены икрою, железом и другими товарами, а никаких военных припасов не примечено» (там же, д. 483, л. 32об.).

После такого осмотра судов можно было приступить к их

разгрузке. В Константинополе функционировала созданная незадолго до прибытия фрегатов «Российская контора Сиднева с товарищи», которой и была поручена приемка грузов. 20 декабря Стахийев направил командующему фрегатом «Григорий» Астафию Одинцову ордер, в котором, в частности, указывалось: «Купец г. Иван Сиднев сего утра предъявил мне, что он к приему привезенных на Вашем фрегате товаров готов» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 65).

Этими же «компанейщиками» позднее была разгружена и «Наталия», и они дали расписку командующему фрегатом в принятии таких товаров, как железо полосное, круги разносортных канатов, бочки с икрой, кипы парусных полотен, свечное сало.

В своей реляции Екатерине II от 23 февраля 1777 г. Стахийев докладывал, что фрегат «Григорий», будучи теперь совсем разгружен, «на нынешней неделе возвратится на Белое море за хлебными припасами для здешних казенных магазейнов, которые он достать имеет в одной из трех следующих пристаней: в Воле, в Лаге или же в Салонике... две трети доли, составляющие тысяча семьсот семьдесят семь левков, третьего дня [турками] уже заплачены» (ф. СРТ, 1777 г., д. 494, л. 23).

Однако для того чтобы «Григорий» смог отправиться «за хлебными припасами», необходимо было получить в таможене пропускной билет, а константинопольские таможенники отказались его выдать на том основании, что якобы имеющееся на фрегате число людей «кажется чрезмерно велико». Пришлось Стахийеву сделать по этому поводу специальное представление, переданное турецкому министру иностранных дел посольским переводчиком Пизани. Реис-эфенди приказал выдать такой билет немедленно.

13 января турецкие власти издали специальный фирман, в котором, в частности, указывалось: «Объявляю чрез сей императорский указ изящнейшим судьям Салоникскому и пристани Кара Агач, Голосскому наместнику и находящимся в оных трех уездах хлебным подрядчикам, [что] Константинопольский таможенный директор нанял российское судно под руководством капитана Астафия Одинцова с таким договором, записанным в канцелярии, что за провоз оной пшеницы заплачено будет здесь вперед две трети доли, а остальная треть по привозе сюда...» (там же, д. 502, л. 19об. — 20).

Узнав о заключенном контракте, французские капитаны купеческих судов стали распространять всякого рода слухи о российских фрегатах, «да и господа венециана», сообщал Лашкарев Стахийеву, не очень довольны этим контрактом.

Лашкарев с нетерпением ожидал прибытия из Ливорно оставшихся трех фрегатов под купеческими флагами и Козлянинова на фрегате «Северный орел», который их конвоировал. 16 января все они благополучно прибыли к Тенедосу.

Между тем тремя днями раньше Лашкарев отправил Ста-

хиву сделанный им перевод с донесения дарданелльских чиновников капудан-паше. Они сообщали ему, что его приказ о том, чтобы оставшиеся позади три российских фрегата по приближении к Дарданеллам «дружеским образом имеют быть приостановлены», «с должным послушанием и покорностью прочтен». И далее: «Между ж тем, какие впредь воспоследуют от Вас высокие повеления, по тому поступаемо будет, и что, денно и ночно находясь здесь на границе правоверных, молимся о продолжении Вашего здравия и приняли дерзновения донести» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 341об.—342).

Ознакомился Лашкарев и с содержанием самого приказа, присланного капудан-пашой дарданелльским начальникам. Информировав об этом Стахиева, он писал, что капудан-паша потребовал, чтобы купеческие фрегаты были осмотрены «со всякою осторожностью, дабы с нашей стороны между купеческими судами не отправлен бы был военный фрегат, а на место оного оставлен один из трех купеческих; итак, здешние коменданты оное письмо мне объявили, тогда я им сказал, что я их на военный фрегат в гости поведу, когда он будет» (там же, л. 336).

И надо сказать, Лашкарев слово свое сдержал. В «шнуровой книге» 20 января он сделал запись: «За наем двух барок для двух крепостей комендантов и таможенного директора, бывших с визитою на фрегате „Сев. орел“ у капитана и кавалера Козлянинова, употреблено 17 левков» (там же, л. 16об.).

В очередном письме Лашкарев уведомлял Стахиева, что 29 декабря «Констанция» «находится, прошед первые Дарданеллы, в порте Кепез подле последних крепостей благополучно... Я у здешних начальников выхлопотал, чтоб военный фрегат шел с прочими мимо первых крепостей и стал в порте, где находится фрегат „Констанция“, представляя им Тенедосский порт для зимнего времени опасным...» (там же, л. 334—334об.).

19 января 1777 г. Козлянинов смог доложить Стахиеву, что военный фрегат «Северный орел» вошел в Дарданеллы и встал на якорь в порту Кепез подле последних крепостей. В этом порту была якорная стоянка английских и французских кораблей (там же, л. 306—306об.).

Два года спустя в своей челобитной Екатерине II Сергей Лазаревич с гордостью напишет, что он ввел «Северный орел» в пролив «единственно для того, дабы и впредь приплывающие российские суда могли иметь уже навсегда неоспоримое право там же становиться» (ф. ВАД, 1776—1781 гг., д. 6, л. 102).

20 января 1777 г. Лашкарев направляет посланнику важное донесение, в котором, в частности, сказано: «Фрегат „Констанция“ 14 сего месяца к Вам отправился... Вчерашнего дня сквозь первые крепости проведены два купеческие фрегата, також и военный фрегат. Я предупредил ввести вкупе с вышеописанными, из которых малый „Св. Павел“, не останавливаясь, прямо отправлен в Ваш порт, а „Северный орел“ с одним остальным купеческим фрегатом „Павлом“ стали на якорь подле са-

мых последних крепостей благополучно...» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 357—357об.).

23 января командующий фрегатом «Констанция» Ржевский рапортовал Стахиеву: «С прибытием моего с порученным мне фрегатом „Констанцією“ к выгрузке с фрегата товаров обстою в готовности...» (там же, л. 156).

20 января на константинопольском рейде появился «Св. Павел». В архиве обнаружена инструкция Козлянинова командующему этим фрегатом капитан-лейтенанту Федору Ушакову — будущему прославленному флотоводцу. Приведем некоторые ее положения: «По нагружении товаров, следуя из Ливорны повеленным путем, быть всем неразлучно... Ни в какие порты без крайней нужды не заходить, разве, отчего Боже сохрани, какое повреждение от штормов или иного несчастья фрегату приключится... В рассуждении салютации и почестей морских имеете поступать во всем на основании правил купеческих кораблей. Купеческих кораблей всех народов ни под каким видом не останавливать, а тем меньше осматривать или какие делать притеснения, но, напротив того, всякую благопристойность, ласку и в случае нужное вспоможение показывать, дабы и сим прославлять Российский флаг, сколь славен он приобретенными победами. Известно, что в Средиземном море бродят морские разбойники, то вы имеете употребить от оных всякую осторожность и опасение; и содержать себя для защищения во всякой исправности и готовности; ибо вы с довольною обороною отправляетесь, однакож самим вам на них не нападать. Намерение сей экспедиции сверх перевозу товаров состоит в приобретении практики молодых офицеров, также и нижних служителей...» (там же, л. 452—453об.).

Федор Ушаков представил Стахиеву «Ведомость сколько каких товаров погружено во фрегат для отвозу в Константинополь от ливорнейского купца Каламая». В ней поименованы следующие товары: свинцовые чушки, бочки с серой, бочки с сахаром, бочки с кофейными зернами, кипы бумаги, бочонки с дробью, 20 тыс. штук кирпичей, 20 сосновых досок (там же, л. 197).

Наконец, последний фрегат под купеческим флагом «Павел» 6 февраля прибыл в Царьград, а его командующий Николай Скуратов докладывал Стахиеву двумя днями позже: «Фрегаты „Павел“, „Наталия“, „Св. Павел“, „Констанция“, стоящие здесь на якорю... состоят благополучно» (там же, л. 182).

Стахиев отправил Козлянинову посольскую яхту для починки. Тимофей Гаврилович перед своим отплытием из Дарданелл 21 февраля уведомлял посланника: «Яхту, которую изволили прислать, сколько можно она починкою исправлена и препоручена Сергею Лазаревичу» (там же, л. 313—313об.).

На следующий день «Северный орел» из Дарданелл отправился к о-ву Тасос, чтобы в дальнейшем конвоировать фрегат «Григорий», которому предстояло перевозить пшеницу. В этой

связи Козлянинов докладывал Стахиеву, что «„Григорий“ остался в Салониках, так как в нагрузке его в Воло и в Салониках ему отказали за неимением пшеницы, и из Салоник еще пойдет в Лаго, где также, сказывают, пшеницы не имеется. По получении груза пшеницы возвратится к Тенедосу...» (там же, л. 314). В свою очередь, Стахий в своем донесении Панину писал: «Фрегат „Григорий“, ездивший в Воло, в Салоники и в Лаго за пшеничным для здешнего правительства припасом, 6-го числа сего апреля возвратился к острову Тенедосу, не получа ни в котором месте груза за недостатком, и так соединился с вооруженным фрегатом „Северным орлом“» (ф. СРТ, 1777 г., д. 503, л. 27об.).

Занимали Лашкарева и чисто финансовые проблемы: Козлянинов испытывал нужду в деньгах для обеспечения всем необходимым своей эскадры. 19 февраля Лашкарев по этому поводу донесил Стахиеву: «Его высокоблагородие Тимофей Гаврилович чрез меня получил от таможенного директора денег четыре тысячи пиастров на казенные надобности, в чем я дал на Ваше имя камбиял о заплате оных в Константинополе, о чем он и сам к Вам пишет» (ф. КМ, 1776 г., д. 701, л. 10).

Впоследствии ему приходилось брать деньги из таможни для передачи командующим фрегатами на счет Адмиралтейской коллегии.

В конце февраля 1777 г. Сергей Лазаревич заболел. Лежа в постели, он продолжал посылать донесения Стахиеву. И даже сообщал подробности, которые могли показаться посланнику малозначащими. Пример: «Здесь, в Дарданеллах, 3-го числа сего марта пополудни в 3-м часу выпал град величиною с малое куриное яйцо» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 367).

В начале 1777 г. в Турции произошла смена верховного визиря, и Стахий 9 февраля сделал свой первый визит вновь назначенному Мехмеду-паше. Посланника сопровождала несколько необычная, весьма представительная свита: командующие фрегатами Федор Мосолов, Володимер Ржевский, Федор Ушаков, а также Михаил Голенищев-Кутузов и русские купцы. Во время церемонии верховный визирь да и сам султан из окон своих дворцов могли видеть стоящие в гавани русские фрегаты.

В отправленной в Петербург записке, где говорилось о том, «с какою церемониею ее императорского величества чрезвычайный и полномочный министр Стахий сделал свое первое посещение новому Верховному визирю», есть такие строки: «Посланник как из Перы в Царьград, так и обратно в Перу переправлялся в своей четырнадцативесельной барке, предваряем восемью шлюпками находящихся здесь четырех российских фрегатов, по две в ряд, а за ним следовали пять наемных турецких лодок. При миновании фрегатов матросы, стоя там на реях, кричали „ура“». Картина и впрямь получилась впечатляющая (ф. СРТ, 1777 г., д. 494, л. 42).

Эта церемония весьма понравилась турецким сановникам.

Так, 8 июня Стахийев доносил Панину: «Сегодня его величество султан ездил прогуливаться в Скутари, причем запретил производить пушечную пальбу с флота; итак, капитан-паша вместо того на всех кораблях в проезд монарха своего велел играть музыке и матросов на вантах и ряях расставил, что, будучи здесь в первый раз учинено, государю, как сказывают, весьма понравилось, а капитан-паша, по-видимому, перенял то от наших фрегатов, которые мне ту почесть сделали при случае моей первой визиты у нынешнего визиря» (*там же*, д. 504, л. 29).

Свою речь «при случае первой визиты» к новому визирю Стахийеву удалось уложить всего в одну безукоризненную в стилистическом отношении по меркам того времени фразу: «Усердно поздравляя ваше сиятельство с монаршею милостию и доверенностию, тем паче за особливое счастье себе поставляю ознакомиться с вашим сиятельством, что всенародно прославляемые ваши отличные достоинства подают мне надежду, что во время вашего министерства дружба и доброе согласие между обоими высокими империями достигнут желаемого полного созрания и твердости точным исполнением всех означенных обязательств в трактате блаженного и вечного мира, в последнем месте восстановленного между обоими высокими дворами, чему с своей стороны с неутомимою ревностию и усердием продолжительно взаимодействовать не престану как по долгу, так и для присвоения себе совершенной доверенности и благоволения вашего сиятельства» (*там же*, л. 43).

Графу Панину было также сообщено, что на эту краткую речь Стахива великий визирь «ответствовал взаимными уверениями о своих благонамеренных и миролюбивых сантиментах» (*там же*, д. 494, л. 38).

К сожалению, то были только приличествующие протоколу слова. Дальнейшие события показали, что новый визирь действовал лишь в угоду тем недалеким правителям Османской империи, которые упорно не желали установления взаимовыгодных добрососедских и искренних отношений с Российской империей. Он начисто отказался от реалистического взгляда на русско-турецкие отношения, в какой-то мере свойственного весьма осторожному Дервиш-паше.

Когда некоторое время тому назад, еще в бытность Дервиш-паши великим визирем, горячие головы константинопольских властителей начали поговаривать о новой войне с Россией, у султана был созван совет, на котором, как докладывал Стахийев Панину, «приказано было нынешнему визирю свое мнение представить, он отвечал сперва, что не смеет, а на повторительное повеление говорить предъявил, что... в настоящих обстоятельствах не должно [быть] одной способности и возможности объявить войну, но надобно думать, есть ли возможность оную прекратить и восстановить мир, когда захочется, что уже, конечно, не в нашей власти будет» (*СРТ*, 1776 г., д. 483, л. 82об.).

Более пространно и откровенно высказался Дервиш-паша

после своего смещения. Отправляясь на военном корабле к новой своей должности пашши в Ханью (на Крите), бывший визирь 3 апреля 1777 г. сделал остановку в Дарданеллах. Он пригласил к себе для беседы Лашкарева и, когда тот пришел, повел речь издалека. Подробную запись этой беседы Лашкарев отправил Стахиеву.

Дервиш-паша благодарил всевышнего за избавление его от «бывшего места», где он не имел даже малого покоя и где за все его труды воздано ему такую благодарностью, какую теперь он, Лашкарев, видит. Он был нужен тогда, когда его сиятельство князь Репнин был назначен чрезвычайным послом и Порта не знала, как «должна была иметь течение дел» с таким горячим человеком. Однако Дервиш-паша, слыша о нраве русского посла, обошелся с ним наиласковейшим и порядочным образом, как и должно быть, когда речь идет о министрах дружеских держав; другой бы «визирь мог нанести великое беспокойство своему правлению», которое никак не желает иметь разрыв с «Российским двором»; он также уверен, что и Россия удалена от сих мыслей, да и не может статься, чтоб после такой долговременной войны с обеих сторон нечувствительно было. А наша держава, продолжал Дервиш-паша, гораздо более должна чувствовать, и я с моей стороны неусыпно старался утвердить наивящую дружбу, и ничего более не осталось, как только одни крымские обстоятельства, которые были бы, конечно, окончены в пользу обеих держав и теперь кончатся без всякого дальнего спору, ежели Порта не согласится с теми, которые идут против своего правления «для собственной своей тщетности».

Лашкарев продолжал: «А потом он мне говорил, что суда ваши и по сие время находятся в Константинополе. В том Ваш посланник не может на меня негодовать, ибо я без согласия некоторых оное не мог решить, о чем и сам господин посланник не безизвестен и не может на меня жаловаться, что я не обходился так, как дальность дружбы обеих держав позволяет». Кончается запись Лашкарева следующими словами: «В прочем просил меня, чтобы я при okazji с его стороны написал дружеское почтение его сиятельству князю Николаю Васильевичу Репнину» (*ф. СРГ, 1777 г., д. 503, л. 33—33об.*).

Приведенные здесь высказывания бывшего великого визиря лишний раз подтверждаются шифрованным донесением Стахиева Панину, написанным несколько позднее, но в том же апреле. Посланник информировал, что в Царьграде близкие к турецким правителям особы «согласно признают здешние внутренние обстоятельства и обращения весьма замешательными по причине, что в министерстве нет ни головы, ни хвоста и что всяк заботится только о своем собственном спасении» (*там же, л. 52—52об.*).

В таких сложных условиях Стахиеву приходилось неоднократно просить реис-эфенди «о пропуске фрегатов: пяти торговых — в силу трактата, а шестого, вооруженного, — в знак

дружбы». По этому поводу посланник в своей реляции Екатерине II писал: «Тут реис-эфенди вступил в повторение неосновательных истолкований и доводов, наипаче опираясь на том, что не точно (не только. — Г. К.) оные фрегаты, но и некоторые из находящихся на оных офицеры узнаны от капитан-паши и других здешних флотских офицеров бывшими в последнюю войну в Архипелаге с флотом вашего императорского величества и что, кроме того, их появление на Черном море при настоящих в Крыму и без того смутных обстоятельствах не иначе, как усугубительный ужас и тревогу» вызовет у местного населения (ф. КМ, 1774—1777 гг., д. 589, л. 61об.—62).

Но ни Петербург, ни посланник никогда не скрывали, что означенные фрегаты участвовали в прошлой войне. Ведь после ее окончания они были переоборудованы в торговые, что Порте хорошо было известно: турецкие таможенники по приказанию капудан-паши их осматривали и ничего предосудительного не обнаружили.

Более того, в архиве хранится рапорт командующего фрегатом «Павел» Николая Скуратова, написанный отнюдь не для оповещения турецких властей. В этом служебном документе содержатся такие строки: «Притом же имею честь донести, что, по силе данной мне от Государственной Адмиралтейской Коллегии инструкции, из имеющихся на оном фрегате, не имев[шем] военного вида, из пристойных мест снято пушек 12-ти фунтовых 10 с разобранными их лафетами...» (ф. СРТ, 1777 г., д. 502, л. 21об.—22).

Что же касается до судовых команд, то Стахиев неоднократно доказывал «турецкому министерству», что «сии экипажи, употребляясь теперь в партикулярной навигации, получают от оной и будущих ее прибытков настоящее свое содержание, почему теперь и не могут иначе почитаемы быть, как партикулярными же мореходцами».

Даже английский посол в Константинополе Энсли в беседе со Стахиевым не мог не признать, что претензии Порты неосновательны и надуманны. Из «доношения» Стахиева вице-канцлеру Остерману мы узнаём: «...а английский посол и точно предъявил, что далек от того, чтоб дать Порте резон; он готов всякой час ей доказывать неправость ее настояния относительно тех фрегатов, что не величина, ниже оснастка или же огромность экипажа определяет существо торгового корабля, но погруженные в нем товары и повиновение предписуемым для таких кораблей во всяком государстве уставах. И как с означенными фрегатами все то точно исполнено, так нельзя их признавать иначе, как торговыми» (там же, д. 506, л. 32об.—33).

Эскадра Козлянинова неукоснительно следовала «предписуемым уставам», о которых упоминал английский посол. Более того, когда Лашкарев 9 апреля 1777 г. сообщил Стахиеву и Козлянинову: «Здесь несется слух, что через пятнадцать дней капитан-паша должен выступить из Константинополя на Белое

море и пойдет в Морею», то спустя две недели командующий «Северным орлом» у о-ва Тенедос докладывал Стахиеву: «Я ж с врученным мне фрегатом намерен перейти к острову Имбру, покуда пройдет турецкий флот, чтобы не иметь с ним никаких дел» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 319—320). Иными словами, Козлянинов соблюдал крайнюю осторожность, чтобы не вызвать каких-либо осложнений.

Напрашивается вопрос: а каково было отношение турецких властей к экипажам русских фрегатов, бросивших якорь в Константинополе? Ответить на этот вопрос нам поможет «покорнейший рапорт» командующего фрегатом «Св. Павел» капитан-лейтенанта Федора Ушакова, отправленный посланнику 27 июня: «В долговременную здесь в Константинополе с фрегатом бытность при нынешнем летнем жарком времени, находясь служители всегда на фрегате, не имея довольного муциона... сего числа проезжая на шлюпке проливом к стороне Черного моря и подходя к месту, называемому Далма Бакчи (султанский дворец Долмабахче. — Г. К.), вблизи одного против лощины, где нет никакого строения, я с бывшими на шлюпке офицерами сошли на берег, а шлюпка с семью человеками матроз при одном квартирмейстере осталась для обождания нас близь берегу под парусами, и, по несильном прохаживании возвратясь к тому месту, оной не нашли». Свидетели этого происшествия сказали русским офицерам, что «оная с гребцами взята под караул за то, якобы матросы на оной песни пели» (там же, л. 226—226об.).

В Константинополе прибегали ко всякого рода «военным демонстрациям». Так, еще в конце февраля 1777 г. Стахиев доносил в Петербург: «Третьего дня призван был к Порте директор пороховых заводов, которому указано поспешать изготовлением знатного числа пороху, а на артиллерийском дворе повелено проводить в исправное состояние пушечные снаряды» (ф. СРТ, 1777 г., д. 494, л. 30). 19 июня из Дарданелл Лашкарев сообщал: «Здесь турки опять начали говорить о войне...» (ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг., д. 715, л. 354).

Эти донесения Коллегия иностранных дел не просто принимала «к сведению». 13 августа вице-канцлер Остерман направляет Стахиеву письмо (с пометой: «апробовано ее императорским величеством 11 августа 1777 г.»), в котором уведомляет его, что граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский «сбирается на сих днях ехать в Малороссию». И далее пишет: «Я не сомневаюсь, что прибытие сего знаменитого военачальника на границы и принятие там ошутительным уже образом повсеместно главной команды над войсками могут у Порты произвесть санзацию и дать ей повод к серьезному размышлению о ее предназначениях. Чего ради советую Вам разгласить о том и другом заранее, но без аффектации однакож, дабы никак не помешать полезному действию, которому собою произойти надобно» (ф. СРТ, 1777 г., д. 508, л. 2—2об.).

Стахийев докладывал Остерману, что турецкие власти угрожали: если посольство будет настаивать на пропуске фрегатов, то, «несомненно, Порта войну объявит, которую никоими мерами миновать нельзя» (*там же*, д. 506, л. 2об.).

При таких обстоятельствах Стахийев пригласил к себе Козлянинова. Он прибыл в Царьград 25 сентября 1777 г. и «в ожидании конечного разрешения о жребии оных фрегатов, — как доносил посланник императрице шифром, — за нужно находит „Павла“ к себе взять для некоторого поправления, почему и для лучшей осторожности мы положили в настоящих сумнительных обстоятельствах оные пополам разделить, так чтоб здесь (в Стамбуле. — Г. К.) постоянно и по переменкам только по три оставалось, да и он за Дарданеллями сам третей же мог быть...». Далее Стахийев писал: «...а у тамошних греков в случае действительного воспламенения войны примечает [Козлянинов в Архипелаге] прежнюю благонамеренность ко всевысочайшим вашему императорского величества интересам...» (*там же*, д. 498, л. 77—80об.).

В рубрике «Известия из Константинополя» Стахийев информировал Петербург: «Наконец, по всему генерально предъявляют, что война неминуема и что Порта на все уже решилась...» При посещении переводчиком посольства Крутою реис-эфенди 12 октября последний высказался уже менее определенно: «...может быть, вышереченные фрегаты или утвердят взаимную добрую дружбу, или причинят разрыв, и есть ли для сего веревка должна порваться, то чтобы заблаговременно свершилась воля всевышнего...» (*там же*, д. 499, л. 69).

Между тем прибытие фельдмаршала Румянцева-Задунайского в Малороссию произвело на турецких правителей должное впечатление, потому что, как сообщал в Петербург Стахийев, «был совет у муфтия, в котором положено Магометово знамя не трогать», иными словами — войны не объявлять (*там же*, л. 36).

Да и Козлянинов, находясь «близ первых Дарданелл», 14 октября доносил Стахийеву, что из Средиземного моря в Дарданеллы прошел турецкий военный фрегат под адмиралтейским флагом, который в прохождении «салютовал из пяти пушек, с фрегата „Северного орла“ ответствовано равное число. И послан был офицер поздравить с прибытием турецкого адмирала. И из оною салюта изволите видеть, милостивый государь, сколь победоносный флаг ее императорского величества нашей всеавгустейшей монархини у турок в почтении, их адмирал делает салют вымпелу российскому и в виду Дарданелльских крепостей» (*ф. КМ, 1776—1778, 1780 гг.*, д. 715, л. 323об.—324).

Восхищение жителей Царьграда вызвал мужественный поступок русских моряков, которые, рискуя жизнью, при штормовой погоде спасли обреченную на верную гибель женщину. 26 ноября 1777 г. Стахийев сообщал об этом Козлянинову следующие подробности: «Французский поверенный в делах, равно

как и неаполитанский посланник, с чувствительным признанием и похвалами третьего дня при мне отдавали должную справедливость оказанному с наших фрегатов человеколюбию чрез спасение от потопления служанки французского посла Сен-Приеста (Сен-При. — Г. К.), покинутой на утонувом в их виду французском судне» (ф. СРТ, 1777 г., д. 499, л. 53об.).

Вице-канцлер Остерман в сентябре 1777 г. направляет Стахиеву новые рекомендации. Посланнику следовало уверить реис-эфенди в том, что посольство так решительно настаивает на пропуске известных фрегатов через Дарданеллы вовсе не из-за крайней нужды в том российского двора, а больше в доказательство настойчивых усилий русских дипломатов «изнимать происшедшие занозы» в отношениях между двумя империями. Стахиеву следовало также подчеркнуть, что он желал бы получить хоть какую-нибудь уступку со стороны Порты в этом деле. Далее в наставлениях послу указывалось: «...ибо хотя правды от него (реис-эфенди. — Г. К.) не скроете, что те корабли, будучи на доброй вере сходственно с содержанием трактата отправлены, всемерно без напрасного убытка хозяев их и возвращены быть не могут, однако оный так маловажен для самой империи Российской, как и пропуск оных в Черное море, по Вашему мнению, мало страшен быть может Оттоманской империи по ее величеству и силе...» (там же, д. 508, л. 6—6об.).

Получив инструкции из Петербурга, Стахиев сделал Порте «формальную и торжественную протестацию» против неисполнения ею ст. 11 мирного трактата. В «протестном мемориале» русский посланник писал, что фрегаты «не суть военные, но действительно купечские, в торг обращенные, так что всякое дальнейшее затруднение в свободном их проходе [на Черное море] беспрекословно есть противно заключенному трактату, где ни мера ни величина употребляемых судов не назначены...». 4 ноября Стахиев доносил вице-канцлеру, что «партикулярно от себя и пристойным образом сообщил для прочтения всем находящимся здесь чужестранным министрам, каждому из них особенно, не токмо мой протестной мемориал, но и запись реис-эфендиева словесного ответа». Этот демарш был необходим, поскольку «турецкое министерство, в публике оный мемориал скрывая, о возвращении фрегатов стало разглашать, что высочайший двор наконец ощутил неправость своего прежнего настояния о пропуске оных фрегатов на Черное море» (там же, д. 506, л. 32—34).

Одновременно Стахиев уведомил Козлянинова, что его «дела так же в прежней своей неразрешимой неподвижности еще находятся» (там же, д. 499, л. 50).

А теперь вернемся на некоторое время в Петербург. Там еще в конце лета было принято окончательное решение относительно фрегатов. Так, 26 августа Безбородко из Царского Села писал Остерману: «Сего дня я имел честь докладывать всепод-

даннейше ее императорскому величеству сообщенное мне вашим сиятельством рассуждение графа Петра Александровича [Румянцева-Задунайского] о образе настояния, порученного ее посланнику у Порты относительно пропуска фрегатов в Черное море, а по трудностям в том возвращении их через Средиземное. Ее величество апробует оное...» Были также утверждены соответствующие распоряжения «о снабжении к возвращению тех фрегатов потребным» (ф. ВАД, 1776—1781 гг., д. 6, л. 62).

И наконец, 7 сентября императрица подписала рескрипт № 156, в котором Стахиеву предписывалось: «Усматривая из последних Ваших депешей от 24 июля, что министерство турецкое остается непреклонно в пропуске наших фрегатов чрез Константинопольский пролив, признаем мы за нужно возвратить их сюда тем же путем, которым дошли они до места нынешнего их пребывания» (ф. СРП, 1777 г., д. 491, л. 59).

С этим рескриптом в Царьград был направлен кабинет-курьер. И 22 октября 1777 г. два последних из оставшихся в Константинополе фрегатов — «Св. Павел» и «Констанция» — при благополучном ветре поплыли «на Белое море для возвращения своего на Балтийское море». А в середине декабря Козлянинов со всей эскадрой находился в готовности у о-ва Тенедос в ожидании благоприятной погоды, чтобы отправиться в Ливорно «по полученному повелению». И 19 января 1778 г. Стахиев доносил Екатерине II, что Козлянинов «при благополучном ветре со всею своею эскадрою 24 числа прошлого декабря действительно поплыл в Ливорну» (ф. СРТ, 1778 г., д. 514, л. 45об.).

Задержан был также турецкими властями прибывший со Средиземного моря в Константинополь 26 сентября 1777 г. торговый корабль «Св. Николай», который ранее неоднократно проходил «из Белого в Черное море и обратно». Его капитан даже получил паспорт, но корабль вплоть до декабря «продолжал удерживаться» без какой-либо причины «к крайнему разорению как своего хозяина, так и купца, погрузившего в оный свои товары». На «конференциях» у реис-эфенди русский посланник неоднократно требовал выдачи разрешения на пропуск «Св. Николая», но каждый раз встреча заканчивалась «принятием дела на дальнейшее размышление».

5 декабря Стахиев доносил в Петербург: «...я старался достать пропуск на Черное море... торговому кораблю „Св. Николаю“, отправляемому с разными товарами в Таганрог, принадлежащими частью новозаведенной здесь российской купеческой конторе [„Российская контора Сиднева с товарищи“], а частью разным здешним подданным. После чего министерство хотя и всем чужестранным министрам непосредственно и точно объявило, что Порта не препятствует более проходу оного корабля на Черное море, однакоже на мое повседневное докучание о выдании таможенного ярлыка оное министерство со дня на день по 2 число сего декабря извинялось ожиданием его

султанова величества резолюции и не видя уже возможности по настоянию опасной зимней погоды для одного корабля плыть на Черное море...» (ф. СРТ, 1777 г., д. 500, л. 30об.—31).

II в данном случае Турция грубо нарушила ст. II мирного трактата. 8 декабря Стахив вынужден был вручить турецким властям очередной мемориал-протест «касательно торгового корабля „Св. Николай“». Почему турки пошли на такое явное нарушение Кючук-Кайнарджийского мирного договора?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к так называемым «крымским обстоятельствам». Ставленник Турции в Крыму Девлет-Гирей был смещен Шагин-Гиреем, который при поддержке русского двора оказался на ханском престоле. Таким образом, как раз в это время дела в Крыму приняли для Турции нежелательный оборот: она лишалась там былого влияния. Своим отказом пропустить русские торговые суда в Черное море турецкие правители пытались оказать давление на политику России в отношении Крыма. Но они в этом, как известно, не преуспели.

В 1778 г. капитан 2-го ранга Козлянинов, командуя теми же фрегатами, из Ливорно поплыл в Гибралтар, а оттуда снова возвратился в Ливорно. 7 января 1778 г. он был произведен в капитаны 1-го ранга, а годом ранее награжден военным орденом Св. Георгия 4-го класса. В 1778 г. Козлянинов⁸, командуя фрегатом «Северный орел» и конвоируя те же три корабля, отправился из Ливорно в Балтийское море, и 30 июля вся эскадра благополучно прибыла в Кронштадт, где русским морякам была устроена торжественная встреча.

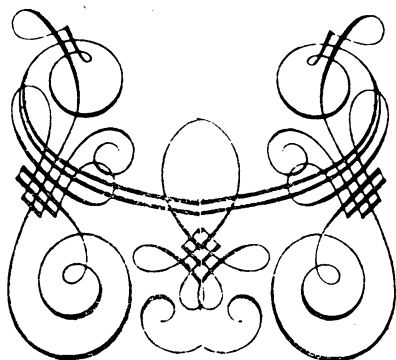
Вдали от родины целых два года русские экипажи находились в походе. Им пришлось работать в сложной политической обстановке и в непривычных климатических условиях. Тем не менее во время плаванья на судах поддерживался образцовый порядок.

В докладе, представленном Коллегией иностранных дел Екатерине II и датированном концом 1777 г., указывалось, что «политическая неизвестность положения дел требовала уже чрез все время смутного министерства г. Стахива сугубых подвигов» (ф. ВАД, 1776—1781 гг., д. 6, л. 67—67об.).

Совершил свой негромкий подвиг и Лашкарев, на этот раз в Дарданеллах. А в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона об этом всего-то восемь слов: «...выговорил русскому флоту право входить в Дарданельский пролив».

Глава 4

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ, РЕЗИДЕНТ

Стахиев понимал, что переводчик Лашкарев давно уже заслуживает повышения в должности, но, кроме второго драгомана, других вакансий в миссии не было и в ближайшее время не предвиделось. А Сергей Лазаревич вправе был претендовать на большее. Следовало что-то предпринять. И посланник решает послать Лашкарева в Петербург: там в Коллегии его хорошо знают, «особливо по бытности в Константинополе известных фрегатов», и у них куда больше возможностей подобрать ему новую должность. Вскоре для такой поездки и предлог представился: в конце апреля 1779 г. Лашкарев отправляется в столицу курьером с важными бумагами. Вез он также с собой «на всякий случай» и представление посланника о назначении его вторым драгоманом «при Константинопольском poste». И приехал туда, надо сказать, в удачное время: в Коллегии как раз решался вопрос об учреждении консульств в турецких областях.

Канцлер граф Н. И. Панин одобрительно отнесся к авторитетному мнению на сей счет князя Н. В. Репнина, который по возвращении из Константинополя докладывавал: «Не упоминаю я о местах, где нужно для нашей торговли консулей иметь, сие решено должно быть по мере распространения оной. Однако ж считаю, что и при самом начале надобно держать консуля в Смирне, как в месте, где стекается вся торговля Белого моря, равным образом почитаю надобным на берегах Азиатских Черного моря иметь в каком-либо месте одного консуля для позна-

ния могущей там производиться торговли, а думаю, что в Синопе полезно будет оногo держать, как в месте, где корабельное строение турками делается...» (ф. ВКД, 1770—1796 гг., д. 5003, л. 231).

Лашкарев был благосклонно принят графом Паниным. Канцлер сказал ему, что Коллегия, утвердив представление Стахиева о назначении его вторым драгоманом, будет ходатайствовать перед императрицей об определении его консулом в Синоп. Обосновывая такое решение, Коллегия во «всеподданнейшем докладе» писала: «...хотя занятие консульских мест в Смирне, Синопе и других портах по настоящем положении торговли и не столь еще кажется нужно, но, судя по образу мыслей турков и по обыкновению их почитать за закон все то, что уже введено, не излишно было бы поспешить воспользоваться сим приобретенным правом, дабы, отлагая вдале, не встретить после каких-либо с их стороны упорств и заранее приучить чернь к сей новости» (ф. ВАД, 1779 г., д. 6, л. 98об.).

12 ноября 1779 г., как и обещал канцлер, Коллегия принимает постановление об определении Сергея Лашкарева консулом именно в Синоп. Тем самым сбылось его желание иметь более или менее самостоятельный участок работы, к тому же он получал значительное повышение по службе.

Срочно заготавливаются положенные в таких случаях проекты патента, рескрипта и инструкции. Эти документы переписываются набело, и спустя неделю в канцелярии Панина делается такая запись: «Его сиятельство граф Никита Иванович изволил приказать, чтоб приложенное при сем аprobованное уже ее императорским величеством отправление асессора Лашкарева в Синоп изготовлено было к подписанию и прислано в канцелярию его сиятельства» (ф. ВКД, 1779 г., д. 1537, л. 2).

Лашкарев уже получает заграничный паспорт, а также деньги из казенного департамента на дорожные расходы, но буквально в самую последнюю минуту «экспедиция в Синоп» отменяется.

Надо сказать, что и в дальнейшем в служебной карьере Лашкарева подобное еще не раз произойдет. В данном же случае императрица решила назначить его на более ответственный пост. С этой целью 7 декабря 1779 г. издается именной указ: «Для поспешествования и распространения заводимой в турецких областях беспосредственной торговли ее императорское величество за нужно рассудить изволила учредить в Молдавии, Валахии и Бессарабии генеральным консулом коллежского асессора Сергея Лашкарева, который прежде назначен был консулом в Синоп и который вскоре туда отправится» (ф. ВКД, 1780 г., д. 113, л. 1).

Составленная по этому случаю подробная инструкция, подписанная 10 февраля 1780 г. Паниным и Остерманом, предписывала Лашкареву помогать для себя, «как первого на будущие времена примера», того, чтобы «сохранены были со стороны

Порты без всякой отмены установленные ею обряды относительно других консулей, а особливо французских и аглинских, ибо здешним (русским.— Г. К.) везде и всячески прием и содержание одинаковые с ними иметь следует по точным словам 11-го артикула» Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Лашкареву не указывалось точное место его пребывания, «но отдается выбор оногo» в двух княжествах на его собственное усмотрение. Пункт 6 инструкции гласил: «По окончании последней войны осталось в Молдавии, Валахии и около лежащих областях немалое число беглых и пленных россиян, кои, желая возвратиться в отечество, не имеют к тому способов. Почему предписывается вам прилагать всевозможное старание о изыскивании таковых наших подданных. И тех, кои сами у нас явятся или коих вы предуспеете достать из неволи, имеете отсылать в Киев или другие наши пограничные места, куды, как и когда способнее быть может». Поскольку Сергей Лазаревич хорошо знал обоих господарей во времена, когда они еще были драгоманами Турции, то инструкция предписывала ему «сим обстоятельством воспользоваться к снисканию их доверенности и к обращению оной в пользу дел» (ф.РГК, 1780 г., д.1, л.1—7об.).

В Коллегии Лашкареву был вручен патент «за государственною большою печатью» с переводом его на итальянский язык и велено было отправиться в Константинополь для быстрейшего аккредитования и получения от «министерства турецкого» необходимых повелений к господарям и к начальникам турецким в тех местах, где ему предстояло работать.

В середине 1780 г. С. Л. Лашкарев прибывает в Константинополь и сразу же приступает к улаживанию своих дел. 2 июля 1780 г. посланник А. С. Стахийев отправляется с ним в загородную резиденцию реис-эфенди, где и представляет ему Лашкарева в качестве генерального консула в Молдавии, Валахии и Бессарабии, попросив при этом, чтобы турецкие власти учинили «со своей стороны должное признание».

И тут неожиданно реис-эфенди отвечает категорическим отказом. По его словам, Турция-де никак не может согласиться на то, чтобы Россия имела своих консулов в тех местах, где ее дружественные ей державы консулов никогда не имели и не имеют. Более того, он даже пытается утверждать, что в мирном трактате якобы не указывается, что именно в Молдавии, Валахии и Бессарабии должно быть открыто российское консульство. На эти «невместные резоны» Стахийев заявил реис-эфенди, что он ошибается: в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре ясно записано, что Россия вправе открывать свои консульства «во всех нужных местах». Тогда, прибегнув к доверительному тону, турецкий министр придумывает другую версию: «Порта, опасаясь какого-либо беспокойствия от бояр двух княжеств и возмущения от находящихся в Бессарабии гарнизонов, не может дать согласия на открытие консульства». Стахийев не упустил случая в этой связи заметить реис-эфенди: «Писать к своему

двору, что Порта опасается своих гарнизонов и подданных своих княжеств, он никак не может».

Сколь настойчиво турецкий министр пытался помешать аккредитации Лашкарева свидетельствует и такой красноречивый факт. Спустя несколько дней после приведенной беседы с реис-эфенди Стахивев посылает к нему Лашкарева для улаживания одного частного дела. На сей раз русский дипломат был принят «весьма ласково». Он доносил в Коллегию, что между прочими разговорами реис-эфенди уговаривал его отказаться от своего консульства, уверяя, что «Порта исходатайствует выгоднейшее сего консульства место» для него, Лашкарева. Сергей Лазаревич, естественно, в ответ вынужден был заявить министру, что он напрасно изволит оспаривать ясные положения мирного трактата (*там же, д.2, л.1—2об.*).

Тем временем Петербург требовал от Стахивева добиваться быстрого решения дела Лашкарева, но все представления посланника турецкому министерству были тщетны. Только 19 ноября 1780 г. при посредничестве французского посла Сен-При реис-эфенди неожиданно уведомил Стахивева, что Порта решила дать согласие на аккредитацию Лашкарева генеральным консулом с местом пребывания в г. Силистрии. При этом турецкие власти весьма быстро оформили все необходимые в таких случаях формальности, чего ранее за ними никогда не наблюдалось. Такая поспешность была продиктована стремлением скорее заполучить на свое решение согласие Петербурга.

Дело в том, что Силистрия, расположенная в Добрудже на берегу Дуная, была неудобным местом для резиденции генерального консула. Отсюда Лашкарев не смог бы беспрепятственно, без разрешения местных владетелей, выезжать в княжества, что и устраивало турецкие власти, которые не хотели, чтобы он видел, в сколь плачевном состоянии находится там коренное население. Стахивев сразу не разобрался в задуманной турецкими властями интриге и согласился с их предложением. Зато Лашкарев понял, чем чревата для него эта придуманная французами дипломатическая игра, хотя Сен-При и пытался уверить его, что никаких препятствий при поездках в Молдавию и Валахию не последует. Но уговорить себя Лашкарев не дал, поскольку, по его собственному признанию, не мог «надеяться, чтоб... [Сен-При] был более нам друг, нежели Оттоманской Порте».

И Сергей Лазаревич решает обратиться непосредственно в Коллегию, на что формальное право как генеральный консул имеет. 18 декабря он сообщает туда, по его любимому выражению, свои «слабые мысли»: «Порта сего дня препоручила господину посланнику мой барат с великою поспешностью и остается в надежде, что всевысочайший двор, конечно, согласится на такое предложение. Я, по моему легкомыслию, понимаю, что ежели всевысочайший двор пожелает настоять, то уповаю, что она переменит сей барат и согласится на прежнее всевысочайшего двора требование, чтоб иметь резиденцию в одном из двух

княжеств, ибо она (Порта.— Г. К.) теперь гораздо становится унылее...» (там же, л. 24).

Остается лишь удивляться прозорливости и смелости Лашкарева. В Петербурге с его доводами полностью согласились и Стахиеву незамедлительно отправили рескрипт, в котором Екатерина на его действия «апробации» не дала и повелела «решительно объявить министерству турецкому, что все в деле сем предъявляемые околичности и толкования суть для нас посторонны, что мы требуем единого и неограниченного исполнения по простому разуму мирного договора и что достоинство наше не только претит нам для кого бы то ни было уступать малейшее из выгод, нами приобретенных, но еще и налагает на нас долг защищать всемерно святость таковых постановлений. Все дальнейшее по сему изъяснения будут для нас излишны, и мы Вам ни на какое снисхождение по этому пункту не позволяем» (ф.КМ, 1781 г., д.815, л.5—6).

22 февраля 1781 г. Стахийев потребовал, чтобы Порта «в силу трактата» переменяла барат Лашкареву. И снова начались бесконечные оттяжки. Были даже посланы (в мае) турецкие курьеры в Петербург: Порта все еще надеялась, что русский двор согласится на ее прежнее решение. 7 июня посланник Стахийев на аудиенции у визиря подал ему мемориал о перемене барата Лашкареву, и на следующий день, как сообщал Сергей Лазаревич в Коллегию, «кегая-бей нечаянно отрешен от своего поста». Последнее обстоятельство давало повод надеяться, что турецкие власти все же переменят патент Лашкареву.

24 июня А. С. Стахийев получил именной указ Коллегии иностранных дел, подписанный Екатериной II 3 мая. В нем были и следующие строки: «Мы заблагорассудили от нынешнего поста отозвать Вас сюда ко двору нашему для употребления к другому делу...» (там же, л.18).

На его место был назначен опытный дипломат Я. И. Булгаков «в характере чрезвычайного посланника и полномочного министра», который взял себе за правило всегда «доносить самую истину без всяких прикрасок»¹. В составе российского посольства князя Репнина Булгакову уже приходилось бывать в Царьграде в 1775—1776 гг., когда он находился на должности дворянина посольства. Новый посланник направлялся в Константинополь в очень напряженное время: русско-турецкие отношения были до предела натянутыми. Порта под влиянием Франции, а затем Англии и Пруссии упорно стремилась к пересмотру Кючук-Кайнарджийского мира.

С. Л. Лашкарев 6 июня 1781 г. счел необходимым уведомить Коллегию, что он по-прежнему остается «в ежедневном здесь ожидании ответа от высочайшего двора на последние Портою Оттоманскую учиненные попытки, содержащие[ся] в отправленных от нее представлениях непосредственно с нарочным своим в Санкт-Петербург, и естли вопреки ее желаний воспоследует ответ, то, конечно, она согласится на требование высочайшего

двора иметь ему резиденцию» в одном из двух княжеств — Молдавии или Валахии. Это важное сообщение Коллегия получила весьма своевременно и тотчас доложила о нем императрице.

Между тем прибывшие в столицу турецкие представители были приняты при «дворе ее императорского величества» со всеми необходимыми в таких случаях церемониями. Они были «квартированы в коллежском доме», им был сделан «пристойный комплимент», затем вице-канцлер И. А. Остерман пригласил их на прием. На аудиенции, указывается в коллежском отчете, «его сиятельство принимал их, сидя на канаве, а пред ними оные курьеры, на ногах стоя, представили его сиятельству присланную от Оттоманской Порты грамоту». Турецкие посланцы «были потчеваны кофею, разными конфектами и медами» и получили от вице-канцлера подарки — «пуд сахара, полпуда кофе, сто лимонов, десять фунтов миндалю и два фунта чаю». Им была предоставлена возможность подробно ознакомиться с Петербургом и его окрестностями. Они побывали в Летнем саду, «смотрели комнаты» во дворце князя Потемкина, присутствовали на представлении в придворном театре, видели коллекцию «Кунс Каморы», совершили прогулку по Каменному острову, посетили Ораниенбаум и «там, высмотревши дворец и протчая, отобедали в трактире», смотрели Петергофский дворец и «алмазную мельницу», а в Царском Селе «ведены были... [во] дворец и оттоль в театр» (ф.ВКД, 1781 г., д.5549, л.1—4).

После трехнедельного пребывания в русской столице турецкие представители, довольные оказанным им приемом, отправились в обратный путь, правда, ни с чем. В Петербурге домогательства Порты были решительно отклонены. Но сделано это было в весьма деликатных выражениях. В направленном «Верховному визирю Изет Мегмед Паше» послании вице-канцлер Остерман подчеркивал, что со стороны русского двора все мирные постановления «во всем их пространстве и разуме» свято и нерушимо соблюдаются, «а затем уже не остается сомневаться, чтоб и со стороны Блистательной Порты... соответствованно было во всем том в совершенной взаимности».

В Петербурге решено было подкрепить послание Остермана еще и письмом генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского к верховному визирю. 21 октября 1781 г. он уведомлял первого министра Османской империи о том, что турецкие курьеры везут ему из Петербурга «весьма удовлетворительный» на его письмо и приложенные ноты ответ. При этом генерал-фельдмаршал выражал надежду, что визирь употребит все меры, «удобные на утверждение блаженного мира и покоя, между обеими державами царствующего, и чтоб потому дело о г. Лашкареве... которое не терпит никаких перетолкований, решилось в точном разуме мирного трактата»².

Лашкарев оказался прав. Уже 13 декабря 1781 г. он смог послать следующее «доношение» в Коллегию: «По долговременному невместному упорству Порты наконец по делу моему со-

гласилась на все те кондиции, которые всевысочайший двор требовал в силу мирного трактата, и сего 10 числа выдала барат и циркулярный в надлежащие места фирман, а по требованию моему назначила для резиденции город Бухарест с беспрепятственным переездом во все к консульству моему определенные места со всею моею свитою» (*ф.КМ, 1781 г., д.815, л.30*).

Во вновь изданном фирмане, написанном на длинном, почти полуметровом листе плотной бумаги, повелевалось: «По получении сего императорского указа известно да будет, что пребывающий при Высочайшей моей Порте Российской империи чрезвычайный посланник, знаменитый между вельможами нации христианской, кавалер Булгаков (когого конец да будет благ), присланным за печатью его к Блистательной Порте мемориалом дав знать, что как по содержанию мирного трактата выдан высочайший мой барат именованному между начальниками нации христианской благородному асессору Сергею Лашкареву (конец когого да будет благ), который определен Генеральным консулем для престоережения и наблюдения дел Российской империи купцов и проезжих, отъезжающих сухим путем, морем и реками в провинции Бессарабию, Валахию и Молдавию, и о котором соглашено, чтоб, резидуя в Бухаресте, всегда, когда по востребованию торговых дел пожелает ехать и жить в Яссах и вообще в каком бы то месте ни было в оных трех провинциях, ни от кого ему воспрепятствуемо не было, просил выдать высочайшее повеление, дабы помянутый благородный Лашкарев вследствие данного ему священного барата мог вступить в отправление своей должности, дабы, вопреки (согласно.— Г. К.) барата, никто его не беспокоил, дабы в консульские его дела никто нимало не мешался и дабы, когда в которое место, под смотрением его консульства состоящее, для купеческих дел за нужно найдет с свитою своею ехать и там оставаться, никто ему не препятствовал. Вследствие чего сей высочайший указ издается...» (*там же, д.826, л.5—6*).

Я. И. Булгакову было объявлено «высочайшее благоволение» «за благоуспешное окончание дела о месте пребывания Генерального консуля Лашкарева, которое удостоено высочайшей апробации» (*ф.ВКД, 1782 г., д.830, л.77*).

В декабре 1781 г., после успешного окончания этого важного и принципиального дела, которое, как позднее подчеркивалось в одном коллежском документе, «привело Порту в немалое беспокойство» (*ф.ВКД, 1793—1796 гг., д.5180, л.17*), Булгаков потребовал от турецких властей приступить к переговорам о заключении торгового трактата с Россией на основании артикула 6 Айнальской изъяснительной конвенции 1779 г. (подписана 10 марта в султанском дворце Айналы-Кавак). Порта вынуждена была удовлетворить требование русского посланника.

Между тем 12 февраля 1782 г. Лашкарев со своими чиновниками прибыл из Константинополя в Бухарест. Переезд оказался тяжелым, поскольку в дороге их застал сильный снежный

буран. Сергей Лазаревич писал Я. И. Булгакову: «...я принужден был, заплатя извозщикам все сполна, отпустить [их], а потом, пережав весь мой экипаж на дровни, [добирался] до самой Журжи (Джурджу.— Г. К.) весь на волах, и не более двух или четырех часов в сутки по причине великих снегов» (ф.РГК, 1782 г., д.7, л.1).

Только после установления благоприятной, летней погоды смогла приехать из Константинополя в Бухарест семья Сергея Лазаревича. Беспокоясь о своей семье, Лашкарев в мае 1782 г. писал Я. И. Булгакову: «Теперь я Вас нижайше прошу об отправлении жены моей и детей, чтоб дать им фирман, дабы в случае нужды и надобности в дороге давали подводы, волов и проводников. Но, как в моем фирмане о волах упомянуто не было и по причине тяжелой зимы, дорога моя мне более двух тысяч левков вскочила, от чего поднесь не могу образумиться» (там же, л. 10—10об.). С. Л. Лашкарев, не успев приступить к работе в новой должности, вынужден был залезть в долги.

В очередном доношении в Коллегию он уведомлял, что 3 марта благополучно прибыл в Яссы, где 16 марта был официально принят господарем Константином Мурузи в качестве генерального консула.

В точном соответствии с дипломатическим этикетом, как уведомлял князя Безбородко Лашкарев, «господарь Мурузи прислал четыре богато убранные лошади, на которых я с свитой моею к нему поехал». Тем не менее скрыть своего раздражения по поводу приезда генерального консула господарь не захотел, хотя, скорее всего в угоду своим турецким хозяевам, он подчеркнуто демонстрировал свое неудовольствие. Об этом Сергей Лазаревич писал: «Из лица господаря ясно можно было заметить, что прием мой был противу его желания, ибо пред сим он в своем диване всех уверял, что Порта ни из чего не признает меня консулем» (ф. СРТ, 1782 г., д.1190, л.17).

В беседе с Лашкаревым Константин Мурузи похвалялся, что является верным слугой султана, и в подтверждение своих слов заявил, что получил от турецких властей фирман на отправление из Молдавии в Турцию 60 тыс. «ибраилских киль» пшеницы, а он «в угодность своего государя» выслал более 100 тыс. Еще он сказал, что султан поручил ему строительство Измаильской крепости. На бахвальство господаря Лашкарев ответил весьма ироничным замечанием, напомнив ему кое о чем: «Я, желая, чтоб он кончил разговор о верности, принужден был его уверить, что я издавна имею честь его знать, когда оба мы были переводчиками, и по некоторым обстоятельствам верность его к своему государю мне несколько не безизвестна» (ф.РГК, 1782 г., д.7, л.15—15об.).

Что же увидел генеральный консул в подвластных Османской империи областях? Приведем несколько отрывков из его донесений в Коллегию и Я. И. Булгакову из Бухареста.

От 8 мая 1782 г.: «Из сего княжества от тяжких и частых

податей много крестьян бегут». *От 22 мая*: «В Бузеевском цынуте, или провинции, мрут мужики от голоду. Опасаются, что и сего году мало будет хлеба по причине появившейся саранчи, которая тому семь лет непрерывно в здешних местах кочует, ныне же более прежнего начала оказываться. Здесь всему такая дороговизна, что в военное время никогда не бывало. Его сиятельство [Мурузи] в правлении своем весьма слаб, ни о чем более не печется он и его княгиня, как только привести себя в доброе состояние». *От 8 июня*: «В некоторых деревнях здешнего княжества, а особливо поблизости немецких границ, за недостатком хлеба народ мрет от голоду...» *От 8 июля*: «Со стороны всех здешних больших и малых бояр господарь послал к Порте прошение, в котором слезно просит снять с народу вновь наложенные тягости для поправления находящихся в Бессарабии крепостей и уничтожить требование на сей год пшеницы, понеже от саранчи и недороду хлеба народ помирает от голоду и бежит, оставляя свое отечество» (*там же, д.5, л.18, 21,24,31*).

В августе Лашкарев сообщил, что молдавский господарь получил от Порты повеление, чтобы к ноябрю обязательно была поставлена пшеница, но из-за «саранчи и недороду хлеба» местные власти вынуждены закупать хлеб за Дунаем у тех же турок и затем пересылать его в Константинополь. При этом генеральный консул подчеркивал, что местные власти пшеницу «начали покупать по 8 левков кило, а на народ положили по 13 левков за каждое кило, несмотря на бедственные их обстоятельства» (*там же, л.41—41об.*).

Не ускользнуло от проницательного взгляда Лашкарева и плачевное состояние дорог в этом крае. И он посоветовал местным властям в интересах развития торговли по окончании сезона полевых работ привлечь крестьян для починки дорог, мостов и перевозов. Надо сказать, что к этой рекомендации отнеслись с должным вниманием.

В августе 1782 г. Сергей Лазаревич выхлопотал русским судам свободный вход в Дунай и во все его порты. Специально изданный по этому поводу султанский фирман предписывал местным властям: шкиперам российских купеческих судов, плавающим по Дунаю для торговых дел, «во входе в Дунай не препятствовать, и свободно позволять для торгу приставать к дунайским пристаням, и по заплате равно платимой прочими европейскими нациями пошлины, вопреки (согласно.— Г. К.) мирного императорского трактата, не требовать оной с них более, и чтоб единожды и в одном месте по заплате пошлины, когда будут иметь таможенный ярлык, не взыскивать оной вторично и требовать других каких платежей». Этот указ был необходим, писал Лашкарев, «дабы оным единожды навсегда излишние требования совсем искоренить» (*там же, д.7, л.26об.—27*).

Получив фирман, генеральный консул послал нарочного для регистрации этого документа «во все бессарабские судебные места, дабы в противном случае не могли принести никаких огово-

рок, что они о таком фирмане не имеют сведения». По прибытии в порт Галац первого русского корабля Лашкарев отправился туда, чтобы на месте лично проследить, как обойдутся таможенники с русскими купцами.

По ходатайству генерального консула были уменьшены пошлины, которыми облагались русские товары, доставляемые в Молдавию и Валахию. В тех же случаях, когда такие товары провозились русскими купцами через княжества транзитом в другие страны, они пошлинами вообще больше не облагались. О вновь предоставленных льготах русским купцам Лашкарев уведомляет магистрат г. Нежина. В его сообщении от 22 октября 1782 г., в частности, говорится: «А как по большей части нежинские жители производят здесь свои торги, то я за нужно почел о сем известить помянутый магистрат, дабы мог публиковать купечеству» (*там же, д.8, л.16*).

Здесь не может не возникнуть вопрос: почему Лашкарев уведомляет прежде всего именно нежинский магистрат? Поначалу казалось, что ответить на такой вопрос будет не так уж просто, а может быть, вообще ответа не найти, однако помог случай. При очередном просмотре многочисленных описей «единиц хранения» неожиданно бросилась в глаза запись «О нежинских греках». Заказываем это дело. Из его материалов удастся узнать следующее.

В Нежине в давние времена поселились греки, и им еще Петр I для поощрения торговли даровал многие льготы. Даже само название «нежинские греки» было присвоено этой колонии царем. «Купеческому греческой церкви братству» было разрешено свободно заниматься торговлей и промыслами, причем от пошлин, налогов и повинностей они были освобождены. Уже в то время греческая колония в Нежине состояла в русском подданстве. В дальнейшем права и особые льготы нежинских греков были подтверждены особыми указами императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II (*ЦГАДА, ф.180, оп.7, д.4177, л.3—6*).

Естественно, что Лашкарев, осведомленный обо всем этом, решает привлечь опытных купцов для развития «русского торгу» с Молдавией, Валахией и Бессарабией.

Многое сделал русский генеральный консул и для того, чтобы помочь возвратиться в отечество «пленным и беглым россиянам». Благодаря его усилиям добровольно отравились на родину 114 «российских подданных, солдат и протчих». В постскриптуме к донесению в Коллегию по этому поводу Лашкарев писал: «Некоторые из оставшихся здесь после войны российских подданных, как солдаты, так и протчие, поженились на молдаванках и желают возвратиться в отечество, и жены их согласны с ними следовать» (*ф.РГК, 1782 г., д.5, л.48*).

Деятельность С. Л. Лашкарева была должным образом оценена императрицей, которая «повелела ответственность [ему], похваляя его старания» на посту генерального консула (*ф.ВАД, 1782 г., д.8, л.18*).

Выполняя указание Екатерины II, князь Безбородко «ответствовал» Сергею Лазаревичу. Им был заготовлен обычный в таких случаях «Указ надворному советнику и резиденту Лашкареву». На первой странице — помета: «Высочайше апробован декабря 13 1782». На последней — другая: «Отправлен по почте в первый день генваря 1783 года». Позднее отправление указа вполне объяснимо: курьеры, если не было срочных бумаг, отправлялись в княжества не так уж часто. Поэтому Лашкарев получить его не успел и ознакомился с копией указа уже в Петербурге.

Приведем его полный текст: «Из доношения Вашего от 22-го прошедшего октября усмотрено здесь с удовольствием, что Вы предупредили наконец довести господря Молдавского до того, чтоб с товаров, принадлежащих российским купцам, не было взываемо иных пошлин, кроме постановляемых мирным трактатом, именно по три со ста, а тем самым и прекратить всякие другие с оных сборы. По донесении о сем ее императорскому величеству, равно как и о приложенном Вами старании об отыскании и возвращении в отечество российских людей, оставшихся от войны в княжествах Молдавском и Волошском и в Бессарабии, ея величество изволила всемиловнейше указать предписать как Вам самим, так и преемнику³ Вашему, дабы Вы всемерно и наисильнейшим образом настояли и требовали отпуски их жен и детей вместе с мужьями и отцами. Вследствие сего не оставите Вы, сколько еще успеете до отъезда Вашего из настоящего места, собрать и отправить отыскиваемых в обоих княжествах и в Бессарабии здешних подданных с их семействам, равно как уже преемника Вашего дело будет и впредь поступать точно по сей высочайшей ее императорского величества воле» (*там же*).

Итак, как видим, Лашкарев в бытность свою генеральным консулом в княжествах, несмотря на чинимые турецкими властями повсеместно препятствия, работал весьма успешно и, в частности, многое сделал «по части заступления за торгующих там купцов российских». Он также «предупредил» исходатайствовать от турецких властей фирман, в силу которого все российские купеческие суда могли свободно и без всякого затруднения плавать по Дунаю, Черному морю и «приставать в тамошние порты». За деятельностью генерального консула внимательно наблюдали в Петербурге. На то были веские причины: и императрица, и А. А. Безбородко с А. Р. Воронцовым смотрели на успехи Лашкарева сквозь призму предстоящих важных переговоров с Османской империей о заключении торгового трактата.

Здесь уместно вспомнить о таком факте, относящемся еще к 1781 г. Вскоре по прибытии в Константинополь для своего аккредитования в консульской должности Сергей Лазаревич отправил письмо президенту Коммерц-коллегии Александру Романовичу Воронцову, с которым был хорошо знаком и о котором знал, что тот оказывал «нужное содействие» расширению русской внешней торговли. Это о Воронцове французский посол

в Петербурге Сегюр писал, что он сильно желал, чтобы Россия «вела торговлю с другими народами только своими товарами, и то на чистые деньги». Воронцов проявлял особый интерес к торговым операциям русских купцов и в княжествах.

Вот небольшой отрывок из ответа президента Коммерц-коллегии на письмо Сергея Лазаревича. «Письмо Ваше и присланный при оном кошелек (Лашкарев умел выбирать символические презенты.— Г. К.) получил я исправно в свое время и благодарю Вас упорно за оные... между тем я прошу Вас, однакож, в каком бы месте Вы ни имели свое пребывание в областях Порты, продолжать Ваши извещения о всех тех познаниях, кои Вы обретете в обращении в тамошних местах торгога» (ф. РГК, 1781 г., д. 3, л. 4).

Подобного рода «извещения» Лашкарев регулярно направлял чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Константинополе Я. И. Булгакову, которому сообщаемые в них данные весьма помогали при проведении торговых переговоров с великим визирем Сеид Мехмед-Гайри-эфенди. Незадолго до начала этих переговоров Екатерина II распорядилась, чтобы Коллегия подготовила доклад о «турецких обстоятельствах». В декабре 1782 г. такой документ, озаглавленный «Мнения Коллегии иностранных дел» и подписанный Остерманом, Безбородко и Бакуниным, был составлен. В нем, в частности, подчеркивалось, что «все ябеды, прицепки и затруднения, последовавшие до ныне с турецкой стороны», направлены против «плавания нашего через Константинопольский пролив» и против свободного провоза мимо турецкой столицы «из Черного моря в Средиземное хлеба, железа и многих других наших товаров, кои, в России излишествуя, прочим народам вяще нужны и потому удобны составлять самое основание и всю выгоду нашей торговли» (ф. СМ, 1782—1790 гг., д. 585, л. 6). И Петербург поручает Булгакову все «эти ябеды, прицепки и затруднения» устранить в ходе предстоящей «негоциации». Русский посланник блистательно провел переговоры с великим визирем, и 10 июля 1783 г. они подписали «Трактат о торговле между Российской империею и Портою Оттоманскою». А через два с половиной месяца «сей трактат,— значитя в одном документе,— подтвержден взаимными ратификациями ее императорского величества и его султанова величества, кои обеих сторон полномочными разменены с обыкновенными обрядами» (ф. ВКД, 1783 г., д. 6997, л. 23).

В ст. 1 «Трактата о торговле» было зафиксировано, что «Блистательная Порта позволяет совершенно свободно вообще всем российским подданным навигацию и торги свои отправлять во всех областях ее, так и на морях, водах и рекою Дунаем и везде, где навигация и купечество удобными для российских подданных найдутся, чего ради и вольно всякому российскому торгующему ездить, жить и быть в областях Порты под особливую защиту ее правительства столько времени, сколько польза торгога его требовать может». В ст. 17 подчеркивалось: «Поелику

российская нация в областях Блистательной Порты наравне с французскою и аглинскою, яко наиболее фаворизируемыми ею нациями, почитаема быть должна, то и обязуется Порта сею статьею оказывать российским подданным все преимущества и чести, употребляемые против сих и других вольных народов...» Ст. 30 подтверждала положения ст. 11 Кючук-Кайнарджийского мирного договора и ст. 6 Айнальской изъяснительной конвенции 1779 г., согласно которым «все купеческие под российским флагом корабли свободно могут проходить Константинопольским каналом из Черного моря в Белое и взаимно из Белого в Черное».

Не забыты были в трактате и русские драгоманы. Согласно ст. 50, «драгоманы, у посланников и консулей российских в службе находящиеся», освобождались Блистательной Портой от некоторых податей и сборов. А по ст. 51 этим же драгоманам предоставлялись те же привилегии и преимущества, которыми пользовались российские подданные (*там же*, л. 12—17).

В Коллегии иностранных дел действия Я. И. Булгакова на переговорах с великим визирем о заключении торгового трактата были полностью одобрены. Характеризуя Булгакова, А. А. Безбородко отмечал, что полномочный министр в Константинополе «предупел во всем», проявил твердость достаточную, искусство в «делах трудных» и «крайнюю прилежность», в результате чего действительный статский советник Я. И. Булгаков «заключил торговый договор, какого ни одна держава не имеет» (*ф. СМ, 1780—1788 гг., д. 586, л. 160—160об.*). Подписание «Трактата о торговле» было большим успехом русской дипломатии. За успехом этим — и напряженный труд С. Л. Лашкарева.

Между тем еще 26 ноября 1782 г. Лашкарев доносил из Ясс в Коллегию, что указ от 25 октября сего года о пожаловании его в надворные советники и определении резидентом при крымском хане он «исправно получил». Этим же указом ему предписывалось приложить «всевозможное старание приездом» в столицу.

Сдав дела вице-консулу, он в начале января 1783 г. прибыл в Петербург. А здесь уже принимались меры к срочному его отправлению в Крым. 11 января Безбородко писал вице-канцлеру И. А. Остерману: «Ея императорское величество высочайше указать мне изволила сообщить вашему сиятельству, *первое*, об отправлении скорейшем г. резидента Лашкарева и, следовательно, о заготовлении нужных для него наставлений...» (*ф. ВАД, 1782 г., д. 8, л. 18*).

В инструкции Лашкареву подчеркивалось намерение русского двора «защищать до крайности» вольность и независимость «области татарской» и поддерживать хана Шагин-Гирея. Относительно политики западноевропейских стран указывалось, что шведский двор «не без внутренней зависти взирает на величие и благосостояние России»; французский, испанский, неаполитанский, «конечно, немного России добра желают, особливо же

французский, имеющий в привычке рассылать повсюду своих эмиссаров». Попутно заметим, что и в дальнейшем за подобного рода «привычками» французов властям приходилось следить весьма внимательно. Так, Г. А. Потемкин направляет кавказскому генерал-губернатору П. С. Потемкину письмо с просьбой оказать содействие трем французским офицерам, в феврале 1784 г. отправившимся через Киев и Крым на Кавказскую линию. Кроме того, он предписывает генерал-губернатору смотреть, чтобы они «в излишнее любопытство не входили». Весной того же года эти офицеры вознамерились осмотреть «дорогу через Кавказские горы», но им в этом «под благовидным предлогом» было отказано⁴.

В инструкции же С. Л. Лашкареву указывалось: «Если появится в Крыму какой-либо француз под названием лекаря или же купца, надобно вам будет как примечать за его поведением, так и представлять благовременно хану о его высылке». И далее: «...нельзя думать, чтобы англичане не имели внутренне равной с Францией зависти к одержанному нами от Порты свободному кораблеплаванию по Черному морю» (ф. СРКр, 1782—1783 гг., д. 75, л. 10—11).

Турция по-прежнему не оставляет Крым в покое. В записке, посланной вице-канцлеру Остерману 28 февраля 1782 г., крымский посланник в России Темир-ага пишет, что Османская империя, «нас всячески ненавидя, между нашими знатными людьми всегда мятежный дух питать не перестает» (ф. ВКД, 1782 г., д. 830, л. 64).

Сложные «крымские обстоятельства» торопили отправление русского резидента к хану Шагин-Гирею. Заготовленные в Коллегии две грамоты (одна — рекредитивная для посланника Петра Веселицкого, другая — кредитивная для резидента Сергея Лашкарева) были вложены «каждая в особом мешке, сделанных из золотного глазету с серебряным в округе плетешком», и вместе с инструкцией и другими документами вручены Сергею Лазаревичу.

Адресуясь к Шагин-Гирею, Екатерина II в верительной грамоте указывала: «Мы заблагорассудили отозвать находившегося при вашей светлости нашего полномочного министра Веселицкого для употребления при других делах, а на место его определить в качестве резидента нашего надворного советника Сергея Лашкарева, которого, сим аккредитуя, желаем и требуем, чтоб Вы позволяли ему всегда по востребованию дел и обстоятельств свободный к себе доступ и подавали веру всему, что он вашей светлости именем нашим и двора нашего предлагать будет, а особливо уверениям продолжительного нашего попечения об истинном благе вашей светлости и всей области татарской» (ф. СРКр, 1782—1783 гг., д. 75, л. 75).

Получив заграничный паспорт, Лашкарев немедленно едет в Крым, куда прибывает 7 апреля 1783 г. А два месяца спустя генеральный консул Молдавии и Валахии Иван Северин из Ясс

уведомлял Сергея Лазаревича, что по пути в Крым «вчера (3 июня.— Г. К.) на вечер прибыла сюда супруга Ваша, претерпев на дороге всевозможные трудности от ужасного дождя, который не переставал лить». Любопытно сообщение Северина о том, что «некто француз Готье» распространял ложные слухи, будто Турция объявила войну России (*ф. СРКр, 1783 г., д. 77, л. 163*).

13 апреля 1783 г. Лашкареву был направлен рескрипт, в котором ему предписывалось по приезде князя Г. А. Потемкина в Новороссийскую губернию «войти с ним в непосредственную переписку, уведомлять его по часту и подробно о всем между татарами происходящем и по получаемым от него приказаниям чинить скорое и точное исполнение».

Между тем 9 апреля Лашкарев нанес частный визит Шагин-Гирею. Хан заявил ему, что «всегда чувствовал и чувствует высочайшую милость ее величества, и ни за что в свете из подаваемых ему [императрицей] повелений выступить не намерен, и всю свою надежду возложил на всевышнего и покровительство высочайшего всероссийского двора».

Лашкарев доносил в Коллегию: «Коль скоро я прибыл, то с ханской стороны прислан ко мне пристав с несколькими сейменами, которых по аудиенции моей с ханом учтивым образом намерен от себя отдалить, дабы дать беспрепятственный ко мне вход жителям сего полуострова, а иначе они, видя у меня пристава, будут опасаться приходить, ибо пристав не что иное, как ханский шпион» (*там же, л. 3—4*).

Однако неожиданно 17 апреля Шагин-Гирей «собрал изо всех мест татар, которым по упрекании объявил, что он слагает с себя ханство». В зачитанном ханом «отказном листе» указывалось: «Вам всем не безизвестно, что я промыслом Бога не недавно нахожусь владельцем вашим, в нынешнее же время по некоторым дел обстоятельствам и невозможности от такого бремени сам отказываюсь» (*ф. КМ, 1783—1784 гг., д. 939, л. 12*).

Лашкарев, конечно, понимал, что отречение это носило чисто формальный характер, поскольку к этому времени в руках Шагин-Гирея реальной власти практически уже не было. Водворенный снова в Крыму при поддержке русских войск после серьезнейших «крымских замешательств», случившихся летом 1782 г., Шагин-Гирей с озлобленной жестокостью начал казнить своих к этому времени уже умиротворенных противников, чем вызвал к себе ненависть большинства населения полуострова. Князь Потемкин в порядке командующему войсками в Крыму генерал-поручику Дебальмену в связи с происшедшими здесь казнями предписал «объявить хану в самых сильных выражениях, что ее императорское величество с прискорбием получить изволила сие неприятное известие»⁵.

Еще 28 февраля 1783 г. Потемкин отправил Лашкареву письмо, в котором в общих чертах описывал ближайшие намерения Петербурга относительно дальнейшей судьбы Крыма и выражал

надежду, что Сергей Лазаревич не оставит «во всей возможности соответствовать сим предположениям и стараться о приведении оных к желаемому концу». При этом Потемкин изъявил пожелание, чтобы впрямь Лашкарев имел «откровеннейшее обращение» с генерал-поручиком Дебальменом, которому, в свою очередь, он поручал удержание «твердой ноги в Крыму»⁶.

В конце апреля в письме из Кричева, адресованном Лашкареву, Г. А. Потемкин о принятом в Петербурге решении сообщает следующее: «Я Вам в сокровеннейшей тайне имею объявить, что область татарская вскоре присоединится к России».

Следует, однако, заметить, что еще до получения этого сообщения позиция Петербурга в данном вопросе была Сергею Лазаревичу предельно ясна, о чем, в частности, свидетельствует его донесение в Коллегию от 21 апреля 1783 г.; там были такие строки: «Из татар, от некоторых, с которыми только в такое короткое время мог видеться, и, сколько понял, что они кажутся быть согласны принять подданство и покровительство ее императорского величества...» (*ф. СРКр, 1783, г., 77, л. 8*).

17 апреля на частной аудиенции у Шагин-Гирея посланник Веселицкий, заметив во время беседы, что хан стал «ободрительнее», вручил ему свою отзывную грамоту. Лашкареву же вручать свою верительную грамоту было уже некому.

Забегая вперед, сообщим, что в конце 1783 г. Сергей Лазаревич отправился на некоторое время в Петербург для получения новых инструкций. Он захватил с собой ненужную ему больше верительную грамоту. В составленном сразу же по прибытии в столицу (4 декабря) «покорнейшем доношении» Лашкарев уведомлял, что он «за долг почел» сдать под расписку в Коллегию «высочайшую грамоту к хану Шагин-Гирею, которая по причине перемены обстоятельств осталась ему не вручена» (*ф. СРКр, 1782—1783 гг., д. 75, л. 63*).

Так верительная грамота «за собственноручным ее императорского величества подписанием и приложением императорской печати» волею случая оказалась в коллежском архиве. Вот почему сегодня, 200 лет спустя, мы имеем возможность ознакомиться с документом,— можно сказать, идеально сохранившимся необычным музейным экспонатом. Это хитроумным образом сложенная в гармошку бумага. Разворачиваем ее. На большом белом листе безымянный мастер, приставленный к «расписанию золотом грамат», красиво расположил строгий текст, обрамленный мастерски нарисованной затейливой, узорчатой рамкой. Выходит, что не только у книг, но и у верительных грамот бывает своя судьба... Вернемся, однако, к «крымским обстоятельствам».

О событиях в Тавриде С. Л. Лашкарев регулярно уведомляет посланника Я. И. Булгакова. В одном из ответов (от 9 мая 1783 г.) Яков Иванович писал: «Известие об отречении хана весьма важно, и здесь об нем никто еще не знает... Порта пребывает в довольном спокойствии и хотя делает приготовления к

обороне, но по несчастию все ее труды с одного конца клеятся, а с другого расклеиваются...» (ф. СРКр, 1783 г., д. 77, л. 146).

Г. А. Потемкин настаивал, чтобы на первое время Шагин-Гирей уехал в Херсон, но хан от этого отказался. Узнав от Лашкарева о намерении Шагин-Гирея отправиться в Тамань, князь пришел к следующему выводу: «Хан хочет через сие держать татар в нерешимости, что едет вон или нет»⁷.

15 мая Лашкарев пишет Потемкину, высказываясь относительно дальнейшей судьбы Шагин-Гирея: «По нынешним обстоятельствам не безнужно, чтобы его от сих мест удалить, ибо как улемы, так и мурзы опасаются откровенно говорить, мнят, что Шагин-Гирей умышленно... отказался [от ханства], дабы выведать, каково они мнения и на какую сторону более склонны» (там же, л. 11).

Отправляя свою депешу, Лашкарев не мог знать, что десять днями раньше Екатерина II по этому же поводу спрашивала Потемкина: «Нельзя ли хана переманить на твердую землю?»⁸.

В Петербурге опасались, и не без оснований, что Оттоманская Порты, не спешившая признавать присоединение Крыма к России, попытается использовать Шагин-Гирея для создания новых «замешательств» в Тавриде. Это же обстоятельство имел в виду Потемкин, когда предписывал генерал-поручику Дебальмену: «Неизвестно еще, на что решится сия держава, получа известие о присоединении области Крымской к России, а потому и нужно поставить себя на всю военную осторожность»⁹.

Тем временем сам Шагин-Гирей не скупился на изъявление благодарностей Екатерине II. В одном из писем хана к своему посланнику в Петербурге Темир-аге читаем: «А за оказанные мне столь великие от всепресветлейшей императрицы и покровительницы моей непрестанно высокомонаршие милости и щедроты не в силах я принести достодолжную мою благодарность до конца жизни моей» (ф. ВАД, 1782 г., д. 8, л. 321—321об.).

Но еще до получения этого письма Шагин-Гирея крымский посланник Темир-ага посетил Коллегию иностранных дел и имел аудиенцию у вице-канцлера Остермана. В записи состоявшейся беседы читаем: «По обыкновенных приветствиях вице-канцлер сказал посланнику, что он имел честь докладывать ее императорскому величеству о присланном к нему (Темир-аге.— Г. К.) повелении отсюда без замедления в свое отечество возвратиться по причине учиненного от хана отрицательства от правления Татарской области». Далее ему было заявлено, что князь Потемкин направлен в Крым как «для объявления татарам о принятии их в подданство и приведения их в верности к присяге, так и для учреждения земского правления». А во время другой их встречи, состоявшейся 18 мая 1783 г., Остерман сообщил Темир-аге об определении Шагин-Гирею «ежегодной пенсии по двести тысяч рублей». После этих слов в протокольной записи читаем: «Тут видна была на лице Темир Аги истинная радость с неко-

торым удивлением». Остерман вручил посланнику бриллиантовый перстень (ф. ВАД, 1783 г., д. 9, л. 235об.—237, 240об.—242).

О том, как встретило манифест от 8 апреля 1783 г. население Крыма о принятии его в подданство России, свидетельствует, в частности, «письмо крымского общества таманским жителям», датированное 22 июля этого же года. Приведем небольшой отрывок из этого документа (в переводе с татарского языка на русский): «Мы, узнавши, вас дружески извещаем, что здесь и в ваших местах высочайший манифест всепресветлейшей монархини уже объявлен, равно и плакат его светлости князя Григория Александровича Потемкина нам читан. И мы, действительно оное уразумев, что закону и вере нашей не противно и никакого нет нам притеснения, душевно тем уверились и потому присягнули быть верноподданными ко всепресветлейшей нашей государыне... В печатках подписали: Ширинский Мегметше Бей Бекир Ага. Мансурский Эмирша Бей» (ф. СРКр, 1783 г., д. 77, л. 236).

В создавшихся условиях Петербург продолжал настаивать, чтобы Шагин-Гирей переехал на жительство в одну из центральных губерний России, но хан под разными предлогами переезжать отнюдь не спешит. То он заявляет Лашкареву, что нуждается в деньгах, и по распоряжению Потемкина 21 мая Сергей Лазаревич выдает ему 50 тыс. рублей ассигнациями. А когда через месяц Лашкарев вручает хану присланные для него Потемкиным паспорта, он заявляет, что болен и собирается ехать в Тамань. 26 июня 1783 г. Лашкарев докладывает князю: «Его сиятельство хан не отстает от своего упрямства» (там же, л. 21).

Вместо того чтобы в ответ на настойчивые просьбы русского резидента наконец покинуть Крым, Шагин-Гирей посылает письма наподобие следующего: «Высокопочтенный приятель мой, Сергей Лазаревич! Халил Ага, сие вручающий, желает с фамилиею своею удалиться из Крыма. Приятнейше Вас прошу в свободном ему, куда пожелает, выезде оказать Ваше возможное пособие. Пребываю с непрерывным почтением. Ваш усердный приятель Шагин Гирей хан. 18 июля 1783 г.» (там же, л. 183).

В середине июля Лашкарев отправляется к хану в Кафу, затем в августе — в другой его лагерь, где склоняет его переехать «в пределы империи», но Шагин-Гирей «решился не переминать своего упрямства». Более того, он продолжал обращаться со все новыми просьбами к петербургскому двору. Об одной из них Лашкарев не без удивления поставил в известность Коллегию. Хан, которому в свое время было присвоено звание капитана гвардии, теперь восхотел получить чин... генерала. Еще 15 мая 1783 г. Лашкарев докладывал Потемкину: «Его светлость при каждом своем со мною партикулярном разговоре дает мне чувствовать, что он весьма жаждет иметь от высочайшего двора пристойный себе чин и ленту» (ф. СРКр, 1783 г., д. 77, л. 80б., 13).

Присваивать чин генерала бывшему владельцу посчитали в Петербурге не совсем удобным, а отказать ему — означало дать повод обидеться, что могло, в свою очередь, задержать Шагин-Гирея еще на какое-то время в Крыму. И выход нашли: решено было наградить хана учрежденным еще Петром Великим первым русским орденом Св. Андрея Первозванного, статут которого предусматривал получение чина генерал-поручика.

Правда, при вручении знаков ордена Шагин-Гирею могли возникнуть трудности чисто протокольного характера. Дело в том, что орден этот состоял из знаков золотого креста, серебряной восьмиконечной звезды (оба с изображением распятого Святого Андрея) на золотой цепи. На знаках надпись: «За веру и верность». Понятно, что в таком виде иноверец Шагин-Гирей орден носить не смог бы. Однако и на этот раз выход, правда весьма необычный, нашелся. Об этом мы узнаём из текста грамоты, данной хану по случаю отправленных к нему знаков ордена Св. Андрея: «Светлейший хан Шагин Гирей. В доказательство особого нашего благоволения к Вам и удовольствия о том доброхотстве и преданности, кои Вы непоколебимо к нам сохранили, посылаем вашей светлости знаки первого нашего кавалерского ордена, учредя оные по разности вер, нами исповедуемых, так, что мы Вам оные пожаловать и Вы оные употреблять могли бы, и присоединя к тому все преимущества, кои кавалерам первого нашего ордена свойственны. Мы пребудем всегда Вам благосклонны. Екатерина. В Царском Селе июня 30-го дня 1783 г.» (ф. ВКД, 1783 г., д. 274, л. 2).

Текст этой грамоты в дополнительных комментариях едва ли нуждается. Хотелось бы обратить только внимание на такую деталь: как это ни парадоксально, но императрица в этом своем обращении к Шагин-Гирею даже не сочла возможным упомянуть название жалуемого ему ордена, опасаясь задеть религиозное чувство хана. Ведь апостол Андрей, согласно церковной легенде, выступил с первой проповедью христианства на Руси. В этой же связи не трудно догадаться, какие именно атрибуты ордена Андрея Первозванного по распоряжению императрицы были опущены медальером при изготовлении орденских знаков, специально предназначенных для мусульманина. Что и говорить, случай, скажем прямо, в своем роде редчайший!

Флигель-адъютант императрицы С. Н. Салтыков вручил хану орден. Но это обстоятельство не помешало ему ускользнуть в Тамань, а затем податься за Кубань, откуда он сносился со своими агентами в Крыму и Турции. Такое поведение бывшего крымского владельца вызвало, естественно, неудовольствие Петербурга. 3 октября 1783 г. Екатерина II писала Потемкину: «Мне пришло на ум, естли Шагин Гирей еще шалить станет, то приводить ему на память, что Портою смененные ханы по двести тысяч пенсии никогда не получали»¹⁰.

Спустя полгода, 20 апреля 1784 г., Г. А. Потемкин направлял Лашкареву, находившемуся по служебным делам в Черниго-

ве, секретный ордер № 157, в котором указывалось: «Предписываю Вам со всевозможною поспешностию отправиться в Тамань к хану Шагин Гирею и объяснить ему, коль неприлично поступает он, упорствуя исполнить высочайшую ее императорского величества волю и удерживаясь в Тамани вместо отправления внутрь российских пределов»¹¹.

Приехавший спешно в Тамань Лашкарев застал там незадолго перед этим буквально спустившегося с гор хана. После длительных переговоров и увещеваний Сергеем Лазаревичу наконец удалось добиться от Шагин-Гирея согласия переехать во внутренние губернии империи. Тем временем сменивший Дебальмена на посту командующего русскими войсками в Крыму Игельштром уведомил Лашкарева, что корабль, специально предназначенный для переезда Шагин-Гирея и его свиты в Таганрог, приготовлен.

Только 15 мая 1784 г. последний крымский хан покинул Тамань и переехал в Таганрог. В поездке в Россию его сопровождал Лашкарев, незадолго перед этим пожалованный «канцелярии советником». По рекомендации Потемкина он был официально назначен приставом к Шагин-Гирею.

Вот что писал по этому поводу Сергей Лазаревич своему бывшему начальнику Я. И. Булгакову в Константинополь 10 июня 1784 г.: «На сих днях, отправя из Таганрога казенный бот, обстоятельно донес я вашему превосходительству о моем вояже по нынешнем нахождении с его светлостью ханом Шагин Гиреем в Таганроге. Тут пробудем, повидимому, немаловременно, одерживает самое бездельное дело, то есть нет ни копейки денег и не с чем ни на одну версту подняться. Ожидаем со дня на день Благодати дондеже у щедрот... Упомнил сказать, что я из резидентов попал теперь в знаменитейший титул, именуюсь и именуют приставом...» (*ф. КМ, 1783—1784 гг., д. 939, л. 63*).

В последних строках письма чувствуется горькая ирония. Сергей Лазаревич явно тяготился сим «знаменитейшим титулом». Как дипломат, он вправе был рассчитывать на большее...

В Петербурге же на это, без сомнения, временное назначение смотрели «со своей колокольни»: важно было «приставить» к Шагин-Гирею именно С. Л. Лашкарева, который обладал такими личными качествами, как обязательность, обаяние, умение — нет, талант! — быстро устанавливать контакт со своими собеседниками, будь то крымский хан, высокопоставленный турецкий дипломат или простой писец. И действительно, Шагин-Гирей ценил и уважал Лашкарева.

Между тем денег на дорогу пришлось дожидаться довольно долго — более месяца. Только тогда и вырвались из пыльного Таганрога. Заметим, что тысячеверстный путь до Воронежа был необычайно тяжел. Кстати, семья Сергея Лазаревича терпеливо разделяла с ним все тяготы и лишения этого трудного пути.

В следующем письме, уже из Воронежа, С. Л. Лашкарев писал Я. И. Булгакову (22 августа 1784 г.): «...о себе донести

имею, что здесь я с женою и детьми четвертую неделю проживаю».

Первоначально предполагалось, что Шагин-Гирей оседет в этом городе надолго, если не навсегда. Однако по высочайшей воле в январе 1786 г. ему предстояло перебраться в Калугу.

«Носилася тогда молва,— так по крайней мере объяснял этот переезд один из мемуаристов А. Т. Болотов,— что некоторый род притеснения терпел он от имевшего тогда уже во всем великую власть известного князя Потемкина, за что-то его не любившего и старавшегося всячески не допустить его до двора императрицы, чего он с великою ревностью добивался».

При тогдашнем переезде Шагин-Гирея из Воронежа в Калугу, как, впрочем, и при всех предыдущих, велено было «оказывать ему везде особенную честь, как бывшему владеющему государю, выставлять везде под него и свиту его до ста подвод и везде его встречать и провожать исправникам и городничим». На этом пути хану предстояло проезжать и через Богородицк, где и была ему назначена «станция».

Городок этот в ту пору был маленьким, заштатным, да и городом стал называться всего лет за десять до описываемых событий. Поэтому сыскать подходящий дом для кратковременного пребывания Шагин-Гирея и его весьма многочисленной свиты было не так-то просто. Расторопный тульский наместник выбрал для него добротное здание «о двух этажах». То был весьма ухоженный «управительский» дом с прекрасным садом.

Наместник распорядился, чтобы хозяин этого единственного в своем роде строения, «нимало не медля, очистил и опростал дом свой для пребывания сей знаменитой особы» да «чтоб не находилось в доме никаких женщин».

Хозяин дома Андрей Тимофеевич Болотов — управляющий именными дворцового ведомства Тульской и Московской губерний — был близким другом Николая Ивановича Новикова и вообще человеком незаурядным. С этой точки зрения выбор дома тульским наместником оказался более чем удачным. Ведь благодаря Андрею Тимофеевичу мы теперь знаем некоторые достоверные подробности о пребывании Шагин-Гирея и Лашкарева в Богородицке. Сразу после отъезда хана Болотов даже нарисовал его портрет «сухими красками».

Остановимся на воспоминаниях мемуариста. Вот несколько выдержек из его самобытных записок.

«Сперва, именно 14 января, приехал обоз ханский и несколько человек из именитых чиновников», затем — жена пристава Лашкарева Констанция Ивановна. «Госпожа сия приехала к нам еще до света и, расположившись тут, спала несколько часов, а потом, напившись чаю и кофе, поехала далее. С нею было только пятеро детей и две служанки, и все они были гречанки...» 19 января «приехал наконец и сам хан. Мы со всеми нашими судьями и множеством сбежавшегося народа встретили его у крыльца моего дома, и я провел его в свою гостиную...

Теплый мой и спокойный домик так ему полюбился, что он тотчас сказал приехавшему с ним вместе г. Лашкареву, что он вознамерился здесь взять отдохновение и переночевать и в дальнейший путь отправиться уже наутрие. На что он ему отвечал, что это будет очень кстати, поелику коляски, в которых ехали его чиновники, по дурноте тогдашних зимних дорог и по ухабам так изломались, что их доводится бросить и доставать вместо их зимние кибитки...».

Хан показался Болотову «еще очень не старым и не более как лет 35 или 40. Собою был высок, сух и худ и, точно как монах, весь в черном платье, но вид имел приятный, и все черты лица его означали в нем разум острый и великий. Он сел тотчас для отдохновения на наше канапе по обыкновению нашему, а не по азиатскому, а в тот же почти миг камердинер его, француз, поднес ему кофе, стоя пред ним на коленях... курия свою трубку, расхаживая по комнате, разговаривал он с г. Лашкаревым по-французски, и смеялся, и шутил... по поводу, что случилась с ним бедушка, и он, подъезжая к Богородицку, упал в снег при случае изломавшейся его коляски и потерял свои золотые часы, говоря, что он желал бы душевно, чтоб часы его найдены были после каким-нибудь бедным человеком, которому бы они оченьгодились...».

Путру вставши, спешил я опять иттить к гостям, думая, что хан поедет от нас скоро, однако нашел его там еще спящим или, по крайней мере, не вышедшего еще из спальни... Пребывание его в спальне продлилось очень долго и до самого обеденного стола. Да и сей имел он там же, и мы только видели носимые туда на серебряных блюдах и таковых же мисках кушанья... Вышедши из спальни, хан уже недолго у нас пробыл, но, поговорив несколько минут с г. Лашкаревым и со мною, стал в путь собираться и укутываться. В самое сие время вызвал меня г. Лашкарев вместе с нашим городничим в залу, и тут от лица ханского одарил меня за угощение подарками: меня золотыми прекрасными часами, а для жены и дочери моей — двумя кусками прекрасной шелковой дорогой материи, а городничего нашего — золотою табакеркою рублей во сто. Нас сие немало удивило, ибо мы хотя и слышали, что хан везде и всех одаривает во время своего проезда, но никак не ожидали, чтоб подарки были столь знамениты, и едва успели возблагодарить за то хана, шедшего уже мимо нас садиться в свою карету. Сим образом проводили мы сего почтенного гостя, и я пожелал ему искренно счастливого пути и всякого благополучия в продолжении его жизни. Но желание мое не совершилось!»¹².

Действительно, вскоре жизнь Шагин-Гирея трагически оборвалась. Остаться в Калуге хан не пожелал и стал просить, чтобы ему разрешили соединиться со своими одноверцами в Турции. Вскоре такое разрешение из Петербурга было получено, и Шагин-Гирей отправился в путь, куда его проводили «со всею подобающею честью». В декабре 1786 г. хан был в Бердичеве,

откуда он продолжал свой путь в Турцию до января следующего года. А вскоре по приказу султана Шагин-Гирей был сослан на о-в Родос и там летом 1787 г. удушен.

Именным указом Коллегии иностранных дел от 2 марта 1786 г. Сергей Лазаревич Лашкарев назначается в Персию на дипломатическую должность высокого ранга — поверенным в делах. Указ, подписанный Екатериной II, гласил: «Канцелярии советника Сергея Лашкарева повелеваем отправить в Персию поверенным в делах, снабдя его нашею открытою грамотою¹³; потребными наставлениями и особливыми доверенными листами к разным тамошним правителям снабден он будет от нашего генерала-фельдмаршала князя Потемкина по его пограничному начальству в том крае» (*ф. СРП, 1722—1796 гг., д. 2, л. 130*).

Два месяца спустя князь А. Безбородко направил «сообщение» Г. А. Потемкину, в котором, в частности, говорилось: «Вследствие сего именного высочайшего ее императорского величества повеления Коллегия Иностранных Дел посылает при сем к вашему сиятельству открытую грамоту для помянутого поверенного в делах канцелярии советника Лашкарева, прося ваше сиятельство как о доставлении ему оной, так и сообщении в свое время Коллегии Иностранных Дел даваемых ему от Вас наставлений, дабы она (Екатерина II.— Г. К.) из того настоящего положение Персидского государства узнать могла, что ей необходимо нужно для соображения по другим делам, а более всех относительно до Порты Оттоманской...» (*там же*).

Тучи над южными границами России сгустились: назревала война с Турцией, и Петербург рассчитывал на получение важной информации от Лашкарева. Но Потемкин не захотел расставаться с талантливым дипломатом и «на время» оставляет его при своей канцелярии в Елисаветграде, куда Лашкарев прикомандировывается для особых поручений «по дипломатической части». Он становится доверенным лицом Потемкина и первым его любимцем. Не следует, однако, думать, что даже столь высокий сановник империи решился самовольно изменить указ императрицы. Само содержание высочайшего указа о Лашкареве предоставляло Потемкину формальное право поступать так, а не иначе. Вот какую мысль заключал этот указ: «Равно как от него же (Потемкина.— Г. К.) зависеть будет и назначение места пребывания помянутому поверенному в делах».

Побывать в Персии Лашкареву так и не довелось, хотя несколько лет он продолжал занимать штатную должность поверенного в делах в этой стране. Справедливости ради следует отметить, что время от времени, когда в том была необходимость, Сергей Лазаревич проявлял интерес и к «персидским обстоятельствам». Однако последующие опасные события на южных границах империи, происшедшие по вине турецких правителей, показали, что фельдмаршал поступил весьма дальновидно, оставив Лашкарева при своей Главной квартире.

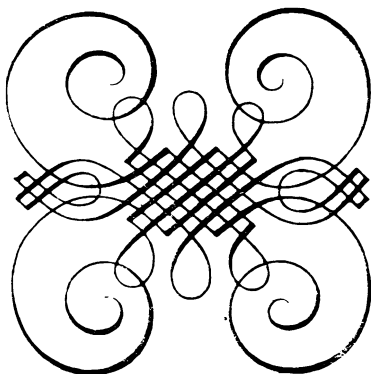
В конце 1786 г. Лашкарев неожиданно уезжает из Елисавет-

града на непродолжительное время в Турцию. Много позднее он сам в одном из своих послужных списков напишет, что был направлен туда с «важною комиссиею». (Об этом задании речь пойдет в следующей главе.) По возвращении из Константинополя Сергей Лазаревич оставался при князе Потемкине и находился в свите Екатерины II во время путешествия императрицы в Крым.

В заключение этой главы отметим, что летом 1784 г. Лашкарев по указу Екатерины II был пожалован медалью, выбитой по случаю присоединения Крыма к России, а в 1786 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени «за усердную службу, особенное в делах искусство и точное исполнение должности с успехом и пользою государственною».

Глава 5

ТРЕТИЙ ПОЛНОМОЧНЫЙ

Петербург, 10 ноября 1786 г.

В Зимнем дворце на очередном ежедневном докладе у императрицы князь А. А. Безбородко, которого многие придворные уважительно-шутливо называли русским реис-эфендием,— а он и в самом деле фактически исполнял обязанности канцлера, хотя формально им в то время еще и не был¹,— начал с важных донесений полномочного министра Я. И. Булгакова, полученных из Константинополя «на нарочной стафете». Булгаков особо просил почтмейстера пограничного Ольвиополя (ныне г. Первомайск) секретный пакет с этими документами доставить в Петербург возможно быстрее.

Не впервые посланник озабоченно сообщал о ведущейся в Турции лихорадочной подготовке к новой войне. Об этом доносили и другие дипломаты. Так, задолго до этих последних депеш Булгакова Екатерине II генеральный консул в Смирне Войнович писал вице-канцлеру И. А. Остерману: «В число теперешних новостей в здешних местах полагать должно поспешные и надсадные турков приготовления морские и сухопутные. То и дело из Азии переправляются войска в Европу и посылаются к нашим границам...» (ф. СРГ, 1783 г., д. 1005, л. 17).

Ознакомившись с последними донесениями Булгакова, императрица, как записывает Безбородко в журнале, указать изволила, что она всегда соблюдать желает сохранение покоя, «доколе не будет убеждена к противному тому со стороны турецкой

неисполнением договоров во всех их полной силе и пространным разуме или же какими-либо, вопреки интересов ее, происками» (ф. ВАД, 1786 г., д. 8, л. 110б.).

В придворных кругах русской столицы уже мало кто сомневался в неизбежности столкновения с Турцией, где явно вели дело к войне. Да и Я. И. Булгакова, одного из самых выдающихся русских дипломатических агентов в Константинополе, теперь занимает главный вопрос: когда турки начнут войну против России? Ответить на него не так-то просто: он вынужден доносить А. А. Безбородко в начале марта 1787 г., что поставлен в весьма стесненные обстоятельства и что день ото дня ему становится «все труднее разведывать о происходящем». Булгаков фактически находился под домашним арестом; само по себе такое вызывающее обращение турецких властей с русским посланником — лишнее свидетельство того, какие замыслы были у Османской империи в отношении России.

Однако благодаря присутствию в январе—феврале 1787 г. в Константинополе С. Л. Лашкарева Петербург регулярно получал из турецкой столицы важную информацию.

Но прежде поясним, почему неожиданно оказался в Турции Сергей Лазаревич? Русский двор, естественно, хотел как можно скорее в деталях выяснить, на какую крайность в ближайшее время решатся турецкие правители по отношению к России. Следовало также лишний раз попытаться ослабить кризис в русско-турецких отношениях. Вот почему Потемкин, конечно, с ведома Екатерины II и посылает Лашкарева «в помощь Булгакову». Его появление в Константинополе вызвало форменный переполох среди западноевропейских дипломатов, там аккредитованных. В этой связи 15 января 1787 г. Булгаков доносил Безбородко: «Тотчас по прибытии г. Лашкарева аглинский посол [Энсли] послал визиря уведомить, что он намерен отсюда пробраться в Персию и что ежели Порта в том ему подаст пособие, то крайний себе вред сделает, ибо инструкции российского в Персии министра должны быть предосудительны интересам империи Турецкой...» И далее: «Французский посол допустил до визиря, что г. Лашкарев прислан сюда быть поверенным в делах на время моей отлучки» (ф. СРТ, 1787 г., д. 697, л. 40б.—5).

По пути в Константинополь Лашкарев 12 декабря 1786 г. сделал краткую остановку в Яссах, где имел доверительную беседу с господаром Александром II Маврокордато, недавно смещенным султаном. Тот уведомил Сергея Лазаревича о своем намерении бежать в Россию. И действительно, опасаясь за свою жизнь, Маврокордато 27 января 1787 г. тайно покинул Яссы и вскоре благополучно прибыл в Ольвиополь.

В начале января 1787 г. Лашкарев уже из Константинополя сообщает князю Потемкину, что в Турции происходят «во всех местах бунты». И далее уведомляет его: «Я, здесь с некоторыми своими знакомцами видясь, внушил им, что ежели Порта желает своего благоденствия, то теперь самое время оно искать».

Сергей Лазаревич также настоятельно рекомендует высокопоставленным турецким вельможам «оставить» «посторонние советы, кои им без вреда обойтись не могут»².

Именно здесь, в Константинополе, Сергею Лазаревичу становится окончательно ясно, что турецкие власти ведут планомерную и настойчивую подготовку к войне с Россией, что конфликт почти неизбежен. А это, помимо всего прочего, означало, что Я. И. Булгаков сразу же после начала военных действий заточат в неприступный Семибашенный замок. И такие ставшие уже чуть ли не традиционными для турецких правителей действия в отношении русского посла до поры до времени будут безнаказанными: Порте, по существу, опасаться было нечего, поскольку у нее нет и не было своего постоянного дипломатического представителя при русском дворе. Вот почему Лашкарев решает одновременно наладить на такой случай надежную связь между Булгаковым и Петербургом. В частности, он встречается со своим давним знакомым, датским дипломатическим агентом при Порте Гонфрисом (в некоторых документах его фамилия передается как Гемфрис). Тот дает согласие в случае необходимости сделать все от него зависящее, чтобы помочь русскому посланнику. И Гонфрис свое обещание сдержал: рискуя собственной безопасностью, он оказывал арестованному летом 1787 г. Булгакову всяческое содействие. Позднее сам Яков Иванович из Едикуле напишет Безбородко в одном из своих донесений, что почитает своего помощника «за дар небесный»³.

Лашкарев в турецкой столице внимательно присматривается и к маневрам западноевропейских дипломатических агентов, которые всеми силами стараются «возбудить Порту» на войну с Россией. Именно в это время постепенно закладывается фундамент оформленного летом 1788 г. Тройственного союза между Англией, Пруссией и Голландией, направленного против России. Главная цель этого союза и состояла в том, чтобы углубить конфликт между Россией и Турцией.

Между тем в середине февраля 1787 г. Я. И. Булгаков, основываясь на добытых Лашкаревым важных сведениях, информирует Коллегию о настроениях при султанском дворе в следующих выражениях: «Как министры Порты знают, что султан войны боится, то успокаивают его, представляя, что посредством приуготовлений, чинимых, с одной стороны, для приведения себя в почтительное состояние, и мер принимаемых — с другой, чтобы не могли укорить несоблюдением обязательств против России, войны они избегнут, но, когда она воспоследует, бояться нечего, ибо другие державы в нее вмешаются, и между прочими Швеция, [которая] соединится с Портою, дабы при сем случае отобрать земли свои за владением Россиею и между иными Петербург, который принадлежал прежде Швеции». После этих слов сдержанный Булгаков вынужден был в скобках заметить: «По сему единому можно судить о всем пространстве невежества визиря и безмозглости здешних голов» (там же, л. 10).

Я. И. Булгаков 15/26 марта 1787 г. уведомлял князя А. А. Безбородко: «Г. Лашкарев на сих днях отъехал в Киев. Он мне много был полезен и донесет о всем здешнем обстоятельно...» (там же, л. 16).

Двумя неделями позднее Лашкарев доносил Г. А. Потемкину из Сучавы о том, что население Молдавии ожидает прихода русских войск: «В Яссах 18 числа сего января было землетрясение, а крестьяне говорят, что это знак — идут москали для освобождения единоверцев, а Турция потрясается от страху»⁴.

С. Л. Лашкарев направлялся в Киев потому, что там в это время находилась императрица в ожидании вскрытия ото льда Днепра, чтобы продолжить свое путешествие в Крым. В Киеве Лашкарев был принят Екатериной II и князем Потемкиным для подробного доклада «о турецких обстоятельствах».

15 июня 1787 г. почтмейстер Ольвиополя Павел Пулевич с тревогой сообщает главному директору почт князю Безбородко о важном свидетельстве прибывшего из Царьграда русского дипломатического курьера, который показал, что ему по пути случилось видеть в нескольких местах от 200 до 500 турецких солдат, «к Дунаю следующих».

В конце того же месяца тот же Пулевич отправляет новый рапорт, в котором уведомляет, что другой курьер, возвратившись из турецких пределов 29 июня, видел передвижения турецкого войска, «командами следующего к Измаилу по сту, по двести и более турков» (ф. ВКД, 1787 г., д. 5513, л. 1—2).

И уже в августе 1787 г. Екатерине II пришлось убедиться, что Османская империя отказывается исполнять торжественно заключенные с Россией договоры «во всех их полной силе и про странном разуме». Порта решила объявить войну России, предъявив требование о возвращении Крыма.

Днем и ночью мчался в Петербург посланный Потемкиным курьер. Он доставил датированное 21 августа 1787 г. донесение императрице от светлейшего, в котором были и следующие строки: «Война объявлена, Булгаков посажен в Едикуле» (ф. СМ, 1782—1790 гг., д. 585, л. 150).

Спустя два месяца после начала русско-турецкой войны Екатерина II сочла необходимым проинформировать русского посла в Лондоне графа С. Р. Воронцова о той неблагоприятной роли, какую сыграло английское правительство в возникновении конфликта: «...дошли к нам известия, весьма вероятия достойные, что буйство визиря и реис-эфендия, дела наши до войны доведшее, ободряемо было внушениями аглинского при Порте посла Енсли» (ф. СМ, 1782—1788, д. 582, л. 250).

Итак, Я. И. Булгаков, как в свое время и резидент А. М. Обресков, посажен в Семибашенный замок, где вынужден был провести 812 дней — более двух лет. Однако времени он там зря не терял: перевел с французского на русский язык многотомные сочинения аббата де ла Порта «Путешествие молодого Анахариса» и «Всемирный путешественник». И все же главная заслуга

Булгакова во время его заточения в Едикуле состояла отнюдь не в занятиях литературными переводами. Якову Ивановичу удалось в разное время переправить в Петербург 36 писем-донесений особой важности. Причем многие из них имели объем более 20 страниц тонкой бумаги с водяными знаками и золотым обрезом; они были исписаны бисерным почерком и не содержали ни единой помарки. На самодельных конвертах малого формата — один и тот же адресат: «Его сиятельству милостивому государю графу Александру Андреевичу Безбородко». И чуть ниже: «В собственные руки».

Каково же содержание этих депеш? Сам Я. И. Булгаков по этому поводу в 22-м письме от 13/24 февраля 1789 г. писал так: «Ежели все мои доношения дошли (а они действительно дошли, о чем Булгаков узнает чуть позднее.— Г. К.), вашему сиятельству известно все, что здесь делают, говорят и думают, а посему тшусь, что все довольны моим усердием и стараниями тех, кои миру споспешествуют» (ф. СРТ, 1789 г., д. 722, л. 22).

Спустя три недели после объявления войны России Булгакову удалось из Едикуле переправить в Петербург первое донесение А. А. Безбородко, в котором он сообщал о «буйстве визиря» во время его ареста. Повторим фрагмент уже цитированного нами документа: визирь «прислал звать меня к Порте... в бытность мою у него, отправил в Едикуль. Выслушав его объявление, я вошел в рассуждения, но он прервал, говоря, что трактатов больше нет, и требовал моего согласия на уступку Крыма и на заключение нового трактата, прибавляя, что инако все старики и малолетние от семи лет пойдут на войну. Я едва удержался от вопроса: да кто ж останется стеречь столицу и султана? На требование мое в силу трактата выехать всем россиянам безопасно с их имением отвечал, что трактатов у Порты с Россиею нет».

Приведем несколько выдержек из других писем Булгакова.

8 мая — 19 июня 1788 г.: «Янычары требуют жалованья и будто не хотят идти [на войну]. Денег нет. Велено в Серале переделывать в монету жаровни, рукобойники, но сего не довольно. Вместо 6800 мешков, нужных на жалованье, едва набрали 2000». И далее: «Французский посол по-прежнему сообщает планы, карты, [добытые французским послом в Петербурге графом Сегюром], и пр.» (ф. СРТ, 1788 г., д. 706, л. 15).

После ожесточенного турецкого сражения он приводит 1/12 февраля 1789 г. «Список турецкого флота, здесь находящегося, т. е. в живых оставшегося». Сообщает Булгаков из Едикуле и о том, что свои донесения ему приходится писать «украдкою и часто ночью», что «черных» (черновики) не хранит.

А в другом февральском донесении, помеченном № 23, он с беспокойством информирует Безбородко: «Здесь сын отцу куска хлеба не даст, ежели отец чего не посулит... Изворачиваюсь как могу: но как не могу давать многого, то кормлю всех баснями». В Петербурге этот прозрачный намек был понят — на последнем

листке булгаковского письма рукой Екатерины II карандашом (без даты) сделана помета: «Пишите к нему и перешлите деньги» (ф. СРТ, 1789 г., д. 722, л. 21—22).

Понятно, после такой резолюции Яков Иванович больше не испытывал особых финансовых затруднений. Об этом в очередном донесении к Безбородко он сообщает, что «присылка денег произвела сильное действие».

21 марта 1789 г. Булгаков информирует Петербург о том, что французский посол в Константинополе Шуазель-Гуфье направил ноту реис-эфенди, в которой, в частности, писал: «...скажу я вам, что единая держава и единый двор в Европе, с огорчением видящий успехи России, есть мой двор... Двор мой никогда не был в тесной дружбе и доверенности с Петербургским» (там же, л. 23).

Между тем еще в ноябре 1787 г. официальное предложение того же Шуазеля-Гуфье «относительно размена пленных» было отклонено Екатериной II «как невместное, внуша, что до тех пор, покуда министр наш Булгаков не освобожден и публичная сатисфакция за оскорбление арестом его, нанесенное здешнему двору, доставлена не будет, нельзя нам с ними (с турками.— Г. К.) войти ни прямо, ни посредственно в какое-либо соглашение» (ф. ВАД, 1787 г., д. 16, л. 143).

Известно, что позднее Булгаков решительно отказался от предложения Шуазеля-Гуфье способствовать его возвращению в Россию, заявив, что «русский представитель никакому посредству не хочет быть ничем обязан»⁵.

Я. И. Булгаков хорошо знал истинную цену подобным «добрым услугам». В своих донесениях князю Безбородко, написанных в Едикуле, он неоднократно предупреждал о настоятельной необходимости всячески избегать какого-либо посредничества в русско-турецком конфликте, предлагаемого Шуазелем и некоторыми его коллегами, аккредитованными в Константинополе.

В конце 1787 г. Булгаков в этой связи приходит к такому выводу: «Я всегда думал, а теперь еще больше утверждаюсь, что ни в ком нам нужды нет. Ни одна свадьба не кончалась благополучно, где много было свاخ» (ф. СРТ, 1787 г., д. 697, л. 97—98об.).

В ходе войны Шуазель-Гуфье довольно регулярно посылал депеши французскому послу в Петербурге графу Сегюру. Об одной из них, шифрованной и отправленной в конце 1788 г., находим у Сегюра такую запись: «Посол наш сообщил мне подробный отчет о действиях послов прусского и английского в Константинополе и о происках их, чтобы отвлечь турок от всякого расположения к миру. Он не только передал содержание записок и нот, представленных Порте, но даже выписал целиком некоторые их выражения»⁶.

Заметим, что в Петербурге хорошо были осведомлены и без Шуазеля-Гуфье о происках указанных послов против России. Нетрудно было разгадать и подлинные намерения самого Шуа-

зеля-Гуфье: подобные «добрые услуги» его русскому двору должны были как-то замаскировать проводимую Францией политику в Турции, политику, которая прямо была направлена против Петербурга. Так, накануне войны французская дипломатия активно разрабатывала свой сценарий ее начала. Версальский двор, оказывается, при соответствующих условиях готов был даже выступить открыто на стороне Османской империи. Вот что доносил по этому поводу в ходе войны князь Потемкин Екатерине II: «Франция имела уже в готовности 12 кораблей послать на помощь Порте на случай, если бы мы нарушили мир, но, известясь, что Порта объявила войну, раздражена была сим крайне» (*ф. СМ, 1782—1790 гг., д. 585, л. 368*).

Здесь уместно будет вспомнить об одной подробности из биографии Шуазеля-Гуфье. Перед своим назначением в турецкую столицу в 1783 г. он, уже известный тогда археолог и антиковед, издал в Париже книгу очерков о путешествии по Греции⁷. В Петербурге, надо сказать, это сочинение французского дипломата прочли внимательно, потому что в высочайшем рескрипте, отправленном 3 октября 1783 г. к Я. И. Булгакову в Константинополь, Екатерина II писала: «Может быть, вы его лично знаете, но в каком он к России расположении, можно видеть по собственной его книге, где он все, что можно сказать злобное и предосудительное на счет действий наших в Архипелаге, не упустил вности» (*там же, д. 582, л. 250*).

Запомним эти строки — к их содержанию мы еще вернемся чуть позднее. Заметим только, что в дальнейшем вся деятельность опытного французского дипломата в Константинополе лишний раз подтвердит их справедливость. Но странное дело, пройдет несколько лет, и сама императрица постарается их начисто забыть, хотя, повторяем, Шуазель-Гуфье не давал для этого ни малейшего повода. За всю бытность свою в Константинополе он исподтишка делал все возможное, чтобы осложнить русско-турецкие отношения. И надо признать, довольно преуспел в этом.

Приведенный выше отрывок из высочайшего рескрипта особенно контрастирует с одним на первый взгляд незначительным событием, случившимся четверть века спустя.

...В один из октябрьских дней 1809 г. около особняка русского посольства в Париже остановилась карета. Из нее вышел изысканно одетый с благородной сединой господин. Войдя в здание посольства, он попросил служителя доложить о себе послу и сразу же был принят князем Александром Борисовичем Куракиным. После взаимных приветствий состоялся непринужденный разговор: собеседники были давними знакомыми. Гость не без гордости вручил послу свою новую, еще пахнущую типографской краской книгу, а затем на письменный стол легли еще три таких же экземпляра, к каждому из которых был приложен запечатанный конверт. Автор просил посла переправить эти книги адресатам. Князь Куракин выполнил его просьбу. В сво-

ем препроводительным письмом князь уведомлял министерство иностранных дел России о том, что граф Шуазель-Гуфье преподносит второй том путешествий по Греции «их величествам» — Александру I и императрице, а также графу Н. П. Румянцеву (*ф. АД, разр. II-26, 1809 г., д. 15, л. 1—10б.*). Словом, книги, как и люди, имеют свою судьбу...

В архивных фондах хранится немало свидетельств двойной игры французских дипломатических агентов уже в первые месяцы начавшейся в 1787 г. русско-турецкой войны.

В своем интересном и глубоком «Исследовании о состоянии Турецкой империи», написанном по горячим следам событий в конце 1797 г., русский посланник в Константинополе граф В. П. Кочубей таким образом охарактеризовал поведение английского и французского послов в Константинополе: «Англия, следующая главнейшая [страна] во всех политических оборотах своих к интересам торговли, всеми мерами старалась приобрести у Порты то влияние, которое Франция имела, идучи вперед всем желаниям ее, давая советы, предлагая позволить вывоз воинской сюда амуниции и прочее; и любопытно было бы видеть, каким образом послы граф Шуазель-Гуфье, несмотря на связи двора Версальского с нами [sic!], и кавалер Енсли друг пред другом рвались, каким бы образом турков наставить для произведения нам лучше войны, дабы доказать тем усердие взаимных дворов к интересам Порты и соблюсти в наивыгоднейшем положении таковые нации своих» (*ф. СРТ, 1796 г., д. 856, л. 74—75*).

Как видим, в приведенном отрывке акценты у Кочубея расставлены четко и дополнительные комментарии не требуют. Заметим только, что тому же Кочубею удалось узнать, что в самом начале военных действий Шуазель-Гуфье передал турецким властям несколько секретных русских топографических карт районов Черного моря и Кавказской линии, которые, как уже говорилось, в свое время Сегюру удалось заполучить в Петербурге и переправить во Францию. В этой связи граф Кочубей даже «нужным почел» предупредить Павла I, «дабы по всем шагам иностранных при высочайшем дворе министров было обращено прилежное внимание» (*ф. СРТ, 1797 г., д. 849, л. 10об.—11*).

Следует при этом подчеркнуть, что в свое время о происках Сегюра и Шуазеля-Гуфье против России Екатерину II неоднократно информировали Г. А. Потемкин, Я. И. Булгаков и С. Л. Лашкарев. Ограничимся одним характерным примером. Так, в октябре 1787 г. из своей Главной квартиры в Елисаветграде светлейший писал императрице: «Матушка, всемиростивейшая государыня! Прилагаю у сего записку моих известий. Прошу, чтобы ее другим не открывать и в переговорах с французским министром [Сегюром] не показывать, что мы их двора расположение знаем».

Разве не о многом говорит эта просьба-намеки Потемкина? Заметим только, что в то время Сегюр все еще продолжал пользоваться полным доверием императрицы, чем, надо сказать,

злоупотреблял изрядно. Однажды, между прочим, замыслил он скомпрометировать в глазах Екатерины II Сергея Лазаревича Лашкарева, которого знал лично и к послужному списку которого постоянно проявлял чисто профессиональный интерес. Вероятно, их знакомство состоялось в Киеве во время путешествия Екатерины II в Крым (Сегюр и другие дипломаты сопровождали императрицу). К тому же за Сергеем Лазаревичем внимательно следили и французские дипломатические агенты в Турции, у них он был словно бельмо на глазу.

И вот в 1788 г. подвернулся наконец случай, как казалось Сегюру, навредить Лашкареву. А произошло следующее. К этому времени обосновалась в Париже графиня Маврокордато, супруга бывшего господаря Молдавии, который был в добрых отношениях с Лашкаревым в бытность Сергея Лазаревича генеральным консулом в Молдавии, Валахии и Бессарабии. Графиня поведала кому-то из французских дипломатов, что в свое время ее муж дал взаймы под вексель Лашкареву 6 тыс. пиастров, а тот-де успел погасить только половину этой суммы. Французский министр иностранных дел Монморель извещает об этом графа Сегюра, и посол решает действовать. Вместо того чтобы просто разыскать самого Лашкарева (Сегюр знал, что Сергей Лазаревич находился в то время при Главной квартире Потемкина) и сообщить ему о претензии княгини, он поступает совершенно иначе.

На очередной министерской конференции в Петербурге Сегюр вручает вице-канцлеру И. А. Остерману официальное представление, в котором содержится требование княгини Маврокордато к статскому советнику Лашкареву «по вексельной претензии».

Расчет Сегюра в данном случае был весьма прост — он знал, что протоколы подобных конференций незамедлительно докладывались Екатерине II и тогда... Однако императрица посчитала дело это заурядным и наложила более чем спокойную резолюцию: означенные бумаги «препроводить к господину генерал-фельдмаршалу Григорию Александровичу Потемкину для надлежащего доставления» (*ф. ВАД, 1788 г., д. 18, л. 134*). И только. Скандала, на который так рассчитывал Сегюр, не получилось.

В декабре 1789 г. пытался подлить масла в огонь и французский поверенный в делах в Петербурге Жене. По совету Сегюра он направляет И. А. Остерману еще одно представление по пресловутой претензии. В ней, в частности, указывалось, что он, Жене, имеет честь «напомнить г-ну Лашкареву об обязательстве, которое он подписал». Эта бумага была возвращена обратно Жене, о чем свидетельствует карандашная помета на хранящейся в архивном деле снятой с нее копии (*ф. СРФ, 1789 г., д. 645, л. 22—22об.*).

Справедливости ради укажем, что в конце концов и Екатерина II распознает льстивого Сегюра и в одном из писем (к барону Гримму) ответится о бывшем французском после следующим

образом: «Он фальшив, как Иуда; у одних он старается прослыть демократом, у других аристократом и кончает тем, что один из первых бежит в ратушу произнести прекрасную присягу. Я в восторге, что он сюда (в Петербург.— Г. К.) не вернется»⁸.

Но случится это много позже упомянутого выше предупреждения от Потемкина.

А между тем в постскрипуме к цитированному выше письму к императрице Потемкин, неплохо осведомленный о неприглядных действиях французского посольства в Турции, добавлял: «Прикажите потребовать от Сегюра, чтобы они отозвали свиту французов, что у турков» (*ф. СМ, 1782—1790 гг., д. 585, л. 166—166об.*). Требование русского правительства на этот счет было бы отнюдь не беспочвенным, однако ни Шуазель-Гуфье, ни другие сотрудники Французской миссии в Константинополе оттуда отозваны не были. Более того, французский кабинет даже не удосужился объявить о своем формальном нейтралитете. Да и о каком нейтралитете вообще могла идти речь, когда французский посол где только мог вредил России!..

И можно себе представить, сколь удивлен был С. Л. Лашкарев, когда по возвращении в Петербург после подписания Яскокого мира он на одном из придворных балов встречает... Шуазеля-Гуфье, который успел уже вполне освоиться в русской столице и привыкнуть к своей необычной новой роли. Что же случилось с этим французским дипломатом?

Судьбу его круто меняет Великая французская революция. Была перехвачена тайная переписка Шуазеля-Гуфье с осужденными братьями Людовика XVI; обвиненному в измене, ему не остается иного выхода, кроме как только бежать из Турции. Но куда? Западноевропейские дипломатические агенты и не подумали протянуть руку помощи своему коллеге. Так по иронии судьбы французский посол в Константинополе, теперь уже бывший, очутился в Петербурге⁹, где, представьте, немедленно получил политическое убежище и сама императрица не без удовольствия дала беглецу «отпущение грехов». Еще бы! Порукой таких щедрых монарших милостей послужила политическая репутация Шуазеля-Гуфье: ведь он — ярый роялист, ревностный приверженец Бурбонов и, так же как Екатерина II, люто ненавидит французскую революцию.

Появлению бывшего французского посла в Петербурге предшествовали следующие не лишённые интереса подробности, с достаточной полнотой отраженные в делах Архива внешней политики России.

Положение Шуазеля в Константинополе к лету 1792 г. становится настолько опасным, что он боится попасть в руки к якобинцам и начинает серьезно подумывать о побеге. Сначала он отправляет семью на Мальту, затем предпринимает судорожные усилия, чтобы спасти от вероятной конфискации лично ему принадлежащее имущество, или, как тогда говорили, имение. Шуазель слыл человеком богатым, и ему было что спасать:

бриллианты, дорогие изделия из серебра, картины старых мастеров, коллекцию медалей, ценную библиотеку и др.

- В этой связи российский поверенный в делах в Турции полковник А. С. Хвостов из Константинополя доносил А. А. Безбородко: «Состояние сего министра действительно достойно сожаления: потеряет имение и, послав с дочерьми жену свою, чтобы под видом раздела с ним сохранить ей принадлежащее, получает известие, что разделы такие не существуют» (СРТ, 1792 г., д. 753, л. 37).

Между тем Шуазель узнает «известия» куда более серьезные. Так, проживающие в Константинополе французы получили приказ Национального собрания Франции не считать более послом графа Шуазеля, поскольку он «объявлен изменником отечества». И французская колония в турецкой столице избирает бывшего драгомана посольства Жозефа Фонтонна «начальником нации»¹⁰. А турецкие власти признают Фонтонна подходящим к «исправлению коммерческих и прочих текущих дел» (там же, д. 749, л. 63).

Добавим к этому, что турецкое министерство поспешило отвернуться от Шуазеля, и притом довольно необычным в дипломатической практике способом. Там сделали вид, будто вообще ничего не ведают «о происходящем во Франции» (и это в октябре 1792 г.!).

Неизвестно, «заметили» ли турки, что несколько военных кораблей революционной Франции вошло в Черное море, но для Шуазеля это обстоятельство послужило окончательным сигналом к поспешному бегству. И поначалу он укрывается в здании российской миссии в Константинополе, причем сделано это было столь поспешно, что часть его имущества пришлось свалить в амбаре на территории посольства.

29 ноября 1792 г. Александр Хвостов, выполняя полученную из Петербурга инструкцию, направляет реис-эфенди ноту следующего содержания: «Российский императорский поверенный в делах Блистательной Порте объявляет, что граф Шуазель-Гуфье состоит под протекцией ее императорского величества всемилостивейшей государыни его, почему, поручая сего знатного человека благоволению Порты, не сомневается, чтоб она не оказала ему и гостеприимства и нужной о безопасности его личной заботы» (там же, д. 753, л. 82).

Но ни гостеприимства, ни тем более «личной заботы» по отношению к Шуазелю турецкие власти проявлять в создавшихся условиях, понятно, не собирались.

16 декабря 1792 г. Хвостов уведомлял Безбородко о побеге бывшего французского посла в следующих выражениях: «Граф Шуазель послезавтра едет морем в Варну, с тем чтобы пробраться в Германштат (ныне г. Сибиу в Румынии.— Г. К.) и там ожидать от вашего сиятельства извещения на письмо его [с просьбой о предоставлении убежища]. Порта не смела и отправить [его] яко посла, миссию окончившего, а дала ему на дорогу

10 000 пиастров и фирманы, кои дают партикулярным людям» (там же, л. 92об.). Но побег графу не удался, и он через несколько дней вынужден был возвратиться в Константинополь.

А. С. Хвостов, докладывая в предыдущем цитированном нами донесении также о том, что ему удалось спасти имущество графа, и не подозревал, что спустя некоторое время Шуазель-Гуфье ответит ему черной неблагодарностью: в 1795 г. в Петербурге он дважды будет жаловаться на Хвостова «о заплате следующих ему денег» за часть брошенной им в Константинополе мебели. В этой связи Хвостов пишет А. А. Безбородко: «Бог свидетель сей истины, что граф Шуазель, которому спас я именне, жизнь и честь, платит мне намерением лишить меня моей чести...» (ф. ВКД, разр. II—8, 1793—1795 гг., кн. 165, л. 246).

Между тем Петербург не замедлил ответить на просьбу бежавшего посла обосноваться в Петербурге. На проекте письма графа Безбородко Хвостову о предоставлении убежища Шуазелью стоит собственноручная резолюция Екатерины II: «Быть по сему. В С. Петербурге генваря 16.1793». Там же помета: «Того ж числа подписано и отправлено». Да, поистине с необычайной поспешностью спасали графа.

Канцлер, в частности, писал Хвостову: «Убежище, которое вы дали королевскому французскому послу графу Шуазелью-Гуфье в одном из домов российско-императорской миссии, равно как и все, что к защите сего посла вами... учинено, приняты были ее императорским величеством тем с вящим благоволением, коль непременная верность графа Шуазеля своему государю, благородный образ мыслей его, непоколебанный среди всех буйств, в отечестве его происшедших и продолжаемых, и усердие услугам России [так!] дают ему полное право ожидать здесь приема и уважения, тому соответственного» (СРТ, 1793 г., д. 762, л. 1—1об.).

И Шуазель действительно был принят в русской столице с распростертыми объятиями. Мы уже приводили немало примеров прямо-таки поразительного «усердия» бывшего французского королевского посла в Турции по отношению к России. Сошлемся еще на один. 13 февраля 1789 г. Я. И. Булгаков из своего заточения в Едикуле уведомлял А. А. Безбородко о том, что Шуазель-Гуфье был «в бешенстве» по получении известия о взятии русскими войсками штурмом Очакова (СРТ, 1789 г., д. 722, л. 19). Тем более поразительна забывчивость императрицы! Однако факт остается фактом — в Петербурге Шуазель был надежно защищен прямым покровительством Екатерины II.

Венценосный сын императрицы еще более приближает этого французского эмигранта к русскому двору, где ему удастся сделать головокружительную карьеру. В самом деле: Шуазель становится частным советником Павла I, его назначают вице-президентом Академии художеств и директором всех императорских библиотек. Одно время он даже занимает пост президента Академии художеств. Недавнему недоброжелателю России присваи-

вают высокий чин тайного советника. Попутно заметим, что несколько лет спустя сын его женится на фрейлине графине Тизенгаузен и станет влиятельным лицом при «высочайшем дворе». Только в 1802 г., уже при Александре I, Шуазель-Гуфье-старший покидает гостеприимный императорский двор и возвращается на родину.

Итак, как видим, бывшему французскому послу в Турции довелось жить в России при трех царствованиях. Нам же надлежит вновь вернуться к екатерининскому времени и обратиться к некоторым событиям русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Османская империя готовилась к этой войне исподволь, несколько лет, о чем, как выше подчеркивалось, в Петербурге были неплохо осведомлены. И русский двор вынужден был предпринимать ответные меры, весьма обременительные для финансов страны.

Следует, однако, подчеркнуть, что в Петербурге были озабочены не одними военными приготовлениями к предстоящему конфликту с Турцией, конфликту серьезному и, как тогда сознавали, почти неизбежному. И русский двор стал готовиться... к мирным переговорам, к которым предполагалось приступить сразу же после объявления Турцией войны России. Разве этот факт сам по себе не примечателен?!

16 октября 1786 г., еще за десять месяцев до начала военных действий, Екатерина II повелевает, «чтоб ко времени разрыва с турками переписка с визирем их и всякие приуготовляющие к миру переговоры» находились исключительно в компетенции князя Потемкина.

Действительно, как только в Петербурге стало известно, что Турция разорвала дипломатические отношения с Россией, в Главную квартиру командующего войсками в Елисаветграде в сентябре 1787 г. был отправлен высочайший рескрипт с четкими и подробными рекомендациями по ведению мирных переговоров с неприятелем. Императрица приказывает фельдмаршалу Потемкину употребить средства на понуждение врага к «честному и выгодному для... [России] миру».

Стремление к «мирной неготиации» затем конкретизируется в следующих выражениях: «Не страх войны... но отвращение к бедствиям, с тем сопряженным, убеждает нас и в самом начале радеть о восстановлении тишины и упреждении пролития крови. Мы отнюдь не удалены и с самого сего времени внимать предложениям мирным от друзей ли наших, или же от самого неприятеля, прямо чинимым.

Ежели такая перемена последует прежде действий военных, решительных и кровопролитных, хотя бы и малые ошибки и начались, мы, конечно, не станем затруднять покоя новыми какими-либо притязаниями, коим зацепка нас к войне могла бы дать нам повод; но то единственно как непременную нашу волю, со славою нашею и честью и благом отечества нашего сопряженную, что миру нашему с Портою Оттоманскою долженствует

служить базисом: 1-е, трактат, июня 10-го 1774-го года в Кайнарджи заключенный, с изъяснительною на оный конвенциею 1779-го года, в Айналы-Каваке сделанную; 2-е, коммерческий договор 1783-го года и, 3-е, Акт по случаю перемены бытия Крыма, Тамана и Кубани, в конце того же года постановленный. Ни единая черта выгод, сими договорами в нашу сторону приобретенных, да не будет отнюдь применяема в ущерб их.

Ведая, впрочем, осторожность вашу, уверены мы, что при настоянии переговоров мирных распоряжений их к вершине всего дела присвоите сходно с волею нашею себе единственно, не допуская, чтоб австрийский или французский в Царьграде министры поставляли дела наши в малейшую зависимость от дворов их; ибо добрые их услуги нужны нам для того, чтобы миролюбивые наши предположения в лучшем виде у Порты посредством их представлены были; а отсюда для нас несходно, чтобы они присвоили себе формальное посредничество или же еще вздумали от себя предлагать изобретаемые ими способы для сближения двух воюющих держав, не вовсе с трактатами нашими сходные» (ф. СМ, 1780—1788 гг., д. 586, л. 124—128).

Отправляя этот рескрипт в Елисаветград, в Коллегии иностранных дел отдавали себе отчет в том, что содержащиеся в нем рекомендации были адресованы не только светлейшему, но и Лашкареву, который давно уже слыл весьма искусным по части переговоров с высокопоставленными турецкими чиновниками. Поэтому князь Потемкин, ознакомив Сергея Лазаревича с содержанием рескрипта, поручает именно ему вести будущие переговоры с неприятелем. И он их в конце концов приведет к успешному окончанию, но случится это не очень скоро: турки мечтали о победе в войне. Вступление же в войну Швеции сделало близорукие турецкие власти еще более непримиримыми.

После начала русско-турецкой войны честолюбивый шведский король Густав III некоторое время выжидал, а затем счел создавшееся положение подходящим, чтобы тоже предьявить Петербургу территориальные притязания да заодно попытаться ослабить позиции России на Балтийском море. И в июне 1788 г. Швеция, энергично подталкиваемая теми же державами, которым удалось ранее вовлечь в войну Турцию, начала военные действия против России. Подвергшись нападению двух союзников, страна оказалась в весьма сложном положении. Однако первые же убедительные победы русских на суше и на море в борьбе с турками-османами значительно охладили воинственный пыл шведов.

Долго, целых полгода, длилась осада Очакова (фельдмаршал Потемкин в ведении военных действий проявлял нерешительность), и турки даже уверовали в то, что им удастся удержать эту важную в стратегическом отношении крепость. За неделю до решающего штурма полковник Гарновский, ведавший в отсутствие фельдмаршала всеми его делами, сообщал из Петербурга: «Оттуда же (из Константинополя.— Г. К.) пишут, что

Порта намерена праздновать при пушечной пальбе целую неделю, если Очаков отстоится»¹¹.

Но Очаков не «отстоялся». Благодаря героическим усилиям русских войск крепость была взята. Заметим, кстати, что в шестой колонне штурмующих находились «с прочими» прикомандированные к Главной квартире фельдмаршала Лашкарев и его сотрудники (ф. ВАД, 1798 г., д. 35, л. 92).

Потемкин 7 декабря 1788 г. доносил Екатерине: «Всевышний даровал свою помощь овладеть Очаковым, который взят штурмом сего месяца шестого дня. Войско вашего императорского величества поступило с неописанным мужеством и порядком». Затем 16 декабря: «Теперь мириться стало ловчее, и никаких не пропусу мер, чтобы скорее к тому достигнуть»¹².

В конце декабря князь Потемкин дает С. Л. Лашкареву важное поручение — сопровождать в Петербург «к высочайшему двору» пленного очаковского пашу. Подобные поручения считались почетными, и за их исполнение полагалась награда. И действительно, 4 мая 1789 г. Сергей Лазаревич был пожалован вторым орденом Св. Владимира; его девиз: «Полезьа, честь и слава». Следует, однако, подчеркнуть, что награда была присуждена не только за сопровождение паши. Не забудем, что Сергей Лазаревич принимал личное участие в штурме крепости. И у Лашкарева были все основания позднее записать в послужной список, что «по взятии Очакова» он был пожалован орденом Св. Владимира 3-го класса. Очень щедрая по тем временам награда.

В записках французского посла в Петербурге графа Сегюра читаем: «Я видел тогда Очаковского пашу, привезенного в Петербург... Я спросил его, не боится ли он после войны возвратиться на родину? „Ведь ваше правительство строго,— сказал я,— оно, как говорят, наказывает за неудачу как за преступление, и вы сами не избегнете его кары, хотя ваша храбрость и упорная защита заслужили вам уважение врагов ваших“.— „Вы недостаточно знакомы с нашими обычаями,— отвечал он мне,— у нас начальники крепостей отвечают в случае добровольной сдачи, но не в случае плена. Меня взяли после осады, и нечем упрекнуть меня. Но если бы я хоть десять лет защищал подвластный мне город и потом сдал его на капитуляцию, мне отрубили бы голову“»¹³.

13 июня 1789 г. полковник Гарновский в своем дневнике записывает: «Паша Очаковский отправился уже со своею свитой через Москву в Харьков, а вслед за ним и г. Лашкарев 10-го сего месяца. Прочие турки посланы в Новгородскую губернию...»¹⁴.

Осенью 1789 г. русские и австрийские войска под командованием А. В. Суворова при Рымнике разгромили турецкую армию, за что прославленный полководец получил титул графа Рымникского.

4 октября Екатерина II писала князю Потемкину: «От мира

я не токмо не прочь во всякое время, но оного сердечно желаю. Из рескрипта увидишь, что я Суворова пожаловала графом Суворовым Рымникским».

Спустя две недели императрица вновь посылает письмо Потемкину с новыми указаниями: «Помоги тебе Господь Бог сам взять Бендеры. Посылаю тебе гравированный портрет с резного камня Очаковского победителя; и камень и портрет вырезаны у меня в Эрмитаже. Александру Васильевичу Суворову посылаю: орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую; осыпав его алмазами, думаю, что казист будет».

И в тот же день, 18 октября 1789 г.,— еще одно письмо: «Третье письмо, мой друг сердечный, сегодня я к тебе пишу... К графу Суворову хотя целая телега с бриллиантами уже наложена, однако кавалерии Егория Большого Креста посылаю по твоей просьбе; он того достоин, паче же мне нравится, куда его прочим»¹⁵. А прочили великого полководца штурмовать казавшийся неприступным Измаил.

Вскоре русские войска одерживают еще одну важную победу, узнав о которой, Екатерина II пишет (25 ноября) Потемкину: «Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, Попов (правитель канцелярии Потемкина.— Г. К.) приехал с Бендерскими ключами... От всего сердца теперь желаю, чтоб Христос тебе помог заключить честный и полезный мир, сей нам нужнее всего, к чему, кажется, теперь и есть надежда»¹⁶.

Что же касается взятия Измаила, то несколько позднее князь Потемкин напишет графу Суворову такие строки: «...моя надежда на Бога и Вашу храбрость, милостивый друг мой»¹⁷. И действительно, войска Суворова после кровопролитного штурма овладели Измаилом. «Крепость измаильская, столь укрепленная, сколь обширная и которая казалась неприятелю непобедимую, взята страшным для него оружием российских штыков»,— писал Суворов¹⁸.

А в реляции князю Потемкину по случаю взятия «стен измаильских» полководец доносил, что «штурм был продолжителен и много кровопролитен». И далее: «Измаил взят, слава Богу, победа наша, вашу светлость имею честь поздравить» (ф. СМ, 1782—1790 гг., д. 585, л. 310)¹⁹.

Эта блестящая победа русских войск приближала окончательный разгром Турции. В этой связи императрица 3 января 1791 г. писала Потемкину: «Измаильская эскалада города и крепости с корпусом в половину против турецкого гарнизона, в оном находящегося, почитается за дело, едва ли еще где в истории находящееся, и честь приносит неустрашимому российскому воинству»²⁰.

Недолюбливавший князя Потемкина граф Безбородко все же счел необходимым присоединиться к поздравлениям Екатерины II. 14 января 1791 г. он пишет князю: «Ваша светлость можете заключить, сколько обрадованы были здесь известием о взятии Измаила...» (ф. СМ, 1789—1791 гг., д. 584, л. 199).

А 25 марта того же года князь был направлен высочайший рескрипт следующего содержания: «В воздание рвению к службе нашей и мужественным подвигам генералов и прочих чинов армии нашей, вверенной предводительству Вашему, доказанным пред светом в течение прошедшей кампании многими знаменитыми победами и завоеваниями на твердой земле и водах, особливо же при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением армии турецкой, там находившейся, пожаловали мы всех таковых заслуженных знаками милости нашей, как то усмотрите из росписи, при сем сообщаемой» (ф. ВКД, 1791 г., д. 290, л. 1).

Следует подчеркнуть, что весной и летом 1790 г., т. е. еще до захвата Измаила русскими войсками, делались неоднократные попытки вступить с Турцией в переговоры о заключении мира. Установить контакты с турецкими властями князь Потемкин поручил С. Л. Лашкареву. Последний в одной из бесед с фельдмаршалом при обсуждении деталей предстоящих важных переговоров между прочим упомянул и о том, что в Петербурге был издан Коран, и выразил пожелание получить оттуда как можно быстрее несколько экземпляров книги.

Князь с полуслова понимает Сергея Лазаревича и тут же отправляет депешу Екатерине II: «Всеподданнейше прошу ваше императорское величество повелеть прислать ко мне несколько экземпляров печатанного у нас Алкорана. При сношении ныне с турками может он с пользою быть употреблен» (ф. СМ, 1782—1790 гг., д. 585, л. 364).

Лашкареву удалось установить контакты с некоторыми влиятельными турецкими вельможами — своими давнишними знакомыми. Сергей Лазаревич неоднократно посещает Шумлу (Шумен), где ведет важные переговоры с великим визирем относительно заключения предварительных условий мира. При этом Лашкарев с согласия Потемкина дал понять визирю, что речь может идти только о прямых переговорах.

Сергей Лазаревич знал о содержании чрезвычайного рескрипта, направленного еще в конце 1789 г. к полномочному послу в Вене князю Голицыну. Императрица уведомляла посла, что следует склонить «медиацию» беспокойного Берлинского двора при переговорах о мире России с Портой и Швецией и стараться «ограничить его при добрых услугах, от которых, конечно, нам добрых плодов ожидать не следует» (ф. СМ, 1789—1791 гг., д. 584, л. 17—18).

Иными словами, в Петербурге справедливо считали, что впечатляющие победы русского оружия создали благоприятные условия для «беспосредственных» мирных переговоров. Вот почему Екатерина II так упорно отклоняла все попытки не только Пруссии, но и Англии и Франции вмешаться в русско-турецкий конфликт и навязать России выгодный для Порты мир.

Между тем поначалу переговоры Лашкарева проходили трудно: турецкие власти все еще надеялись на своих союзников.

вняв назойливым советам которых они решились в конечном счете на эту войну. Советники великого визиря прибегли к своей обычной тактике всяческого затягивания переговоров под любыми формальными предложениями, о чем Лашкарев регулярно информировал Потемкина.

1 июня 1790 г. князь Потемкин предписывает Лашкареву: «Ехать Вам с поспешностью к визирю, отдать мое письмо. Ежели они станут торговаться, то наотрез сказать, что подтверждение старых трактатов... последняя черта моих требований...» К этой бумаге была приложена подписанная фельдмаршалом подорожная: «От Кокотени до Шумлы отправляемому от меня господину бригадиру и кавалеру Лашкареву с будущими и обратно».

16 августа того же года Потемкин посылает Сергею Лазаревичу важную депешу: «Во-первых, даю Вам знать, что со Швецией подписан вечный мир августа 3-го числа, с нашей стороны через генерал-поручика и кавалера барона Игельштрома, а от шведской через первого обер-камер-юнкера барона Армфелта, безо всякого примешивания Порты. Визирь говорил Вам о перемирии. На что оно, когда мы мир сделать готовы? Кондиции, которые я предложил, суть крайние и маловажные; ежели они хотят быть чистосердечны, то все кончится вскорости, ежели ответ замешкается, то долго не ожидайте, ибо я терпеть не буду»²¹.

Разумеется, Лашкарев был несказанно обрадован этим важнейшим известием, потому что знал: теперь турки станут сговорчивее. Великий визирь не мог скрыть своей растерянности, когда узнал от Сергея Лазаревича о выходе Швеции из войны. Единственное, на что он мог решиться в такой ситуации, это заявить Лашкареву, что запросит новых инструкций от султана. Позднее русский посланник в Турции граф Кочубей в одном из своих «доношений» из Константинополя напишет Павлу I, что Верельский мир²² «сильное произвел здесь негодование» (ф. СРГ, 1797 г., д. 856, л. 79).

Понятно, после подписания со Швецией Верельского мирного договора в Петербурге наконец смогли вздохнуть с облегчением: отныне руки России на заключительном этапе войны с Турцией оказались развязанными. В этой связи 5 августа 1790 г. Екатерина II писала Потемкину: «Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места»²³.

Теперь светлейшему надлежало побыстрее «вытащить другую». Неудивительно, что вскоре князь Потемкин посылает своему уполномоченному на переговорах с великим визирем еще более решительные инструкции: «Мое дело мир или война. Скажите им с твердым уверением, что всяк их хитрости со мною бесполезны. Я сие Вам повеление нарочно приказал написать по-турецки, чтоб Вы могли им показать».

Любопытно, что в подобных чисто служебных бумагах порой встречались письма сугубо личные — в них светлейший давал Лашкареву поручения совершенно частного свойства. Так,

29 августа 1790 г. в одном из писем (на конверте шутивная надпись: «Его высокородию, милостивому государю моему Сергею Лазаревичу Серчибею»²⁴— намек на некое «отуречивание» Лашкарева) правитель канцелярии фельдмаршала Василий Степанович Попов напоминает особо: «Его светлости угодно, чтобы Вы добыли, буде есть, бирюсу или другие хорошие камни и прислали». И в тот же день вдогонку первой отправлена еще одна депеша, но уже за подписью самого фельдмаршала: «Купи мне, ежели найдешь, бирюсу или курильницу богатую и другое, что хорошее турецкое»²⁵. Настоятельность, с которой были сделаны подобные поручения, понятна: светлейший задумал на некоторое время отправиться в столицу, где он давно уже не был, и, естественно, ему хотелось захватить с собой подарки для императрицы.

Знал бы тогда Лашкарев, какими неприятностями лично для него обернутся закупленные им в Турции ценные антикварные вещи! Но об этом расскажем подробнее в свое время. А пока что у Лашкарева все благополучно. Переговоры о предварительных условиях мира хотя и медленно, но продвигались.

В Петербурге же «по случаю возобновления мира со Швецией» были специально учреждены и отчеканены золотые и серебряные медали. Такой золотой медалью с жетоном Екатерина пожаловала Лашкарева. Награда была заслуженной, хотя формально Сергей Лазаревич, как известно, в военных действиях против Швеции никакого участия не принимал. Но его успешная деятельность при Главной квартире Потемкина в конечном счете не могла не сказаться на общих усилиях по выводу из войны союзника Турции.

После падения Измаила князь Потемкин все настойчивее просит Екатерину разрешить ему приехать на время в Петербург: светлейший стремился попытаться как-то восстановить свое сильно пошатнувшееся влияние в столице. Но императрица отнюдь не жаждет встречи со своим бывшим фаворитом и под разными предлогами оттягивает его приезд. Наконец 22 января 1791 г. она направляет ему письмо, в котором, хотя и с оговорками, все же разрешает приехать в столицу. Известно, что в эпистолярном жанре Екатерина была весьма искусна и свои многочисленные письма писала, как правило, сразу набело, но над этим письмом к Потемкину трудилась довольно долго, первоначально написав его начерно.

Приведем выдержки из него: «Касательно до твоего приезда сюда, я тебе скажу, что лично я всегда рада тебя видеть, как сам довольно ведаешь... Но дело иначе, в том, в сих смутных обстоятельствах, чтоб не проронить важные минуты, которыми воспользоваться ты можешь, быв там, скорее нежели здесь, для восстановления мира с турками по нашему желанию, итак, почитаю за необходимо нужное, чтобы тамо ожидал вестей о импрессии, кою сделает в Цареграде взятие Измаила; ежели они таковы, и сам усмотришь, что твой приезд сюда дела не испор-

тит, мирные договоры не отдалит, либо раннее открытие кампании тем не остановится, тогда позволяю тебе приехать с нами беседовать; но буде турки окажутся тебе к миру склонны, как легко быть может, паче же когда увидят, что, стараясь всячески набрать ныне войска, оные никак не идут и идти не хотят, либо раннее открытие кампании приездом сюда остановишь, тогда нахожусь в необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дел и не отлучаться»²⁶.

После такого письма Потемкин не мог больше рассчитывать на какой-либо особый прием в Петербурге, и все же в феврале 1791 г. после удачной военной кампании предыдущего года фельдмаршал, передав командование армией и флотом князю Репнину, на некоторое время отправляется в столицу.

А там, в апартаментах Екатерины, хозяином себя чувствует ее новый и последний фаворит Платон Зубов, который недолюбливал светлейшего. И все же внешне встреча Потемкина выглядит благопристойно. 28 апреля состоялось торжество во дворце, подаренном Екатериной фельдмаршалу. Благо и предлог для такого торжества, где присутствовала императрица, нашелся — взятие Измаила²⁷.

Тем временем в отсутствие Потемкина Репнин летом 1791 г. одержал блистательную победу при Мачине, а русский флотоводец Ушаков разгромил турецкий флот в морском сражении у мыса Калиакра. В созданных благоприятных условиях Репнин поручает Лашкареву ускорить переговоры о перемирии.

Лашкарев добивается согласия великого визиря на прекращение военных действий, и Репнин, не дожидаясь возвращения фельдмаршала из Петербурга, 31 июля 1791 г. подписывает перемирие с Турцией. Это известие застало Потемкина еще в Петербурге и вызвало у него крайнее недовольство. Зато действия Репнина были одобрены Екатериной. В рескрипте на имя Потемкина от 12 августа она поручает ему объявить князю Репнину «монаршее благоволение».

7 августа 1791 г. фельдмаршал Потемкин возвратился в Галац. Ему тотчас же было вручено письмо от великого визиря, датированное 3 августа; визирь предлагал начать переговоры о заключении мира, объясняя при этом, что перемирие с князем Репниным было подписано для того, чтобы избежать напрасного кровопролития. Узнав о прибытии князя Потемкина в Главную квартиру, великий визирь направил к нему двоих уполномоченных с новым письмом: Али-агу и драгомана Порты князя Мурузи, личность малопрятную. Уполномоченные поздравили Потемкина со счастливым началом переговоров, затем Мурузи подошел к присутствующему на этой церемонии Лашкареву и тихо сказал ему по-гречески, что он просит специальной аудиенции у фельдмаршала. Мурузи обращался к Лашкареву по-гречески не без умысла, намекая тем самым, что он якобы не хочет, чтобы об этой аудиенции знал его спутник Али-ага. К тому же турецкий драгоман знал, что сам Потемкин тоже владеет греческим.

Потемкин поручает адмиралу де Рибасу переговорить с Мурузи и выяснить, чего тот добивается. Мурузи сказал адмиралу, что английский и голландский дворы советовали Турции не спешить с заключением мира с Россией и, более того, продолжать войну. При этом он сообщил доверительно, что в Мачинский лагерь турецких войск якобы пришел фирман султана на имя визиря, в котором приказывалось немедленно прервать переговоры и продолжать войну, однако визирь, стремясь заключить мир, решил не обнародовать фирман до получения ответа от князя Потемкина на турецкое предложение изменить содержание некоторых прелиминарных статей. И далее Мурузи передал, о каких изменениях идет речь:

1) требовалась уступка в пользу Турции полосы земли на левом берегу Днестра;

2) русские должны были формально обязаться не возводить крепости на своей новой территории между Бугом и упомянутой выше полосой земли;

3) в мирном договоре не должно было быть никакого упоминания о Молдавии и Валахии.

Адмирал де Рибас, естественно, решительно отсоветовал турецкому посланцу доводить до сведения Потемкина подобные нереальные предложения. На это Мурузи ответил, что он «под опасением потерять голову» все-таки должен уведомить о них князя Потемкина. Узнав о содержании этого разговора, фельдмаршал решил послать к Мурузи Лашкарева.

Сергею Лазаревичу не стоило большого труда разобраться в затейной турками через Мурузи очередной дипломатической игре: они не только добивались изменения некоторых уже согласованных и подписанных статей предварительных условий мира, но и откровенно пытались затянуть сами переговоры о мире. Лашкарев «конфиденциально» сообщил Мурузи, что союзные дворы только что согласились между собой предложить Порте принять эти предварительные условия без каких-либо изменений. Это известие не могло не поразить Мурузи, но он продолжал настаивать на получении аудиенции у фельдмаршала.

На следующий день князь Потемкин принял Мурузи, но, как только тот завел разговор об изменении предварительных условий, фельдмаршал резко прервал его, заявив, что если говорить о каких-либо изменениях, то он, Потемкин, назначит границу р. Прут, а если турки не согласятся, то — Дунай. При этом князь добавил, что он может закрыть глаза на заключение предварительных условий мира только в том случае, если турки немедленно пришлют своих уполномоченных, и не для того, чтобы трактовать о мире, а чтобы подписать его.

Лишь теперь Мурузи понял, сколь далеко он зашел в интриге, затейной его хозяевами, и сильно испугался за последствия. Он униженно стал просить князя Потемкина забыть то, что было им сказано, поскольку его предложения не выставлялись как требования. Особенно Мурузи просил, чтобы великому визирю

ничего не донесли из того, что было говорено им на аудиенции. После отъезда Мурузи, чтобы как-то загладить этот неприятный инцидент накануне предстоящих важных переговоров, великий визирь решил послать в русский лагерь своего врача Жюлиани, который передал, что Мурузи было поручено лишь приветствовать фельдмаршала. При этом Жюлиани даже добавил, что визирь вообще не намеревался предлагать князю Потемкину вносить какие-либо изменения в предварительные условия и будто все это — интрига князя Мурузи и кетхуда-бея, которые тем самым намеревались показать султану, что они посредством переговоров добились от фельдмаршала того, чего великий визирь не мог добиться силой²⁸.

В этой связи 13 августа Лашкарев из турецкого лагеря доносил Потемкину: «Сего утра я был у визиря и у кегай-бея, говоря долгое время. Я теперь их нашел весьма умильными, даже ни один мне не помянул о разговорах, с коими ими прислан был Мурузи; визирь мне сказал, что он вашею дружбою и чистосердечием весьма доволен и сего дня назначит полномочных, и так сей час и назначил». Полномочные были «выбраны из трех сортов чиновников»: «со стороны Порты» — нисанджи Гаки-эфенди, «со стороны улемов» — Ибрагим Исмет и «со стороны янычар» — Абу Бекир Ратиб-эфенди.

Далее, описывая турецкую церемонию посвящения в полномочные представители на переговорах, Сергей Лазаревич сообщил, что «пополудни в 4 часа на Гаки-эфенди и Ибрагим Исмета визирь надел собольи шубы и поздравлены полномочными, кои в шубах мимоходом зашли и ко мне». Абу Бекира Ратиб-эфенди «ожидают сего вечера или завтра из Шиштова, и, как скоро приедет, получит шубу». Весь этот церемониал означал утверждение полномочных в должности.

«Как скоро на полномочных одели шубы,— продолжал Лашкарев,— то весь лагерь был в великой радости, а моим червонным беда: хотя я и был при церемонии, но со всем тем приходи-ли меня навестить»²⁹ (ф. СРТ, 1791 г., д. 1784, л. 5—6об.).

Успел Лашкарев побеседовать и со своим давним знакомцем — «визирским доктором» Жюлиани, который считался подданным Венецианской республики; от него ему удалось узнать, что накануне церемонии визирь получил от султана письмо, из коего явствовало, что султан «апробует прелиминары» и велит как можно скорее заключить мир (там же, д. 598, л. 5—7).

Полученные от Жюлиани сведения были весьма важны, и, поскольку доктор выступал в качестве полуофициального представителя великого визиря, Лашкарев счел возможным позднее вручить ему от имени князя Потемкина ценные подарки. 8 октября 1791 г. из Константинополя конфиденгент сообщит Безбородко, что туда возвратился из Ясс «визирский доктор» Жюлиани, который рассказывал о «российском великолепии и о ее силе», а также отменно выхвалял «щедроту князя Потемкина», наградившего его бриллиантовым перстнем, часами, золотой та-

бакеркой и двумя тысячами червонцев» (там же, д. 738, л. 11).

Между тем из Константинополя сообщали, что и там идет своеобразная подготовка к окончанию предварительных мирных переговоров: «Здесь правление с поспешностью готовит подарки, кои оттоманский министр должен будет отвести к ее императорскому величеству в Санкт-Петербург, и, между прочим, в работе пребогатый лошадиный убор весь в алмазах и один бриллиантовый эгрет» (там же, л. 10).

Кстати, позднее и в Петербурге стали подумывать о подарках турецкому султану — таков был обычай: страна-победительница тем самым подчеркивала свое стремление восстановить добрососедские отношения с бывшим противником. 26 октября 1792 г. Екатерина II подписала указ об отпуске для этих целей фарфора и хрусталя из императорских заводов. Так, сервизы, в том числе чайный, в котором кроме других предметов было «12 пар чашек с местечками», расписанных русскими мастерами «во вкусе турецком», обошлись в «десять тысяч двести семьдесят шесть рублей четырнадцать копеек». Высокохудожественные предметы из хрусталя стоили примерно столько же. Подарки были отправлены с торжественным посольством во главе с героем штурма Измаила генерал-поручиком Михаилом Илларионовичем Голенищевым-Кутузовым (ф. ВАД, 1793 г., д. 23, л. 16).

Тем временем 12 августа 1791 г. были назначены, а 2 октября утверждены русские полномочные представители: первым — генерал-поручик Александр Самойлов, вторым — генерал-майор Иосиф де Рибас, третьим — статский советник Сергей Лашкарев³⁰.

14 августа 1791 г. вице-канцлер И. А. Остерман, чтобы как-то уменьшить раздражение светлейшего против подписавшего перемирие с турками Репнина, направляет Потемкину поздравительное письмо. В нем находим следующие строки: «Подписание прелиминарных пунктов мира между здешнею империею и Оттоманскою Портою есть столь радостное для всех сынов отечества происшествие, что я не могу обойтись, дабы не поздравить с оным вашу светлость, тем более что подъятые Вами для славы и пользы России подвиги чрез то увенчаны вождеденнейшим успехом. Я надеюсь, что толь благое начало под мудрым руководством вашим вскоре достигнет и совершенного окончания...» (ф. ВАД, 1791 г., д. 21, л. 55).

Кроме всего прочего, у Потемкина имелись еще и свои личные резоны спешить с заключением мира: фельдмаршал уже чувствовал себя нездоровым. После назначения с обеих сторон полномочных представителей для предстоящих переговоров светлейшему казалось, что особых препятствий к заключению трактата о мире не предвиделось. Этому со свойственной ему энергией и деловитостью способствовал Лашкарев, время от времени посещавший турецкий лагерь, где пребывал великий визирь. Насколько уважаем был Сергей Лазаревич многими высокопоставленными турецкими чиновниками, свидетельствует, в частно-

сти, такая деталь: в Константинополе распространился слух, что Лашкарев после окончания переговоров будет назначен поверенным в делах в Турции (*ф. СРТ, 1791 г., д. 738, л. 7*).

15 августа Сергей Лазаревич привез из Шумлы письмо великого визиря, адресованное князю Потемкину. Вместе с этим письмом в тот же день Лашкарев отправляет фельдмаршалу в Яссы и свое донесение: «Сию минуту возвратился в Галац, но так болен, что не только ехать отсюда, но иже писать сам не могу. Два дня как я заболел и чрез силу сюда приехал...». Однако и больной, Лашкарев передает весьма важную информацию: полностью подтвердились полученные ранее от Жюлиани сведения о том, что визирь получил письмо от султана, в котором тот даже «его похваляет за постановление прелиминаров». Более того, султан, довольный самим ходом переговоров, направил своему визирю «в награждение шубу и саблю». Из этого же донесения узнаем, что визирь вдруг решил переменить первого полномочного Гаки-эфенди, на его место назначив Реиз Абдуллу-эфенди. Лашкарев объясняет: «Я спрашивал визиря о причине сей перемены, он меня уверил с клятвою, что нисанджи человек богатый и от того имеет спесь, то, дабы он какого-либо неудовольствия вашей светлости не нанес и от того в деле какого-либо помешательства и остановки не причинил, когда уж и султан на все согласен, для сей причины он и переменяет» (*там же, д. 784, л. 9*).

Эта важная и, главное, как в дальнейшем было подтверждено одним турецким конфидентом, абсолютно точная информация дала возможность русским полномочным действовать уверенно и смело, не делая никаких серьезных уступок противной стороне³¹.

Лашкарев также уведомлял князя Потемкина о том, что визирь весьма доволен назначенными фельдмаршалом полномочными. Из «Дневной записки переговоров и переписок господина генерал-фельдмаршала и кавалера князя Григория Александровича Потемкина Таврического по мирной с турками негоциации с прибытия его в Галац» узнаём, что 15 августа он заболевает и поспешно, 18 августа, переезжает в г. Гуш, который, таким образом, становится его резиденцией. Местом мирного конгресса первоначально избирается этот город.

21 августа сюда к князю Потемкину прибыл доктор Жюлиани, который снова подтвердил истинное желание великого визиря как можно скорее заключить мир. Упоминал он и «о непостоянстве султана и [о том], что сам визирь опасается, чтоб сей молодой государь не переменял мирных намерений, коль скоро только увидит минувшую опасность», т. е. прекращение военных действий. Рассказывал о великой тревоге, которую произвели в Константинополе прибывшие шесть разбитых в морском сражении кораблей, о том, что «само сие принудило султана подтвердить визирю о скорейшем совершении мира» (*там же, д. 1786, л. 7об*).

О морском сражении у мыса Каллиакра в одном из своих до-
несений писал Лашкарев: «Турецкий флот так сильно разбит,
что меня уверяют — третьей части не осталось оно» (*там же*,
д. 1784, л. 60б). 24 августа фельдмаршал переехал в Яссы.
27 августа князь по совету Лашкарева уведомил визиря о своем
желании провести конгресс в Яссах, поскольку в столь неболь-
шом городе, как Гуц, трудно разместить уполномоченных с их
свитами. Одна только свита турецких полномочных представи-
телей насчитывала около 400 человек. 8 сентября Лашкареву
было поручено приготовить для них квартиры в Яссах, что ока-
залось делом весьма сложным.

20 сентября в сопровождении своей многочисленной свиты в
Яссы прибыли турецкие полномочные; драгоманом при них
состоял Мурузи. Тотчас же они обменялись визитами с русски-
ми представителями на переговорах. День открытия конгресса
был назначен на 6 октября 1791 г.

Однако в конце сентября болезнь князя Потемкина резко
обострилась, и он по совету врачей решил переехать из Ясс в
Николаев. Затем он сдал командование армией генералу Кахов-
скому и принял решение ехать в Петербург. 4 октября тяжело-
больной Потемкин диктует В. С. Попову последнее письмо Ека-
терине: «Нет сил более переносить мои мучения: одно спасение
остается — оставить сей город, и я велел себя везти к Нико-
лаеву...»³².

На следующий день Григорий Александрович Потемкин
скончался. Ушел из жизни крупный государственный и военный
деятель, один из самых могущественных людей екатерининского
времени, длительное время оказывавший решающее влияние на
внутреннюю политику России; он играл весьма значительную
роль в русской дипломатии, в частности активно занимался ве-
дением турецких дел. Потемкин успешно реализовал свой стра-
тегический план присоединения Крыма к России, много сделал
для укрепления позиций русского государства в Северном При-
черноморье, по его инициативе было начато строительство Хер-
сона, Николаева, Севастополя, Екатеринослава. Он руководил
созданием Черноморского флота, осуществил реорганизацию
армии, наконец, вел успешные переговоры по заключению Яс-
ского мира.

Конечно, Г. А. Потемкин неуклонно проводил политику в
интересах всемерного укрепления абсолютистского господства в
империи. Дарованием крупного стратега он не обладал; в веде-
нии военных действий подчас действовал нерешительно. Приве-
дем суждение одного из биографов Потемкина о противоречиво-
сти его личности: «В Потемкине заметна странная смесь
гениальности с цинизмом, образования с грубостью нравов,
чрезмерной европейской утонченности с азиатским варварством,
громadных предположений на пользу государства с мелочным
самолюбием и корыстолюбием, человеколюбия с эгоизмом, рабо-
чей силы с ленью и индифферентизмом»³³.

В этой же связи современник Потемкина английский путешественник Уильям Кокс заметил, что «в крайних случаях его деятельность проявлялась также своеобразно, как и его нерасположенность. Он расставался со своей роскошной жизнью в Петербурге и отправлялся в какое-нибудь далекое место в простой кибитке, скакал день и ночь сломя голову, как простой курьер»³⁴.

Известие о скоропостижной кончине Г. А. Потемкина дошло до Петербурга 12 октября «в пять часов пополудни». Через три часа был созван во дворце совет для чрезвычайного заседания, на котором А. А. Безбородко от имени императрицы объявил о смерти фельдмаршала. Совету надлежало представить свои мнения по поводу заключения мира с Турцией. Безбородко заявил о своей готовности поехать в Яссы для довершения мирных переговоров «при посредстве лиц, избранных покойным фельдмаршалом». Совет, как явствует из документа, согласился с этим мнением³⁵.

Решение это было отнюдь не случайным. Безбородко по поручению Екатерины неоднократно вел важные переговоры с представителями иностранных государств. Им же были выработаны условия подписанного Россией и Швецией Верельского мирного договора.

Словом, то был выдающийся государственный деятель, который «так направлял все дела, по иностранному департаменту текущие, чтоб к произведению в действие» намерений императрицы всероссийской «всегда оставалась отверстая стезя». В этой же аттестации подчеркивалось, что Безбородко постоянно держался «правила, чтоб в слоге деловом убежать витийства, а в деловом рассуждении удаляться всякого восторга, дабы тем удобнее изображать истину и существо дела». Остается лишь добавить, что эту в общем-то объективную характеристику на Безбородко написал... сам Безбородко (*ф. СМ, 1780—1788 гг., д. 586, л. 160—160об.*). Такому дипломату Петербургский двор мог доверить завершение успешно начатых Потемкиным переговоров по заключению Ясского мира.

8 октября 1791 г. назначенные в свое время Г. А. Потемкиным полномочные представители России Самойлов, де Рибас и Лашкарев из Ясс сочли необходимым направить императрице следующее «доношение»: «Его светлость покойный господин генерал-фельдмаршал и кавалер князь Григорий Александрович Потемкин Таврический в силу данной ему от вашего императорского величества власти избрал нас полномочными к совершению мира между империею вашего императорского величества и Портою Оттоманскою и вследствие того снабдил нас на сие полную мочью. Первоначальные церемониальные визиты как с нашей стороны, так и со стороны полномочных турецких сделаны при жизни покойного фельдмаршала, а первое заседание для взаимного размена полномочий назначено было 6-го числа сего месяца, но за кончиною генерал-фельдмаршала отложено. О чем

всеподданнейше донося, повергаем себя к освященным вашему величеству стопам» (ф. СРТ, 1791 г., д. 1795, л. 1—1об.).

Видимо, императрица понимала, что после внезапной кончины князя Потемкина с приездом А. А. Безбородко в Главной квартире начнутся интриги. Поэтому на только что процитированном документе читаем написанную собственноручно императрицей следующую резолюцию: «Заготовить ответ к ним и сказать, чтоб они продолжали с равным усердием и ревностью трудиться, что к ним послан граф Безбородко, который им сообщит дальние мои о врученном деле приказания».

В рескрипте от 20 октября императрица писала русским полномочным: «Донесение ваше от 8 сего месяца мы получили. Сохраняя в незабвенной памяти многие и важные заслуги нам и государству, оказанные покойным генералом-фельдмаршалом князем Григорием Александровичем Потемкиным Таврическим, мы никогда не оставим без особого уважения и тех, кои под его руководством нам служили. Полагая вас в числе таковых, соизволяем, чтоб вы продолжали с равным усердием и ревностью трудиться в деле, на вас возложенном, о коем дальнейшие наши приказания сообщит вам наш действительный тайный советник граф Безбородко, который уже в дороге и вскоре к вам прибудет. В прочем пребываем вам императорскую нашу милостию благосклонны» (там же, д. 1787, л. 1).

Сразу же после окончания печальных церемоний по случаю погребения фельдмаршала Самойлов, де Рибас и Лашкарев предложили турецким полномочным приступить к мирным переговорам. Однако турецкие полномочные положительно на это предложение не ответили, ожидая «на сей случай повелений» от султана и требуя от русских представителей предоставления новых документов на полномочия.

В этой связи правитель канцелярии покойного фельдмаршала В. С. Попов послал Екатерине реляцию, в которой указывал, что турецкие полномочные по кончине князя оказали затруднение к открытию конференций, считая «за нужно» ожидать новых монарших повелений. И далее: «В сем случае видно, что более боязнь гнева султанского за каждый неосторожный шаг, нежели худое намерение, ими руководствовало». При этом Попов ссылается на заявление реис-эфенди, который признался, что «если бы над ними царствовала русская монархиня, то он, реис-эфенди, ко всякому благому делу приступил бы сам собою без малейшего опасения, но при Селиме самая малая неосмотрительность будет стоить головы» (там же, л. 2об.—3).

О таких чисто специфических чертах турецкой жизни хорошо были осведомлены в Петербурге. Еще в 1782 г. в одном из докладов Коллегии иностранных дел императрице в этой связи справедливо подчеркивалось, что «личная безопасность министров турецких воспрещает каждому из них давать решительные советы» (ф. СМ, 1782—1790 гг., д. 585, л. 8—8об.). Неудивительно поэтому, что любые переговоры с турками, как правило, про-

ходили трудно и требовали от русских дипломатов большой выдержки и терпения.

Приведенное выше высказывание реис-эфенди о Екатерине II требует небольшого комментария. Хорошо известно, что В. С. Попов во время последней войны с Османской империей часто наезжал в Петербург (важная переписка между Екатериной II и светлейшим доверялась только ему) и многое мог видеть и слышать при дворе. Так что правитель канцелярии Потемкина отлично понимал, как ошибался турецкий вельможа в оценке личных качеств императрицы. И все же он поспешил отправить свою реляцию, в которой сообщал о комплименте реис-эфенди в Петербург, ибо не мог не знать, что «северная Семирамида» обожаемую леств.

Известно, что современники отмечали упрямство, своеобразие, высокомерие и неслыханную расточительность императрицы; не лишена она была и некоторых деспотических черт. В. О. Ключевский отмечал, что сердце Екатерины «никогда не ложилось поперек дороги ее честолюбию»³⁶. «Не задумываясь над средствами,— подчеркивал акад. Е. В. Тарле,— она сметала со своего пути тех, кто осмеливался преграждать дорогу...» И далее: «Жажда власти, жажда славы, стремление ко всем физическим и моральным наслаждениям, какие только может дать жизнь,— все это было в громадной степени свойственно Екатерине Алексеевне, и всякий раз, когда эти постоянные и могучие стимулы ее природы приходили в конфликт с какими бы то ни было, даже самыми заветными, продуманными ею, дорогами ей моральными убеждениями или философскими воззрениями, то эти убеждения и воззрения отступали на задний план даже без сколько-нибудь заметной внутренней борьбы»³⁷.

Вернемся, однако, к переговорам. Турция старалась их во что бы то ни стало затянуть. Ее представители даже потребовали, чтобы каждый русский полномочный имел документ о полномочиях «за собственноручным ее императорского величества подписанием». Известно, что подобного требования при жизни Потемкина они не выдвигали» (*ф. СРТ, 1791 г., д. 1804, л. 3*). И только после кончины фельдмаршала они решились на такие действия.

Попутно заметим, что во избежание задержки в переговорах эти документы за подписью Екатерины II «на всякий случай» были заготовлены. В качестве примера приведем выдержку из «полной мочи» С. Л. Лашкареву: «...мы восхотели определить в качестве нашего полномочного по нашей к его искусству верности и усердию к нашей службе доверенности, нам любезноверного Сергея Лашкарева, нашего статского советника и кавалера, и чрез сие действительно определили его, Сергея Лашкарева, в качестве нашего полномочного, давая ему полную мочь и именно повелевая вступить в переговоры и соглашаться с полномочными Блистательной Оттоманской Порты, равномерную же полную мочью снабденными, о постановлении мирного трактата

и оный заключить, подписать и печатью своею утвердить, обещающая императорским нашим словом за благо принять, твердо и непоколебимо навсегда содержать и точно исполнять все, что помянутый наш полномочный в силу полной мочи постановит, заключит и подпишет, да и дать на то императорскую нашу ратификацию в соглашаемый срок. Во уверение чего мы сию полную мочь собственноручно подписали и повелели утвердить государственною большою печатью нашею. Дано в Санктпетербурге ноября 13 дня 1791 г., а государствования нашего тридесятого года» (там же, д. 1793, л. 21—23об.).

Рескриптом от 13 октября Екатерина поручала Безбородко «привести мирную негоциацию» к желаемому благополучному окончанию и вести переговоры с турками через назначенных покойным князем Потемкиным полномочных. По «высочайшему повелению» Безбородко должен был и от своего имени «в надлежащей силе» возобновить русским представителям полномочия на переговоры (там же, д. 1785, л. 1). Сам же он перед отъездом из Петербурга послал Самойлову указание продолжать переговоры, не дожидаясь его приезда.

Когда в Яссах получили «высочайшее повеление», турецким полномочным были сделаны «новые убеждения», но они объявили: «Сие высочайшее повеление есть таково сильно, что оно может служить» вместо новых полномочий при условии, что каждому из них будет сделана с него копия с переводом на французский язык. И только после этого турецкая сторона обязывалась немедленно приступить к переговорам.

В этой связи русские полномочные писали в Петербург Безбородко, что первоначально день конференции был назначен на 29 октября, но «как сей день случился быть середе... по суеверию их (турок.— Г. К.) оный день почитается у них неблагополучным к начинанию какого ни есть дела... то и просили они, чтоб конференции были отложены до четверга, в чем мы не рассудили за благо им отказать...» (ф. СРТ, 1791 г., д. 1804, л. 3—4).

На открывшейся в Яссах 30 октября первой конференции статьи мирного трактата не обсуждались. Рейс-эфенди сказал приветственную речь русским уполномоченным на турецком языке. Затем русский секретарь конференции прочел полномочие, данное Потемкину, и «высочайшее повеление» к Безбородко от 13 октября.

На второй конференции (1 ноября) возникли споры уже при обсуждении ст. 1 трактата. Турецкие полномочные настаивали, чтобы в тексте статьи султан именовался шахин-шахом, т. е. царем царей. Русская сторона считала, что по вопросу о титулах следует придерживаться Кючук-Кайнарджийского мира, в тексте которого такой титул отсутствует. Наконец ст. 1 была принята с незначительными изменениями в тексте.

А. А. Безбородко успел прибыть из далекого Петербурга только к третьей конференции конгресса. Он был крайне недово-

лен медленным течением переговоров с турками и позволил себе высказаться крайне неприязненно в отношении русских уполномоченных, считая их вообще неопытными в ведении таких переговоров. Он не очень с ними церемонился, вероятно, уже только потому, что они принадлежали к ближайшему окружению фельдмаршала. А главноуполномоченный генерал-поручик Самойлов и вовсе был племянником Потемкина. И все же Безбородко был вынужден проявить сдержанность, опасаясь обострять с полномочными отношения из-за известного рескрипта императрицы от 20 октября 1791 г., полный текст которого приведен нами выше.

Ознакомившись на месте с ходом переговоров, Безбородко приходит к заключению, что сам метод их ведения, принятый до его приезда, когда на конференциях обсуждается статья за статью, малоэффективен и к тому же ведет к большой потере времени. Поэтому он решает сделать предложения сразу по всем статьям договора, предоставив турецким полномочным несколько дней на размышления.

Узнав из донесений Лашкарева и других источников о желании турецких правителей скорее покончить с войной, которая привела их страну на грань катастрофы, Безбородко приступает к делу решительно. Через своих полномочных он сообщает турецким представителям, чтобы они не рассчитывали ни на какие уступки со стороны России.

Как только Безбородко прибыл в Яссы, его посетили турецкие полномочные. 8 ноября он наносит ответный визит, во время которого заявляет, что все статьи договора будут им вручены сразу. Полномочные отвечают уклончиво.

На состоявшейся 10 ноября третьей конференции были затронуты полномочия, данные Безбородко императрицей; затем русские представители предложили принять все статьи мирного трактата и еще одну сепаратную статью о денежном возмещении России за убытки, нанесенные войной. Турецкие полномочные под надуманными предлогами отказались принять эту статью даже для обсуждения и оставили ее на столе переговоров.

На четвертой конференции две первые статьи мирного договора были приняты. На следующий день, 14 ноября, второй секретарь Мушиб-эфенди и драгоман Мурузи посетили Безбородко и вручили ему письмо, в котором содержались некоторые возражения на проект мирного договора.

Верный своей тактике, Безбородко в категорической форме отказался делать какие-либо изменения в этом проекте, добавив, что не турки пришли на Волгу или Оку, а русские — на Дунай.

30 ноября он посылает с подполковником Бароци письмо великому визирю, в котором недвусмысленно указывалось: «...через господ уполномоченных со стороны Российско-императорской сообщен господам полномочным Порты Оттоманской

проект двенадцати артикулов мирного договора и сепаратного одного, дабы, все то обозревая вдруг, было удобнее решить оное скорее. Скорое окончание сего примирения тем меньше может встретить затруднений, что умеренность условий, от имени Российско-императорского двора предлагаемых, ощущается целым беспристрастным светом...» И в заключение в форме, по существу, близкой к ультимативной, говорилось: «А потому и прошу вас дать полномочным вашим по содержанию упомянутого предложения решительные приказания, повторяя и при сем случае, что дальнее в неизвестности дело мирного предложения не сходствует с данными мне наставлениями» (*ф. СРТ, 1792 г., д. 1840, л. 13—14об.*).

В Петербурге особенно настаивали на том, чтобы на конгрессе была принята без каких-либо существенных поправок ст. 3. Согласно этой статье к России отходили земли между Бугом и Днестром, по которому и устанавливалась граница. Принятие ст. 3 ставилось непременным условием заключения мира. Благодаря настойчивости русской стороны и эта ключевая статья наконец была утверждена, правда, после того, как турецкие полномочные получили от великого визиря точные инструкции на сей счет.

Безбородко регулярно информировал Петербург о ходе работы конгресса. В ответ Екатерина ему писала: «Донесения Ваши от 30 ноября и от 9-го декабря с их приложениями мы получили. Крайнее ощущаем удовольствие, видя из оных, что вверенная Вам негоциация идет благополучно и что сближается минута к совершению желаемого нами мира» (*ф. СРТ, 1791 г., д. 1786, л. 5*).

Оставался нерешенным вопрос относительно сепаратной статьи мирного договора о денежном возмещении России за убытки, понесенные в войне. Против включения этой статьи в трактат решительно возражали турки, да и сама Екатерина в своих инструкциях Безбородко по этому вопросу выражалась довольно неопределенно, поскольку о подобной статье не шла речь и при заключении предварительных условий, подписанных князем Н. В. Репниным.

Можно предположить, что и Коллегия иностранных дел не очень была заинтересована в такого рода статье: там было хорошо известно, что аналогичная статья в Кючук-Кайнарджийском мире 1774 г. выполнялась турками неудовлетворительно, взносы денежные русскому посольству в Константинополе делались крайне нерегулярно, а спустя некоторое время вообще были прекращены. Неоднократные представления по этому вопросу «турецкому министерству» оставлялись без должного удовлетворения.

Однако Безбородко относительно этой статьи принимает на первый взгляд странное решение: добиваться ее принятия, с тем чтобы на предпоследней конференции сделать эффектный жест — заявить, что Россия отказывается от «военного возна-

граждения». Дальновидный политик, он рассчитал точно: турки благодарили его за такую важную уступку.

Между тем однажды после очередной конференции Лашкарев доложил Безбородко, что турецкие полномочные вместе со своим драгоманом с целью затянуть переговоры умышленно затевали споры относительно точности перевода отдельных статей договора; в таких случаях дискуссия носила нарочито формальный характер: подолгу обсуждались малейшие оттенки в значениях отдельных слов и выражений. Разумеется, Безбородко не замедлил отреагировать должным образом на подобные уловки турецкой стороны. Воспользовавшись приездом к нему 23 декабря для переговоров турецкого представителя Дурри Заде Мехмед-эфенди и драгомана Порты небезызвестного Мурузи³⁸, Безбородко неожиданно касается вопроса перевода документов. При этом он не без иронии заметил, что ему представляется весьма странным, «когда почти во всяком артикуле с их стороны требовали наипаче в переводах перемены в стиле и в выражениях, даже и самых незначительных, что, может быть, то приписать должно превосходному знанию г-на драгомана Порты в языках, а наших незнанию, или «*vice versa*» (наоборот) (ф. СРТ, 1792 г., д. 1840, л. 66).

Видимо, это заявление произвело должное впечатление на турецких представителей. Во всяком случае, на заключительном этапе работы конгресса подобных проблем больше не возникало.

12-я конференция, состоявшаяся 27 декабря, завершилась подписанием последних статей договора. Наконец, 29 декабря состоялась заключительная, 13-я конференция. Перед домом, где проходили мирные переговоры, был построен эскадрон Киевского карабинерского полка с трубами и литаврами.

Сама процедура подписания этого важного документа проходила следующим образом: «По собрании обосторонних полномочных в залу конференции и по прочтении сперва российского, а потом турецкого экземпляра мирного договора приступили полномочные к подписанию Его; по совершении того двери растворены были и первые полномочные Российско-императорский генерал-поручик Самойлов и турецкий реис-эфенди Абдулла Бирри в одно время друг другу вручили экземпляры подписанные. В самое то мгновение по данному ракетному сигналу произведена была пушечная пальба из осадных орудий тридцать одним выстрелом. Российско-императорские полномочные отправились в камеру, где находился Главный уполномоченный от ее императорского величества на мирную негоциацию, действительный тайный советник граф Безбородко, которому они и подали подписанный мирный трактат. Оный в тот же час отправлен к ее величеству с бригадиром и лейб-гвардии Измайловского полка секунд-майором Морковым» (там же, л. 90об.). Морков, который своими подвигами особенно отличился во время последней войны,

доставил в столицу текст договора вместе с донесением Безбородко императрице уже 6 января 1792 г. Ему были пожалованы чин генерал-майора и 2 тыс. червонцев.

10 января в своем рескрипте Безбородко императрица писала: «С крайним удовольствием получили мы донесения Ваши от 29 декабря о подписании взаимными полномочными мирного договора, между нами и Портою Оттоманскою заключенного». Не забыто в этом рескрипте и «усердие полномочных наших» (*там же, д. 1838, л. 1*). Слова эти начисто перечеркивали попытки Безбородко поставить под сомнение само умение Самойлова, де Рибаса и Лашкарева вести такие важные переговоры. Между тем дипломатический талант Лашкарева развернулся в полную меру именно во время подготовки Ясского конгресса.

16 января 1792 г. Безбородко отправляет Екатерине очередное донесение, в котором есть такие строки: «В 14-й день сего генваря учинена была торжественная при пушечной пальбе размена актов подтвердительных на мирный договор, от меня и верховного визиря турецкого данных» (*там же, д. 1840, л. 54*).

Эти акты уполномоченных доставил в Петербург 30 января генерал-поручик Самойлов, которому были пожалованы орден Св. Андрея Первозванного и 30 тыс. руб. Безбородко получил такой же орден и 50 тыс. руб. (*там же, д. 1838, л. 8—9*).

Сергей Лазаревич Лашкарев удостоен был «высочайшего благоволения», получил имение «в 656 душ» в Минской губернии и чин действительного статского советника.

12 января мирный договор был ратифицирован в Петербурге, а спустя месяц в столице была получена султанская ратификация. Таким образом, кровопролитная и продолжительная война окончилась для России почетным миром, который восстанавливал действие Кючук-Кайнарджийского мира и Георгиевского трактата 1783 г. (см. ниже). К России отходили земли между Южным Бугом и Днестром. Турция обязывалась не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских земель. Ясский мирный договор закрепил за Россией все Северное Причерноморье, включая Крым.

Поставив свою подпись и печать под этим договором, не мог не испытывать радостного, приподнятого настроения и Сергей Лазаревич Лашкарев. Однако вскоре такое настроение было омрачено непредвиденными обстоятельствами.

Все началось с того, что Сергей Лазаревич, обладавший, кстати, хорошим художественным вкусом, по просьбе князя Потемкина приобретал для него в Турции по счетам антикварные изделия, а также различные ценные предметы прикладного искусства.

Светлейший любил, да и мог себе позволить такую роскошь, регулярно пополнять свои художественные коллекции, потому что, как известно, был преизрядно богат. К нему вполне можно отнести слова императрицы, оброненные однажды в адрес друго-

го богача, графа А. С. Строганова, который-де принимает все меры, чтобы разориться и никак не может...

Но вот внезапно умирает Потемкин, и кредиторы, которые в былые времена не беспокоились насчет оплаты его счетов, теперь заволновались и начали требовать причитающиеся им деньги от Лашкарева. И деньги немалые: по словам Лашкарева, «долги покойного князя Григория Александровича... простираются более ста сорока тысяч рублей» (там же, д. 1853, л. 25об.—26).

Лашкарев предпринимает срочные меры, чтобы удовлетворить законные требования кредиторов, теперь уже не потемкинских, а своих, поскольку на руках у них его расписки. Лашкарев вручает счета племяннику светлейшего генерал-поручику Самойлову, который в январе уезжал из Ясс в Петербург. Тот обещал Сергею Лазаревичу, что по приезде в столицу сразу же вышлет ему нужную сумму денег для расплаты с кредиторами. Но шло время, а денег все не было: видимо, генерал-поручик забыл о своем обещании. Встревоженный Лашкарев в начале марта посылает нарочного с письмом к Безбородко, которого просит «напомнить мимоходом покойного генерал-фельдмаршала родственникам, чтобы они от бездны сокровищ и имущества уделили ничего незначашую для них часть» (там же, л. 17—17об.).

Но молчит и Безбородко. И тогда, чтобы «развязаться» с кредиторами, Лашкарев посылает ему (22 апреля) еще одно письмо в Петербург, в котором «всенижайше» просит сановного вельможу: «...напомните еще мимоходом покойного генерал-фельдмаршала родственникам, чтобы они меня извлекли из столь горестного положения, прислав мне деньги для выкупа меня отсель, где я пребываю совершенно в закладе, но более для сохранения чести покойного князя и их собственно. Я всех кредиторов только тем и уверяю, что оные наследники скоро мне пришлют деньги, так, как они и обещали». И в конце письма: «По сим обстоятельствам я не знаю: как отсель выеду? Никогда так еще честь моя не страдала, как теперь, без всякой моей при том вины! И ежели ваше сиятельство не заступите меня, то доведется отсель выехать, чего я больше самой смерти страшусь, с великим посрамлением» (там же, л. 27—27об.).

Но по-прежнему молчат наследники князя, которых мало волнует «честь покойного». Нет ответа и от Безбородко, и в начале июня Лашкарев решается написать ему новое письмо³⁹. Там есть такие горькие строки: «Вот как часто надежда обманывает! Думал ли я, что покойный светлейший князь прежде меня умрет и меня в слезах и в хлопотах оставит?.. Бога не боятся его наследники: получив толикое наследство, предать меня забвению, желая уделить для расплаты его, покойника, долгов ничего не значашую для них часть!»

Итак, целых полгода посылал Лашкарев свои письма в сто-

лицу о долгах Потемкина и понял наконец, что от своих основных адресатов ждать не то что помощи, а просто ответа — дело совершенно бесполезное. И чтобы выехать из Ясс, он прибегает к крайнему средству — решается «всем кредиторам дать вексели». Иными словами, чужие долги взял на себя.

Между тем сразу же после подписания мирного договора в Яссах Лашкарев некоторое время (до назначения русского генерального консула) управляет Молдавским княжеством и ведет с Петербургом служебную переписку. Так, 15 марта 1792 г. он уведомляет того же Безбородко о том, что местные жители, используя предоставленное им договором право на переселение в российские пределы, «охотно переходят на левую сторону Днестра». И Лашкарев предлагает этим переселенцев наделять землей. Он выражает надежду: «Уповаю, что нынешним весенним временем будет всякому отведена земля. А сего и весьма нужно, дабы всякий переселяющийся мог приниматься к устройству там себя, а наипаче за хлебопашество» (там же, л. 19об.—20).

С. Л. Лашкарев предупреждает Петербург о враждебных происках господаря Александра Мурузи (родственника драгомана Порты) против России. Сергей Лазаревич поставил в известность об этом и поверенного в делах в Константинополе А. С. Хвостова. Насколько далеко, например, зашла интрига А. Мурузи против молдавского митрополита Гавриила, благожелательно настроенного к России, свидетельствует, в частности, и письмо князя Безбородко к Хвостову от 28 мая 1792 г.: «Предусматривая еще пред отбытием моим из Ясс [в январе 1792 г.], что нынешний господарь молдавский Александр Мурузи не в лучших был расположениях к преосвященному митрополиту молдовлахийскому Гавриилу, я не упустил в запас дать Вам надлежащие примечания в осторожность и отвращение происков, которые сей господарь мог бы употреблять противу помянутого митрополита в Константинополе. Доходившие сюда известия подтверждали о недоброхотстве Мурузия к нему, а наконец, как Вы и сами извещены от господина генерала-аншефа Василия Каховского и от господина статского советника Лашкарева, оное и вяще оказалось присылкою от Мурузия строгих к боярам повелений, чтоб они сочинили прошение к Порте противу митрополита [о лишении его сана]. Ее императорское величество указать изволила употребить все те средства, которыми Мурузи исправить только можно...» (там же, д. 747, л. 11—12).

В начале июня 1792 г. Лашкарев докладывает Безбородко, что он сдал дела генеральному консулу Северину и через несколько дней отправится в Дубоссары, а оттуда возьмет «курс свой в Петербург» (там же, д. 1853, л. 30—30об.). Но не успел еще Сергей Лазаревич возвратиться в столицу, как господарь Мурузи, воспользовавшись его отъездом, стал распускать заведомо ложные слухи, с тем чтобы помешать молдаванам пересе-

ляться на левую сторону Днестра. Об этом мы узнаем из донесения Северина князю Безбородко: «Господарь Мурузи пустил посредством своих фаворитов в боярах и прочих эхо, что г. статский советник и кавалер Лашкарев по прибытии в Санкт-Петербург принят весьма дурно и неблагосклонно, где всячески его будто бы презирают. Сие он для того единственно сделал, чтобы таковым способом удержать желающих переселиться в Россию и отвратить имеющим с ним (с Лашкаревым.—Г. К.) переписку» (там же, л. 32). Но происки А. Мурузи никакого успеха не имели: значительное число молдаван, спасаясь от турецкого ига, переселилось в пределы Российской империи.

Вскоре по прибытии в Петербург Сергей Лазаревич наконец улаживает сложное дело с долгами покойной князя Потемкина. Как это он смог сделать, выяснить по архивным материалам не удалось. Может быть, наконец помог генерал-поручик граф Самойлов? Вряд ли. Человек, который, по высказыванию одного современника, не имел другой заслуги, кроме той, что был племянником Потемкина, скорее всего не желал помочь... Вероятно, здесь не обошлось без личного вмешательства императрицы. Известно, что она приняла Лашкарева и выразила ему особое свое «благоволение» за участие в успешном проведении мирных переговоров с Турцией, переговоров, где со всей очевидностью раскрылся талант русского дипломата.

В 1793 г. во время празднования Ясского мира Лашкарев получил дружеское поздравительное письмо от прославленного полководца Суворова-Рымниковского, с которым длительное время был в переписке и пользовался его большим уважением.

Интересно было бы выяснить, где и каким образом Лашкарев познакомился с Александром Васильевичем? К сожалению, в архивных фондах ответы на эти вопросы найти не удалось. Правда, в семье Лашкаревых бытовало предание, будто Сергей Лазаревич впервые встретил великого полководца на одном из царских приемов. Может быть, на этом?

...Обед у императрицы в честь Суворова был назначен в уютной, прекрасно освещенной бриллиантовой гостиной. Кушанья уже были на столе; парадный столовый фарфоровый сервиз, изящные, покрытые тонкой живописью декоративные вазы, золотые приборы — все создавало особо торжественное настроение. Немногочисленные приглашенные уже собрались и ожидали выхода императрицы. Завидев государыню, которая шла в сопровождении гофмаршала, камердинер тотчас подал знак — двери распахнулись, и он громко произнес: «Крышки!» — и они мгновенно были сняты с блюд. В этот момент в гостиную вошла императрица. После такого тщательно отрепетированного годями ритуала обед начался.

Вскоре Екатерина II заметила, что Александр Васильевич, занятый разговором с соседом по столу, ничего не берет с подаваемых блюд. Ее величество с нарочито плохо скрытым удивле-

нием — чувствовалось, что она раздражена, — поинтересовалась, почему это Суворов изволит ничего не есть. И тут мгновенно нашелся князь Потемкин и вместо Александра Васильевича ответил:

— Матушка-государыня! Он у нас великий постник и до звезды не станет есть...

Действительно, не есть в большие постные дни до восхода вечерней звезды в те времена было в некоторых семьях своеобразным благочестивым обычаем. Екатерина, видимо, поняла и должным образом оценила намек своего любимца, потому что мигнула стоявшему поблизости камер-пажу и шепнула ему что-то на ухо. Паж выбежал и вскоре вернулся с коробочкой в руке. Императрица открыла ее и, подавая прославленному полководцу Андреевскую звезду с брильянтами, сказала:

— Надеюсь, теперь вы не откажетесь откусать за нашей трапезой...⁴⁰

Был ли на этом приеме Сергей Лазаревич, ответить трудно, а может быть, и невозможно. Реальнее предположить, что впервые он мог встретиться с А. В. Суворовым в Крыму, Кременчуге или Елисаветграде и познакомить их мог Потемкин.

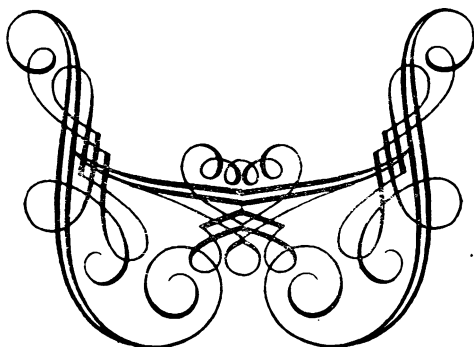
Разумеется, к толкованию событий, о которых повествуют предания, всегда следует относиться с большой осторожностью, однако легенда, о которой речь пойдет ниже и которая тоже связана с именем Лашкарева, нам представляется весьма интересной и в какой-то мере реалистичной. Ее рассказал внук Сергея Лазаревича Сергей Сергеевич-младший.

...Однажды, незадолго до штурма Очакова, очевидно, в ноябре 1788 г., по случаю ли вечернего съезда гостей у Потемкина в Кременчуге, или засидевшись допоздна у князя по делам службы, Лашкарев собрался было уезжать, но, не найдя в передней своей шубы, преспокойно расположился спать в гостиной на диване. Князь, услышав какой-то шум в гостиной, вышел, и, узнав о причине, помешавшей Сергею Лазаревичу уехать, приказал подать ему свою из зеленого бархата на чернобурых лисицах шубу с Андреевской бриллиантовой звездой. Эту звезду он потом и подарил ему...⁴¹

После окончания торжеств, связанных с заключением Ясского мира, Лашкарев был принят императрицей — открывалась новая важная страница в его служебной карьере.

Глава 6

«ИМЕЯ НА ПОПЕЧЕНИИ МОЕМ АЗИАТСКИЕ ДЕЛА...»

Словами этими начиналось одно из служебных писем Лашкарева, датированное декабрем 1798 г. Но Сергей Лазаревич вправе был бы написать так и несколькими годами ранее, скажем в 1794 г., поскольку именно тогда Екатерина II поручила ему заниматься дипломатическими сношениями России со странами Востока. Следует при этом иметь в виду, что в то время в штате Коллегии иностранных дел соответствующего департамента еще не существовало — именно Лашкареву надлежало его создать. Для этого он трудился с полным напряжением всех своих сил.

Однако, странное дело, на официальный запрос Сергея Сергеевича Лашкарева (25 декабря 1845 г., т. е. спустя полвека после описываемых здесь событий), посланный в Московский Главный архив, о том, чем именно занимался его отец Сергей Лазаревич «в Петербурге с 1794 г. по время назначения его Присутствующим Азиатского департамента Коллегии Иностранных Дел после восшествия на престол императора Павла I-го», чиновники архива ответить не смогли (*ЦГАДА, д. 539, л. 3об.*). И лишь спустя пять лет из МГА была прислана копия указа Екатерины II от 6 июля 1794 г., которая должна была как-то прояснить интересующий Сергея Сергеевича вопрос. Но прояснила ли?

Процитируем полностью этот указ императрицы (№ 47): «Ее императорское величество всемилостивейше дозволяет действительному статскому советнику Лашкареву в ожидании будущего

отправления к месту, к которому он назначен, иметь пребывание в деревне его или где он найдет за благо, пользуясь определенным ему жалованьем. Есть ли же он будет надобен для какого-либо между тем по Департаменту Иностранных Дел употребления, тогда призван быть может». Этот именной указ был подписан вице-канцлером графом И. А. Остерманом (*там же*, л. 13).

Что же подразумевалось под туманной формулой «в ожидании будущего отправления к месту, к которому он назначен»?

Известно, что именные указы того времени, как правило, имели ясные и четкие формулировки — в Коллегии порядком понаторели в искусстве составления таковых. А в данном конкретном случае смысл приведенных выше слов, как тогда говаривали, был «темен». Ведь формально Лашкарев все еще продолжал числиться поверенным в делах в Иране и получал причитающееся по этой должности жалованье. К тому же документы свидетельствуют о том, что в Коллегии не допускалось никаких штатных излишеств. К примеру, тот же сын Лашкарева, Сергей Сергеевич, в начале своей служебной карьеры в 1802 г. был определен «на ваканцию канцелярского служителя» при Берлинской миссии вместе с другим чиновником — бароном Криденером, и между ними был разделен положенный по штату оклад (*ф. АД, разр. IV—4, 1802 г., д. 7, л. 1*). Случалось и так, что мелких чиновников из-за отсутствия штатных вакансий зачисляли в Коллегию вообще без жалованья. Конечно, богатых баричей это обстоятельство не очень смущало: они безбедно существовали за счет доходов от своих имений.

Так куда же все-таки предполагалось назначить Сергея Лазаревича согласно указу № 47? На сей предмет можно только строить предположения. Судя по всему, императрица уже тогда прочила его на должность управляющего еще не созданного Азиатского департамента, причем такое свое намерение она, видимо, не хотела до поры до времени по каким-то причинам разглашать. В данном конкретном случае воля Екатерины как бы опережала штатное расписание Коллегии иностранных дел.

В то же время проследить за служебной деятельностью Лашкарева в период, когда он начал играть весьма заметную роль в руководстве политикой России на Востоке, помогают новоявленные материалы. Примечательно, что еще за несколько месяцев до появления упоминаемого выше указа Екатерина II решила дать Лашкареву особое поручение — лично заниматься вопросами по сношениям России с Грузией. Такое решение было объективно оправданным, вероятно, еще и следующим немаловажным обстоятельством: многоопытному Лашкареву при исполнении вновь возложенных на него обязанностей не нужно было преодолевать языковой барьер, поскольку грузинский был для него родным языком. Подчеркнем при этом, что ведению дел с Грузией в Петербурге уделяли исключительно серьезное внимание; отношения между двумя народами традиционно строились

на основе добрососедства и дружбы. Кроме того, защита Грузии от притязаний Ирана и Турции объективно отвечала и интересам русского правительства в Закавказье.

Как раз в начале 90-х годов XVIII в. заметно активизировались враждебные действия иранских ханов и османских пашей против Грузии: они все чаще стали совершать опустошительные набеги на ее территорию. Сама государственность этой феодально-раздробленной страны оказалась под серьезной угрозой. В этих условиях прозорливый политик и опытный военачальник грузинский царь Ираклий II понимает, что ждать помощи можно только с севера — от дружественной единой России, и он решает отправить в Петербург в качестве посланника при русском дворе своего генерал-адъютанта князя Гарсевана Чавчавадзе¹.

На одном из очередных своих докладов в Зимнем дворце Лашкарев обратил внимание императрицы на «всеподданнейший репорт» командующего Кавказской линией генерал-аншефа И. В. Гудовича, в котором сообщалось, что 26 марта 1794 г. из крепости Георгиевской князь Чавчавадзе отправлен в Петербург к русскому двору (*ф. СРГ, 1794—1796 гг., д. 4546, л. 16*). Подробно докладывать о князе Чавчавадзе Сергей Лазаревич не стал, так как Екатерина II хорошо знала талантливого грузинского дипломата, поставившего 24 июля 1783 г. по уполномочию царя Ираклия II свою подпись под известным Георгиевским трактатом — манифестом русско-грузинской дружбы².

В заключенном на вечные времена договоре торжественно провозглашалось, что картлийско-кахетинские правители Восточной Грузии признают верховную власть и покровительство русского государства. В свою очередь, Россия объявляла врагов Грузии своими врагами. Тем самым грузинский народ получал надежную защиту от набегов воинствующих соседей. Подписание этого трактата вызвало большую радость в Грузии.

Впервые князь Гарсеван Чавчавадзе в качестве полномочного министра приехал в Петербург в 1784 г., и по этому поводу Ираклий II писал императрице: «Подносителя сего письма князя Гарсевана Чавчавадзе, к которому имею я как к сыну своему доверенность по всем моим делам и отправленного нами силою пятого артикула, всемилостивейше в трактате утвержденного для пребывания при высочайшем дворе вашего императорского величества, осмеливаюсь препоручить всемилостивейшему вашему императорскому величеству покровительству» (*ф. СРГ, 1798 г., д. 472, л. 1*).

Чавчавадзе несколько лет находился при русском дворе. В 1787 г. у него в Петербурге родился сын Александр, воспитанницей которого была Екатерина II. С 1795 по 1799 г. Александр воспитывался в одном из лучших частных пансионов Петербурга, затем продолжил свое образование в Тифлисе. Он — известный поэт-романтик, в чьем доме бывали Пушкин, Лермонтов,

декабристы, а на одной из дочерей Александра Чавчавадзе, внучке Гарсевана Чавчавадзе, юной красавице Нине, женился Александр Сергеевич Грибоедов.

Остановимся подробнее на втором приезде Гарсевана Чавчавадзе в Петербург. 7 мая 1794 г. в сопровождении небольшой свиты грузинский посланник прибыл в русскую столицу и временно был поселен Лашкаревым в Коллежском доме. Некоторое время спустя Сергей Лазаревич нанял для князя Чавчавадзе отдельный дом на том же Васильевском острове, неподалеку от здания Коллегии иностранных дел. В одном из архивных дел сохранилась даже расписка, сделанная рукою Лашкарева, под которой владелица дома некая Ольга Ефремова поставила свою подпись. Она получила от Лашкарева причитающиеся ей деньги «за наем дома» для Чавчавадзе, «считая за каждый месяц по сту по пятидесяти рублей» (ф. СРГ, 1797—1798 гг., д. 454в, л. 30).

Между тем на второй день после своего прибытия в Петербург Гарсеван Чавчавадзе послал к вице-канцлеру Остерману своего секретаря и определенного к князю генерал-аншефом Гудовичем пристава капитана Ахвердова, хорошо владевшего грузинским языком, с официальным уведомлением о своем прибытии в Петербург и «для испрошения о назначении времени, когда он к нему приехать может». В свою очередь, Остерман направил домой к Чавчавадзе коллежского переводчика, который передал грузинскому посланнику приглашение пожаловать к нему в Коллегию «10 мая после обеда в пять часов».

В назначенное время, читаем далее в отчете Коллегии об этом посещении, князь Чавчавадзе был «впущен со всею свитою к вице-канцлеру в конференц-камеру, в которой находились для ассистенции некоторые чины Коллегии иностранных дел, и, подошед к нему, вручил привезенное письмо от царя государя своего». Письмо было датировано 12 декабря 1793 г. Аналогичное послание Ираклия II было адресовано и графу Безбородко.

В состоявшейся затем между вице-канцлером и грузинским посланником беседе принимал участие С. Л. Лашкарев. Остерман «наведывался о здоровье царя, о путешествии его посланника, также спрашивал, доволен ли он нанятым домом, на что сей отозвался изъявлением чувствительной признательности за сию оказанную ему от щедрот ее императорского величества милость». Во время беседы «посланник потчеван был кофею и сластями и, посидев немного, возвратился домой тем же порядком, как и приехал» (ф. СРГ, 1794—1796 гг., д. 454б, л. 6—8об.).

В тот же день Лашкарев послал на дом к Чавчавадзе переводчика, которому посланник передал копию своей кредитивной грамоты. Получив этот документ, Сергей Лазаревич занялся подготовкой главной церемонии аккредитации — аудиенции князя Чавчавадзе у Екатерины II.

Итак, в назначенное время, в воскресенье 21 мая, карета, запряженная шестью лошадьми, «в 11 часу» подкатила к Царско-сельскому дворцу и остановилась у главных ворот. Из нее вышли князь Чавчавадзе и действительный статский советник Лашкарев, а также два чиновника и пристав грузинского посланника. Здесь они были встречены придворным скороходом, который проводил грузинского посланника и его свиту в «камору ожидания».

По окончании церковной службы императрица направилась в свои внутренние покои, после чего церемониймейстер ввел князя Гарсевана Чавчавадзе в залу, где уже находились «придворные дамы и кавалеры и прочие знатные чины». Спустя некоторое время церемониймейстер, получив разрешение императрицы, препроводил князя Чавчавадзе на аудиенцию, по окончании которой посланник посетил великих князей.

Затем Чавчавадзе был приглашен обергофмаршалом Безбородко «к столу императрицы». Караул гвардии как при въезде, так и отъезде посланника «становился в ружье», а часовые «отдавали ему честь ружьем». Этим, собственно, и закончился многосложный церемониал аккредитации грузинского посланника при русском дворе.

В заключительной части отчета Коллегии читаем: «Для перевода речей, говоренных посланником на грузинском, и ответов, даваемых ему на российском языке, при всех аудиенциях входил с церемониймейстером в аудиенц-каморы помянутый действительный статский советник Лашкарев». Из отчета узнаём, что в тот же день Чавчавадзе нанес также «визит пребывающим в Царском Селе знатым особам и потом отправился обратно в город» (там же, л. 19—20об.).

Грузинский посланник Гарсеван Чавчавадзе приступал к своей ответственной дипломатической миссии в сложных условиях: обстановка в Грузии становилась все более трудной. Да и Россия еще полностью не оправилась от последствий последних войн — с Турцией и Швецией.

Примерно за год до описываемых здесь событий царь Ираклий II посылает курьера к своему сыну, царевичу Мириану, который в то время находился в Петербурге для связи с русским двором. В письме сыну царь поручает ему ходатайствовать о «многомощном ее императорского величества защищении» против намерений властителя Ирана Аги Мохаммед-хана Каджара (1796—1797) напасть на Грузию. В свое время на Моздокской линии частично осталась предназначенная для передачи Грузии артиллерия со снарядами. Царь наказывает Мириану, исходя из ходатайствования в Петербурге повеление генерал-поручику Валериану Зубову передать эти пушки грузинской армии. Ираклий II особо подчеркивает, что не имеет «другой защиты, кроме высочайшего ее императорского величества престола».

Отметим, что это послание вызвало сочувственную реакцию

при Петербургском дворе. 30 мая 1793 г. письмо было зачитано в Государственном совете, который после соответствующего обсуждения принял решение снабдить специальной инструкцией командующего Кавказской линией генерал-аншефа Гудовича. Ему, в частности, предписывалось сделать особое внушение Аге Мохаммед-хану, чтобы тот не вздумал вступить в пределы грузинского царя. Совет рекомендовал также командующему принять и другие меры, «какие по лучшему своему сведению местных обстоятельств удобным признает», а также доставить Ираклию II «помянутую часть» артиллерии со снарядами, «ежели ее по данному обещанию следует ему еще получить» (ф. СРГ, 1793—1799 гг., д. 455, л. 7—8, 15).

Отправляя князя Чавчавадзе в Петербург «со всенужными делами», Ираклий II поручил ему добиваться со всей настойчивостью предоставления русским двором всесторонней помощи для отражения возможного нашествия иранского шаха на Грузию. Но именно то обстоятельство, что Ага Мохаммед-хан ни в 1793, ни в следующем году так и не реализовал своей угрозы напасть на грузинские земли, и породило успокоенность на сей счет в Главной квартире И. В. Гудовича. Да и в Петербурге некоторые высокопоставленные чины при дворе полагали, что, возможно, царь Ираклий в какой-то мере преувеличивает самую возможность такого нападения в ближайшем будущем.

Вот почему, несмотря на неоднократные представления князя Чавчавадзе об оказании Грузии срочной помощи, в первую очередь военной, граф Безбородко медлил с ответом. Seriously озабоченный сохранением мира с Портой после недавно закончившейся русско-турецкой войны, а также стремлением поддерживать спокойствие на границе с Ираном, граф занимал в этом вопросе крайне осторожную и в какой-то мере выжидательную позицию. Объективно этому не могли не способствовать выдержанные в основном в спокойных тонах донесения Гудовича. При этом генерал-аншеф все еще ожидал каких-то дополнительных инструкций из Петербурга, хотя ему, как указывалось выше, еще в 1793 г. были направлены подробные указания.

Так, 7 мая 1795 г. Гудович доносил Екатерине II: «У персидских берегов находятся теперь четыре военных судна, из которых два особливо прикрывают занятый на Каспийском море остров Сарьи, а потому со стороны моря Ага Мохаммед-хан ничего предпринять не может... Сверх того я предписал и еще на случай всякой надобности приготовить к выходу в море бомбардирский корабль, прошлого года сооруженный...» (там же, л. 169—169об.).

Несколькими месяцами позже, 13 сентября, генерал-аншеф направил донесение Платону Зубову, в котором, в частности, предупредил: «На случай высочайшего повеления о посылке в Грузию войск предварительно имею честь объяснить, что с ноября месяца и до апреля без крайнего изнурения войск и труд-

ности чрезвычайной провести в Грузию не можно по причине больших снегов и стужи в горах».

В общем-то вполне справедливое замечание. Добавим только, что такого же мнения придерживался и такой опытный, хорошо знавший местные условия, военачальник, как Ираклий II, который в одном из своих писем Гудовичу указывал, «что в дурную погоду (т. е. зимой.— Г. К.) нельзя войскам через горы идти» (*там же*, л. 190, 271).

Этот географический фактор, сам по себе весьма серьезный, усугублялся другим, не менее важным. Мы имеем в виду значительную удаленность Грузии от дружественной ей России. Ограничимся одним примером. Скажем, курьер с важными донесениями вынужден был добираться из Тифлиса в Петербург около полутора месяцев; он должен был придерживаться строгих карантинных предписаний, согласно которым даже пакеты подвергались специальному окуриванию. Почти столько же времени курьер затрачивал на свой обратный путь. Следовательно, в подобных условиях, когда он находился в дороге в общей сложности около трех месяцев, при принятии важных решений в критических ситуациях с фактором времени нельзя было не считаться. Разумеется, это обстоятельство не могли не учитывать и враги грузинского народа, когда замыслили нападение на Грузию.

29 августа 1795 г. Ираклий II направил в Петербург князю Чавчавадзе перехваченное сообщение Аги Мохаммед-хана своему брату Джафару Кули-хану, в котором иранский властитель изрекал: «Клянусь Всевышним Богом, что тот же час к вам инкогнито туда приеду дней на пять и с такую силою нападу на грузинцев, что ни одной души из них в живых не оставлю» (*там же*, л. 186).

Сведения эти достигли Петербурга слишком поздно. Тем временем Ага Мохаммед-хан неожиданно подошел к границам Грузии и уже 10 сентября осадил Тифлис. Первый штурм города был в тяжелом кровопролитном бою отбит войсками Ираклия II, но уже на следующий день наступила развязка: немногочисленные защитники грузинской столицы не смогли противостоять многочисленным ордам Аги Мохаммед-хана, которые ворвались в Тифлис, предав город огню и мечу. Через девять дней шах покинул развалины Тифлиса и удалился в Муганские степи, предварительно разграбив дворцы, богатые дома, церкви, книгохранилища, монетный двор. Уцелевшие жители были захвачены в плен и отправлены на продажу в Турцию и другие земли, правители которых были враждебно настроены по отношению к царю Ираклию.

Отдельные состоятельные грузины пытались выкупить своих попавших в полон родственников у одного из помощников шаха — Джавад-хана, но тот, по сообщению Ираклия II князю Чавчавадзе, «на каждую душу сверх продажной цены наложил

пошлины по двадцати по пяти рублей на человека и за всем тем выкупленных не освобождает...» (там же, л. 224).

Не избежали участи Тифлиса и расположенные неподалеку от него богатые усадьбы грузинских князей, в частности было разграблено и имение Гарсевана Чавчавадзе. Семья князя избежала плена по счастливой случайности, еще в июле выехав в Петербург. 3 ноября 1795 г. Чавчавадзе направил официальное письмо Лашкареву, в котором уведомлял его, что сопровождавший в дороге княгиню Чавчавадзе поручик Николай Скворцов «исправлял свою должность исправно, за что вся моя фамилия его благодарит» (ф. СРГ, 1794—1796 гг., д. 454б, л. 81).

О бесчинствах иранских полчищ в Грузии говорится также в письме урумских чиновников, которое они послали от имени армянской общины (15 тыс. семейств) армянскому архиепископу Иосифу. В нем читаем: «Со слезами доносим вашему высокопреосвященству о крайней нашей нужде, бедствии и угнетении». С них «насильственным образом взыскали наличными» около 300 тыс. руб. С горечью сообщалось, что захватчики «грабят без милосердия имения», в церкви входят «ради смеха», «поступая против святых икон дерзко с хулением» (ф. СРГ, 1798—1799 гг., д. 454 г, л. 96—97).

Трагические события в Грузии позднее были отмечены и одним происшествием в Петербурге. Однажды утром во время вахт-парада к Павлу I пробилась взволнованная женщина, которая, не зная ни слова по-русски, о чем-то горячо просила императора. Павел I тут же распорядился, чтобы оказавшийся поблизости чиновник для особых поручений действительный статский советник П. А. Обресков (сын А. М. Обрескова) разобрался в этом деле. Последний, в свою очередь, немедленно отправляет курьера с запиской к Лашкареву, в которой писал ему: «Посылаю к Вам сию грузинку для отобрания от нея, чего она хочет и о чем императора просила. Государь указать мне изволил письменно о ней представить его величеству, почему и отношусь к вашему превосходительству, ибо с нею говорить не умею».

В тот же день Обрескову был отправлен ответ. После обстоятельной беседы с женщиной Лашкарев узнал, что она — жена кахетинца Соломона Чавчавадзе (однофамильца грузинского посланника в Петербурге), была угнана в плен иранцами и ими же продана в рабство в Шехи. Затем была выкуплена армянским купцом, «коему в заплате денег поручился живущий там же армянский священник». Муж Марии Чавчавадзе (так звали эту женщину) во время нападения Аги Мохаммед-хана на Тифлис был убит в сражении. Сама она добиралась в Петербург из Астрахани, чтобы просить императора оказать ей помощь «на выкуп из плена ее матери, двух сестер и трех братьев» (ф. СРГ, 1793—1799 гг., д. 455, л. 219—219об.). К сожалению, дальнейшего продолжения этой истории в делах архива мы не нашли.

Следует подчеркнуть, что еще до неожиданного нападения шаха на Тифлис в Петербурге были приняты важные решения по грузинскому вопросу. Так, еще 3 сентября 1795 г. генерал-аншефу Гудовичу был послан высочайший рескрипт, в котором содержались «достаточные наставления» Екатерины II на случай нападения на Грузию иранского шаха. Днем позже Лашкарев отправляет в Грузию подготовленный им и подписанный императрицей важный документ — послание царю Ираклию. В нем читаем: «Светлейший князь Карталинский и Кахетинский нам любезноверный! Внимая прошению Вашему и во удовлетворение собственным нашим обязательствам предписали мы нашему генералу Кавказскому, Тамбовскому и Рязанскому генерал-губернатору Гудовичу преподать вашему величеству пособие войсками нашими и артиллерию противу неприязненных умыслов Аги Могамет Хана, устремившегося на похищение верховной власти в Персии. С подкреплением таковым, ваше высочество, преуспеете опровергнуть всякое нападение и восстановить тишину и безопасность в крае том, особливо же ежели с усилиями Вашими соедините действия и прочих Вам соседних и благоприятствующих областей...» (ф. ВКД, 1795 г., д. 312, л. 1).

В тот же день, 4 сентября, Лашкарев отправляет письмо, подписанное вице-канцлером Остерманом, в котором царю Ираклию сообщалось о посланном Гудовичу высочайшем рескрипте. При этом вице-канцлер уведомлял Ираклия о том, что Грузию будет оказана военная помощь, в том числе предоставлено «нужное число артиллерии» (ф. СРГ, 1793—1799 гг., д. 455, л. 219—219об.).

Но, к сожалению, обещанная помощь запоздала: 18 октября 1795 г. в Государственном совете были зачитаны два рапорта Гудовича о внезапном нападении иранских войск на Грузию. Совет решил немедленно направить командующему новые предписания с подтверждением прежних приказаний, «препоручая ему принимать и производить в действо все те меры, кои не только к освобождению областей царя Карталинского и других покорившихся Всероссийскому скипетру народов от нападений и притеснения Аги Могамет Хана по благорассуждению его, генерала Гудовича, будут необходимы, но и ежели усмотрит он надобность и удобность к учинению в дальнейшем поиска на Агу Могамет Хана в тех местах, откуда сей хан почерпает способы на свои предприятия». Итак, после нашествия Ирана на Грузию в Петербурге не исключали возможность «к учинению в дальнейшем поиска на шаха». Здесь созрел план широкомасштабной военной операции. Ага Мохаммед-хан бросил дерзкий вызов не только Грузии, но и ее союзнице и защитнице России, стремясь воспрепятствовать русскому влиянию в Закавказье и на Ближнем Востоке. В Государственном совете поняли, какую опасность таит в себе возможное вторжение Ирана в Грузию. Вот почему уже в конце 1795 г. два батальона русских войск под командо-

ванием полковника Сырохнева в зимнюю стужу, с трудом преодолевая бездорожье и сложный гористый рельеф местности, пробились в Грузию. Там по достоинству оценили этот важный шаг Петербурга.

В этой связи Ираклий II писал Екатерине II 8 января 1796 г.: «В прошлом декабре месяце непобедимые вашего императорского величества войски к нам вступили, за что Всевышнему и Вашему матернему о нас попечению приносим благодарение» (*там же*, л. 271).

Появление в Грузии двухтысячного русского отряда дало возможность Ираклию II выступить против Джавад-хана Гянджинского — изменника, перешедшего на сторону шаха. Гянджинскую крепость, где укрылся Джавад-хан, осадили грузинские войска.

С установлением в Грузии весенней погоды стало возможным направить туда значительную дополнительную военную помощь, с тем чтобы раз и навсегда покончить с набегами на грузинские области. Речь идет о 36-тысячной армии под командованием генерал-поручика Валериана Зубова.

Об этом решении Петербурга генерал-аншеф Гудович уведомил царя Ираклия письмом от 23 марта 1796 г. В своем ответе Ираклий II подчеркивал, что это сообщение весьма ободрило его и «восстановило на степень радости» (*там же*, л. 271).

Еще 19 февраля 1796 г. императрица повелела графу Зубову поспешить в Кизляр и приступить к формированию Кавказского корпуса. В первой же реляции Зубова в его «журнале всеподданнейших донесений» читаем: «Во исполнении высочайшего вашего императорского величества повеления... прибыл я сего числа (25 марта.— Г. К.) в Кизляр и хотя всевозможные употреблял старания, дабы успеть ранее, но застигшая меня в пути сильная вьюга, чрез целую неделю день и ночь продолжавшаяся, тому воспрепятствовала, тем более что на степях между Астраханью и Кизляром почтовые лошади вышеозначенною непогодю были истреблены» (*ф. СРП, 1796—1797 гг., д. 160, л. 1*).

Одновременно граф уведомляет генерал-аншефа о том, что отправление Кавказского корпуса в Гянджу «предопределено» Екатериной II, и просит, «чтоб по собрании на линию всех войск, в составление того корпуса назначенных, [Гудович] благоволил доставить их к их пункту через горы». По получении ответа Зубов посылает в Петербург новую реляцию (в журнале помета: «Отправлено из Кизляра с подпоручиком Павловским»): «...от одного господина генерал-аншефа объявлено мне, что при всем его к службе Вашей, всемилостивейшая государыня, усердии не уповает преодолеть препятствующих тому трудностей, ибо хотя бы пехоту и возможно было переправить, то в рассуждении большого числа конницы, а паче продовольствия [переправка] совершенно обезнадеживается, не находя к тому вовсе способов; понеже подвижной магазейн, во множестве повозок состоять

долженствующий, на волах каменные и утесистые горы пройти не может, а верблюды ни к какому употреблению там не пригодны». В заключение Зубов пишет, что направит Кавказский корпус на Гянджу другой дорогой, «через Шамахию».

В очередной реляции, отправленной 19 апреля, он сообщил, что войска Кавказского корпуса из Кизляра переправились на понтонах через Терек и «приняли путь на Дербент» (там же, л. 1об.—4об.).

В мае 1796 г. в Астрахани издается на русском с параллельными текстами на нескольких восточных языках манифест Екатерины II «на случай войны с Персией». В нем, в частности, говорится: «Не поколебались бы и ныне в сих наших кротких и миролюбивых расположениях, естли бы помянутый хищник Ага Магомед, движим необузданным своим властолюбием, не распространял наконец насильствия и лютости свои во оскорбление прав и достоинства нашей Империи даже до впадения в Грузию и до завладения самой столицы от нескольких уже лет предвшедшего покровительству нашему царя Карталинского и Кахетинского, откуда по разграблении там и разорении храмов Божиих, по опустошении земель, увлечением в неволю великого числа христиан и по совершении многих других неистовств обратился к берегам моря Каспийского на разорение народов и гонение ханов, спокойно своими уделами управляющих, к нам приверженных и торговле нашей всегда благоприятствующих. Предприятия столь дерзкие, ниспровергающие все то, что достоинства пользы и выгоды Империи нашей касаться может, и рассылаемые им фирманы к пограничным и даже подвластным нам владетелям, очевидно, устремленные на возмущение пограничного спокойствия, на разрушение существовавшего тут мира и доброго согласия и на истребление всех прежде бывших, полезных и выгодных сношений между обоими государствами, налагают на нас хотя неприятный, но и необходимый долг противоположить оным преграды сильные и удобные к их уничтожению» (ф. СРП, 1796 г., д. 2, л. 3об.—4об.).

Такой преградой «неистовствам» Аги Мохаммед-хана и должен был стать Кавказский корпус под командованием генерал-поручика графа Валериана Зубова. Как видно, манифест был составлен в сильных и недвусмысленных выражениях, каждая его фраза стилистически отточена, звучит весомо и не содержит ни одного лишнего слова. Похоже, над этим документом трудился Лашкарев. В этом предположении нас еще больше укрепляет сравнение текста манифеста с подготовленным Лашкаревым посланием императрицы к Ираклию II (4 сентября 1795 г.). А когда в конце толщенного, в несколько сот листов, «персидского» архивного дела мы буквально натываемся на черновик преамбулы манифеста, то последние сомнения отпадают: он написан небрежным, «летающим», трудно поддающимся расшифровке, лашкаревским почерком. Действительно, Сергею Лазаре-

вичу поручалось составлять все важнейшие документы относительно политики России на Востоке.

Между тем генерал-поручик Зубов спешит донести Екатерине II о важном событии — «покорении обширной и твердой крепости Дербента». К этому известию он присовокупляет одну «умилительную» подробность, явно предназначенную для императрицы: после удачного штурма крепости к русским офицерам подошел один местный житель — «был то двадцатилетний старец, поднесший в начале столетия сего ключи Дербентской крепости Петру Великому. Оруженосец Екатерины Второй те же ключи от того же старца принял 10 мая 1796 г.» (ф. СРП, 1796—1797 гг., д. 160, л. 16).

Уже первые успехи русских войск серьезно обеспокоили иранского правителя, и он решил сконцентрировать свои основные силы в районе Тебриза и Мазендерана. Тем временем французские офицеры спешно обучали иранских артиллеристов³. Но дело, конечно, не ограничивалось присутствием в Иране одних только иноземных инструкторов. Французский двор вел серьезные и тайные переговоры с Тегераном, для чего туда были посланы специальные эмиссары — французские «естествоиспытатели» Оливье и Бруньер. Эти «натуралисты» убеждали иранского тирана Агу Мохаммед-хана продолжать войну против России, при этом «внушая, — как подчеркивалось в одном из докладов русского посланника в Константинополе в Петербург, — что не только Швеция и Дания, две могущие державы, расположены сделать диверсию в пользу Персии, но что и Порты в виды их вступить наклонна, так как и Франция заботы России умножит» (ф. СРП, 1797 г., д. 851, л. 5об.—6). Пытались умножить заботы России и англичане.

Но войска, входившие в состав Кавказского корпуса, после штурма Дербента сумели захватить также Шемаху и Баку.

Согласно «высочайшему повелению» от 17 сентября 1796 г., генерал-аншеф Гудович увольнялся от командования Кавказской линией «по болезненному его состоянию». С большой долей уверенности можно утверждать, что известие это генерал-поручика Зубова не огорчило: отношения его с Гудовичем были довольно прохладные. Зато граф никак не мог предполагать, что пришедший к власти Павел I неожиданно отменит поход русских войск в Иран. Не думал он также, что и сам будет уволен под тем же предлогом, что и Гудович. И, наконец, не знал он, что вынужден будет послать Павлу I донесение (25 апреля 1797 г.), где напишет такие строки: «Имею счастье всеподданнейше донести, что по получении из Государственной Военной Коллегии указа со изволением все милостивейшего увольнения меня для излечения, поручил я генерал-лейтенанту Булгакову командование находившимися в Персии» русскими войсками (ф. СРП, 1796—1797 гг., д. 160, л. 91).

Однако вернемся к грузинским делам. В начале марта 1796 г.

Лашкарев доложил Екатерине II о письменном представлении грузинского посланника князя Чавчавадзе, сделанном им по поручению Ираклия II. Из него явствовало, что по повелению грузинского царя начали «делать дороги от Тифлиса до... границы, как по сю сторону гор, так и по ту, кои исправлены и соделаны не токмо удобными для прохода войск, но и надежными для возки артиллерии, экипажей и всяких тяжестей, которые ныне доставляться могут без наималейшего труда» и что при этом «в провианте ни малейшего не последует недостатка». Ираклий II просил императрицу прислать дополнительные войска, а также предоставить ссуду «заимобразно одним миллионом рублей». Грузинский посланник в своем представлении выразил желание отправиться в Грузию «для оказания отечеству своему услуг по нынешним обстоятельствам» (ф. СРГ, 1795—1796 гг., д. 459, л. 56—59об.).

Екатерина II поручает Лашкареву письменно уведомить князя Чавчавадзе, что Россия не оставит грузинский народ «без вспоможения и сильного покровительства, о чем даны надлежащие предписания и наставления командующим генерал-аншефу Гудовичу и генерал-поручику графу Зубову, к которым может его высочество царь Ираклий Теймуразович с полною доверенностью относиться по всем своим надобностям». По поводу желания посланника отправиться в Грузию Екатерина II, «похваляя таковое его патриотическое усердие, изъявила высочайшее свое соизволение». На этой записке Коллегии иностранных дел имеются пометы: «Быть по сему» и «Вручена 29-го марта 1796 г.»

Князь Чавчавадзе был удовлетворен полученным ответом: он мог возвратиться ко двору Ираклия не с пустыми руками. К тому же вице-канцлер Остерман 15 апреля сообщил грузинскому царю, что записка Коллегии иностранных дел, направленная его посланнику, «заключает в себе все, что долженствует ободрить, успокоить и наивяще удостоверить ваше высочество в могущественном покровительстве ее величества о великодушном ее попечении о благосостоянии Вашем и подвластных Вам земель» (там же, л. 54—54об.). Проект этого письма был также исполнен Лашкаревым.

9 мая С. Л. Лашкарев вручил князю Чавчавадзе паспорт на отъезд в Грузию. В именном указе по этому поводу предписывалось военным и гражданским начальникам «не токмо ему, посланнику, в пути за границу свободный пропуск чинить, но и оказывать ему всякое вспоможение в дороге» (ф. СРГ, 1794—1796 гг., д. 454б, л. 144).

Кроме того, граф Остерман отправил царю Ираклию специальное письмо, в котором отзывался о его посланнике самым лестным образом; в частности, вице-канцлер писал: «Не могу я не засвидетельствовать, что поведением своим, сообразным возложенной на него доверенности, приобрел он благоволение ее

величества и общее от всех доброхотство» (ф. СРГ, 1795—1796 гг., д. 459, л. 55об.).

В октябре 1796 г., как и было обещано Петербургом, на помощь Грузии была направлена часть сил Кавказского корпуса под командованием генерал-майора Римского-Корсакова; эти войска вскоре после своего прибытия освободили отторгнутую от Грузии иранцами Гянджинскую область и принудили к сдаче предателя Джавад-хана.

Граф Зубов, проявляя заботу о снабжении Кавказского корпуса всем необходимым, писал князю Чавчавадзе в Тифлис: «Любовь Ваша к своему отечеству и нераздельная с оною преданность к высочайшему всероссийскому престолу обращают на Вашу особу главнейшие мои надежды как в облегчении и совершенном обеспечении местного того корпуса продовольствием, равно и относительно получения сведений верных о тамошних обстоятельствах...» (там же, л. 75).

Он же обратился с письмом «ко всем азербейжанским (азербайджанским.— Г. К.) владельцам, дабы они ополчились на изгнание сил и влияния Аги Могамет Хана из страны своей, в коей спокойствие имеет быть водворено и содержано Кавказским корпусом» (там же, л. 75—75об.).

А между тем «тамошние обстоятельства» в то время снова серьезно осложнились, и грузинский царь в своем послании к Павлу I в этой связи писал следующее: «Ныне более прежнего на нас Ага Могамет Хан озлобился, что доказывается из приложенного при сем его фирмана, ко мне писанного» (ф. СРГ, 1797—1798 гг., д. 454в, л. 35об.).

Действительно, иранский правитель, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами (Павел I в это время принял импульсивное решение об отзыве русских вспомогательных войск из Грузии), замыслил новое нападение на эту страну. И чтобы запугать Ираклия II, направил ему «указ, которому вселенная повинуется». Напоминая грузинскому царю о варварском разорении Тифлиса, Ага Мохаммед-хан с присущим ему цинизмом написал буквально следующее: «Происшествию же, которое с вами приключилось, ваше высочество сами причиною». Далее в фирмане содержится ультимативное требование к Ираклию II: «...усердно нам служить, и как нам желательно», если же грузинский царь ослушается того, «что повелено и предписано» нами, шахом, то он-де сам должен знать, «что от того следует» (там же, л. 39—39об., 42—42об.).

В Главной квартире командующего Кавказской линией стало известно, что Ага Мохаммед-хан со своим многочисленным войском уже стоит лагерем неподалеку от Тебриза. Естественно, что при таких обстоятельствах Ираклий настойчиво просит Павла I не отзывать русские вспомогательные войска из Грузии. Это письмо докладывал императору Лашкарев, и не исключено, что Сергей Лазаревич присоединил и «свои слабые мысли» —

любимое его выражение — о необходимости дальнейшего пребывания этих войск в Грузии. Как бы там ни было, но уже 7 мая 1797 г. последовало повеление Павла I корпусу генерала Римского-Корсакова «оставаться в здешних местах». В письме из Тифлиса, перевод которого сделан Лашкаревым, сообщалось, что «по таковому известию сам царь и весь народ принес Всевышнему благодарность молебным пением и пришел в ободрение» (там же, л. 59).

Ранее, 3 февраля 1797 г., Ираклий II уведомлял Лашкарева об отправлении князя Гарсевана Чавчавадзе «к высочайшему двору к своему посту». Грузинский посланник спешил в Москву на коронацию Павла I. На торжественном обряде князь Чавчавадзе обратился к императору со следующими словами: «Ежели совершившееся по воле Всевышнего дражайшей родительницы вашей великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской нашей покровительницы отшествие от сей временной жизни в вечную, толь плачевное происшествие, причинило нам пречувствительную скорбь, то восшествие вашего императорского величества на прародительский всероссийский императорский престол, толь утешительное, возвратило нас к общей неизреченной радости, подавая несомненную надежду, что мы будем удостоены всемилостивейшего вашего высокомонаршего воззрения и покровительства» (там же, л. 43). Иными словами, грузинский посланник, выполняя одно из важнейших поручений Ираклия II, добивался, чтобы и в будущем пределы Грузии покровительством Павла I «были охранены и утверждены».

Гарсеван Чавчавадзе в своем донесении Павлу I от 11 июня снова возвращается к этому вопросу. Посланник подчеркивает, что нахождение русских вспомогательных войск в Грузии «составляет царю и народу как бы некий щит и в то же время великое ободрение к спокойной и безопасной их жизни» (там же, л. 66).

Кроме того, Чавчавадзе сообщил в Коллегию иностранных дел, что, по полученным им надежным сведениям из Тифлиса, иранский шах Ага Мохаммед-хан 5 июня 1797 г. был убит своими слугами. Эту же новость подтвердил находившийся в то время в Петербурге Муртаза Кули-хан Кашгарский, который в том же месяце уведомлял Павла I «достоверно», что «Ага Мохамед Хан убит служителем своим Садыком в Шущинской стороне, в области Азербайджане».

Таким образом, был убран с исторической сцены правитель-тиран, который, по выражению русского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Виктора Кочубея, был люто «всеобще ненавидимым» (ф. СРТ, 1797 г., д. 856, л. 74—75). Однако преемником тирана стал его племянник Фетх Али-шах (Баба-хан: 1797—1832), не менее агрессивный шах из династии Каджаров. Вот почему угроза нападения

на Грузию со стороны Ирана со смертью Аги Мохаммед-хана отнюдь не уменьшилась.

Грузинский посланник настоятельно добивался установления непосредственных контактов с канцлером Безбородко, но длительное время ему это сделать не удавалось. Возможно, канцлер был особенно занят другими важными государственными делами, к тому же он часто хворал. А может быть, считал, что управляющий Азиатским департаментом С. Л. Лашкарев, кому, как известно, в свое время было специально поручено заниматься грузинскими делами, в состоянии сам решать все, что до Грузии «касательство имеет». Тем более что Сергей Лазаревич часто ездил в Гатчину с докладами к императору.

Как бы там ни было, настойчивый Чавчавадзе 30 сентября 1797 г. решает обратиться к Безбородко с таким напоминанием: «На многие письма мои, поданные вашей светлости его превосходительством Сергеем Лазаревичем Лашкаревым, поднеси не удостоился я получить никакого ответа». Строки эти в какой-то мере возымели свое действие, поскольку позднее грузинский посланник не без некоторого укора писал тому же адресату: «Как на прошения царя моего не имею письменного от вашей светлости ответа, а получил словесный через его превосходительство Сергея Лазаревича, то и за то вашей светлости приношу покорнейшую благодарность» (*ф. СРГ, 1797—1798 гг., д. 454 в, л. 114, 117*).

Надо сказать, что, выполняя указания Ираклия II, князь Чавчавадзе всячески стремился установить в Петербурге связи с влиятельными людьми, имевшими доступ ко двору. Так, он неоднократно встречался с Иваном Лазаревичем Лазаревым, занимавшим ведущее положение в армянской колонии Петербурга, видным деятелем освободительного движения народов Закавказья. Примечательно, что еще задолго до появления Чавчавадзе в Петербурге Лазарев поддерживал непосредственные связи с грузинским царским домом. Не исключено, что именно Лашкарев, который давно знал Лазарева, и познакомил с ним грузинского посланника.

Иван (Ованес) Лазарев, известный своей близостью к таким влиятельным царедворцам, как братья Орловы, Г. А. Потемкин, А. А. Безбородко, Платон Зубов, был заметной и весьма колоритной фигурой в русской столице. Это он продал графу Г. Орлову для поднесения Екатерине II знаменитый алмаз чистой воды и редкой величины за баснословную сумму — 400 тыс. руб.⁴. Владелец крупных мануфактур, богач и меценат Лазарев становится придворным банкиром, получает русское дворянство, наконец, возводится в графское достоинство. Он завещал крупную сумму денег на строительство в Москве армянского учебного заведения, впоследствии названного Лазаревским институтом.

Летом Иван Лазаревич жил в своем загородном дворце, расположенном в прекрасном регулярном парке. Сюда часто наез-

жали знатные вельможи, бывал здесь и Лашкарев. Но чтобы попасть в гости к Лазареву, требовалось соблюсти обычные для того времени обременительные формальности на петербургских заставах. О таких порядках, естественно, был хорошо осведомлен князь Чавчавадзе. Вот почему грузинский посланник, собираясь повидаться с Лазаревым, просит Лашкарева оказать ему содействие в этой встрече. И Сергей Лазаревич 26 мая 1798 г. направляет тогдашнему полицмейстеру Петербурга Годафельту с нарочным официальную бумагу следующего содержания: «Как находящийся здесь грузинский посланник князь Гарсеван Чавчавадзе едет сего дня в Ропшу в гости к господину статскому советнику Ивану Лазаревичу Лазареву, то я покорнейше и прошу Вас, милостивый государь мой, снабдить его от имени Вашего таким билетом, чтоб ему, как туда едущего, так и обратно возвращающегося, на заставах и у шлагбаумов остановок не делали» (там же, л. 167).

Разумеется, с просьбами к Лашкареву обращался не только грузинский посланник. Так, «жительствующий в Петербурге князь Семен Иванов сын Абамеликов» (кстати, родственник Лазаревых) просил о выдаче ему указа-разрешения для проезда в Грузию и последующего возвращения в Россию. Сергей Лазаревич выдал ему «проезжий указ» и даже снабдил его своей рекомендацией к астраханскому губернатору Захарову (ф. СРГ, 1798 г., д. 480, л. 3—4).

Из Тифлиса в Петербург прибыл сын этого князя Иван Абамеликов, полковник-артиллерист грузинских войск, для продолжения военного образования. Сообщая об этом Лашкареву, Гарсеван Чавчавадзе просит его «вышеупомянутого князя не оставить соучастием в вспомошествовании ему для обучения той полезной науке» (ф. СРГ, 1794, д. 454, л. 108). И Сергей Лазаревич «не оставил соучастием» Абамеликова.

Сын дагестанского шамхала Адил Гирей в своем письме также «открыл усердное свое желание»: он просит Лашкарева «исходатайствовать ему у престола высочайшее повеление о включении его в военную службу, которая освободит его от несносной для него в теперешней жизни праздности» (ф. СРП, 1728—1803 гг., д. 2, л. 70).

А вот проживающий многие годы в Москве «выезжий из Грузии дворянин Петр Борисов сын Карганов» имеет на руках полученное в 1794 г. от царя Ираклия II свидетельство на грузинском языке «с российским переводом» о своей «породе». Уведомляя об этом факте в письме, отправленном в 1800 г., он просит Коллегию иностранных дел подтвердить, что он, Карганов, действительно в 1757 г. выехал из Грузии в Россию. Однако никаких документов на этот счет в петербургском коллежском архиве обнаружить не удалось. Сообщая об этом грузинскому дворянину Карганову, Азиатский департамент не преминул также заметить, что «на производство же сего дела

употреблено в Коллегии вместо гербовой простой бумаги четыре листа» (ф. ВКД, 1800 г., д. 7021, л. 3—8об.).

В другом архивном фонде хранится дело «О засвидетельствовании родословия» грузинского князя Дадiani и «выдаче ему одного с особым свидетельством». Документ этот был изготовлен в Азиатском департаменте и подписан Лашкаревым (ф. СРГ, 1797—1799 гг., д. 483, л. 10—11об.).

В начале 1798 г. после тяжелой болезни скончался Ираклий II. Официально уведомляя об этом Лашкарева, князь Чавчавадзе 14 апреля писал ему: «Царь Ираклий от сего свету отъиде в вечное блаженство генваря 11 дня. Старший сын его Георгий, яко законный наследник, принял правление царства» (ф. СРГ, 1793—1799 гг., д. 455, л. 115 об.). Это уведомление было направлено Лашкареву с опозданием не случайно: после кончины грузинского царя между многочисленными его сыновьями разгорелась борьба за престол. Но 30 июня 1798 г. Георгий смог сообщить Павлу I, что он «законное наследство принял». В ответе императора читаем: «...поздравляем искренно ваше высочество, что, наследуя владения родителя Вашего, наследовать будете верность и преданность, которые хранил он по конец дней своих ко престолу нашему» (там же, л. 50, 58).

В Петербурге было известно об интригах третьей жены Ираклия II царицы Дарии (Дареджан), которая после кончины своего мужа пыталась посадить на престол одного из своих сыновей. На основании ст. 3 Георгиевского трактата преемником грузинского царства утверждался старший сын Ираклия II Георгий, а сын его Давид — наследником. Утвердительная грамота к грузинскому царю Георгию XII, подписанная Павлом I, положила конец этим распрям.

Георгий XII посылает князя Авалова в Петербург к Гарсевану Чавчавадзе с «кредитивною грамотою на достоинство посланника» при русском дворе.

30 апреля 1799 г. Лашкарев писал Георгию: «Его императорское величество, всемилостивейше соизволив по всеподданнейшему прошению вашего высочества утвердить Вас преемником царства, а сына Вашего — будущим по Вас наследником, чтоб оное [известие] скорее к Вам доставить, высочайше повелел, отправляя к Вам находившегося при дворе его посланником Вашим князя Гарсевана Чавчавадзе, ему и поручить и ту всемилостивейшую его грамоту к Вам доставить вместе с ответным письмом ее величества государыни императрицы к светлейшей царице Марии Георгиевне...» (ф. СРГ, 1794 г., д. 454, л. 113—113об.).

В архиве имеется описание утвердительной грамоты: «...писана на пергаменте с заставцами золотыми... Грамота с переводом ее [на грузинский язык] одинаковой величины вклеена в папку, покрытую снаружи богатою золотою по серебряной земле с алыми цветами парчою...» (ф. СРГ, 1798—1800 гг., д. 456, л. 130).

На следующий день Лашкарев подписал ордер переводчику Коллегии Герасиму Яковлеву, который отправлялся в Грузию приставом при князе Чавчавадзе. Ему, в частности, предписывалось: «В пути вашем обходиться с господином посланником наиболее вежливым образом и добрым поведением, так, как следует быть благородному человеку; остерегаться не довести до жалобы, платить прогоны все сполна и безденежно ничего не брать и не требовать» (ф. СРГ, 1794 г., д. 454, л. 120—120об.).

Одновременно Сергей Лазаревич направляет письмо петербургскому военному губернатору графу П. А. Палену, в котором просит о выдаче подорожной князю Чавчавадзе, «который для ускорения приездом своим к царю его государю едет туда особо» (ф. СРГ, 1798—1799 гг., д. 454, л. 118—118об.).

Грузинский посланник уезжал на родину вместе с семьей, чтобы присутствовать на обряде утверждения Георгия XII на царство. В специальной «Записке министерству от тайного советника Лашкарева об отправлении грузинского посланника князя Чавчавадзе во свояси» предлагалось «за хорошее его пребывание и за особое его усердие» пожаловать, по обычаям того времени, ему и его семье подарки. Записка была одобрена канцлером, и перед отъездом Гарсевана Чавчавадзе Сергей Лазаревич вручил ему «брильянтовый перстень, жене его — мех соболий и перстень с брильянтами, сыну — перстень аметистовый, осыпанный брильянтами», а также «три тысячи рублей в дар» (там же, л. 84об., 110). Получил от Лашкарева дорогой подарок («табакерку золотую под эмалью с живописью и в награждение триста рублей ассигнациями») и недавно прибывший в Петербург секретарь грузинского посланника князь Авалов.

Любопытна мотивировка столь щедрого, «не по чину» подарка секретарю Чавчавадзе. Из той же «Записки» Лашкарева узнаём, что незадолго до своего прибытия в русскую столицу князь Авалов совершил благородный поступок — выкупил захваченного в плен русского унтер-офицера во время возвращения того из Ирана, «за коего употребленные им (Аваловым.— Г. К.) собственные деньги, когда ему возвращали, принять он не пожелал». Вот Лашкарев и предложил «за такое особое усердие и впрямь в пример другим» поощрить Авалова (там же, л. 84 об.).

19 мая 1799 г. Павел I наградил Георгия XII орденом Св. Андрея Первозванного, а царевича Давида — орденом Св. Анны 1-го класса.

В одном из своих писем к Георгию вице-канцлер Остерман счел необходимым засвидетельствовать, что князь Чавчавадзе в бытность свою в Петербурге «вел себя отличным образом, заслужившим его императорского величества особое благоволение» (ф. СРГ, 1793—1799 гг., д. 455, л. 23—24об.).

Вскоре грузинский посланник известил Лашкарева о том, что 1 июля 1799 г. он прибыл в Тифлис (ф. СРГ, 1798—1799 гг., д. 454г, л. 133).

Между тем из Грузии в Азиатский департамент продолжали поступать тревожные донесения о положении на ее границах с Ираном и Турцией. Так, еще летом 1798 г. царь Георгий сообщал Лашкареву, что 5 июня он получил фирман от Фетх Алишаха, в котором тот угрожал напасть на Грузию.

Уже первые строки фирмана не оставляли никаких иллюзий по поводу намерений шаха: «Понеже Божьей милостью препоручен нам господственный трон над всею землею, государственною короною главу нашу и всей земли рожденных людей пожаловал мне Бог в управление, мы, видя сие, заблаговременно прибыли в Миану нашим величеством для распоряжения адирбежанских земель...» Затем шах потребовал от Георгия прислать ему в заложники одного из своих сыновей; в противном случае он угрожал напасть на Грузию: «...как случилось во время Аги Могамет Хана, ныне силою моею вдвое более будете разорены, и вторично Грузия истребится, а народ грузинский будет предан нашему гневу» (*там же*, л. 4—5).

Правда, 21 июля 1798 г. царевич Давид в своем письме, написанном по-русски, информировал Лашкарева, что Фетх Алишах вынужден отойти от грузинских границ в глубь Ирана, поскольку поссорился со своим братом и тот выступил против него. Таким образом, на какое-то время Грузия получила передышку.

Вместе с тем Давид сообщал, что турки нарушили «дружество» с Грузией. Об этом же уведомлял Павла I командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Морков: «Грузия находится в беспокойстве со стороны турков от ахалцихского паши... делая часто на нее нападения, разоряет и берет людей в плен».

В этой связи Азиатский департамент за подписями Безбородко, Кочубея и Ростопчина послал рескрипт к русскому посланнику в Константинополе А. М. Томаре (Тамаре), в котором ему повелевалось сделать представление «министерству Оттоманскому» по поводу поведения ахалцихского паши, которое «противно совершенно как постановлениям трактатным, так и особливою дружбе, между обеими империями существующей, и вследствие того истребовать от одного министерства пристойным образом настражайшее предписание к тому паше...».

После одного из очередных докладов Лашкарева Павлу I о состоянии грузинских дел император распорядился отправить 23 августа 1798 г. генерал-лейтенанту Моркову письмо, в котором указывалось, что царь Георгий может не удовлетворять требований шаха. И далее: в Петербурге «сходственно тому учинены будут посланнику от Баба-хана наисильнейшие изъяснения, что уверения в приятных его расположениях не могут быть инако приняты, как если он отложит на сторону всякие притязания к царю Карталинскому и его владениям, а равно и к шамхалу Тарковскому... и прочим к западу между Каспийским морем и областями царя Георгия лежащим землям».

В конце августа Лашкарев, уведомляя царевича Давида о получении одного из его посланий, писал: «По всему, в нем изображенному, где следовало, не преминул сделать мои слабые подвиги и донесения». Он, в частности, официально сообщил царевичу содержание приведенного выше письма Павла I к генерал-лейтенанту Моркову (*ф. СРГ, 1793—1799 гг., д. 455, л. 65 об., 71—71об., 60—60об., 63—64*).

Царь Георгий в одном из писем благодарил Лашкарева за его старания по предоставлению Грузии помощи и просил и в дальнейшем оказывать содействие в удовлетворении просьб, с которыми грузинский двор обратился непосредственно к императору. В ответ на поданные Георгием прошения Коллегия иностранных дел уведомляла его, что по распоряжению Павла I в Грузию направлялась дополнительная военная помощь — один егерский полк под командованием генерал-майора И. П. Лазарева, а также несколько пушек. Относительно же просьбы о «разграничении Грузии с Персидским владением» и об «установлении тишины» на границе с Ираном Коллегия сообщила Георгию, что шахский посланник в Петербурге вскоре будет отправлен к Баба-хану с грамотой и нотой Павла I⁵. В ноте «дается ему примечание, чтоб не вмешивался в дела, касающиеся до царя Карталинского и других владельцев, под высоким российским покровительством находящихся» (*ф. СРГ, 1798—1799 гг., д. 454г, л. 69об.—70*).

Это же требование содержалось и в инструкции Павла I аккредитованному в качестве министра при грузинском дворе статскому советнику Петру Ивановичу Коваленскому. 16 апреля 1799 г. император указывал Коваленскому, которому одновременно было поручено продолжать исправлять свою должность поверенного в делах в Иране: «Но главнейшее внимание Ваше теперь быть должно к властвующему в Персии Баба Хану. Известно Вам, что присылан был от него ко двору нашему посланник с изъявлением от него желания сохранить с нами дружественное сношение. Мы искренно соблюсти намерены оное, а потому и поручаем Вам на основании сем учредить Ваши с ним сообщения, изъявляя, однако ж, о желании нашем, чтоб не вздумал посягнуть по примеру Аги Могамет Хана, как слухи о том разнеслись, на пределы Грузии» (*ф. СРГ, 1798—1800 гг., д. 456, л. 99—101об.*).

10 июня 1799 г. Лашкарев предписывает Коваленскому (поскольку все необходимые для него бумаги Азиатский департамент уже изготовил), чтобы он, «сколько можно не теряя времени», поспешил в Грузию. Спустя полтора месяца Коваленский доносил из Тифлиса Павлу I: «...по прибытии моем в пределы царства Грузинского повсюду был я встречаем, принимаем и препровождаем с оказанием наипотличнейшего уважения к сану, коего ваше величество всемилоостивейше удостоить меня соизволили» (*ф. СРГ, 1798—1800 гг., д. 587, л. 289*).

16 февраля 1800 г. он же, выполняя указания Азиатского департамента, направляет Фетх Али-шаху «обвестительное письмо» и копию кредитивной грамоты за «своим свидетельством и печатью». После уведомления шаха о том, что Павел I назначил его, Коваленского, министром при царе карталинском и кахетинском, а также возложил на него обязанности поверенного в делах «при владетелях в Персидском государстве» с местопребыванием в Грузии, он пишет: «...по силе заключенного Российскою империею с Карталинским и Кахетинским царем в 1783-м году договора, всеми дворами и государствами признанного, утвердив по смерти его высочества покойного царя Ираклия преемником сына его светлейшего царя Георгия XII и сим по договору деянием его императорского величества изъявив торжественно его, царя грузинского, и царства его под верховную власть и покровительство всероссийских императоров принятие, надеюсь, что ваше высокостепенство по всемилостивейшей его императорского величества к вам дружбе и по мирному его к Персидскому государству расположению сие сообщение мое принять изволите с удовольствием и, отлагая всякие на Грузию притязания в дела ее и других владельцев, под высоким российским покровительством находящихся, мешаться не станете, оставляя каждого пользоваться желаемым спокойствием и тишиною» (ф. СРГ, 1798—1800 гг., д. 456, л. 371—374).

Из дальнейшего изложения станет ясно, что иранский правитель это письмо Коваленского прочел отнюдь не «с удовольствием».

Упомянутые выше документы Коваленский отправил к шаху со своим переводчиком отставным поручиком Михайлой Мирабовым, в совершенстве владевшим персидским языком. Поездка Мирабова в Тегеран оказалась не только трудной, но и опасной. Некоторые не лишние интереса подробности о том, как обращались с ним в иранской столице, содержатся в архивных документах, в частности в донесениях Коваленского Лашкареву.

В Тегеран русский курьер добирался целых два месяца и в апреле явился к «первой доверенной особе при Баба Хане» — Мирзе Кули Насыру. Тот поместил его поначалу в своем доме «в хорошей комнате». Мирабов передал пакеты от Коваленского, которые Мирза Кули Насыр тотчас отнес к своему повелителю. Но стоило шаху ознакомиться с их содержанием, как Мирабова сразу же перевели на задний двор и поместили в комнате, откуда он ничего не мог видеть и куда никого не допускали. Еще через два дня к нему с грозным видом вошел один иранец и на вопрос, кто он такой и зачем пришел, отвечал: «Я шахский палач, и мне велено здесь сидеть», — а затем принялся ругать Мирабова «по-персидски скверными словами». Однако хладнокровный поручик, помня инструкцию, рекомендовавшую пропускать «лишнее что-либо как бы мимо глаз», не отвечал на ругань. Мирабову пришлось пробыть в своем вынужденном заточении

неделю, после чего ему было разрешено уехать через Энзели домой.

В своем отчете по возвращении в Тифлис 28 июля 1800 г. он писал: «Баба Хан отправлялся по отъезде моем из Тегерана на другой день, т. е. 28 апреля, как сказывали мне надежные из находящихся там в полону армян... и как я сам слышал у разговаривающих между собою чиновников Баба Хановых, в Хорасан и Герат с 50.000 войска, из которого 20.000 отборной конницы было, прочее же состояло из сволочи, которую они и сами не хвалили. В провианте имели они великий недостаток. Артиллерия их состояла в 8-ми взятых Агой Могамет Ханом в Грузии пушках» (там же, л. 392—402).

Очередное предостережение, доставленное Мирабовым в Тегеран, было сделано как нельзя вовремя, потому что несколько ранее, в том же апреле, шах послал царю Георгию новый фирман, «исполненный угроз для непокоряющихся». Фетх Али-шах уведомлял грузинского царя об отправлении в поход на Грузию 30-тысячного войска под командованием своего наследника Аббаса Мирзы. Однако перейти р. Аракс с основными силами Аббас Мирза все же не решился, и только отдельные его отряды спорадически совершали набеги на грузинские земли.

Как и шах, турецкие власти никак не хотели смириться с серьезным ослаблением своих позиций в Закавказье. Так, Омархан с 15-тысячным войском напал на Грузию, но в ноябре 1800 г. русско-грузинские войска в районе Ниахура наголову разгромили его отряды.

По этому поводу 21 декабря 1800 г. Павел I писал царю Георгию: «Я с особливым удовольствием увидел из письма вашего высочества от 17 ноября сего года успехи войск Ваших против врагов, на Вас восстающих; приятно мне весьма, что и мои войска в сей победе участвовали, и Вы через то получили новое доказательство искреннего благорасположения моего к Вам...» (ф. СРГ, 1793—1799 гг., д. 455, л. 50).

Однако письмо императора уже не застало в живых царя Георгия: он умер 28 декабря 1800 г.

С кончиной Георгия XII внутривосточная обстановка в Грузии серьезно осложнилась: разгорелась ожесточенная борьба за власть среди влиятельных феодалов. В этой борьбе, как уже говорилось, активное участие приняла третья жена Ираклия II. Дария была не прочь царствовать сама, а если бы такой честолюбивый замысел не удался, то она собиралась посадить на трон одного из своих сыновей. При этом Дария пыталась заручиться поддержкой даже внешних врагов грузинского народа.

Такое развитие событий не было большой неожиданностью для командования русских войск Кавказской линии. Незадолго до кончины Георгия XII, в ноябре 1800 г., генерал-лейтенант К. Ф. Кнорринг доносил Лашкареву: «Обстоятельства сии теперь уже открывают, что в Грузии, как и господин генерал-май-

ор Лазарев... ко мне пишет, по смерти его величества царя Георгия Ираклиевича неизбежно ожидать должно междуусобия» (там же, л. 43).

В Петербурге понимали, что из разгоревшейся в придворных кругах Грузии борьбы за власть попытаются извлечь прямую выгоду Иран и Турция, поджидавшие только удобного случая, чтобы снова напасть на свою соседку. В этих условиях сторонники русской ориентации, патриотически настроенные деятели Грузии, единственный выход из создавшегося тупика видели в окончательном присоединении Картлийско-Кахетинского царства к России.

Манифест о добровольном присоединении Восточной Грузии к России был подписан Александром I в сентябре 1801 г. Этот объективно оправданный исторический акт положил конец опустошительным набегам иранских ханов и турецких пашей на Грузию и избавил страну от внутренних феодальных войн.

Так на рубеже XVIII—XIX вв. закладывался прочный фундамент русско-грузинской дружбы, фундамент, в возведении которого принимал непосредственное участие и С. Л. Лашкарев. Разумеется, круг его обязанностей в описываемый период не ограничивался только ведением дел с Грузией. О других его трудах и заботах мы теперь и расскажем.

То было время, когда Россия, подписав Ясский мир, серьезно упрочила свои позиции на Востоке. При этом еще раз отдадим должное и той важной роли, которая непосредственно принадлежала С. Л. Лашкареву в достижении мира с Турцией. Со слов его сына Сергея Сергеевича узнаём, что в одном из своих донесений императрице из Ясс А. А. Безбородко отзывался о Лашкареве в весьма лестных выражениях, подчеркивая, что именно Сергею Лазаревичу «наиболее обязаны Яским миром» (ЦГАДА, д. 463, л. 2—2об.)⁶. Договор этот создавал благоприятные условия для активизации внешней политики России.

Коллегия иностранных дел теперь особенно ощущала необходимость в опытном дипломате, в руках которого можно было бы сосредоточить ведение дел со всеми восточными странами. Императрица решает использовать на таком важном посту С. Л. Лашкарева, за успехами которого на дипломатическом поприще она внимательно следила уже давно и знала, что с порученными заданиями, какими бы сложными они ни были, он всегда справлялся.

Уже известно, что за свою деятельность Сергей Лазаревич «по монаршему соизволению» получал ордена и именные, бриллиантовые перстни и золотые табакерки. Жаловали его и чинами. Кроме того, благосклонное расположение к нему Екатерины II проявлялось и в несколько необычной форме: императрица не раз платила «из собственной шкатулки» его долги. Так, чтобы разделаться с долгами, С. Л. Лашкарев был вынужден еще летом 1779 г. специально отправиться из Константинополя в

Петербург, где подал челобитную, в которой писал: «...а по имению пристойного мне жалованья и принужден был чрез то войти в долги, которые состоят в восьми тысячах пиастрах и кои самые единственно принудили меня, всемилостивейшая государыня, оставив жену и детей, приехать сюда в Санкт-Петербург...» Коллегия иностранных дел во «всеподданнейшем докладе» (сентябрь 1779 г.), поддерживая просьбу Сергея Лазаревича, отмечала, что «находит его со своей стороны не недостойным призрения высочайшею монаршею щедротою» (*ф. ВАД, 1776—1781 гг., д. 6, л. 98, 102об.*). На этом документе имеется помета: «Решен именным указом от 16 октября 1779 г.» После этого указа и раскрылась заветная «шкатулка»: был погашен долг его — 12 тыс. руб., сумма по тем временам немалая.

Нельзя при этом не отметить, что Лашкарев в средствах себя не очень стеснял: любил жить на широкую ногу, как тогда говорили, «открытым домом». Скажем, непосредственно ему подчиненные чиновники, как правило, обедали в его доме, нередко Сергей Лазаревич принимал у себя и турецких дипломатов. Тем не менее о каком-то особом достатке и речи быть не могло. Скорее, это была имитация богатого дома. Неудивительно поэтому и появление долгов у него. Лашкарев даже утверждал, что деньги из «шкатулки» императрицы были «его единственным ресурсом», поскольку его именина дохода почти не давали. Вероятно, сказывалось постоянное отсутствие хозяина.

Однажды во время пышного приема в Зимнем дворце Екатерина II подозвала к себе Лашкарева и не строго, но и не без укора неожиданно спросила:

— Долго ли я за тебя буду платить долги?

Лашкарев, не растерявшись, тотчас же откровенно и столь же неожиданно ответил:

— Матушка государыня, куда красть не стану...

Окружавшие императрицу в лентах и звездах всесильные вельможи, свидетели этой довольно необычной сцены, понимающе переглянулись: у них-то долгов, должно быть, не было, но как раз это-то обстоятельство и подчеркивало то весьма неловкое положение, в которое их поставил своим смелым ответом находчивый дипломат.

Заметим, кстати, что «входить по необходимости» в долги, которые порой переходили даже по наследству, тогда не считалось чем-то особенно предосудительным. Делал их в свое время и начальник Лашкарева по службе в Турции Яков Иванович Булгаков, но, по-видимому, у русского посланника не было возможности пользоваться «шкатулкой» императрицы. Иначе мы не прочли бы следующие горькие слова в одном из писем его сына Александра к своему брату в 1825 г.: «Наше горе, видно, наследственное. Разбирая бумаги, я вижу, что дедушка и батюшка мучались, охали от долгов; по крайней мере, нажили они их сами, а мы платим за отца»⁷.

Правда, у кое-кого из видных сановников случались долги, по сравнению с которыми задолженность Сергея Лазаревича покажется просто мизерной. Так, вице-канцлер граф Остерман однажды обратился к Екатерине II с письмом, в котором подробно изъяснял неприятность своего положения, «обремененного долгами, простиравшимися уже до 300 тысяч рублей... Сии долги мои, могу я по истине засвидетельствовать, произошли не от мотовства, но от расходов на необходимые по званию моему строение и убор дома моего, стоящие мне более 100 тысяч рублей собственного иждивения, и не менее нужную отдельную дачу». При таких тратах лишь одни проценты по займам у Остермана составили до 15 тыс. руб. в год. В письме он признается, что уже получал «разные знаки высочайшего благопризнания и милости», среди которых и имение в Белоруссии с 2 тыс. крепостных. Но вскоре, продолжал он, все деревни пришлось заложить, и я даже «в необходимости нашелся» продать... собственный серебряный сервиз. Остерман просит императрицу привести его «в состояние продолжительно содержать себя пристойным и соответствующим [его] званию» образом. А для этого, «припадая к освященным стопам Вашим, всеподданнейше прошу всемилостивейше наградить меня теперь 10 тысячами рублей и, дабы не отягтить вдруг казну Вашу, пожаловать определить в пособие домашним моим расходам по 3 тысячи рублей в месяц, считая с начала нынешнего года». Подпись: «Верноподданный граф Остерман». Далее на отдельном листе следует собственноручная лаконичная резолюция Екатерины II: «Завтра прочтем вместе», и, видно, прочли, потому что на первой странице письма помета: «Удовлетворено марта 10.1790» (*ф. СМ, 1791—1792 гг., д. 588, л. 150—153об.*).

Теперь обратимся к другой резолюции императрицы, сделанной четырьмя годами позднее: «С высочайшего соизволения». Лашкарев со своей семьей в 1794 г., как мы уже знаем, недолго находился в одном из своих имений в Крыму, в Судакской долине. Отпуск этот был едва ли не первым с начала его долгой дипломатической карьеры (*ф. ВКД, разр. IV—42, 1797 г., д. 3, л. 3—4*).

В Петербурге его ожидали важные дела (о них подробно шла речь в начале этой главы). Возвратившись из Крыма, он не без волнения переступал порог коллежского здания в чине действительного статского советника. Более трех десятилетий минуло с той поры, как студент «ориентальных языков» впервые появился в Коллегии. Правда, само здание теперь было другим — более просторным, но на том же «Васильевском острове».

Рескриптом от 9 июня 1796 г. Лашкареву поручается, «заседая в Коллегии иностранных дел, управление азиатскими делами с правом личного доклада» Екатерине II. Рескриптом этим как бы официально «задним числом» закреплялся должностной статус Сергея Лазаревича, поскольку фактически он уже два

года управлял «азиатскими делами». Одновременно Лашкареву в качестве поверенного в делах в Иране и определенному к нему в свое время штату сотрудников на «персидском посту» сохраняется прежнее жалованье, хотя в Тегеран уже и назначен был 7 июня Коваленский — новый поверенный в делах. Примечательно, что именной указ Коллегии иностранных дел об этом назначении «подносил к подписанию» в Царском Селе сам С. Л. Лашкарев.

Указ предписывал: «Заблагорассудив определить поверенного в делах в Персию, повелеваем отправить туда в сем звании ведомства Иностранной Коллегии полковника Коваленского с жалованьем как ему, так и канцелярским при нем чинам, и на почтовые расходы, по примеру, как прежде учинено сие было при определении в Персию поверенным в делах бывшего тогда канцелярии советника Лашкарева...» (ф. СРГ, 1798—1800 гг., д. 587, л. 175).

Итак, новый поверенный в делах с «канцелярскими при нем чинами» в Тегеран назначен, а одновременно дипломатической свите, определенной в свое время при Лашкареве, сохраняется прежнее жалованье. Чем это объяснить? Дело в том, что в штатном расписании Коллегии Азиатский департамент еще официально учрежден не был, Сергею Лазаревичу предстояло только создать такой департамент. Ядро этого отдела, по мысли Лашкарева, должны были составить чиновники, работавшие вместе с ним несколько лет при Главной квартире Потемкина. То были сотрудники опытные и добросовестные, прошедшие «лашкаревскую выучку». Заметим, что Сергей Лазаревич обладал особым даром подбирать людей-исполнителей.

Организационный период по формированию нового департамента Коллегии подходил к концу, когда из-за чрезвычайных обстоятельств (внезапной кончины Екатерины II и воцарения Павла I) работу эту, естественно, на какое-то время пришлось отложить. Да и сам Сергей Лазаревич в подобных обстоятельствах не мог не проявлять определенное беспокойство насчет своего будущего — как-то у него сложатся дела при новом императоре? И надо сказать, что такие опасения были отнюдь не беспочвенными.

Г. Р. Державин, очевидец первых дней нового царствования, писал: «Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки, и будто по завоеванию города ворвались в покой везде военные люди с великим шумом»⁸.

Знал Лашкарев — не мог не знать — о неожиданных «грозных» именных указах Коллегии⁹ в первые месяцы воцарения Павла I. Ведь «павловский гнев» — категория далеко не абстрактная.

Новый император, человек экзальтированный, мнительный и подозрительный, со своими подданными, а особенно с людьми из окружения Екатерины II, как известно, не очень церемонился.

К тому же, будучи еще великим князем, Павел Петрович не терпел первого вельможу князя Потемкина при жизни, люто ненавидел он светлейшего и после его смерти (так, Г. А. Потемкин был похоронен в склепе в Херсоне, а в 1798 г. последовало повеление мстительного императора — склеп разрушить, гроб зарыть в землю). Лашкарев, как мы знаем, на протяжении нескольких лет был правой рукой фельдмаршала.

Иными словами, у Сергея Лазаревича было более чем достаточно подобных «прегрешений», за которые тогда легко можно было оказаться в немилости у императора. Хорошо известно, что даже будущий начальник Сергея Лазаревича, первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, сподвижник Павла I, вездесущий и многоопытный по части поведения при дворе граф Ф. В. Ростопчин до конца павловского режима продержаться не смог, попал в опалу и вынужден был всего за три недели до переворота удалиться в Москву. Выходит, не спасло его и служебное рвение, которое поистине не знало границ. Так, введенная Павлом I нелепая регламентация одежды подданных не могла не породить скрытую неприязнь даже у ближайшего окружения императора. Не мог, понятно, подобный указ вызвать особого восторга даже у такого верноподданного, как Ф. В. Ростопчин.

И все же он публично решается показать, что подобные абсурдные новации ему-де тоже импонируют. Вот тогда-то, в марте 1800 г., появляется на свет недавно обнаруженное в архиве следующее распоряжение непосредственного начальника Лашкарева: «Его сиятельство граф Федор Васильевич Ростопчин встретил на сих днях на улице двух чиновников Иностранной Коллегии в цветных сертуках... Вследствие того предписывается господину обер-секретарю [Вестману] объявить всем коллежским чинам, что никому не позволено мундир скидывать и никаких сертуков не носить, кроме мундирных...» (ф. ВКД, 1800 г., д. 33, л. 1).

Иными словами, Ростопчин требовал от каждого своего чиновника носить «шинель мундирную» даже в том случае, если ему, например, вздумается в свободное время просто прогуляться по «Большой Невской перспективе»...

Другой пример. Канцлер князь А. А. Безбородко специально для Коллегии иностранных дел заказывает парадный портрет Павла I. В одном из архивных документов, подписанных канцлером 30 апреля 1798 г., по этому поводу читаем: «Его императорское величество высочайше указать изволил за написанный для Коллегии Иностранных Дел портрет его величества тысячу рублей да за сделанную к оному рамку тысячу двести рублей, а всего две тысячи двести рублей заплатить из суммы на канцелярские расходы, по тому департаменту положенные» (ф. ВКД, 1796—1798 гг., д. 7211, л. 157).

Как раз в это время влияние при дворе всесильного канцле-

ра резко пошатнулось, и, судя по всему, опала была неминуема. Не могла, конечно, поправить дело и роскошная рама, заказанная князем к портрету Павла, которая по стоимости оказалась дороже самого полотна. Лишь кончина Безбородко в начале 1799 г. помешала императору отстранить его от дела.

А вот Лашкарев, не умевший угодничать, да и вообще, как известно, особой ловкостью на придворных паркетах не блиставший, все же в немилости у грозного монарха так ни разу и не был. Более того, Павел I относился к нему подчеркнута благосклонно: сразу же приблизил его к себе и во многих случаях даже покровительствовал ему. Может быть, в данном случае имело место какое-то необыкновенное везение? Не думаем, хотя вообще-то в данной ситуации дать какой-либо однозначный ответ весьма трудно да едва ли возможно.

Скорее всего подобную ситуацию следует, пожалуй, отнести к одному из многочисленных парадоксов смутного павловского времени. Но можно сделать и такое предположение: конечно же, Павел I был наслышан о дипломатическом таланте Лашкарева, о его поразительном умении выпутываться из сложнейших политических ситуаций, да и сам император имел возможность оценить его дипломатическое искусство, исполнительность, наконец, деловитость во время личных докладов по «делам азиатским». К тому же и в Коллегии иностранных дел по-прежнему видели в Сергее Лазаревиче надежного проводника политики Петербурга на Востоке.

Как бы то ни было, но факт остается фактом: Павел I проявляет к этому дипломату «божьей милостью» постоянную — подчеркиваем это слово — благосклонность. В самом деле, Лашкарев в короткое время награждается орденами Св. Анны 2-го и 1-го классов и командорским орденом Св. Иоанна Иерусалимского; ему жалуются чин тайного советника; выдается из казны 30 тыс. руб. на покупку дома в столице (23 февраля 1799 г.); «1799 года июля в 24 день [он] пожалован на дворянское достоинство дипломом», подписанным императором. Герб рода Лашкаревых придуман, по семейному преданию, самим Павлом I.

Герб этот, пожалуй, единственный в своем роде в русской геральдике. Его автору удалось при помощи графического языка «заложить» в него большой объем важнейшей информации о Сергее Лазаревиче Лашкареве, человеке и дипломате.

Приведем его официальное описание: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображен золотой полумесяц, рогами в правую сторону обращенный», что символизирует Восток; в нижней же части «в красном поле» стоит грузин с саблей, вложенной в ножны, в правой руке он держит жезл, а в левой — пальмовую ветвь. Эта фигура олицетворяет самого Сергея Лазаревича, дарованной ему властью предлагающего или объявляющего мир Востоку. И далее в «гербовнике» читаем: «Щит увенчан обыкновенным дворянским шле-

мом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложенный золотом»¹⁰... Словом, монаршими милостями, как видим, Лашкарев обойден не был.

И, наконец, Павел I одобряет проект Лашкарева о создании при Коллегии Азиатского департамента. Получает апробацию важный акт государственного значения, осуществления которого Сергей Лазаревич добивался несколько лет. 26 февраля 1797 г. императором был подписан следующий указ Коллегии иностранных дел: «Для отправления дел, касающихся до азиатских народов, как в подданстве нашем состоящих, так и тех, с коими по соседству торговые и другие сношения производятся, повелеваем учредить в Коллегии Иностранных Дел особый департамент, или экспедицию, в которой присутствовать и под руководством министерства нашего дела вести действительному статскому советнику Лашкареву и коллежскому советнику Константинову¹¹, которого мы всемилостивейше жалуем в статские советники, определяя им по чинам их жалованье — первому по 2 тысячи рублей, а последнему по 1875 рублей на год — из сумм, на департамент иностранных дел вообще положенных. Канцелярских же служителей дать им по надобности из имеющихся при той Коллегии» (ф. ВКД, разр. IV-11, 1796 г., д. 2, л. 5).

Создание департамента при Коллегии «для отправления дел, касающихся до азиатских народов», — большая историческая заслуга дипломата-востоковеда Сергея Лазаревича Лашкарева. Им же было установлено «разделение дел» по Азиатскому департаменту: в первом отделении один «стол» ведал делами Турции, Молдавии, Валахии, Греции и Сербии, другой — назывался «Персия, Грузия, Кавказ, Черкесы, Абхазия»; во втором отделении один «стол» именовался «Китай, Хива, Бухария, Туркестан, Коканд, киргиз-кайсаки, калмыки» и другой — занимался определением, увольнением и награждением чиновников департамента (ф. ПГА, 1797 г., д. 1, л. 6).

Здесь уместно напомнить, что еще года за три до официального создания Азиатского департамента Лашкарев уже принимал, вел переговоры и отправлял «во своясы» посланцев из Закавказья, Средней Азии и других пограничных с Российской империей областей.

Ограничимся несколькими примерами. В мае 1794 г. в Петербурге побывал Мирза Хасан — посланец «дербентского хана». Несколько месяцев позднее сюда же прибыл хивинский посланец «Эйвас Мохаммед Бей Ургентский». В феврале 1796 г. он вторично посетил русскую столицу. В том же месяце приезжал в Петербург «персидский владелец» Муртаза Кули-хан, приставом к которому Лашкаревым был назначен подполковник Петр Коваленский. Побывали в Петербурге и «кабардинские депутаты», а талышский владетель Мир Мустафа-хан, чьи земли подверглись нападению орд шаха Аги Мохаммед-хана, «прибегая под защиту победоносных знамен» Российской империи, про-

сил о принятии его в подданство. В 1796 г. Лашкарев принимал бакинского посланца Мехмета Селим-бека, который приезжал «со свитой его и воинскими чинами, при нем находящимися». В этом же году появились «присланные бухарцы к высочайшему ее императорского величества двору с дынями от Фейзуллы Максютова, выехавшего из Бухарии в Оренбург под названием посланца и обратно отправлявшегося из России» (ф. ВКД, 1796 г., д. 7209, л. 25, 110—113, 108).

Однако не только дыни посылались из Бухары. Оттуда в Оренбург летом 1795 г. прибыл посланник бухарского владетеля Иш Мухаммед Байкшиев со свитой. Перед отправлением в Россию Байкшиев произведен был «диван Беком» — собрания советником. Спустя год отправляющий должность генерал-губернатора симбирского и уфимского генерал-поручик С. К. Вязмитинов докладывал в Коллегию иностранных дел, что бухарский посланник со свитой 1 июня 1796 г. отправлен ко двору в Петербург. При этом Вязмитинов, зная сколь чувствительны в Коллегии к пунктуальному соблюдению протокола, подчеркивал, что грамота Иш Мухаммеда Байкшиева «оказалась сообразна во всей точности, как в рассуждении начертания высочайшего титула, так и прочих частях».

Бухарский посланник со свитой добирался из Оренбурга до столицы очень долго — в общей сложности около полутора лет, пожалуй, намного дольше любого другого посольства, направлявшегося в те годы в Петербург. Но на это были свои веские причины. Из одного «доношения» Вязмитинова, полученного Лашкаревым задолго до появления посланника в Петербурге, Сергей Лазаревич узнал, что бухарский правитель Маасум с Байкшиевым кроме четырех аргамаков послал «для удивления императрицы» в презент... слона, коего сопровождал «управитель индеец Махмут». Разумеется, при таких обстоятельствах добраться быстро до русской столицы никакой возможности не представлялось. К тому же приставу Колокольцеву, определенному к посольству в Оренбурге, в специальном наставлении предписывалось: «Как веденный посланником слон и аргамаки терпеть не могут поспешного следования и дабы их скоростию езды не изнурить, иметь тракт ваш продолжать гораздо неторопно и давать, как посланник рассудит, нередко растахи, особливо тогда, ежели и слону случился бы какой припадок» (ф. СРБ, 1795—1799 гг., д. 1, л. 30б., 25, 23).

Только в начале октября, в осеннюю слякоть, посольство наконец прибыло в Петербург со своим дорогим подарком, дорогим в прямом и переносном смысле этого слова. В самом деле, на поданный бухарским посланником счет на расходы, связанные с доставкой слона, ему было «заплачено 6655 р. 62 коп.». Байкшиев, по его словам, «толикую сумму употребил на сие животное по день отдачи его в ведомство высочайшего его величества двора».

Между тем Лашкарев объявил посланнику, что «его первая визита» у вице-канцлера Остермана назначена на 7 октября 1796 г. Сергей Лазаревич позаботился о том, чтобы эта церемония прошла как можно торжественнее. Так, за Байкшиевым была послана «вице-канцлера четвероместная карета, заложённая цугом, с двумя вершниками, двумя скороходами и с тремя назади лакеями». Далее в отчете написано, что по прибытии в Коллегию Байкшиев был впущен в приемную залу, где «вице-канцлер пригласил посланника сесть на поставленный сбоку на правой руке стул, возле которого стал племянник посланничий¹²; на левой же стороне сел находившийся при сем случае действительный статский советник Лашкарев. Вице-канцлер сделал посланнику приветствие осведомлением о его здоровье... потом разговаривали о разных посторонних материях».

Посланник вручил вице-канцлеру грамоту своего повелителя Маасума к Екатерине II, в которой говорилось, что «с давних времен подданные обеих империй — Российской и Туранской, производя между собою торги, получали взаимную пользу и выгоды», что он, бухарский владетель, во время последовавшей с Портой Османской войны, несмотря на повеление турецкого султана идти за него с востока войной против России, того не сделал, а советовал ему «потушить пламя войны между обеими империями водою терпения».

Слова эти — лишнее доказательство того, с какой настойчивостью турецкие правители пытались повсюду выискывать себе союзников против России.

Далее Маасум выражал пожелание, чтобы «между подданными обоих государств взаимное купеческое допущение спокойно и полезно продолжалось». Он уверял императрицу, что «купцы могут впредь приезжать без сомнения, потому что дороги безопасны» (*там же*, д. 2, л. 40об., 1—3об., 8, 32, 7—10, 12об.).

Подобное уверение бухарского правителя не имело достаточных оснований: ведь в те времена нападения разбойников на купцов были не таким уж редким явлением. Другое дело, что даже в таких сложных условиях и Россия и Бухара стремились к развитию взаимовыгодных торговых связей. Так, Раджаб-бай, брат бухарского посланника, который вез товары для русского двора (несколько десятков пудов ценного поделочного камня ляпис-лазури да «жемчугу натурального три зерна отменной величины»), 5 октября 1796 г. сообщал Байкшиеву из Орской крепости (он направлялся в Петербург): «20 августа прибыл сюда из Бухарии караван, состоящий из двухсот нагруженных верблюдов, а отсюда отправлен туда караван, в пятистах верблюдах состоящий» (*там же*, д. 7, л. 17об.).

Вот почему Байкшиев на переговорах в Петербурге добивался предоставления бухарским купцам определенных выгод, когда они будут приезжать по своим торговым делам в Российскую империю.

В связи со смертью Екатерины II пришлось на время отложить переговоры с бухарским посланником. Петербург на некоторое время опустел: двор переехал в Москву в связи с предстоящей коронацией Павла I. От Коллегии иностранных дел его сопровождали Безбородко и Лашкарев.

Занятый по горло в Москве коллежскими делами, Сергей Лазаревич тем не менее уделяет должное внимание и переехавшему в Москву для продолжения переговоров бухарскому посольству. Приставом к бухарцам был назначен переводчик Михайло Пясецкий; как полагалось в таких случаях, ему вручались подробные письменные наставления. Пясецкому, в частности, вменялось в обязанность расселить бухарцев (а их было 18) в квартирах, специально нанятых по просьбе Лашкарева «от архива сей Коллегии» в Москве, и следить за соблюдением должного порядка. По-видимому, у Лашкарева были на то какие-либо веские основания, потому что он предписывает приставу (чего ранее в подобных обстоятельствах никогда не делал) наблюдать также за тем, чтобы гости женщин «к себе не приобщали» и не оскорбляли «чувствительного женского пола непристойными выражениями и замашками» (*там же, д. 1, л. 36об., 42*).

Здесь, в Москве, Байкшиев был представлен Павлу I. В начале мая 1797 г., успешно закончив переговоры с бухарским посланником в первопрестольной, Сергей Лазаревич вручил ему ответную грамоту императора и письмо Безбородко бухарскому владетелю. В этом письме Маасум уведомялся о том, что в вопросе о торговых пошлинах Павел I «повелел представить учреждение оных оренбургскому таможенному начальству, доставляя все возможные облегчения и выгоды торгующему при границах империи его императорского величества бухарскому купечеству наравне с купцами прочих Азии владельцев, наиболее державою его благоприятствуемых, о чем высочайшее повеление и пошлется немедленно» (*там же, д. 2, л. 42*).

Аналогичное по содержанию письмо Лашкарев от своего имени направил «аталыку Миркушу Бегию». Маасуму через его посланника был передан в подарок полный столовый и чайный серебряный сервиз «на восемь персон» весом около 160 фунтов и «600 пудов меди безденежно». Ранее «владетелю земли Туранской» Маасуму Екатерина II пожаловала 3 тыс. пудов меди. 8 мая 1797 г. Лашкарев отправляет письмо оренбургскому военному губернатору барону О. Л. Игельстрому, в котором содержится просьба пропустить подарки в Бухарию «без осмотра и задержания как дар, от высокомонарших щедрот посылаемый». Одновременно управляющий Азиатским департаментом запрашивает государственного казначея барона А. И. Васильева, откуда лучше передать подаренную бухарцам медь? Казначей не замедлил ответить Сергею Лазаревичу, что медь удобнее отпустить с заводов банкового ведомства в Екатеринбурге, что и было исполнено.

9 мая 1797 г. Лашкарев подписывает в Москве «проезжий указ» и в тот же день отправляет письмо московскому военному губернатору князю Ю. В. Долгорукому, в котором просит предоставить 36 почтовых лошадей и снабдить подорожной бухарского посланника со свитой до Оренбурга.

А примерно через год, 10 марта 1798 г. Иш Мухаммед Байкшиев напишет Лашкареву из Бухары: «Высокостепенный, превосходительный и ближайший августейшего монарха вельможа, управляющий делами иностранных народов и приемлющий их в милостивое свое покровительство, высокоместный господин Сергей Лазаревич! Вашему превосходительству сим имею честь донести, что все подарки купно с письмами им (владельцу и аталыку.— Г. К.) в целости доставил, чему они были весьма рады» (там же, д. 4, л. 1, 7—8, 9—9об., 28).

Строки эти не только формальная дань дипломатическому этикету. На бухарского посланника не мог не произвести самое благоприятное впечатление сам управляющий Азиатским департаментом. Характерно, что летом 1800 г. приехавший в Россию Раджаб-бай Байкшиев по совету своего брата Иш Мухаммеда обращается именно к Лашкареву с просьбой помочь ему добраться до Константинополя. В одном из архивных дел обнаружен датированный 6 июня 1800 г. документ следующего содержания: «Его превосходительство Сергей Лазаревич покорнейше просит для отправляющегося из Москвы через Константинополь в Мекку на поклонение бухарянина Реджаб Бая Байкшиева с едущими с ним же бухарцами... заготовить для проезда в Константинополь надлежащий паспорт к подписанию Министерства» (там же, д. 7, л. 41).

А вот другой документ — собственноручное письмо Лашкарева, адресованное русскому посланнику в Константинополе А. М. Томаре, в котором Сергей Лазаревич просит его оказать бухарцам всяческое содействие (там же, д. 4, л. 43—43об.).

Два года спустя после отъезда из Петербурга на родину посольства Иш Мухаммеда Байкшиева астраханский губернатор И. С. Захаров доносил в Азиатский департамент, что в Астрахань по пути в Петербург прибыли посланцы бухарского аталыка «Откур Шаха Магамедова — Абдул Расул и мулла Мир Алаваддин». По издавна принятому в Коллегии в таких случаях обычаю, вице-канцлер граф В. П. Кочубей распорядился 15 августа 1799 г., чтобы Захаров сообщил, по какому случаю они намереваются прибыть ко двору.

Выяснилось, что посланцы были отправлены их повелителем «как для поздравления его императорского величества с принятием прародительского престола, [так] и [для] изъявления немаловажных обстоятельств и вручения» в собственные руки «секретных от... [их] государя кувертов». Кроме того, на руках у посланцев была грамота «бухарского эмира», в которой Маасум, в частности, извещал, что посылает к российскому импера-

торскому двору двух «усердных чиновников» и обращался к «киргиз-кайсацким партиям, на границах российских кочующих, без задержания их, чиновников наших, до оных пропустить, дабы оттуда могли они доехать через Москву в Санктпетербург».

Коллегия сочла необходимым запросить мнение Лашкарева «о бухарских посланцах, в Астрахани находящихся», и Сергей Лазаревич в своей записке докладывал, что «можно допустить их к высочайшему двору». Об этом своем суждении Лашкарев 10 октября 1799 г. уведомил также астраханского губернатора Захарова (*ф. СРБ, 1799—1800 гг., д. 1, л. 9—14об.*).

Вскоре бухарские посланцы прибыли в Петербург. После переговоров с Лашкаревым они были представлены Павлу I. В марте 1800 г., перед их отъездом в Бухару, Сергей Лазаревич вручил им грамоту императора, из которой явствовало, что бухарским купцам, приезжающим в Россию по торговым делам, будет оказано «возможное пособие» и что с ними будут обходиться самым «дружеским образом» (*там же, д. 2, л. 62—64*). Это заверение было должным образом оценено бухарцами.

В середине сентября 1801 г. из Москвы, где тогда находился двор по случаю коронации Александра I, вице-канцлер Александр Борисович Куракин направил в Петербург письмо Лашкареву с уведомлением о прибытии из Бухары муллы Хайт Мухаммеда с грамотой к царю. Грамота извещала о кончине Маасума и о вступлении «на место его» Мир Гайдер-хана. В конце письма Куракин сообщал: «Как пребывание высочайшего двора здесь продолжится короткое еще время, то и признал я за лучшее отправить сего бухарца к Вам...»

В свою очередь, Лашкарев известил вице-канцлера, что 26 сентября 1801 г. в Петербург прибыл порученный его попечению Хайт Мухаммед, «к которому по прежним примерам отведена мною квартира и производится содержание».

Сергей Лазаревич составляет для Александра I записку о мулле Хайт Мухаммеде; записка эта, согласно сообщению того же Куракина, была удостоена «высочайшей апробации». Посланца представили императору, ему была вручена ответная грамота для передачи новому бухарскому владельцу Мир Гайдер-хану. В проекте составленной Лашкаревым грамоты с пометой «Высочайше конфирмован ноября 8-го дня 1801 г. в С. Петербурге», в частности, указывалось: «Мы с соболезнованием усмотрели извещение ваше о кончине любезнейшего родителя вашего Мир Маасума Хана. Изъявляя вам сим искреннее сожаление наше о сем печальном происшествии, радуемся, однако же, что вы в достоинстве заступили его место... и надеемся мы, что вы, подражая примеру родителя вашего в соблюдении доброго с нами соседства и дружбы, о конх и сами в том листе (в грамоте.— Г. К.) упоминаете, не оставите их продолжать и тем вящнее утверждать спокойствие и пользу ваших подданных, в чем и мы способствовать вам готовы».

Затем, 28 ноября 1801 г., был изготовлен подписанный графом Кутайсовым «проезжий указ» об отправлении бухарского курьера в обратный путь «через Москву и Казань до Оренбурга». По просьбе Лашкарева губернатор Петербурга выписал мулле подорожную, с которой он и отправился «во своясы» (ф. ПГА, разр. 1-8, 1801 г., д. 6, л. 75—76).

Полгода спустя после отъезда Хайт Мухаммеда для дальнейшего поддержания «доброе соседства и дружбы» с Россией в Петербург вторично направляется бухарский посланец Иш Мухаммед Байкшиев. В этой связи А. Б. Куракин посылает Лашкареву письменное повеление: «Милостивый государь мой Сергей Лазаревич! Для сведения вашего превосходительства и для надлежащих со стороны Вашей распоряжений, в чем следует, имею честь уведомить Вас о сообщенном мной высочайшем соизволении Оренбургскому военному губернатору господину генералу майору Бахметеву на прибытие сюда бухарского чиновника Иш Мугамета Байкшина, отправленного к высочайшему двору с аргамаками от хана Мир Гайдера.

Пребываю в прочем с совершенным почтением покорнейший слуга Князь Александр Куракин.

Май 7.1802».

На первый взгляд это обычное служебное письмо, но оно не могло не озадачить Сергея Лазаревича: ведь кабинеты вице-канцлера и управляющего Азиатским департаментом расположены на одном этаже коллежского здания и никогда раньше по такого рода делам он письменных, именно письменных, распоряжений не получал. Зато в дальнейшем ему еще не раз придется распечатывать послания, подобные этому. И это обстоятельство свидетельствует лишь о том, что у Лашкарева служебные отношения с Куракиным были не из легких, и отнюдь не по вине первого.

Сергей Лазаревич получает письмо от побывавшего в 1796 г. в русской столице бухарского чиновника мирзы Мухаммеда Юсуфа Байкшиева, которое было «писано в первых числах октября 1802-го года». Он сообщает, что возвратился в свое отечество благополучно, своим государем Мир Гайдер-ханом «приятен благосклонно» и что для поздравления в связи с восшествием на престол Александра I отправлен посланником дядя его Иш Мухаммед Байкшиев, с которым и он должен был поехать, но «случившаяся болезнь» его «здесь удержала».

26 октября 1802 г. оренбургским губернатором Бахметевым был выдан «проезжий указ» бухарскому посланнику Иш Мухаммеду Байкшиеву «с свитою его», в котором предписывалось «по лежащему от Оренбурга до города Санктпетербурга пути чинить свободный пропуск и делать пристойные ночлеги». В низу указа стояла подпись Бахметева, к которой он любил присовокуплять все свои должности и звания: «Его императорского

величества всемилостивейшего государя генерал-майор, оренбургский военный губернатор, управляющий гражданской частью по сей губернии, начальствующий пограничным краем, инспектор по инфантерии Оренбургской инспекции, шеф Рыльского мушкетерского полка и орденов российского Св. Анны 1-ой степени кавалер и мальтийского Св. Иоанна Иерусалимского командор Бахметев». Затем следовали такие слова: «И с приложением герба моего печати». Указ, выполненный на хорошей голубой бумаге, выглядел очень торжественно.

Иш Мухаммед Байкшиев еще находился в дороге по пути в Петербург, когда весьма занятый важными делами по своему департаменту Лашкарев был уже серьезно озабочен тем, куда ему девать прибывающих из Бухары аргамаков. И в предыдущий приезд Иш Мухаммеда Байкшиева в Россию его «живые» подарки — азиатские скакуны — доставили Сергею Лазаревичу немало хлопот. Поэтому теперь он загодя начинает вынужденную переписку.

29 ноября 1802 г. в записке, адресованной графу А. Р. Воронцову, недавно назначенному канцлером, Лашкарев просит «исходатайствовать высочайшее повеление... немедленно принять [аргамаков] в придворную его величества конюшню, ибо» он не имеет «места для помещения их».

С. Л. Лашкарев — Н. А. Зубову от 8 декабря 1802 г.: «По высочайшей его императорского величества воле едет сюда от бухарского владельца Мир Гайдер Хана посланник, с коим посланы от того хана пять аргамаков в дар высочайшему двору, кои сегодня и должны сюда прибыть, а как для помещения их Коллегия Иностранных Дел не имеет места, то я по долгу моему, представляя о сем вашему сиятельству, покорнейше прошу дать Ваше кому следует повеление... тех аргамаков поставить на придворной конюшне, откуда могли б быть его императорскому величеству показаны... о чем всеподданнейше и подана ему записка».

Но Зубов молчит, и тогда через два месяца после появления аргамаков в столице Лашкарев отправляет очередную записку канцлеру: «Во избавление себя от аргамаков бухарских при сем препровождаю к вашему сиятельству составленное об оных от имени Вашего письмо к господину обер-шталмейстеру» (графу Зубову).

В письме А. Р. Воронцова читаем: «Прошу дать приказание, чтобы те пять аргамаков от г-на Лашкарева были на придворную конюшню взяты...» Наконец 9 февраля 1803 г. граф Зубов уведомляет канцлера, что он приказал помянутых аргамаков принять на придворную конюшню.

Прибывший еще в декабре 1802 г. бухарский посланник Иш Мухаммед Байкшиев после переговоров в Азиатском департаменте был принят графом Воронцовым. Присутствовавший на приеме Лашкарев переводил беседу канцлера с посланником.

Затем Сергей Лазаревич составил «конференциальную записку о бытности бухарского посланника Иш Мухаммеда Байкшиева у государственного канцлера на аудиенции», которая была доложена Александру I.

На один из вопросов канцлера посланник ответил, что «его владельцу от роду 26 лет». Далее Байкшиев сказал: «...все бухарские владельцы и народ, имея к империи Всероссийской всегда приверженность и искреннюю дружбу, по соседству с оной производили торговлю, обеим державам полезную». Воронцов: «...его величество государь император сохраняет твердо правила кроткости и доброго соседства и распространения всем полезной торговли и никогда от оных не отступает». Посланник: бухарские купцы привозят разные товары — «индейские, персидские и собственно бухарские [ткани], как то: шали и другие шерстяные, также золотые материи, шелковые и бумажные разных сортов кисеи, коленкоры, миткали, хлопчатую бумагу, шелк, сухие фрукты, употребляемые в России, и прочее. А из России вывозят: сукны, сахар, канцелярное семя, краски, холсты, иглы, ножницы, посуду, мебель и прочее — словом, все нужное Бухарии и ее соседям». Выслушав список товаров, в которых нуждаются бухарские купцы, «канцлер, улыбаясь, заметил к тому ж золото и серебро».

К перечисленным товарам, которые, по словам посланника Байкшиева, бухарские купцы вывозят из России, можно еще «приметить» медь и железо. Иными словами, на рубеже XVIII—XIX столетий торговля между Бухарой и Россией была довольно разносторонней и оживленной.

Бухарский посланник, закончив переговоры в Петербурге, изъявил желание отправиться через Одессу и Константинополь в Мекку, чтобы совершить хаджж. Просьба его была удовлетворена, и Лашкарев сразу же приступил к изготовлению нужных документов. Путь предстоял долгий, и нужно было многое учесть. Так, запросив Санктпетербургский почтамт, сколько верст до Одессы, Лашкарев выяснил, что от Санктпетербурга до Одессы через Москву, Калугу, Орел, Курск, Харьков и Николаев 2154 версты. На основании этих данных была выписана подорожная. 31 марта 1802 г. Иш Мухаммеду Байкшиеву был выдан паспорт до Константинополя. Из Одессы он вместе со своей свитой должен был отправиться «на первом отъезжающем в Царьград пакетботе или купеческом судне».

Лашкарев от имени канцлера графа Воронцова пишет письмо в Одессу к генерал-лейтенанту герцогу де Ришельё, в котором просит его «оказывать [Байкшиеву] дружеское пособие яко чиновнику благоприятствуемой державы, который то и личными своими качествами заслуживает». Аналогичное письмо отправляется к чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Константинополе Андрею Яковлевичу Италинскому.

Генерал-губернатор Одессы и Новороссийского края 22 июня

1803 году Ришельё уведомляет А. Р. Воронцова, что, согласно «благоклонной рекомендации» канцлера, бухарскому посланнику диван-беку Иш Мухаммеду Байкшиеву оказано гостеприимство, «кое достоинство его при дворе государя императора доставило ему».

Две недели спустя А. Я. Италинский доносит Воронцову, что из Одессы на пакетботе «Экспедицион» прибыл в Константинополь Байкшиев, который остановился в загородном доме российского посольства. Он также сообщил, что бухарский посланец «был на аудиенции у верховного визиря и принят изрядно, но с меньшим нарочито отличием против послов европейских».

Что же означают слова «с меньшим нарочито отличием»? Дело в том, что в те времена в Турции бытовал специфический ритуал при приеме знатных особ: в знак особого расположения и почтения к гостю на него надевали соболью шубу. Причем некоторые элементы этой одежды имели свою символику. Вот и в данном случае, как это видно из донесения Италинского, «надетая на него (Байкшиева.— Г. К.) соболья шуба была с узкими, а не с широкими рукавами» (ф. ПГА, разр. 1—8, 1802 г., д. 4, л. 7—9, 16, 21—23об, 33, 139—144, 89—94,, 124—126).

После посещения Мекки и Медины Байкшиев в декабре 1804 г. приехал в Москву и вскоре отбыл на родину. Два посольства Байкшиева, посещение Петербурга другими бухарскими посланцами не только имели важное значение для укрепления русско-бухарских связей, но и сыграли определенную положительную роль для дальнейшего развития отношений России и с другими народами Средней Азии.

В одном из архивных фондов хранится дело «О приезде в Санкт-Петербург от ташкентского владельца Юнус Хаджия чиновников его: муллы Джан Максума и Ашур Али Багадура и об отправлении их обратно во своясы, 1797 и 1798 гг.» Но прежде расскажем, при каких обстоятельствах они появились в русской столице.

С ведома Азиатского департамента из крепости Омской отправилась в «Ташкению» атаман сибирского казачьего войска поручик Дмитрий Телятников и с ним толмач Алексей Безносилов для «ознакомления с местоположением Ташкента и его окрестностями, с населением, их занятиями, с образом правления, торговлей, ископаемыми и другими вопросами». По возвращении оттуда атаман Телятников 20 сентября 1797 г. в записке, озаглавленной «Объявление», в частности, сообщал: «Город Ташкент стоит в долине при горе Алатау, из коей проистекает речка Чирчик, которая посредством канала пущенною водою утучняет пашни и довольствует жителей того города; строение в оном глиняное, кроме мечетей и публичных училищ, медресами именуемых, обывательских домов считается до семи тысяч» (ф. ТД, 1797—1798 гг., д. 1, л. 8—10об.). Телятников и Безносилов были приняты в Ташкенте благожелательно и «Ташкентской земли

владелец» Юнус Хаджи попросил их взять с собою в Россию двух посланцев для ведения переговоров с русским правительством, что и было ими исполнено.

В своей грамоте Павлу I ташкентский правитель следующим образом аттестует своих «двух достойных человек»: «Мулла Джан Максум — ближайший и первейший советник и Ашур Али Багадур — тысяченачальник». Юнус Хаджи заявил, что желает всячески развивать с Россией торговлю и просит императора повелеть прислать к нему двух человек, искусных в металлургии, для обследования пяти рудников (*там же, д. 2, л. 1—10б.*).

В записке, адресованной Лашкареву, ташкентские чиновники писали, что их владелец покорнейше просит государя императора принять его в свое покровительство и не оставить сильным своим защитением (*там же, д. 6, л. 1—2*).

В одном из докладов Лашкарева Коллегии об этих поверенных ташкентского правителя указывается: «...возимы были мною в 13-й день декабря сего [1797] года ко двору его императорского величества для представления в наемной четырехместной карете, в которой сидели они, поверенные, и я, которые по приезде во дворец поставлены были в Кавалергардской зале», где Павел I поздравил их с приездом.

9 января 1798 г. оба чиновника были представлены Безбородко. Лашкарев по этому поводу записывает: канцлер «разговаривал с ними чрез меня как о купечестве и об обоюдном соотношении Ташкентския земли в рассуждении торговли с Россиею, так и о здравии их владельца и о прочем, после чего не оставил их уверить о добром и дружественном расположении империи Российской к оной земле их...» (*там же, д. 3, л. 6—7об.*).

Перед возвращением посланцев в Ташкент Лашкарев вручил им письмо Безбородко (от 9 марта 1798 г.) к Юнусу Хаджи. Канцлер уверял ташкентского правителя, что требуемые им искусные минералогии вслед за сими же чиновниками будут отправлены в Ташкент особо. Кроме того, он сообщал, что Павел I, «даруя отныне впредь подданным купцам вашим в знак своего к вам, высокостепенный владелец, благоволения всякую по границе империи его безопасность, свободу и другие свойственные тому удобства и выгоды, но и своему подданному пограничному купечеству позволяет ездить с товарами во владение ваше». А в ответ на сетования Юнуса Хаджи, что Ташкенту угрожают его соседи, Павел I, читаем в том же письме канцлера, «всемилодивейше принять вас и благонамеренных подданных ваших под свое покровительство соизволяет» (*там же, д. 2, л. 9—14*).

Сразу же после создания Азиатского департамента Лашкарев начал изучать архивные материалы о Китае. При этом он проявил особый интерес к документам о посольстве Саввы Лукича Рагузинского-Владиславича¹³ в 1725—1728 гг. в Китай для ведения переговоров по урегулированию спорных вопросов. По-

ездка его оказалась успешной. Он, в частности, добился признания китайской стороной принципа: «Каждое государство владеет тем, что у него есть».

Значительно позже — в конце 60-х годов — проявился талант известного переводчика А. Л. Леонтьева и как дипломата. Поэтому закономерно, что С. Л. Лашкарев уделил внимание и документам, имевшим отношение к дипломатической деятельности Леонтьева; с ним, как мы уже раньше упоминали, Сергей Лазаревич был лично знаком.

Выяснилось, что в 1767 г. состоялась удачная поездка А. Л. Леонтьева на китайскую границу для встречи с амбанями — высокопоставленными пограничными чиновниками. Переговоры там велись о «спорных между двумя государствами делах» и необходимых мерах «для возобновления торгу». В итоге «сею многотрудною ему комиссиею споры пресечены, дела решены, торг возобновлен и прежний трактат снабжен ясным законным прибавлением» (ф. ВКД, 1740—1789 гг., д. 103, л. 30—31об.). Отметим, что А. Л. Леонтьеву в 1779 г. присваивается чин надворного советника, а несколько позднее он «сподобился монаршего благоволения».

Надо сказать, что в конце XVIII в. Россия еще не поддерживала регулярных связей с Китаем, но уже тогда в Пекине находилась русская духовная миссия, а студенты Коллегии, как мы знаем, занимались там же изучением китайского и маньчжурского языков. Имела место и непосредственная переплика Коллегии с китайским правительством. Лашкарев, например, посылает письмо властям в Пекин «о пропуске туда мягкой рухляди в жалованье находящимся там духовной российской свите и ученикам» (ф. СРКит, 1779—1801 гг., кн. 22, л. 101—104).

Приступая официально к управлению азиатскими делами Коллегии иностранных дел, Лашкарев просил иркутского генерал-губернатора Селиверстова и командующего войсками Сибирской линии генерал-лейтенанта Штрандмана периодически доносить ему о «пограничных обстоятельствах» с Китаем. Сергей Лазаревич еще до своего официального вступления в должность, 18 апреля 1796 г., направляет рескрипт к иркутскому генерал-губернатору за «своеручным подписанием» Екатерины II. К рескрипту он прилагает копию недавно полученного Коллегией рапорта командующего войсками Сибирской линии «О изъявляемом китайцами желании установить и в том крае около устья Нарыма торговое с подданными нашими сношение».

Находя выгоду и пользу для жителей Российской империи в таковой торговле, императрица в своем рескрипте предписывает: «Повелеваем мы Вам учинить обыкновенным образом от имени губернатора письменный отзыв к амбаням ургинским, изъясняя им в пристойных и ласковых выражениях, что при всегдашнем желании нашем ненарушимо сохранить и вяще утверждать существующее между обоими государствами соседственное доброе

согласие и приязнь не можем не пеcиcя о соделании связи сей наиболее выгодной для взаимных подданных распространения торгового сообщения их, что мы, будучи уверены в совершенном взаимстве дружественного к нам расположения его богдыханова величества и надеяся, что государь сей в рассуждении смежности обоих государств, по границе простирающейся на дальнее расстояние, равномерно признает таковое распространение торговли на обе стороны полезным» (ф. СРКит, 1796—1798 гг., д. 5, л. 5—6).

В архиве Коллегии хранится объемистая рукопись «Записка о китайской коммерции и какия она производит в собственном государстве общие пользы и выгоды». Ее автор — побывавший в Китае в конце XVIII в. иркутский купец Федор Щигорин, написавший эту работу, очевидно, по поручению Коллегии иностранных дел.

С. Л. Лашкарев обратил внимание на коллежского асессора переводчика Алексея Соколова, длительное время серьезно занимавшегося изучением Китая. Еще в 1781 г., проходя службу на китайской границе, он был отправлен иркутским губернатором Ф. Н. Кличко в Пекин для сопровождения русской духовной миссии. Во время этого путешествия, как впоследствии писал сам Соколов, он вел журнал: «...делал примечания положениям мест, течениям рек, образу жизни сего народа».

Когда же А. Соколов узнал, что в августе 1794 г. предполагается отправить в Китай очередную духовную миссию, он подал в апреле того же года в Коллегию иностранных дел записку, где просил разрешить ему сопровождать и эту миссию в Пекин. Соколов намеревался во время своего второго путешествия в китайскую столицу «удобно усовершенствовать» свой журнал, обстоятельно написать «о обрядах духовенства и власти оных; о разных народах, сколько именно находится в подданстве у китайского богдыхана; о именитых озерах, реках, горах, местах, где случились достопамятные деяния». Эта его просьба была удовлетворена, но из письма Соколова к Лашкареву от 4 октября 1799 г. узнаём, что на этот раз в Пекин он не попал «по известным причинам Государственной Коллегии Иностранных Дел».

Что же это за причины? Ответ на этот вопрос находим в одном из документов, подписанных управляющим Азиатским департаментом. Оказывается, Соколов опоздал, «приехав на китайскую границу, когда означенная свита была уже за границу отправлена». Но его вины здесь не было: в те времена при преодолении столь огромного по протяженности расстояния — от Петербурга до китайской границы — могли, естественно, встретиться всякие неожиданности. После этого в общем-то обидного происшествия он остается служить в Кяхте, где пробыл три года, а затем был отозван Лашкаревым в Петербург для продолжения службы в Азиатском департаменте.

Когда же Алексей Соколов столкнулся с серьезными мате-

риальными трудностями (при переезде он вынужден был продать «за бесценок дом и все имевшееся при нем»), Сергей Лазаревич оказал ему необходимую помощь. В этой связи он, в частности, писал Лашкареву: «Напоследок же осмеливаюсь изъяснить вашему высокопревосходительству, что я не имею другого покровителя к восстановлению моего благополучия, кроме того, который от многих заслужил уже имя покровителя истины и совершенного друга человечества».

В это время Лашкарева занимают постановления, принятые уполномоченными России и Китая еще в 1792 г. на конгрессе в Кяхте, где они, в частности, пришли к соглашению «в соблюдении мирного согласия и взаимной дружбы иметь между обеими империями на границе для решения пограничных дел между обоюдными подданными людей искусных». Поскольку китайское правительство в свое время назначило чиновника — джаргуция¹⁴ — на границу для выполнения таких обязанностей, то и Лашкарев в своей записке «высокому министерству» со своей стороны просит об определении в Кяхту «к рассматриванию пограничных дел», и при этом «с оставлением в ведомстве сей Коллегии», переводчика китайского и маньчжурского языков Алексея Соколова, за плечами у которого опыт «29-летнего беспорочного служения». Поскольку решение затягивалось, настойчивый Лашкарев обращается в Коллегию со второй запиской (октябрь 1799 г.), представляя, что «самое взаимство и важность пограничных дел, от коих немало зависит внутреннее спокойствие, требуют определения в Кяхту или Троицко-Савскую крепость» Соколова. В документе особо подчеркивается, что сам Соколов просит об определении его в этот отдаленный край, «куда ехать иной не весьма охотно согласится». Лашкарев также ходатайствует, чтобы Коллегия назначила Соколову «для чести империи Всероссийской непостыдное жалованье» (*там же, л. 108—113*).

Наконец 23 августа 1800 г. Павел I подписывает указ, который, по содержанию своему не выходя за рамки обычного именного рескрипта, при всей своей лаконичности имел важное значение. Его полный текст гласил: «Для вящего утверждения существующей доброй с китайским государством соседственной дружбы и мирного согласия, всемилостивейше учреждая в сходственность с постановленным уполномоченными с обеих сторон в Кяхте актом к разбору и рассмотрению пограничных дел с пограничным тамшнего правительства джаргуцием, ведомства оной Коллегии надворного советника Соколова повелеваем, снабдив его нужным для сего наставлением, отправить в Кяхту, с тем чтобы, приняв там поручаемые ему пограничные дела, исправлял их под ее руководством, относясь по коммерческой части, буде в чем надобность потребует, к нашей Коммерц Коллегии, а по гражданской — к тамошним военным и гражданским губернаторам, коим всем о том и сообщить» (*там же, л. 129*).

Письменные инструкции и наставления для Соколова готовит Лашкарев со всей тщательностью, используя и архивные данные. Сохранился любопытный документ — письмо управляющего Московским архивом Н. Н. Бантыш-Каменского к Лашкареву от 8 октября 1800 г. Он, в частности, писал: «Исполняя требования вашего превосходительства от 24 сентября, препровождаю при сем... выписки из инструкций, данных от графа [Рагузинского]-Владиславича разным в Сибири чиновникам, как им поступать в пограничных делах» (ф. *СРКит*, 1779—1801 гг., кн. 22, л. 107—107об., 105—106, 108—113, 129, 134—134об.).

Прибыв к месту своего назначения, надворный советник Соколов доложил из Кяхтинского форпоста Азиатскому департаменту, что приступил к исполнению служебных обязанностей. Спустя некоторое время он стал посылать свои донесения непосредственно в Петербург. Заметим, что до назначения Соколова в Кяхту важные сведения о событиях в Китае и на его границах в столице, как правило, получали из Иркутска. Ограничимся двумя примерами.

Военный иркутский губернатор Б. Б. Лещано доносил 11 мая 1799 г. в Коллегию: «Богдыхан их 3-го числа 1-й луны, то есть называемого белого месяца, по нашему счислению генваря 26-го, отъиде, как пишут они, в небесное блаженство, а нынешний богдыхан по совершении должной церемонии телу хотя отягчен был прискорбием, но, собрав силы, пребывает благополучен, почему, уведомляя они (китайцы.— Г. К.) по дружбе, желают продолжения навсегда мирного согласия». 26 ноября того же года вновь назначенный иркутский генерал-губернатор И. О. Селифонтов докладывал Азиатскому департаменту, что полковник Налабордин в районе Кяхты имел встречу с китайским пограничным правителем Ван-амбанем и «принят им был очень вежливо, и по взаимным уверениям непрременной дружбы следовали они параллельно по своим границам». Главная цель китайского пограничного начальника состояла в том, чтобы осмотреть «исправность» границы, «делая между тем подтверждения пограничной страже, дабы соблюдали соседственную дружбу и спокойствие» (ф. *СРКит*, 1799 г., д. 1, л. 1—1об.).

Итак, Сергей Лазаревич Лашкарев успешно управляет новым департаментом «с еженедельным личным докладом по делам азиатским» Павлу I. Для таких докладов ему часто приходится отправляться к императору в Гатчину в наемном экипаже. В архиве обнаружен подписанный Павлом I в январе 1801 г. указ Коллегии, где, в частности, предписывается возратить Лашкареву деньги, «употребленные им на поездки по делам службы в Гатчину» (ф. *АД*, разр. IV-30, 1801 г., д. 3, л. 9). Не удивительно ли, что столь важный чиновник не имел в своем распоряжении личного экипажа?

Помимо других бумаг приходилось Лашкареву докладывать и о важнейших внутривосточных событиях в Турции, доволь-

но регулярно получаемых Азиатским департаментом от русского посланника в Константинополе В. П. Кочубея. В этом способном дипломате Лашкарев ценил недюжинный аналитический ум и серьезную образованность. Несмотря на значительную разницу в возрасте (Сергей Лазаревич был почти на 30 лет старше), их личные отношения отличались искренностью и доброжелательностью.

Так, однажды Лашкарев оказал Кочубею существенную услугу. Дело в том, что Павел I иногда лично читал донесения русских дипломатических агентов. И вот как-то очередная депеша Кочубея вызвала гнев императора: ему показалось, что посланник пользуется негодными, «линялыми» чернилами. По этому, казалось бы, вполне безобидному поводу было изъявлено «монаршее неудовольствие». Сергей Лазаревич вынужден был направить В. П. Кочубею официальное письмо о том, что его донесения в Петербург «с трудом читаны быть могут по причине бледности чернил». Правда, одновременно он посоветовал Виктору Павловичу немедленно снестись по этому поводу с пограничным почтмейстером полковником Пулевичем. Ведь последнему секретным указом Павла I из-за открывшейся «в округности Каменца Подольского, в расстоянии тридцати верст от оно́го», «заразительной болезни» предписывалось «учинить немедленно надлежащее распоряжение, дабы все письма, идущие сюда (в Петербург.— Г. К.) из того края, по правилам карантинным окурированы, прокальваемы и в укус обмачиваемы были». Посланик, разумеется, воспользовался добрым советом Лашкарева и попросил Пулевича, подчеркнув, что его чернила «суть самые лучшие», оказать ему возможную помощь в этом деле. И дубоссарский почтмейстер изыскивает способ так впредь исполнять «высочайшую волю», чтобы при этом не портить донесений Кочубея.

Он писал Виктору Павловичу: «Что же принадлежит до небмакивания в карантине укусом донесений вашего превосходительства, к высочайшему двору отправляемых, то оно́го сделать теперь никак невозможно, но я стараться буду, дабы они только на поверхности немного были обмачиваемы» (ф. КМ, 1797 г., д. 1315, л. 49).

Разумеется, при первом удобном случае Лашкарев доложил императору, что в этом инциденте «виноват» отнюдь не посланик, а проявивший излишнее усердие почтмейстер. И опала миновала.

Вообще-то подробные и тщательно аргументированные донесения В. П. Кочубея давали возможность Азиатскому департаменту всегда быть в курсе турецких дел. Так, один из своих докладов Павлу I Лашкарев полностью посвятил неожиданному посещению в конце марта 1797 г. капудан-пашой Кючюк Хуссейном русского фрегата, который из-за неисправности вынужден был зазимовать в Дарданеллах и теперь готовился отплыть

в Севастополь. По личному распоряжению турецкого адмирала «разными мелкими вещами фрегат ссужден был и работники адмиралтейские для починки фрегата употребляемы были». Во время своего посещения капудан-паша «подарил всем офицерам по бохче, в которой два или три куска материй индейских и здешних находилось, а экипажу дал тысячу пиастров. Посещение сие стоило ему, может быть, от 5 до 6 тысяч пиастров».

К тому же Кючюк Хуссейн позаботился и о ритуале торжественных проводов русского фрегата: «У последней крепости на европейском берегу, где комендант всех батарей находится, ответствовано было выстрел за выстрел фрегату нашему; и как комендант оной есть двухбунчужный паша, коих мы всегда с рангом генерал-майоров сравнивали, то и сделан был салют у крепости контрадмиральской из семи пушек, на который равным же количеством ответствовано. Кроме сего, у всех батарей подняты были флаги и выведены были в строй стражи оных» (ф. СРТ, 1797 г., д. 849, л. 1—4об.).

О доброжелательном отношении турецкого адмирала к русским морякам было также сообщено адмиралу Д. Н. Сенявину. Между тем два месяца спустя Кючюк Хуссейн решает на довольно необычный шаг, который не мог не удивить даже многоопытного Лашкарева. Он понимал, что поведение капудан-паши озадачит и Павла I, поэтому решает поподробнее изложить обстоятельства этого дела императору. Архивные документы представляют возможность реконструировать одну из бесед Лашкарева с императором.

— Ваше величество, капитан-паша посредством своего особо доверенного лица Изак Бея, хорошо известного во вверенном мне департаменте, обратился с весьма необычной личной просьбой к Кочубею...

— О чем же просит сей турок?

— Осмелюсь доложить: он не турок, а грузин.

— Генерал-адмирал турецкого флота — грузин?

— Точно так, ваше величество. В младенчестве был продан в рабство и воспитывался в султанском дворце вместе с принцем. Там его заставили принять магометанский закон. По вступлении на престол Селима III был назначен начальником над пашами, чрез некоторое время пожалован в капитан-паши и с жаром вошел во все рассуждения господина своего относительно приведения флота в наилучшее положение. Едва зная читать и писать, как и все серальские чиновники, будучи горд столь же, сколько и они, с весьма легким понятием, но с большою деятельностью, он вздумал скоро о себе, что нет искуснее его адмирала, как и то, что флот турецкий согласно с мыслями сераля не имеет себе подобного. Он женат на двоюродной сестре государя своего и пользуется у него большим кредитом... Ныне просит выписать ему из Тулы железную хорошую кровать.

— Зачем это ему вдруг понадобилась кровать тульской ра-
боты?

— Полагать должно, ваше величество, что это весьма тонкий
намек на его желание появиться в России в случае возможного
в будущем отрешения от должности. Капитан-паша боится по-
терять голову при возникновении очередной лютости в Царь-
граде... Виктор Павлович прислал на апробацию вашего вели-
чества изготовленное от своего имени письмо тульскому губер-
натору князю Оболенскому.

— Читайте!

— «Капитан-паша просил меня выписать ему из Тулы самой
лучшей гладкой работы двойную железную кровать. По большо-
му влиянию в здешних делах сего турецкого генерал-адмирала и
по известным вашему сиятельству в сей земле обычаям, наме-
рение мое есть дать ему кровать сию в подарок, а потому и дол-
жен прибегнуть к вам, милостивый государь мой, с просьбою,
дабы на себя принять изволили труд заказать оную, приказав
наилучше ее отделать и потом доставить ее без умедления в
Одессу или Таганрог для присылки сюда» (там же, д. 858,
л. 56—56об.).

— Быть посему...

Разумеется, не все доклады Лашкарева проходили гладко,
но отметим следующее: на важном посту управляющего Азиат-
ским департаментом в действиях Сергея Лазаревича порой про-
сматривается независимость сильного характера, конечно, в той
мере, в какой это вообще возможно было при павловском ре-
жиме. Но и такая относительная независимость ставила его за-
частую в весьма затруднительное положение и не могла не при-
водить к прямым столкновениям с влиятельными царедворцами,
весьма твердо усвоившими придворную науку.

Так, однажды пришел Лашкарев для доклада к канцлеру
Ф. В. Ростопчину, но, застав в его кабинете всесильного времен-
щика графа И. П. Кутайсова, счел за лучшее откланяться. Граф
ему снисходительно заметил, что он может докладывать свои
бумаги и при нем; Сергей Лазаревич спокойно возразил, что, к
своему сожалению, никак не может этого сделать, поскольку
бумаги у него секретные. В ответ раздраженный Кутайсов грубо
заметил:

— Государь от меня секретов не имеет, и мне известны госу-
дарственные тайны поважнее ваших.

— Охотно верю,— с достоинством отвечал Лашкарев,— но,
доколе не увижу указа о назначении вашего сиятельства присут-
ствующим в Иностранной коллегии, дотоле не могу, по существу
присяги моей, открывать вам тайны, мне вверенные...

Обиженный Кутайсов донес об этом инциденте Павлу, но
жалоба осталась без последствий.

Попадал Лашкарев в сложные ситуации и в кабинете самого
императора. Однажды дело шло о назначении «главного приста-

ва» к принявшему тогда русское подданство калмыцкому населению. Приведем описание этой сцены. Управляющий Азиатским департаментом представил как кандидата на эту должность одного из своих подчиненных, а Павлу рекомендовали лицо, в Коллегии совершенно неизвестное. Грозный хозяин кабинета отставив предложенного ему чиновника, а Лашкарев своего.

— Почему же ты не хочешь Смирнова? — спросил раздраженный император.

— Как я смею не хотеть? Но я его не знаю и прошу только уволить меня от ответственности за него.

Павел побагровел от гнева, вскочил с кресла. Все присутствующие в великом страхе встали, кроме Лашкарева, который, словно загипнотизированный, остался на месте.

— Скажите, — вскричал император, — он даже забыл, что говорит с государем!

На какое-то мгновение водворилось общее молчание. Вдруг Павел, обращаясь к Ф. В. Ростопчину, спросил:

— Он непременно на своем настоять хочет?

Обычно находчивый, остроумный, всегда угодливый в присутствии императора, Ростопчин в ответ с трудом пробормотал что-то невнятное. Тогда Павел неожиданно сменил гнев на милость, что с ним случалось, как известно, крайне редко и с полусмешкой спросил Лашкарева:

— У тебя, я чаю, и указ уже готов? ¹⁵

Другой не менее показательный пример. Однажды, в 1799 г. Лашкарев решился опосрять официально одно решение Павла I. Дело касалось двух владельцев из Дагестана — уцмья Рустема, правителя Кайтагского, и кади Рустема, правителя Табасаранского, которые специально прибыли в Петербург, чтобы просить императора принять их в российское подданство и уравнять чином и пенсией с тарковским шамхалом, который ранее был удостоен подобных «монарших милостей». Так вот, Павел I по представлению Коллегии (о чем Лашкарев по каким-то причинам не был поставлен в известность) предписал все это «учинить», почему и «грамоты заготовить уже приказано».

Получив такое распоряжение, Лашкарев 9 июня в специальной записке «высокому министерству» осмелился изложить по этому делу свое мнение: Сергей Лазаревич полагал, что уравнять уцмья Рустема и кади Рустема чином и пенсией с шамхалом, «который во всем Дагестане почитается первейшим и сильнейшим владельцем, было бы несправедливо, и такое уравнение он не находит «за пристойное». В этой же записке содержались предложения относительно чинов и размеров пенсий для названных выше двух владельцев.

Когда этот документ был направлен для доклада Павлу I, в Коллегии, надо полагать, больше всего беспокоились о дальнейшей судьбе его автора. Но и на этот раз все обошлось.

Десять дней спустя Лашкарев был официально уведомлен

вице-канцлером, что его предложения одобрены и что на их основе сделано новое «высочайшее повеление». Более того, граф Ростопчин просил Сергея Лазаревича произвести по этому делу «надлежащие распоряжения» (ф. СРП, 1728—1803 гг., д. 2, л. 93—93об., 102).

Приведенные выше примеры — лишнее свидетельство того, что Лашкарев, похоже, не очень боялся столкновений с Павлом I; во всяком случае, ему всегда удавалось избегать царской немилости. Как-то даже, по словам Сергея Сергеевича Лашкарева-младшего, император потехи ради придумал «милостивую затею» в отношении Сергея Лазаревича, прислав «к нему однажды среди ночи нарочно фельдъегеря с неважною и неспешною бумагою, единственно чтобы пошутить над ним, напугав и озадачив его»¹⁶.

Все это отнюдь не означает, что у Лашкарева вообще не случались неприятности при павловском режиме. В этой связи хочется задержать внимание читателя на следующем любопытном эпизоде.

Однажды, в июле 1797 г., Лашкарев неожиданно был вызван к Безбородко. Он привычно вошел в кабинет канцлера, но на этот раз без папки с документами, поскольку никаких бумаг к подписанию заготовить еще не успел. Озабоченный Безбородко показал ему только что полученную из Военной коллегии промеморию за № 1110. Быстро пробежав глазами документ, Сергей Лазаревич, всячески скрывая внутреннее раздражение, понял, что от него ждут объяснения по делу, к которому хотя он и имел в свое время касательство, однако никакой вины за собой ни тогда, ни сейчас не чувствовал. И все же волновался, поскольку отдавал себе отчет в том, что в данном случае остановить ход бюрократической машины не во власти даже Коллегии иностранных дел. Ежели уж сделан какой-нибудь письменный запрос, пусть даже и нелепый, как в данной истории, ему все равно придется давать письменные объяснения.

Теперь о сути дела. В 1794 г. Сергей Лазаревич со своей семьей возвращался из Крыма в Петербург. По личному распоряжению тогдашнего таврического губернатора Жигулина к Лашкаревым для их сопровождения в столицу был определен из симферопольской штатной команды солдат Козьма Филимонов, «которому от роду, — по словам Лашкарева, — было тогда ежели не более, то по крайней мере семьдесят лет».

А вот что произошло дальше: «Приехав в Санктпетербург, дней через пять, дал я сему солдату потребное число денег для возвратного пути и отпустил его к его команде с тем же паспортом, который он от нее имел в оба пути, и написал токмо об нем рекомендательное письмо к помянутому господину губернатору...»

И только теперь, спустя три года, в кабинете канцлера Лашкарев узнает, что тот солдат к своему месту службы в Симфе-

рополе тогда, в 1794 г., так и не возвратился. Может быть, сейчас и не вспомнили бы о Филимонове, если бы Павел строжайше не запретил удерживать солдат для «партикулярных услуг». Так, в подписанном 28 февраля 1797 г. указе император «высочайше повелеть изволил», чтобы сверх позволенного прежде числа рядовых «более никто и ни одного человека занимать собственными надобностями не отваживался». Ныне же на основании рапорта в Военную коллегию новороссийского военного губернатора Бердяева, который спешил как-то обезопасить себя на случай какой-либо ревизии, эта коллегия потребовала с Лашкарева взамен пропавшего рядового Филимонова взыскать «годного к службе рекрута», да при том «есть ли же означенного рядового при нем нет, то истребовать достоверное показание».

В общем, дело принимало весьма дурной оборот. И вот ни в чем не повинный Лашкарев, хорошо знакомый с павловскими порядками, понимая, что недавно объявленный указ обратной силы иметь не может, все же соглашается отдать своего рекрута, лишь бы поскорее было покончено с этой историей.

Вспомним, что тогда крепостное право было в полной силе, и для помещика ради собственного спокойствия пожертвовать одним рекрутом не считалось чем-то предосудительным. И Лашкарев, хотя и с некоторой оговоркой, на такое решается.

«Что же принадлежит до взыскания с меня годного к службе рекрута, то если содержание упоминаемого Государственной Военною Коллегиею высочайшего указа, в 29 день февраля¹⁷ сего года состоявшегося, относится и на сей случай, который последовал в 1794 году и в том же году должен был иметь свое окончание, которое и имел, я охотно повинуюсь». Вместе с тем в своем объяснении Лашкарев не преминул подчеркнуть, что ему хорошо известны по бытности его в Петербурге все подписанные Павлом указы и поэтому он никак не мог бы удерживать у себя солдата, поскольку сие «совершенно противно тому состоянию, в котором по высочайшей государевой милости» он, Лашкарев, находится. Только в такой осторожной форме решился он отвергнуть предъявленные ему Военной коллегией претензии. После своего «достоверного показания» ему еще долго пришлось ждать решения по своему делу.

Лишь 30 сентября 1797 г. из инспекторской экспедиции Военной коллегии было прислано новое уведомление. И снова канцлер приглашает к себе Лашкарева, чтобы ознакомить его с полученным документом за № 1636, из которого явствовало, что рядовой Козьма Филимонов наконец отыскан, «определен за старостию и слабостию в инвалидные города с жительством Новгородского уезда в селе Преображенском и что на прожитие его там дан от Коллегии паспорт...». Заканчивалось это уведомление следующим определением: «Оного рядового Филимонова, донные считавшегося в прописанной отлучке, из Симферопольской штатной команды выключить, и отыскание об нем уже

не чинить...» (ф. ВКД, разр. IV-42, 1797 г., д. 3, л. 1, 3—4, 7—8).

Так закончилась эта довольно-таки курьезная и вместе с тем в общем-то обычная для павловского времени история.

Интересно, как сам Лашкарев относился к павловскому режиму? Прямого свидетельства на этот счет в официальных бумагах, разумеется, нет да и быть не может. Зато косвенное обнаружить удалось. Так, в одном из архивных дел хранится на первый взгляд ничем не примечательное доверительное письмо Лашкарева к русскому посланнику в Константинополе А. М. Томаре, датированное 16 мая 1798 г. Подобных писем имеется немало, но в отличие от других это написано управляющим Азиатским департаментом собственноручно. Возможно, Сергей Лазаревич не хотел доверить его текст переписчику. На полулисте тонкой бумаги он сообщает, что к нему в департамент обратился «имеретинец Баиндуров» с жалобой на И. К. Фродинга — одного из чиновников русского посольства. Речь шла о возмещении каких-то убытков. Лашкарев настойчиво просит Томару поскорее уладить это дело, поскольку жалобщик вполне может, если дело затянется, ускользнуть от него и подать «неприметно просьбу его императорскому величеству». А затем следует такая многозначительная, хотя и весьма краткая фраза: «Вам довольно известны нынешние времена». Скажем прямо: намек этот при тогдашних порядках был весьма смелым поступком.

Добавим еще, что спустя две недели Лашкарев снова пишет посланнику, что он «до крайности обеспокоен имеретинцем Баиндуровым». И далее: «Сей человек беспрестанным покушением подать вновь его императорскому величеству просьбу привел меня в усталость удерживать его больше от того... От Вас зависит теперь избавить меня от него. Прошу Вас прилежнейше ускорить тем» (ф. КМ, 1799 г., д. 1456, л. 2—3). Но судья по купеческим делам (другое название этой должности в то время — «канцлер купеческих дел») коллежский советник Фродинг, видимо, посчитал, что Константинополь находится далеко от Петербурга и можно не спешить удовлетворить претензию Баиндурова.

Все же интересно было бы узнать, чем же закончилась эта тяжба? Но, к сожалению, других бумаг с перепиской по этому делу обнаружить не удалось. Правда, оставался еще один источник — «Книга сообщаемым в департамент Азиатских дел бумагам». Просматриваем ее. А вот и нужная нам запись, относящаяся к 1800 г.: «Июля 10 — Копия с высочайшего именного указа от 8 сего июля о вычете законным порядком из жалования статского советника 4500 рублей и об отдаче оных имеретинцу Баиндурову».

Как назло, рассеянный канцелярист не вписал в текст фамилию статского советника. К тому же у Фродинга был чин коллежского советника. Да, но с начала переписки по этому делу

минуло уже два года, и Фродинг за это время мог быть повышен в чине. Это легко проверить по его послужному списку. Знакомимся с сделанными в нем записями. Действительно, ему еще в 1799 г. был присвоен чин статского советника.

И все же на всякий случай следует уточнить пропущенную канцеляристом в записи фамилию. Документ, в котором говорится о вычете каких-то сумм, должен был бы проходить и по Департаменту казенных и текущих дел. Листаем журнал входящих документов этого департамента за июль 1800 г. и наконец находим нужную нам запись под той же датой «10 июля». Да, речь там идет именно о статском советнике Фродинге (*ф. ВКД, 1800 г., д. 5804, л. 35об.*).

Остается добавить, что, не вмешайся в это дело Лашкарев, мера эта, надо полагать, могла оказаться куда более строгой. Сергей Лазаревич хорошо был осведомлен о заслугах Фродинга. Так, по объявлении Турцией в 1787 г. войны России посланник Я. И. Булгаков, брошенный турками в Семибашенный замок, поручил Фродингу отправить в Триест и Италию всех русских подданных — как тех, кто находился при русской миссии, так и тех, кто в ту пору оказался в Турции. Ему также было поручено извещать обо всем происходившем тогда в Константинополе Коллегию и всех командующих русскими армиями. С этими заданиями Фродинг успешно справился. Никто, кроме Лашкарева, не мог лучше понять и оценить подвиг Фродинга: ведь самому Сергею Лазаревичу, как уже знает читатель, в предыдущую русско-турецкую войну пришлось выполнять подобное задание, и, надо сказать, при еще более сложных обстоятельствах.

Заметим, кстати, что описанный выше случай о взыскании денег отнюдь не был единственным. В марте 1799 г. Лашкареву опять пришлось обращаться к Томаре по аналогичному поводу. Он сообщал, что к нему обратилась княгиня Кантакузина; она предъявила копию взятого в свое время князем Александром Ипсиланти обязательства, по которому он должен был возвратить княгине 5500 пиастров. Подлинник этого обязательства хранился в «министерской канцелярии» Томары.

Затем Лашкарев, прибегая к уже знакомой нам аргументации, пишет: «По сему поводу, а паче в рассуждении того, чтобы отвратить ее от намерения занести далее о том свою жалобу, я препровождаю при сем к Вам, милостивый государь мой, представленную от нее мне копию с упомянутого обязательства...» (*ф. КМ, 1799 г., д. 1455, д. 6—6об.*).

Обращается Лашкарев и с запиской в Коллегию «в связи с прошением херсонского купца первой гильдии Перетца». Одна торговая константинопольская компания продала «за дешевую и убыточную цену» принадлежащую купцу пшеницу, присвоила деньги и объявила себя банкротом. Лашкарев испрашивает разрешения отправить к Томаре «канцелярскую цидулу», дабы посланник, «вошед в рассмотрение сего дела, отыскал ему, Перет-

цу, по мере права в сем требовании» от компании «должное удовлетворение» (ф. СРТ, 1799 г., д. 2309, л. 397—398).

А теперь обратимся к другой проблеме. Известно, что Екатерина II и Павел I пожаловали Лашкареву несколько имений в Белоруссии и Екатеринославской губернии; была ему также предоставлена земля и в Литовской губернии. Кроме того, по ордеру Потемкина Лашкареву было отведено в Крыму на р. Каче 3300 десятин земли и подарен сад в Судакской долине. В этих имениях находилось около 2 тыс. крепостных «мужеска полу». О судьбе одного из них и пойдет ниже речь.

Позднее, уже при Александре I, Лашкареву пришлось представлять еще одно объяснение Коллегии в связи с запросом екатеринославского губернаторского правления, к которому, в свою очередь, было адресовано «всепокорнейшее прошение» от проживающего в «Екатеринославском уезде слободе Лашкаревой¹⁸ статского советника Сергея Лазаревича Лашкарева воинского дезертира Кирилла Михайлова сына Гусева». Заметим попутно, что в прошении имеется небольшая неточность: Гусев не знал, что у его барина тогда уже был чин тайного советника.

В деле этом есть обстоятельства, не лишённые интереса: в нем весьма резко и в конкретной форме проступают некоторые социальные черты крепостничества. Ведь Лашкарев, служебная деятельность которого, как уже не раз было подчеркнуто и еще будет сказано впереди, заслуживает самой высокой оценки, вместе с тем оставался обычным для того времени помещиком-крепостником — не хуже и не лучше других. И об этой его черте историк не вправе умалчивать.

В прошении Кирилла Гусева от 27 февраля 1803 г. на имя екатеринославского гражданского губернатора Миклашевского читаем: «...я истинно доказываю, что точно дезертир, и, прибегая под защиту вашего превосходительства, всенижайше прошу милостиво... об отобрании меня с семейством от показанного советника Лашкарева, и причислить по желанию моему в екатеринославские мещане, и о всем учинить Вашу милостивую резолюцию».

В архиве хранится и «учиненная резолюция»: «С сим проситель Гусев имеет явиться в екатеринославском уездном суде, которому предписать в рассмотрении дела о просимой им вольности поступить по предписаниям, от губернского правления учиненным марта 9 дня 1803 года. Михайла Миклашевский» (ф. АД, разр. IV-16, 1803 г., д. 2, л. 4—4об.).

Судьба крепостного Гусева, который просить вынужден, считать его... дезертиром, типична для того времени, когда гнет самодержавно-крепостнического режима принимает особенно уродливые формы. Неудивительно поэтому, что в последней трети XVIII в. резко возрастает число случаев дезертирства и побегов крепостных. Екатерина II издает манифест за манифестом, в которых вынуждена даровать «прощение вины беглым». Тре-

бовалось заселить южные окраины России, и для этого туда по предложению князя Потемкина направляются тысячи таких «прощенных».

С содержанием подобных манифестов хорошо был знаком и Лашкарев, бывший в начале 80-х годов генеральным консулом в Бессарабии, Молдавии и Валахии. Коллегия посылала ему эти документы в десятках экземпляров, отпечатанных типографским способом на русском и нескольких иностранных языках, с тем чтобы их расклеивать на видных местах в городах и селах.

Издание подобных манифестов, как правило, приурочивалось к каким-либо знаменательным событиям. Например, в делах российского генерального консульства в Яссах имеется подобный манифест императрицы, изданный 7 августа 1782 г. «по случаю открытия статуи блаженной и вечной славы достойной памяти государя императора Петра Первого». В ст. 5 документа читаем: «Всякого рода и звания военным людям, крестьянам и прочим обывателям, до состояния сего указа нашего отлучившимся из отечества, жилищ и команд их самовольно, даруем всемиловитейше прощение, буде они явятся от сего числа чрез год, а из иностранных земель чрез два года...» А ст. 9 этого манифеста гласит: «Всех до сего числа оказавшихся в несправности или упущении должности, кроме взятков и других умышленных преступлений, всемиловитейше прощаем в чаянии, что они трудом и ревностью потщатся наградить свои несправности» (ф. РГК, 1782 г., д. 6, л. 41, 45).

Что же произошло с Гусевым? В 1777 г. он был отдан в солдаты в бомбардирский полк, где прослужил тяжелых восемь лет; не выдержав палочной дисциплины, он дезертировал и поселился в имении Лашкарева — слободе Лашкаревке. Здесь он женился на крепостной вдове и, по его словам, «в начатии 795 года по ревизии записан в подданство, а потом через некоторое время явился к бывшему военному губернатору генерал-лейтенанту Бердяеву» (тому самому, который в 1797 г. писал на Лашкарева рапорт в Военную коллегия). Он просил Беряева «на основании узаконений из подданства освободить» и оставить его, Гусева, «где по законам долженствует», поскольку был указ «являющим дезертирам освобождать из-за помещиков».

Но у Бердяева крепостной Гусев толку так и не добился. Спустя некоторое время он обращается с новым прошением к Миклашевскому, который и дает приведенную выше резолюцию. Но требовалось еще согласие Лашкарева на предоставление «вольности» его крепостному Гусеву.

Что же пишет по этому поводу в своем объяснении Коллегии Лашкарев? Он, конечно, осведомлен, что владельцы имений за принятие беглых никакой ответственности не несут, но на всякий случай указывает, что «прием чужих крестьян» помещиками прощен «многими всемиловитейшими манифестами». Он особо подчеркивает, что Гусев проживает в его слободе уже

18 лет, в то время как указом 1787 г. предусматривалась только «десятилетняя давность отыскивания вольности и состояния». По Лашкареву выходит, что его крепостной просто опоздал со своим прошением, но даже с чисто формальной стороны это не так: ведь Гусев обращался еще с такой же просьбой к Бердяеву в 1795 г.

И в заключение Лашкарев, прибегая к весьма странной аргументации, пишет: «...прошу правительство оставить его... в моем укреплении уже яко женившегося на моей крепостной девке и уже нажившего имение от моей земли и экономии» (ф. АД, разр. IV-16, 1803 г., д. 2, л. 3—3об., 5—5об.).

Рет, не захотел тайный советник Лашкарев дать «вольную» Кириллу Михайлову сыну Гусеву.

Спустя несколько лет после ухода на пенсию Лашкарев разделил свои деревни, «состоящие в Виленской и Гродненской губерниях», между своими детьми, отдал их им «в вечное и потомственное владение». Его дочь, жена статского советника Елена Карнеева, например, по этому разделу получила несколько селений, «да в деревне Гардзеевке одну хату, или дом». И как далее значится в записи «вечного раздела», сделанной нотариусом по доверенности Сергея Лазаревича, эти деревни передаются «со всеми землями, лесами, уволоками, сенокосами, болотами, реками, протоками, озерами и крестьянами, налицо и в бегах находящимися, с властью отыскивать оных, со всем имуществом и строением крестьянским и господским, с корчмами, с засеками и доходами...» (ф. АД, разр. III-1, 1807 г., д. 1, л. 6).

Но при изложении событий, находящихся на так называемой «бытовой периферии», мы несколько забежали вперед в хронологическом отношении. Вернемся к многогранной деятельности Лашкарева на должности управляющего Азиатским департаментом. В этом плане значительный интерес представляют аттестаты и рекомендательные письма Лашкарева, его обширная служебная переписка, наконец, его записки-предложения «высокому министерству».

При всей своей требовательности к подчиненным Сергей Лазаревич — и это следует подчеркнуть особо — слыл заботливым начальником. В его биографии имеется немало примеров, когда он активно заступался за своих сослуживцев, конечно, если это вызывалось необходимостью. Случалось и так, что Лашкарев при всем своем желании помочь не имел возможности по тем или иным причинам сделать это сразу. Но и в таких случаях он настойчиво, порой годами, не жалея сил и времени, добивался справедливого решения. Примером может послужить дело М. Д. Скибиневского, начало которого относится к 1793 г.

16 октября 1794 г. из Астрахани был направлен в Коллегию рапорт, в котором, в частности, указывалось:

«По несостоянию в персидском порте Зензилах (Энзели.— Г. К.) настоящего консула¹⁹ послан мною в прошлом 1793-м го-

ду для исполнения сей должности признанный мною к тому способным Михайла Скибиневский, который, находясь там со 12 февраля 1793 года, по сие время исправляет с особливым усердием и искусством, а потому, считая его достойным и способным остаться при сем деле, поновляю сделанное мною Государственной Иностранных Дел Коллегии от 26 числа июня 1793-го года представление мое [об утверждении Скибиневского в должности консула и назначении ему жалованья].

Генерал-аншеф Рязанский, Тамбовский и Кавказский генерал-губернатор Командующий войсками, на Кавказской линии расположенными, и эскадрю на Каспийском море и кавалер Гудович».

На этом втором, как это явствует из текста, рапорте имеется помета: «Возращен от его сиятельства вице-канцлера без резолюции». К тому же под этими словами стоит странная дата — 10 марта 1796 г.

Но все объяснится после обнаружения в архивном деле третьего рапорта генерал-аншефа Гудовича с аналогичным текстом о Скибиневском, датированным январем 1796 г. Как видим, Гудович сделал все, что мог, но от Петербурга так ничего и не добился.

Надо сказать, что к этому времени Лашкарев был уже хорошо знаком со Скибиневским (правда, заочно) по его толковым и довольно подробным донесениям в Коллегию, и главным образом по двум важным вопросам: «о пользе коммерции российской» и о «персидских делах».

Сергей Лазаревич однажды даже заметит, что Коллегия имеет в Персии, к сожалению, только один глаз — в порту Энзели, поскольку в самом Тегеране в те годы российской дипломатической миссии не было.

Узнав, что уже несколько лет М. Д. Скибиневский выполняет свою многотрудную работу без жалованья, Сергей Лазаревич, так же как в свое время Гудович, делает одно за другим несколько представлений канцлеру, но тоже ничего добиться не может. Случай сам по себе редкий, если не редчайший, но это обстоятельство Лашкарева не смущает: он продолжает бороться за Скибиневского. Консул тоже понимает, что в его ситуации ждать реальной помощи можно только от управляющего Азиатским департаментом. Так, в середине 1798 г. Скибиневский писал Лашкареву: «Всепокорнейше прошу вашего превосходительства простить дерзновение мое столь часто утруждать Вас моими просьбами среди множества дел государственных, особу Вашу обременяющих».

А спустя полгода (10 декабря) Лашкарев получает первое обнадеживающее свидетельство того, что его усилия даром не пропали. Курьер приносит в его кабинет маленький конверт под красной сургучной печатью с надписью: «Его превосходительст-

ву Сергею Лазаревичу. Нужно». Вскрыв конверт, Лашкарев вынимает сложенный пополам листочек тонкой бумаги, исписанный знакомым аккуратным почерком коллежского обер-секретаря Вестмана, но — странно — без привычного в таких случаях обращения к адресату и без подписи. (Не потому ли Сергей Лазаревич счел необходимым сохранить и сам конверт?) Приведем этот текст: «Его высокопревосходительство Виктор Павлович [Кочубей] приказать мне изволил отнестись к вашему превосходительству с просьбою, чтоб пожаловали приказать к завтрашнему утру заготовить доношение в Сенат о награждении чином известного Вам, милостивый государь, консула Скибиневского. Таковое доношение можно написать прямо набело к подписанию господ присутствующих».

Лашкарев был бесконечно рад и такой записке — наконец-то Скибиневский получит новый чин — надворного советника, а затем, конечно, причитающееся ему за несколько лет жалованье, ну и, разумеется, будет утвержден в должности. Бросалось, однако, в глаза, что бумага И. К. Вестмана была подчеркнута официальной и, может быть, писалась даже с каким-то скрытым раздражением. Да и срочность, с которой требовалось составить представление (это после шестилетнего-то ожидания!) — «к завтрашнему утру» и «прямо набело», — была немотивированной.

Не трудно предположить, что, видимо, накануне Лашкарев был с очередным докладом у Павла I и смог замолвить слово за Скибиневского. Действительно, на следующий день, 11 декабря Коллегия в донесении за подписями Безбородко, Кочубея и Ростопчина просит Сенат о награждении Скибиневского «за особливые его труды и похвальное служение следующим чином».

Как бы то ни было, но Лашкарев пока решил ничего не сообщать об этом Скибиневскому, поскольку знал, что решению этому еще предстоит долго переходить из кабинета в кабинет по длинным сенатским коридорам...

19 июля 1799 г. Лашкарев посылает астраханскому гражданскому губернатору И. С. Захарову «особый пакет № 181» для Скибиневского с сопроводительным письмом, в котором просит «как можно скорее и вернее» направить этот пакет адресату. И «особый пакет» был доставлен, как сказано в архивном деле, «через идущего в Персию от Астраханского порта флота лейтенанта Лупандина».

Что же содержалось в пакете? В нем был указ Коллегии Скибиневскому за подписью Ф. В. Ростопчина с инструкцией относительно ответа, какой надлежит давать иранским властям о посланных в помощь Грузии русских воинских подразделениях. Предписывалось, в частности, «в пристойных случаях, кому следует твердо объявить», что «войско в Грузию ныне послано в доказательство верховной власти и покровительства Российского двора, под которым она состоит, и чтоб в то ж время недоброжелательствующие ей были о том сведомы, оставаясь каж-

дый в своих пределах и не простираясь к местам, им не принадлежащим».

Было там и письмо Лашкарева следующего содержания: «Милостивый государь мой, Михайла Данилович! В сходстве рапорта Вашего от 15 мая, препровождая при сем Коллегии иностранных дел Указ, за удовольствие себе поставляю в том же случае Вас уведомить, что его императорское величество по докладу оной Коллегии соизволил уже указать доставить к Вам просимое Вами за все прошедшее время жалованье по посту Вашему, о удовлетворении Вас коим смело я могу сказать, что на сих же днях пошлетя куда следует нужное предписание, а затем дастся Вам и чин. О чем предварительно Вам сообщаю, чтоб с сей стороны Вы были спокойны. Со всегдашним моим к Вам почтением имею честь быть...»

30 сентября 1799 г. Скибиневский доносил в Азиатский департамент, что он дал знать шахским властям о настоящей причине, для чего в Грузию послано русское войско, и поэтому им не следует «из сего случая» делать заключений, «несогласных с высочайшей его императорского величества грамотою, к Бабахану Сердарю присланной».

Одновременно Скибиневский направляет письмо Лашкареву, в котором горячо благодарит его за ходатайство о выдаче ему жалованья и считает теперь возможным, поскольку свое дело рассматривает как решенное, сообщить о себе некоторые биографические сведения.

«П. И. господин Коваленский, близкий земляк мой и учившийся в юности лет у меня математике, знает, что хотя из дворян я, но в малолетстве остался сиротою и на счет Е. А. Щербинина, бывшего в Харькове губернатора, воспитан из приязни к покойному отцу моему, убитому на сражении с турками в войну, 1774-го года окончившуюся, где и сын полковник Щербинин убит был. Из сего изволите, милостивый государь, заключить, что пропитание мое заимствую от одной службы. Правда, получаю я помощь от тестя моего, генерала И. Д. Савельева, однако же не так достаточную, чтоб мне было можно жить без жалованья, тем паче что я живу здесь, а семейство мое в Астрахани. Ибо мятежи беспрестанные и болезни, сему краю свойственные, препятствуют иметь семью при себе» (ф. СРП, 1799—1800 гг., д. 490, л. 7—8, 129, 39, 30—30об., 86—87об.).

Между тем в Азиатском департаменте разрабатывается ряд мер для расширения торговли с Востоком. В конце 1798 г. Скибиневский получает именной указ правительствующему Сенату о разрешении выпуска из Астраханского порта иностранной золотой и серебряной монеты, «железа полосного сортового, листового, черного, наличного, кровельного», «меди красной и зеленой в деле и не в деле», «колова прутowego» и «всякого рода хлеба» (ф. АД, 1798 г., д. 13, л. 1).

В январе 1799 г. русский консул из Энзели докладывал Лаш-

кареву: «Торговля наших купцов выгодна; почтение к нам окazyвается, и остается, по-видимому, заботиться мне о том только, дабы все сии выгоды удерживать».

Спустя год Скибиневский получает указ Павла I о торговых пошлинах: «...что касается до постановления пошлин, какие единойжды навсегда позволить брать с привозимых [в Иран] российских товаров и с вывозимых оттуда и на которые Российский императорский двор по приятному благорасположению к Персии для пользы обоюдных подданных согласен, оные суть те ж по три процента со ста, какие российское купечество платит в турецких областях по силе 20-ой статьи заключенного с Оттоманскою Портою в 783 году трактата, с коей для руководства Вашего прилагается при сем копия».

В этой связи представляет интерес письмо Лашкарева, в котором он предписывает Скибиневскому ссылаться на ст. 20 трактата только в крайнем случае, и то при следующем условии: «...ежели (чего ожидать нельзя) тамошнее правительство станет упорствовать в соглашении с Вами по содержанию оного Указа, чтоб тогда Вы только отозвались об ней и объявили, что буде Порты Оттоманская сверх представленных российскому купечеству вольностей и преимуществ довольствуется взятъем трех процентов с суммы, объявляемой купцами, то как же персидскому правительству не согласиться на требования здешнего высочайшего двора, столь умеренные и справедливые, а иначе Вы о сей статье и упоминать никому не должны и тем меньше представлять ее».

Не забывает Лашкарев вновь сообщить консулу о его жалованье: «Уверяю Вас, что в рассуждении следующего Вам за прошедшее время жалованья я прилагаю старание, чтоб непременно Вы оным были довольствованы, которое, конечно, вскоре и получите и впредь без всякого затруднения получать будете».

Однако в апреле 1800 г. Лашкареву снова пришлось писать очередную записку «О удовлетворении надворного советника Скибиневского за прошедшее время жалованьем». Тем временем консул доложил Лашкареву, что дело с пошлинами он уладил. Вскоре удалось наконец и управляющему Азиатским департаментом окончательно уладить дело Скибиневского. Указом, подписанным графом Ростопчиным 3 июля 1800 г., предусматривалось: «Исправляющему в Персии консульские дела надворному советнику Скибиневскому быть тамо Генеральным консулом» (ф. СРП, 1799—1800 гг., д. 490, л. 69об.—70, 79—79об., 93б, 194—196, 213).

Теперь остается попытаться ответить на вопрос, почему же все-таки столь трудно разрешимым оказалось дело Скибиневского? Прямого ответа на этот вопрос в архивных источниках найти не удалось, зато предполагаемый отыскан в формулярном списке Скибиневского. В любом таком документе обычно имеется одна графа, которая, как правило, остается незаполнен-

ной: «Был ли когда под судом и за что именно?» И вот Скибиневскому пришлось вписать туда следующие сведения: «По Указу правительствующего Сената вследствие представления бывшего Кавказского наместничества правителем господина генерала-майора Брянчанинова по отрешению от места вообще с прочими членами и по определению на места их новых членов предан был суду Кавказской уголовной палаты (17 июля 1790 г.) за медленное решение дел по бытности советником в палате уголовного суда, но оправдан совершенно и удостоен палатою же уголовного суда быть впредь при таких же делах» (там же, л. 36—37).

В Петербурге, должно быть, посчитали, что не бывает дыма без огня и, видимо, не очень доверяли Скибиневскому, а Лашкарев поверил и, как видим, не ошибся. Сергей Лазаревич умел не только доверять, но и доводить до конца раз начатое дело. В таких случаях, не считаясь с затраченным временем, он проявлял удивительную настойчивость: при необходимости повторно обращался с соответствующим ходатайством «к высокому министерству».

В одном из подобных документов (он относится к 1799 г.) Лашкарев, в частности, писал: «По поданным в Коллегию Иностранных Дел от разных чинов прошениям учинил я в свое время надлежащее рассмотрение и представил его светлости [князю Безбородко] записки, почему он после того и объявил, что его императорское величество высочайше указать соизволил сделать по оным удовлетворение. Однако же, как помянутый канцлер скоро потом заболел и умер, оные записки остались без надлежащего исполнения» (ф. ВКД, 1799—1800 гг., д. 3289, л. 1—3).

Не забывал Лашкарев и людей, с которыми когда-то давно по делам службы его сталкивала судьба. Расскажем подробнее о таком случае. Речь пойдет об одной семье, волею обстоятельств оказавшейся в очень тяжелом положении. И тогда на помощь пришел Сергей Лазаревич.

Как известно, в описываемое время большинство проживавших в Турции греков с глубокой симпатией и любовью относились к России. К ним следует отнести и поселившегося на одной из окраин Константинополя еще не старого Георгия Дамира. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. он проявлял отеческую заботу о русских военнопленных, многие из которых обязаны ему своей жизнью. По прекращении военных действий Дамир специально для них на свои средства нанял большой дом, где содержал до 300 человек.

После подписания Кючук-Кайнарджийского мира Дамир оказывает всяческое содействие приехавшим в Константинополь Лашкареву и временному поверенному в делах Христофору Петерсону, в частности, по найму квартир для посольства. Он же помогает отыскивать пленных и отправлять их партиями на разных судах на родину. Вместе с русскими дипломатами Дамир

участвует в хлопотах по организации переселения греков и албанцев в Россию. Он снабжает провиантом наши суда, направлявшиеся с пленными из Архипелага через Дарданеллы в Черное море, поскольку турецкие власти отказывались продавать продовольствие.

Позднее два старших сына Дамира поступят на русскую службу: один станет коллежским ассессором, другой — поручиком в софийском карабинерском полку.

В 1796 г. из-за непрекращающихся преследований турецких властей, которые не могли простить Дамиру его симпатий к России, он с семьей — женой, младшим сыном и дочерью — из Константинополя направляется в Россию, но по пути вынужден сделать остановку в Варшаве, так как у него кончаются деньги. Там у него умирает жена. Тогда его сыновья обращаются за помощью к Лашкареву.

А что было дальше, мы узнаем из письма на имя Павла I (январь 1797 г.): «...имея двух сыновей... от которых при последнем моем несчастьи ожидал я вспоможения, но за недостатком их не могли они мне и столько помочь, чтоб мог я доехать до Петербурга. Однако по просьбе их господин действительный статский советник Лашкарев, поручившись за меня, доставил чрез то мне способ... приехать всею моею фамилиею в Петербург».

Но вскоре после этого Георгий Дамир умирает, а его дети остаются в незнакомом Петербурге без всяких средств к существованию. Тогда 9 декабря 1798 г. Лашкарев составляет на Дамира аттестат и направляет его канцлеру. В нем, в частности, указывается: «Георгий Александров сын Дамир... в верности и усердии его к России испытан мною был при разных комиссиях, на него возложенных...» Что же касается его детей, то они, по словам Лашкарева, «по необходимости в долг вошли и претерпевают ныне крайнюю бедность», почему он и испрашивает «от щедрот его величества» «сим детям онго Дамира в награждение некоторую часть земли... в Таврической области, а для уплаты нажитого ими здесь небольшого долга и на выезд какую благоугодно будет денежную дачу».

Заручившись согласием канцлера, Лашкарев составляет проект именного указа, который и представил Павлу 31 декабря 1798 г. Вот полный текст этого документа: «Господин генерал от инфантерии и Новороссийский военный губернатор граф Каховский. Уважая заслуги покойного грека Георгия Дамира, оказанные им в прежнюю с Портою Оттоманскою войну при разных комиссиях, от начальников на него возложенных, всемилоостивейше повелеваем в награждение оных оставшимся по нем детям его дать из имеющихся в Таврической области казенного ведомства порожней земли три тысячи десятин и три виноградные сады и один хан. Пребываем к Вам благосклонны. Павел».

В архивном деле хранится также записка графа Ростопчина,

из которой явствует, что Павел I повелел выдать семье Дамира и деньги — 600 руб. (ф. ВАД, 1799 г., д. 36, л. 30—31об., 40, 47).

Здесь уместно привести и такой пример. В разгар военных действий в мае 1788 г. Лашкарев узнаёт, что вице-консул в Смирне Иван Равич, с которым ему довелось в середине 70-х годов служить в Константинополе, оказался в трудных обстоятельствах. И Сергей Лазаревич, состоя в это время на службе при Главной квартире князя Потемкина в Елисаветграде и по горло занятый важными делами, немедленно отправляет письмо вице-канцлеру Остерману, в котором, уведомляя его, что Равич при объявлении Турцией войны России «лишился всего, что он только имел, и переездами доведен до крайнего разорения», ходатайствует о возмещении убытков последнему и просит «о доставлении ему высочайшей милости и монаршего благословения» (ф. СРТ, 1788 г., д. 167, л. 1).

А вот отзыв Лашкарева о коллежском асессоре Георгии Анадольском, о коем он, «отдавая должную справедливость добропорядочному и похвальному его служению», свидетельствует: «Он подлинно был со мной везде в прошлую с турками войну в походах, разделял со мною и все происходящие от них труды, беспокойства и самые болезни. Был в траншеях безотлучно с самого начала осады города Очакова и по взятии его штурмом, подвергая жизнь свою всем опасностям с прочими в шестой колонне, в том же действии бывшей» (ф. ВАД, 1798 г., д. 35, л. 92—92об.).

Сергей Лазаревич неизменно проявлял особую заботу о своих подчиненных по Азиатскому департаменту, находившихся в стесненном материальном положении. Так, представляя к награждению коллежского асессора Юкина, Лашкарев, в частности, писал, что тот, «всегда отличаясь усердием к службе... наипаче [потому], что при небольшом жалованьи своем без роптания содержит мать свою, бабуку и двух сестер, поныне девицами остающихся, заслуживает в таком состоянии по всем сим качествам милостивое пособие награждением» (ф. ПГА, 1803 г., д. 4, л. 6—6об.).

Говорили, что одним из принципов, которым неизменно руководствовался Сергей Лазаревич, был следующий: «Доброе дело никогда плечи не жмет и спать крепко не мешает».

Действительно, Сергей Лазаревич в меру своих сил и возможностей старался и, главное, любил помогать людям, которые обращались к нему за помощью, с неизменным уважением относился к своим сослуживцам. Но при этом всегда оставался требовательным и принципиальным при решении всякого рода служебных дел, больших и малых. Без колебаний он отказывал тем просителям, чьи просьбы в силу каких-либо причин были необоснованными или неделикатными. Довольно типичный в этом отношении случай произошел с ним в 1797 г. Мы можем пересказать этот случай благодаря документам одного архивного де-

ла «на одиннадцати полулистах», заведенного в свое время самим Сергеем Лазаревичем.

Однажды — было это ранней петербургской осенью, — закончив подписание бумаг, Лашкарев, вопреки обыкновению, не торопился покинуть кабинет канцлера. Это обстоятельство, разумеется, не осталось незамеченным князем Безбородко, который спросил его:

— Вы хотите о чем-то еще доложить?

— Да, если позволите, ваше сиятельство, небольшое частное дело о трости...

— О трости? — удивленно переспросил канцлер и продолжал: — с каких это пор Азиатский департамент, вам вверенный, стал интересоваться такой принадлежностью мужского туалета?

— Всякое случается, ваше сиятельство. Вот в прошлом году немало хлопот нам доставил отправленный из Ташкени живой слон в презент ее императорскому величеству блаженной памяти покойной государыне Екатерине II...

— Собираюсь в Павловск, но время мое еще терпит, слушаю вас, Сергей Лазаревич.

— Как вы знаете, Александр Андреевич, персидский владетель Муртаза Кули Хан, убоясь брата своего тирана Агу Могамет Хана, прибег под высокое покровительство России. Первоначально он обретался в столице, ныне же имеет жительство в Астрахани и получает от монарших щедрот двенадцать тысяч рублей годового пенсиона. При нем был приставом надворный советник Батышевский, недавно отъехавший из Астрахани в Петербург. Воспользовавшись оказией, Кули Хан и передал с ним презент «одной высокой особе» — трость с набалдашником знатной работы. Тем временем я получил от хана письмо, в котором его высокостепенство просил меня взять ту трость у господина Батышевского и вручить сие, как он выразился, скудное приношение «высокой особе». Трость я уже получил и, как полагается, сделал описание оной. Набалдашник у трости изумрудовый, состоящий из двенадцати штук, покрытых сверху тремя большими красными яхонтами и десятью небольшими алмазами в золотой оправе...

— Кто же эта знатная особа?

— В полученном мною письме из Астрахани речь идет о вашей светлости. Мною заготовлено два проекта ответа Кулихану, один из которых просил бы апробовать.

— Почему же два?

— Ваше сиятельство, в первом содержится обыкновенная благодарность за презент, во втором же — вежливый отказ от такого дара.

— Прочтите второй...

— Слушаюсь. «Высокостепенный Муртаза Кули Хан, мой искренний и почтеннейший приятель! Почтеннейшее письмо вашего высокостепенства от 4-го числа минувшего августа я полу-

чил исправно, за которое и за изъявленные в нем знаки признания вашей ко мне и благорасположение ваше долгом себя поставляю в сем же случае принести вам искреннее мое и покорнейшее благодарение. Что же принадлежит до трости вашего высококостепенства, которую вы, мой почтеннейший приятель, поручили господину коллежскому асессору Мирзе Абутарабу (переводчик Азиатского департамента.— Г. К.), взяв от бывшего при вас приставом надворного советника Батышевского, мне отдать для поднесения его светлости канцлеру князю Александру Андреевичу Безбородко от имени вашего в подарок, оную получив от господина Батышевского, не смел я и помыслить поднести светлейшему князю, почему и препровождаю ее обратно к вашему высококостепенству, а при том прошу вас как искреннего моего приятеля, уведомляя меня о получении оной, таковыми приношениями и впредь не утруждать особы вашей и других, которые все сделать в пользу вашу и без того по истинному и душевному к вам расположению давно готовы».

— Спасибо, Сергей Лазаревич. Написано, скажу я вам, в манере изящной. Прошу озаботиться немедленным отправлением.

— Ваше сиятельство, Александр Андреевич, мною уже заготовлено на сей случай письмо к Августу Ивановичу (А. И. Ган — петербургский почт-директор.— Г. К.)...

Вот копия этого документа: «Посылаемый при сем с сведения Государственной Коллегии Иностранных Дел ящик, заключающий в себе трость ценю в шесть сот рублей, следующий в Астрахань к высококостепенному Мирзе Кули Хану вместе с письмом на его имя, у сего прилагаемым, благоволите, ваше высококостепенство, приняв, доставить до рук помянутого хана» (ф. СРП, 1794—1799 гг., д. 488, л. 180—191). Письмом этим, датированным 3 сентября 1797 г., собственно, и закрывается дело «О принятии от надворного советника Батышевского трости и об отправлении оной к Муртазе Кули Хану».

В 1798 г. Муртаза Кули-хан направил Лашкареву очередное «просительное письмо», которое в Коллегии посчитали «невместным». Сергей Лазаревич изготовил от имени князя Безбородко ответ, начертанный пером острым и тонким, и канцлер подписал его, не изменив в нем ни строчки. В письме-ответе, в частности, указывалось: «Его императорское величество, получив всеподданнейшее прошение ваше от 4 мая сего ж 1798 года и усмотрев из оного желание ваше припасть к освященным стопам его, принять оное соизволил ко всемилостивейшей благоугодности и точно так, как лично вами [уже] пред ним исполненное, почему и высочайше повелел к вам отозваться, что ехать вам в Санктпетербург в столь дальний путь есть излишнее» (там же, л. 194).

В архиве хранятся документы, относящиеся к июню 1799 г. и к переписке Лашкарева по делу Арслан-Гирея, «живущего за Кубанью» и присягнувшего на подданство России в 1793 г. Ле-

том 1799 г. Арслан-Гирей присылает к Лашкареву своего доверенного чиновника Исо Шувалова с письмом, содержащим прошение о том, чтобы кочующие в обширном районе Кавказской линии (по р. Куме и по Бештау) ногайские племена, поручены были ему и «причислены к находящемуся под его властью народу». Просил он также об отводе ему и его людям «по сию сторону Кубани места, способного и достаточного для скотоводства, где бы мог он со своим народом жить».

Тщательно изучив присланные к нему бумаги, Лашкарев заподозрил в намерениях Арслан-Гирея неладное по отношению к ногайцам и посчитал своим долгом составить по этому делу обстоятельное донесение. В этом документе, озаглавленном привычно — «Особая записка на усмотрение и резолюцию высокому министерству», — Сергей Лазаревич указывал, что обязанным себя считает представить свое мнение, подчеркнув, что раз уж просимые Арслан-Гиреем под его власть ногайцы «издревле находятся во владении Российском и всегда поручены были по судебным их делам ведомству какого-либо из кизлярских начальников, знающего их язык, то и неприлично отдать их подобному пришельцу, которому как скоро отдадутся, так, как он, султан [Арслан-Гирей], просит, то будут по азиатскому обычаю обременены несносными податями или сборами разного наименования и, огорчась, после благоденственного по сие время их кочевания здесь принужденными найдутся бежать за границу».

С мнением Лашкарева согласился канцлер Ростопчин, который поручил ему заготовить проект указа Павла I командующему Кавказской линией генерал-лейтенанту Кноррингу-второму, а также соответствующее письмо от вице-канцлера Кочубея к Арслан-Гирею. В подписанном императором 23 июня 1799 г. документе указывалось, что если султан Арслан-Гирей «пожелает действительно переселиться с людьми его в границы нашего владения без всяких таковых неуместных требований и жить на таком же основании, на каком и другие подобные ему живут, то мы не оставим дать нашего повеления об отводе ему земли по сю сторону Кубани для жительства его с его людьми».

И наконец, чтобы покончить с этим делом, Ростопчин в тот же день письменно уведомляет вице-канцлера: «Государь император соизволил указать сообщить вашему сиятельству, что письмо Ваше к султану Арслан Гирею апробуется и чтоб за издержки и в награждение посланному от него чиновнику Исо Шувалову по счету тайного советника Лашкарева деньги девять сот сорок²⁰ семь рублей шестьдесят семь копеек с деньгою выданы были государственным казначеем бароном Васильевым».

Представляет определенный интерес и дело «О Хасполате Шамхале, желающем вступить в русское подданство. 1802». Лашкарев, получив прошения Хасполата на персидском языке, адресованные «на высочайшее имя и к министерству», перевел их на русский и направил вице-канцлеру.

Сергей Лазаревич подтвердил, что Хасполат действительно является сыном бывшего тарковского шамхала и что он имеет свой удел. А далее им была сделана следующая оговорка: «Но как неизвестно, сколь он (удел.— Г. К.) велик и согласно ли с достоинством и пользою принятие его в подданство здешнее, то и нужно иметь точное об оном сведение от находящегося в Грузии генерал-лейтенанта Кнорринга, по коему можно было тогда сделать и положение».

Такой запрос был направлен, и 21 декабря 1802 г. в Петербурге получили ответ от генерал-лейтенанта Цицианова, сменившего Кнорринга. Запрос Лашкарева оказался не лишним: «Владелец же Хасполат Магометов жительствоует в пределах Дагестана в деревне, Казанши называемой, которая и окрестности ее составляют его удел. В прочем владение сие его очень малое и ничего не значащее. Нынешний Шамхал Тарковский, будучи верховным над ним владельцем в третьем годе, когда Хасполат сделал было ему послушание, привел его себе силою оружия в повиновение, и теперь во власти его он состоит. Принять же его в подданство, а потому, может быть, и к получению пенсиона, мне мнится, для интересов Российского двора по бессилию его бесполезно» (ф. СРП, 1728—1803 гг., д. 4, л. 152, 156—157, 164, 201—202, 210).

Вновь подчеркнем, что во всех случаях, когда Сергей Лазаревич считал прошения отдельных лиц достаточно обоснованными, он, несмотря на свою занятость, всегда почитал своим долгом оказывать им должное «вспоможение». Так, например, он поступил с первым чиновником Кули-хана мазендеранским визирем Мохаммедом Казимом в ответ на его «просительное письмо».

В своей «записке в доклад» Коллегии иностранных дел Лашкарев указывал, что Мохаммед Казим, принужденный от злодейств Аги Мохаммед-хана удалиться из Ирана, поселился со всем своим семейством в Астрахани в надежде, что от «высокомонарших щедрот» оставлен не будет. Ныне же, находясь в этом городе в крайней бедности, просит об определении ему пенсиона «на нужное его с семейством содержание». И Лашкарев составил не только записку, но и проект указа Павла I астраханскому губернатору И. С. Захарову, подписанный императором 27 апреля 1798 г. Указом повелевалось из доходов Астраханской губернии производить Мохаммеду Казиму «по смерти его» пенсия, а «для жительства же его с семьею определить ему в собственность один из казенных домов, а где такового не имеется, то, приискав, купить, уведомляя нас о цене его».

Спустя два года мазендеранский визирь обращается к Лашкареву с новым письмом, в котором есть такие строки благодарности: «Всевышний, украсив сердце и душу Ваши добродетелью, поручил Вам и дела прибегающих и обитающих под покровительством всемилостивейшего и августейшего монарха

иностранцев. Действительно! Все большие и малые люди, а наипаче те, кои лично чрез ваше превосходительство имели счастье искать в прошениях и желаниях своих удовлетворение, единогласно утверждают о примерном человеколюбии и сильном ходатайстве Ваших».

В этом же письме, как докладывал в своей очередной записке министерству Лашкарев, Мохаммед Казим «просит о исходятайтствовании ему от его императорского величества позволения поехать нынешнею весною в Багдад на поклонение гробу Алиеву». 29 марта 1800 г. по повелению Павла I Лашкарев выдал визирию «проезжий указ» для следования в Багдад (ф. СРП, 1794—1799 гг., д. 487, л. 265—267, 275, 278).

Несколько ранее бывший дербентский посланник Мирза Садык, проживавший в Кизляре, обратился к Лашкареву с «просительным письмом», в котором сообщал о своем желании отправиться «в свое отечество» — г. Дербент. По представлению генерала Гудовича и ходатайству Лашкарева Мирза Садык получает «проезжий указ» для отправления в этот город (ф. СРП, 1765—1797 гг., д. 15, л. 390, 395—396).

Между Грузией и Азиатским департаментом еще во дни Екатерины, как известно, стараниями Сергея Лазаревича установилась прочная связь. Однако в конце своего царствования Павел I вменяет в обязанность Лашкареву все прошения грузинских царевичей, адресованные на «высочайшее имя», принимать лично, распечатывать, переводить на русский язык и затем подносить министерству с его, Лашкарева, мнением (ф. ПГА, разр. IV-1, 1802 г., д. 10, л. 3).

Сергей Лазаревич в связи с приездом представителей Грузии для участия в торжествах по случаю предстоящей коронации Александра I посылает в Москву два письма управляющему Московским Главным архивом Н. Н. Бантыш-Каменскому. В них содержится просьба «о найме для грузинских царевичей и послов пристойной квартиры». Между прочим, приставом к грузинским царевичам был определен сын Лашкарева коллежский асессор Григорий Лашкарев (ф. ПГА, разр. IV-10, 1803 г., д. 4, л. 2).

Прибытие в июне 1798 г. в Петербург калентаря Мирзы Саида Хасана, посланника Фетх Али-шаха (Баба-хана), прибавило забот Лашкареву. С его появлением в русской столице в Азиатском департаменте связывали некоторые надежды на улучшение отношений между Россией и Ираном.

Посланник привез поздравительную грамоту шаха Павлу I по случаю его восшествия на престол. В заключительной части этого документа, в частности, указывалось: «Поелику же прошло уже много времени, как дружеский путь между обоюдными империями загражден, то к дозволению оногo дружеского сношения и для выполнения долгу — поздравления — вознамерились мы отправить к вашему императорскому величеству посла

с поздравительною грамотою...» Далее подчеркивалось, что посланнику вменено в обязанность словесно объявить русским министрам, «дабы купцы обеих высокославных сторон имели между собою союз и, с совершенной надежностью упражняясь в торговле, приезжали и отъезжали». Но как в дальнейшем оказалось, то были только слова.

Вскоре калентарь Мирза Саид Хасан направляет в адрес министерства иностранных дел ноту и две записки. На запрос обер-секретаря Вестмана о содержании ответов на обращение персидского посланника Лашкарев, в частности, писал следующее: «На поданные ноты от персидского посланника, какой ответ был дан при сем прилагаю, выписав копии из дела, а что касается до прочих затей персидских, то они и сами не знают, чего требуют...» И все же ответы Лашкарева, как обычно, были сделаны в спокойном и доброжелательном тоне, что, однако, не мешало Сергею Лазаревичу скрупулезно соблюдать государственные интересы России. Так, отвечая на первый пункт ноты — пожелание Ирана, чтобы русский консул Скибиневский переехал с о-ва Сары «на пребывание в Зензели», Лашкарев уведомляет, что должное повеление на таковой переезд уже дано и что [министерство] поручило «кому следует представить, чтоб он, Скибиневский, как персоне аккредитованная, мог по коммерческим делам ездить оттуда беспрепятственно во все прочие города Персии, когда надобность потребует, не встречая нигде противности, и чтоб сверх того оказуемо было ему почтение, свойственное званию, коего он от здешнего императорского двора удостоен». Когда Сергей Лазаревич писал эти строки, он, вероятно, вспоминал, как в свое время, в 1781 г., трудно проходила его аккредитация турецкими властями в качестве генерального консула в Молдавии и Валахии.

По второму пункту ноты — о запрещении российским военным судам входить в Энзелийский порт, кроме о-ва Сары, — Лашкарев недвусмысленно давал понять, что все русские «военные суда без надобности и дальней нужды приказания не имеют входить в чужие порты, но что как Персия называет себя дружественною державою Российской империи, то при востребовании случающихся надобностей все порты ее должны быть для них открыты».

В этом же архивном деле содержится такая протокольная запись: «По первому ж пункту [первой] записки, поданной тем же посланником господину действительному статскому советнику Лашкареву (что ныне тайный советник), о поданных персидских, — кои, буде находясь в плену у туркменцов, каким-нибудь случаем бежать будут в пределы империи Всероссийской и пожелают выехать из оной в Персию, чтобы таковых беспрепятственно отпускать и пограничным начальникам предписать о снабдении их нужными для выезда за границу паспортами, — ответствуется, что на сие никогда и запрещения в России не было, и

персиянин ли бежит от туркменцов, или другой державы подданный от других захвативших его в плен, таковые все, буде не приняли господствующего здесь закона, по желанию их ехать в свою отчизну беспрепятственно получают потребные на то паспорта, что и поныне исполняется» (ф. СРП, 1799 г., д. 168, л. 1—9, 14—18).

Во второй записке персидский посланник испрашивал, в частности, разрешения закупить в Астрахани 5 тыс. пудов железа и 1 тыс. пудов стали. В ответе сообщалось, что Астраханскому порту предписано разрешить закупить указанное количество железа и стали «на вывоз оных в Персию» (там же, л. 28об.).

Цитированные выше документы были вручены Лашкаревым первому чиновнику посланника Мирзе Мохаммеду «для сообщения кому надлежит», так как калентарь Мирза Саид Хасан 26 февраля 1799 г. в Петербурге скончался.

Лашкарев также заготавливает текст ответной грамоты Павла I Баба-хану, подписанной императором 23 марта 1799 г.; в тот же день документ был вручен чиновнику свиты посланника. После уведомления, что персидский посланник «от болезни по воле Всевышнего умре» и что его свита обратно в Иран отправляется, в грамоте подчеркивалось: «...сим удостоверяем ваше высокостепенство, что мы в рассуждении подвластных вам никогда противного намерения не имели, а, напротив того, всегда оказывали им на самом деле наше императорское благоволение, считая всю Персию вообще не иначе, как дружескою соседственною империи нашей державою, и что причину неприятных бывших происшествий были не мы, но случившиеся и самим вам небезызвестные обстоятельства и особы, нарушившие народов своих спокойствие и недоброжелательство к империи нашей оказавшие...» (там же, л. 19—21).

Специальным протоколом, подписанным канцлером князем Безбородко, предписывалось: «Отправление тела во своясы умершего здесь персидского посланника келянтаря Мирзы Саид Гасана предоставить присутствующему в Азиатском департаменте господину тайному советнику Лашкареву».

23 марта Лашкарев пригласил к себе свиту покойного и роздал положенные им награждения. Он же, уведомляя Скибиневского о случившемся, писал, что тело посланника было забальзамировано и «за препровождением дворянина Батырева» 1 марта отправлено в Персию. В том же письме читаем: «...сообщаю Вам для надлежащего сведения и сообщения кому следует, что в таком неожиданном для него и его семейства несчастии, а для меня весьма неприятном и прискорбном случае не оставил я тотчас по кончине его приказать чинам бывшей его свиты и находившимся при нем двум приставам нашим сделать всем оставшимся после него вещам и деньгам опись на персидском языке и, запечатав оные вместе с письменными делами его моей печатью, поручил те вещи и бумаги до отправления хранить

старшему по нем чиновнику Мирзе Магомеду...» (ф. СРП, 1797—1800 гг., д. 489, л. 276—277).

В июне 1801 г. Лашкарев составляет пространное «доношение на рассмотрение и соизволение», озаглавленное следующим образом: «Общая записка высокому министерству от нижеподписавшегося о ханах персидских, России преданных». Этот важный документ появился отнюдь не случайно: обстановка в Иране продолжала оставаться весьма сложной и напряженной. На этом документе следует остановиться особо еще и потому, что он в какой-то мере может рассматриваться как итоговый для управляющего Азиатским департаментом. Кроме всего прочего Лашкарев излагает в этой записке свои взгляды по некоторым важным аспектам русской политики в Закавказье. Его оценки и выводы не лишены, разумеется, известного субъективизма.

Сергей Лазаревич подчеркивает, что все прошения и ходатайства «ханов персидских, России преданных», были в свое время рассмотрены и о «каждом подано мнение»; кратко характеризуются и сами ханства. Так, Дербент оказывает «во всех случаях верность свою и преданность к высочайшему двору». По соседству расположенная Бакинская провинция, «хотя и небольшая, но коммерческая... с давних времен с ханом своим оказывает желание предаться такому покровительству, как им пользуется Дербентская область». Затем «Гилянская провинция, составленная из торгового народа и обилующая разными продуктами, неусыпно ищет такой же с Россией связи, а Талышская, которая по местоположению своему всех крепче и может одна более помянутых владельцев своими силами противиться нападению властвующих в Персии ханов, о том же ныне домогается».

Автор документа считает, что настало время представить свои «слабые мысли» о «всех ханах вообще и о прочих народах, близ Каспийского моря обитающих, и сколько все они соседством своим и настоящим их положением могут империи Всероссийской быть полезны к распространению торговли ее в Персию, Бухарию и Хиву, а также к утверждению пограничной по Кавказской линии безопасности и тишины».

Лашкарев — убежденный сторонник ориентации мусульманских народов Средней Азии и Закавказья на Россию — в данном конкретном случае полагает, что в первую очередь следует положить конец междоусобицам, которые часто случаются между этими ханами, и тогда «по учреждении таким образом тесной между ими дружбы и согласия и по обнадеживании всех высоким императорским покровительством властвующий в Персии Баба Хан или кто по нем будет не отважится уже делать ни на кого из них неприятельского нападения, да и прочих, азербайджанских ханов, кои к той же новой и всем им полезной связи приступить не преминут, должен будет оставить в покое» (ф. СРП, 1743—1808 гг., д. 7, л. 15—15об.).

Здесь следует подчеркнуть, что эти важные вопросы — а проблема «безопасности и тишины» в особенности — находились в поле зрения Лашкарева постоянно со времени создания Азиатского департамента. Например, в октябре 1798 г. он отправляет канцлеру Безбородко специальную записку «О учреждении пограничного штата в Моздоке», где выдвигает совершенно новую идею о создании новых должностей — так называемых «советников пограничных дел». По мысли управляющего, пограничным начальникам следовало бы вменить в обязанность «Коллегии обо всем рапортовать яко Верховному месту, пекущемуся вообще о тех инородных племенах и делах их к пользе государственного служения и благу общему». Лашкарев даже называет конкретных лиц, коих следовало бы определить на такие вновь создаваемые должности. Так, он предлагает назначить надворного советника Архипа Иванова «по его желанию, который с давнего времени употребляется по делам азиатским, и надворного советника Макарова в приставы к трухменскому и другим, около Кизляра кочующим народам, как знающего тот край и языки сих народов и их обыкновения» (ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1798 г., д. 2, л. 4—4об.).

При таком ведении дел, как полагал Лашкарев, легче будет нейтрализовать агрессивные домогательства в указанном районе иранского шаха.

Вернемся, однако, к «Общей записке». В Азиатском департаменте считали, что тарковский шамхал традиционно дружески расположен к Российской империи. Это о нем в одном из донесений в Петербург И. В. Гудовича содержатся такие строки: «Ближайший из ханов к российским границам Шамхал Тарковский, владеющий Дагестаном по берегу Каспийского моря, изъявляет усердие и преданность к Российской державе и, будучи сам спокойного расположения, содержит в тишине окружающих его Шемахинского и других ханов...» (ф. СРП, 1791—1796 гг., д. 1, л. 14об.).

Вот почему Лашкарев, в свою очередь, предлагал: «Но как Тарковский Шамхал давно находится под покровительством и в подданстве империи Всероссийской, в коем с недавнего времени состоит и уцмий Каракайдакский (Кайтагский.— Г. К.) и кадий Табасаранский, кои все удостоены чинами его императорского величества и получают пенсии», то надлежит предписать и им «с вышеозначенными ханами быть в дружбе и союзе».

Затрагивал Лашкарев и проблему горцев. В документе читаем: «Горские же своевольные жители, окружаемые владениями тех ханов, обращаясь в ничто, за немалое себе счастье сочтут и то, когда удостоят и их принятия в высокое Российского двора покровительство, о чем, конечно, домогаться не преминут. И посредством такового постановления всей Кавказской линии добавится вящная безопасность и спокойствие и не будет.. надобности содержать на ней толь большого числа войск».

По «Общей записке», одобренной вице-канцлером Куракиным, Лашкарев составляет проект «высочайшего рескрипта к главноуправляющему в Грузии и астраханскому военному губернатору» генерал-лейтенанту Кноррингу-второму, который и был подписан Александром I в конце 1801 г. Одновременно к «ханам персидским, России преданным», и горским владельцам были отправлены соответствующие грамоты и письма.

Рескрипт предписывал Кноррингу восстановить безопасность и тишину между соседними с Российской империей персидскими ханами и горскими владельцами, «его императорскому величеству приверженными». Речь шла об установлении между ними дружеской связи и согласия. Предполагалось также заключить с ними «союзный и оборонительный договор для общей их пользы» (ф. СРП, 1743—1808 гг., д. 7, л. 16—17об., 26).

В июне 1801 г. Лашкарев направил «письмо к президенту Коммерц-коллегии графу Головнину о азиатских народах, состоящих в здешнем подданстве и приезжающих к границам Астраханской губернии по торговым промыслам». Он добивается у Александра I выделения особой суммы Азиатскому департаменту «на издержки для приема, содержания и отправления азиатских посланцев» (ф. ПГА, разр. IV-27, 1801 г., д. 1, л. 8).

Следует особо остановиться на поданной Лашкаревым «высокому министерству» 18 июня 1802 г. записке «О тухменцах абдальского рода», посланцы которого специально прибыли из Мангышлака в Петербург просить о принятии их народа в русское подданство. Они — четверо старшин, среди которых мулла Давлет Мурад Багадулов, «главнейший между ними», — были приняты Лашкаревым. После бесед с посланцами он составил подробную записку для канцлера. В ней подчеркивалось, что абдальский народ, который «обитает около Мангышлага и держится около берегов моря», «поднесь кроме усердия и преданности никаких противностей не оказывал, напротив того, приезжающих к нему торговых людей и проезжающих в Хиву, Бухарию и прочие места всегда дружески принимает, защищает и до оных провожает. Абдальцы к сбережению своих гостей всегда брали свои меры». Лашкарев также замечает, что этот народ к коварству не склонен, более привязан к торговле и ремеслу, добродушен, верен и ревностен, «почему, — говорит он далее, — и осмеливаюсь представить мои слабые мысли: не бесполезно принять его в высочайшее покровительство и подданство».

Багадулов также просил Лашкарева оказать содействие его народу в сооружении крепости, которая была бы защитой от набегов разбойников на полуостров. Считая строительство такой крепости делом «небесполезным», он писал: «Сие укрепление, я полагаю, должно быть не в другом каком месте, как на Караганском мысе, откуда судовое и сухопутное хождение всюду безопасно и коротко, где найдена вода пресная и здоровая, а для лучшего об оном и достоверного сведения можно видеть на кар-

те обстоятельнее». Посланцы также рассказали, что «в урочище Гедике, в Караганской гавани», их народ издавна, еще «от предков своих», занимался беспрепятственно тюленьим промыслом, но уже четыре года как граф Кутайсов, имеющий поблизости к тому месту принадлежащие ему земли, «сей промысел заградил», и, таким образом, абдальцы лишились «чрез то получаемого до-селе небольшого дохода».

Лашкарев, хорошо знакомый с аппетитами Кутайсова, к тому же и сам имевший с ним неприятное столкновение, о котором мы уже упоминали, в своей записке просит позволить «абдальцам» по-прежнему заниматься ловлей тюленей. Эта записка получила «высочайшую апробацию». На ее основе был составлен указ, подписанный Александром I 16 апреля 1803 г. В нем есть и такие строки: «Прошение же... [абдальцев] о ловле при Гедике мы предписали удовлетворить» (*ф. СРГ, 1802—1805 гг., д. 127, л. 51, 54—57, 59об.*).

Для посланцев с Мангышлака перед их отправлением «во своясы» Лашкарев также добился разрешения закупить в Астрахани «тысячу пуд стали». Как явствует из предписания Александра I министру коммерции графу Н. П. Румянцеву²¹, эту сталь «велено пропустить без взыскания пошлины» (*ф. ПГА, разр. 1-8, 1802 г., д. 4, л. 322*).

2 апреля 1803 г. Сергей Лазаревич отправляет записку канцлеру с просьбой о награждении чиновников его департамента. При этом он не забывает представить даже самых мелких канцелярских служителей, скажем, губернского секретаря Василия Молодецкого, который «был у расписания золотом грамот к азиатским владельцам». Подобные представления делались обычно начальниками при их уходе на пенсию. И действительно, в тот же день Лашкарев обращается с прошением к императору «о увольнении от службы». Позволим себе привести несколько цитат из этого важного документа, в котором его автор, словно оглядываясь назад, подводит итоги своего жизненного пути.

«Излишним почитаю обременять ваше императорское величество распростертым описанием заслуг моих за сорок два года [служения] августейшему престолу твоему, оказанных в первую турецкую войну при графе Румянцеве; в последнюю был определен при сочинении прелиминарных пунктов и третьим Уполномоченным при заключении с Портою мира; и нередко жертвовал в важнейших комиссиях самою жизнью моею, подъятых в присоединении Таврии, взятии Очакова и пр.».

«Лета, сопряженные с трудами и подвигами моими, унесли действительно ощутительную часть силы и зрения моего, зима, водворившаяся на главе моей, делает мне напоминание и обширное пред очми моими семейство прискорбие таковое, что с получаемого мною жалованья ни себя ни их содержать не могли и, не беспокоивая тем высочайшего престола, ниже домогаясь всемиловитивше обещанного мне родителем Вашим на-

граждения, известного графу Ростопчину; из всемилостивейше пожалованного имения продал крестьян, дом и содержал в службе потоль, пока не почувствовал совершенного изнеможения и расстройки в положительном моем состоянии, поелику из проданного мною имения не заплатил я и половинного числа долгов моим кредиторам».

Слабость здоровья и расчет расстроенного состояния моего с предстоящим семейством моим принуждают... просить всемилостивейшего воззрения на заслуги мои и всевысочайшего по оным пожалования о увольнении меня от службы с производением в пенсион жалованья моего и на расплату мелочных долгов моих награждения, с коим бы мог я выехать из Санктпетербурга и, находясь в деревне моей, исподволь выплачивать долг мой в осьмилетний Заемный банк...» (ф. АД, разр. IV-13, 1804 г., д. 10, л. 3—4об.).

Еще 30 апреля 1800 г. Лашкареву было поручено «производить ежемесячное свидетельство казны, имеющейся на руках у казначея министерства», и «по ревизии о целости ее репортовать». И вот теперь, вслед за только что цитированным прошением, Лашкарев обращается с письмом к канцлеру графу Воронцову, где уведомляет, что приключившаяся с ним в недавнее время болезнь не позволяет ему «более продолжать того свидетельства», и просит уволить его от исполнения этого поручения в уважение болезненного его состояния (ф. АД, разр. IV-2, 1803 г., д. 1, л. 2—2об.).

Между тем на сделанное Сергеем Лазаревичем представление о награждении чиновников его департамента никакого ответа не последовало. И тогда, спустя полгода, он направляет графу Воронцову еще одну записку, в которой не без раздражения пишет: «Надеюсь от начальнического Вашего расположения, что оную [записку] внимания Вашего удостоите и не соизволите, чтоб при испрошении всемилостивейшаго мне увольнения оказался я неблагодарным противу тех, кои разделяли усердные труды мои. Сия просимая мною милость есть последняя...» (ф. ПГА, разр. IV-10, 1803 г., д. 4, л. 20).

Только после этой повторной записки Воронцовым было сделано представление о награждении чиновников Азиатского департамента «на высочайшее усмотрение».

Наконец 4 января 1804 г. Александр I подписал указ Сенату об увольнении Сергея Лазаревича Лашкарева «от службы». Там есть такие строки: «...а сего года, генваря в 4 день, по прошению его уволен он нами вовсе от службы, и во уважение сорокадвухлетнего усердного прохождения оной всемилостивейше обратили мы ему получаемое им жалованье по три тысячи рублей на год в пенсион по смерть, повелевая производить оный из общих государственных доходов, во свидетельство чего мы сей абшид собственною нашею рукою подписали и государственную печатью утвердить повелели». Одновременно император

повелел министру финансов Васильеву выдать Лашкареву «единовременно шесть тысяч рублей из казначейства».

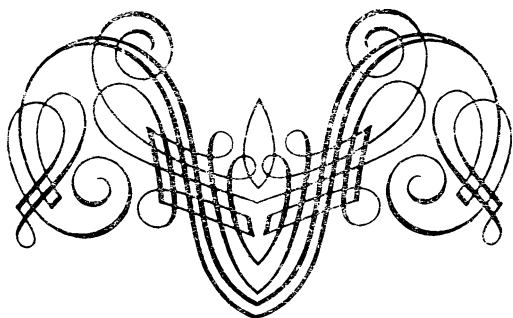
В архиве обнаружен черновик одного документа без подписи, написанный рукой графа Воронцова 4 января и адресованный Лашкареву. Канцлер, отправляя Лашкареву копии «высочайших указов», в письме этом обращался к Сергею Лазаревичу с такими словами: «Поздравляя Вас от всего сердца с сими монаршими милостями, приятно мне при этом Вас уверить об искреннем участии, которое я всегда принимать буду во всем до вас касающемся...» (ф. АД, разр. IV-13, 1804 г., д. 10, л. 8, 17, 1).

Итак, «монаршие милости» оказались довольно скромными: в подобных обстоятельствах влиятельные чиновники Коллегии награждались, как правило, орденами. Известно, что ближайшее окружение Александра не очень жаловало Сергея Лазаревича; дипломату, который смог занять важный государственный пост исключительно благодаря своим способностям, не могли простить, в частности, его настойчивого стремления проявлять самостоятельность в суждениях, принимать смелые решения в запутанных обстоятельствах. К тому же, вероятно, не могли забыть и о «благоволении» Павла I к Лашкареву.

На пенсионной папке Сергея Лазаревича Лашкарева была сделана лаконичная помета: «Сие дело кончено», и она была сдана в архив. Однако на этот раз канцеляристы поторопились...

Глава 7

СЕКРЕТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Небольшая барская усадьба удобно расположена на пригорке при въезде в село Дымово, привольно раскинувшееся в лесном краю неподалеку от Витебска. Март выдался необычно теплым и солнечным. Как-то неожиданно началась оттепель, и проселочную дорогу основательно развезло — ни пройти, ни проехать. В такое время здесь особенно остро ощущаешь свою оторванность от остального мира.

Но вот привычную и, как казалось, устоявшуюся тишину вотчины Лашкарева в вечерний час нарушил залиvistый колокольчик, и сразу засуетились дворовые; кто-то побежал в дом предупредить барина. Все это выглядело довольно странно: гости — чаще всего это были сыновья Сергея Лазаревича — наезжали сюда редко, да и то больше летом.

А к крыльцу уже подъехал фельдъегерь из Петербурга с пакетом. На нем — надпись: «Его высокоблагородию тайному советнику Сергею Лазаревичу Лашкареву в собственные руки. Нужно». Хозяин усадьбы пытался скрыть охватившее его волнение, но не смог — выдавали руки: они слегка дрожали. Форма пакета хорошо знакомая: такие куверты каким-то особым способом, да притом без ножниц, изготовлял для Коллегии несколько десятилетий сряду только один человек — экспедитор Веняминов... А что же в пакете? Нет, угадать не удалось. Три года в отставке сделали свое дело: он уже не ждал «своего часа», давно никуда не выезжал, все больше замыкался в себе...

Распорядившись накормить фельдъегеря, Сергей Лазаревич удалился в свой кабинет и, аккуратно вскрыв пакет, извлек оттуда два тонких листочка малого формата. На такой бумаге официальные депеши обычно не писали. Стал нетерпеливо читать. Прочтем и мы:

«Милостивый государь мой, Сергей Лазаревич! Известное и многими опытами доказанное усердие Ваше к Государю и к Отечеству побуждают меня предложить вашему превосходительству, не согласитесь ли Вы, милостивый государь мой, пожертвовать для них своим покоем и принять на себя временную комиссию в таком крае, где прежде служение Ваше неоднократно было ознаменовано полными успехами. В случае согласия Вашего на сие предложение благоволите не помедлить приездом Вашим в Петербург под предлогом собственных дел, а по прибытии туда меня по случаю отъезда моего с государем к армии о том уведомить, поручив отправление письма Вашего г-ну почт-директору. Во всяком случае, прошу не оставить меня без ответа на сие письмо, которого содержание желательно весьма, чтоб не было никому известно.

В прочем с совершенным почтением имею честь быть вашего превосходительства почкорный слуга Андрей Будберг.

С. Петербург, марта 16 дня 1807 г.» (ф. Канц., 1807 г., д. 2092, л. 3—3об.).

Прочитав депешу, кстати, написанную собственноручно министром иностранных дел А. Я. Будбергом, Сергей Лазаревич какой-то миг был в растерянности. Затем, вероятно, чтобы успокоиться, машинально еще несколько раз пробежал глазами письмо. Пододвинув к себе чернильницу, привычно написал сверху над текстом: «Получено 19 числа марта в 9 часов пополудни». Но строка получилась неровной.

«В 9 часов пополудни». Такого рода помета обычно делалась на важных бумагах особой срочности. Только что полученное письмо Лашкарев посчитал именно такой депешей, к тому же еще и секретной — это обстоятельство подчеркивалось самим министром. Сама секретность предстоящей комиссии, размышляя он, была в некотором смысле благом, потому что избавляла его, уже «отвыкшего от двора», по приезде в столицу от неприятной обязанности представляться влиятельным сановникам.

Постепенно естественное в таких случаях волнение уступило место радости и гордости. Выходит, Коллегия снова нуждается в нем, Лашкареве. Разве это не подарок судьбы?

Но долго предаваться таким размышлениям времени не было. Начались спешные сборы в дорогу. Экономка уже колдовала над мундиром... Быстро было уложено все необходимое, и на следующий день после обеда кучер отвез Сергея Лазаревича на почтовую станцию в Витебск. Там удалось довольно быстро получить лошадей — все-таки тайный советник, разных орденов

кавалер. В этом городе он был заметной фигурой. Через три дня Лашкарев был в столице. Остановился у дочери. Елена Сергеевна была замужем за влиятельным чиновником горного ведомства Карнеевым, жила в собственном доме, имела свой салон. В день приезда Сергей Лазаревич счел необходимым лично отправиться к почт-директору, чтобы вручить ему свое письмо, адресованное министру иностранных дел. Он благодарил Будберга за внимание к нему.

В томительном ожидании ответа прошла целая неделя. Затем Лашкарев решил напомнить о себе министру еще одним письмом, которое он отправил 28 марта. Вестей из Главной квартиры (в Бартенштейне) Александра I все не было. Сергей Лазаревич терялся в догадках: чтобы это могло означать? Ведь сам министр срочно, «по штафете» вызвал его в Петербург.

Только 20 апреля он получает из Бартенштейна ответ А. Я. Будберга, не внесший, однако, никакой ясности в его положение. Обращаясь к Лашкареву, министр писал: «Два письма вашего превосходительства, первое от 20-го (здесь ошибка: от 22-го.— Г. К.), а последнее от 28-го числа прошедшего марта, я имел честь получить и не замедлил доложить государю императору о прибытии Вашем в С. Петербург. Его величество соизволил повелеть мне сообщить вашему превосходительству, чтобы Вы на некоторое время проявили терпение и продолжали пребывание Ваше в С.П.-бурге...» (там же, л. 4об.).

Итак, находясь уже месяц в столице, Лашкарев все еще не знает, зачем его вызвали. В своем ответе он пишет: «Милостивый государь, Андрей Яковлевич! Почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 12-го сего месяца имел честь получить 20-го; вследствие оного оставаясь здесь, я буду ожидать дальнейшего его императорского величества повеления».

Лашкарев продолжает ждать. Только 11 мая Будберг отправляет ему очередное письмо, в котором наконец-то разъясняет суть «временной комиссии». Министр, в частности, писал: «Перед самым отъездом государя императора из Петербурга его величество изволил заниматься избранием чиновника, который бы был уже удостоен высочайшей доверенности, соединял вместе и большую опытность в делах, и все знания, нужные для трактования с турецким министерством на случай, когда бы мирные с Портою переговоры открылись (шел второй год русско-турецкой войны.— Г. К.)... По прибытии сюда (в Главную квартиру.— Г. К.) я немедленно донес о том государю императору, и его величество в полной мере одобрить изволил все мною учиненное. Я донес также в свое время его величеству и о приезде Вашем в Петербург, но разные обстоятельства были причиною, что отправление Ваше до сей поры не могло последовать. Хотя и теперь не настает еще время о мирных переговорах с Портою...» Лашкарев делает на письме этом обычную помету: «Получено 19 мая 1807 года. Ответствовано 22 мая»¹.

Письмо это не могло не вызвать сильное недоумение у адресата. Если его «временное препоручение» заключается в проведении мирных переговоров с Портой, то почему они все время откладываются? Наконец, что это за «разные обстоятельства», которые держат его так долго в бездействии? Но одно ему было ясно: сам Будберг тут ни при чем, он лишь слепой исполнитель «высочайшей воли».

Вскоре после начала вспыхнувшей в 1806 г. русско-турецкой войны в Петербурге стало известно, что армия и флот Османской империи оказались совершенно не подготовленными к успешному ведению военных действий. Это обстоятельство дало повод надеяться, что турецкие власти, развязавшие войну, вынуждены будут пойти на предложенные Россией мирные переговоры.

Оставим Сергея Лазаревича в Петербурге дожидаться очередного письма министра. Мы же попытаемся ответить на вопрос, что явилось причиной столь долгого «сидения» Лашкарева в Петербурге. Но пока задержим внимание читателя на следующей истории.

Вена, год 1804-й... В один из погожих осенних дней эlegantно одетый господин средних лет сел в почтовую карету. Никто его не провожал. Держал он себя независимо, в разговоры без особой надобности не вступал, был подчеркнуто сдержан. Ближе познакомиться с ним его попутчикам так и не удалось. Путь ему предстоял не близкий: он направлялся в далекий Петербург. И никто, разумеется, не догадывался, что в его бумажнике лежало два паспорта на имя Поццо-ди-Борго. Ими его снабдил русский посол при венском дворе граф А. К. Разумовский — ярый сторонник войны с наполеоновской империей. Один предназначался обыкновенному путешественнику, другой — дипломатическому курьеру. Однако последним он должен был воспользоваться лишь в том крайнем случае, если в дороге к нему начнут придирааться в связи с тем, что он везет с собой запечатанные красным сургучом пакеты. Путешествие, продолжавшееся почти три недели и не столь уж долгое по меркам того времени, прошло без каких-либо особых приключений, и второй паспорт так и не понадобился.

Сразу же по прибытии в Петербург высокопоставленный курьер был принят товарищем министра иностранных дел князем Адамом Чарторыским, которому он вручил срочный пакет на его имя. Извинившись перед посетителем, князь в присутствии вновь прибывшего вскрыл пакет и стал читать депешу № 91. В постскриптуме к этой бумаге граф Разумовский писал: «Пользуясь проездом г-на Поццо-ди-Борго, пересылаю в с-ву мою сегодняшнюю почту. Это дает мне двойную выгоду: безопасность и быстроту... Он торопится в С.-Петербург в особенности для того, чтобы выразить Вам, князь, свое почтение; я весьма рекомендовал бы его Вашей доброте и благосклонности, если бы

Вы уже сами не нашли его достойным их, когда имели случай видеть его в Вене...»².

Да, товарищ министра был уже знаком с этим выходцем из Корсики, в 1794 г. бывшим председателем Государственного совета Корсики, французским эмигрантом, люто ненавидевшим Наполеона. Несколько месяцев спустя после появления его в Петербурге Адам Чарторыский сообщит в Лондон своему давнишнему другу камергеру Н. Н. Новосильцеву (он выполнял там важное дипломатическое поручение Александра I) следующее: «Г-н Поццо-ди-Борго, о котором часто я Вам говорил, принят на службу для использования при генерале Ласси (т. е. должен быть послан со специальной миссией в Неаполь, где генерал командовал союзными войсками в Неаполитанском королевстве.— Г. К.). Это останется в секрете до тех пор, пока он не приступит к делам. Это хорошее приобретение»³.

Теперь самое время перелистать послужной список Поццо-ди-Борго, благо архив предоставляет такую возможность. Читаем: «В службу определен с чином статского советника, причислен в ведомство Государственной Коллегии Иностранных Дел и послан был с особенным поручением в Вену и Неаполь — 28 сентября 1805 г. ...» Запись, относящаяся к 1807 г.: «Послан был в Дарданеллы с полномочием заключить мир с Портою Оттоманскою...» (ф. ДЛС, 1805—1839 гг., д. 2748, л. 2). Эта строка послужного списка требует дополнительного комментария.

Морской министр член Государственного совета адмирал П. В. Чичагов решился в резкой форме возражать против посылки на эскадру Д. Н. Сенявина в Дарданеллы Поццо-ди-Борго, которого он считал «авантюристом без роду и племени», действующим «неизвестно в чьих интересах». В ответ Александр I в марте 1807 г. не без раздражения писал Чичагову: «Именно я избрал господина Поццо-ди-Борго. Я сожалею, что он Вам не нравится, но это обстоятельство отнюдь не может служить причиной, чтобы я лишил себя его талантов». Подчеркивая, что у Поццо-ди-Борго «точный глазомер в делах», император мотивировал свой выбор еще и тем обстоятельством, что в России-де «ощущается недостаток способных людей»⁴.

И хотя в те времена при дворе, случалось, и обретались чужеземцы-авантюристы, но в данном конкретном случае П. В. Чичагов не был объективен в оценке деловых качеств Поццо-ди-Борго — человека даровитого. И все же к его возражениям, по существу, прислушаться следовало бы, тем более что способные люди в Коллегии иностранных дел России, конечно же, были. И яркий тому пример — Лашкарев, талантливый дипломат с большим опытом работы в Турции, о котором хорошо был слышан тогдашний министр А. Я. Будберг.

Мы уже знаем, что для мирных переговоров с Османской империей Будберг предполагал использовать Лашкарева. Об этом красноречиво свидетельствуют уже цитированные нами его

письма к Сергею Лазаревичу. Но министру не удалось полностью заручиться согласием государя, в результате чего Лашкареву в этих переговорах отводилась второстепенная роль — его держали про запас, на случай провала миссии Поццо-ди-Борго. Сам же Сергей Лазаревич не подозревал, что император ведет двойную игру (вспомним великого поэта: «властитель слабый и лукавый»).

Вернемся, однако, на некоторое время к Дарданеллам. Еще 7 марта 1807 г. Александр утвердил секретное указание для Поццо-ди-Борго по ведению мирных переговоров с Турцией. Ему следовало убедить Порту в ложности всячески распространяемого французскими агентами в Константинополе мнения о непобедимости армий Наполеона и показать на исторических примерах выгодность для Порты союза с Россией и Англией. Крайне необходимо было покончить с французским влиянием в Турции. В этой связи подчеркивалось, что гарантией возобновления союза с Османской империей должна была стать высылка французского посла генерала Себастиани из Константинополя⁵. Еще в феврале 1807 г. английское правительство в ультимативной форме потребовало от Порты того же.

В предварительных условиях, которые должны были стать основой для возобновления мира с Османской империей, в частности, указывалось, что, подтверждая все решения и договоры, существовавшие до последнего разрыва между двумя державами, обе стороны обязуются выполнять их в точности, добросовестно и честно. Они также должны всеми возможными средствами заставить Францию отказаться от владения Далмацией, судьбу которой позже решат Россия и Блистательная Порта. Военные действия на суше и на море будут немедленно прекращены как той, так и другой стороной после подписания предварительных условий. Вслед за ратификацией предварительных условий обе империи направят своих уполномоченных в Яссы для заключения окончательного мира⁶.

2 апреля 1807 г. Поццо-ди-Борго в сопровождении канцелярского служителя русского посольства в Вене К. Я. Булгакова, сына Я. И. Булгакова, выехал из Вены в Триест, где его поджидал фрегат, на котором он через Корфу (о-в Керкира) направился к Дарданеллам.

Как ни спешил личный представитель Александра I корсиканец Поццо-ди-Борго, но ранее 12 мая прибыть на тенеосский рейд ему не удалось. Он сразу же был принят командующим русской эскадрой вице-адмиралом Сенявиным на флагманском корабле «Твердый». К этому времени флот Сенявина полностью блокировал Дарданеллы. За два дня до прибытия эмиссара из Петербурга Д. Н. Сенявин дал бой турецкой эскадре под командой заносчивого капудан-паши Сеида (Сиди) Али. Сражение закончилось убедительной победой русских моряков.

26 апреля из Главной квартиры Александра I к Сенявину

был направлен специальный курьер с рескриптом императора. В этом секретном документе вице-адмиралу предписывалось: «Господину Поццо-ди-Борго поручено сообщить Вам данные ему наставления, из коих Вы усмотрите, что предполагаемые с Портою переговоры клонятся единственно к тому, чтобы восстановить мир между нами и империей Оттоманской на основании трактатов, до последнего разрыва существовавших; следовательно, всякое предприятие, имеющее в виду какое-либо завоевание на счет Порты, было бы совершенно противно умеренным и бескорыстным моим правилам и намерениям»⁷.

Итак, турецкая эскадра была разгромлена до получения этого рескрипта. Теперь же, имея инструкции Александра I, Д. Н. Сенявин решает немедленно помочь Поццо-ди-Борго вступить в непосредственный контакт с турецкими властями. Но с кем конкретно и каким образом? Ведь хорошо было известно, что Себастиани и его агенты зорко следят за султаном и его окружением. Оставался единственный выход — попытаться каким-либо образом связаться с влиятельным адмиралом Сеидом Али, но только что прошедшее сражение на море никак, разумеется, не могло особо благоприятствовать осуществлению этого плана. Да и посылать к нему обычного в таких случаях парламентаря было весьма рискованно. Тогда было принято следующее решение: письмо, содержащее русские предложения о проведении переговоров, к капудан-паше направить с оказавшимся на «Твердом» пленным турецким чаушем.

Вице-адмирал Сенявин в этом документе писал: «Господин адмирал, имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что прибыл уполномоченный, которому поручено сделать Высокой Порте дружественное предложение от имени его величества моего августейшего государя. Так как необходимо сообщить его превосходительству реис-эфенди предмет этого поручения, я обращаюсь к вашему превосходительству, с тем чтобы условиться с вами об отправлении в Константинополь с полной безопасностью парламентаря, который повезет с собою сообщения, сделанные моим правительством Высокой Порте в надежде восстановить согласие между двумя империями. Я уверен, что ваше превосходительство сделает со своей стороны все, что только может способствовать столь желанному сближению, и я прошу вас уведомить меня в возможной скорости о ваших намерениях...»

Однако с ответом турки явно не спешили. Прождав три дня, Сенявин решает выяснить, почему капудан-паша молчит. Это поручение вице-адмирала взялся выполнить доброволец — лейтенант императорского флота грек по национальности Скандраков. Но его баркасу не было разрешено подойти к флагманскому кораблю турецкой эскадры, а велено было высадиться на берег на азиатской стороне, что он и сделал. Прибывший к месту высадки человек турецкого адмирала осведомился о цели миссии

представителя русской стороны. Последний заявил, что прибыл для того, чтобы узнать, получил ли Сеид Али письмо, копию которого он привез, и если это письмо вручено адмиралу, то почему он не дает на него ответ.

Турецкий представитель доложил обо всем капудан-паше и через некоторое время возвратился с письмом для Сенявина. При этом он заявил, что хочет вручить его вице-адмиралу лично. Но этому намерению не суждено было осуществиться: один из русских кораблей по ошибке обстрелял вышедший в море ночью баркас, и турак вынужден был вернуться на берег, а наутро плыть отказался. Тогда лейтенант Скандраков повез письмо на турецкой шлюпке. И снова невезение: тот же корабль опять открыл огонь, в результате которого один турецкий матрос был ранен. Скандракова наконец опознали, и он благополучно прибыл на «Твердый». Раненого же матроса контр-адмирал Грейг отправил обратно с письмом, в котором приносил свои извинения турецким властям.

В своем формальном, ни к чему не обязывающем ответе, капудан-паша писал: «Достопочтенный, всемиростивейший командир русского флота Дмитрий Сенявин, кланяюсь вам и спрашиваю о состоянии вашего здоровья. Первое ваше почтенное письмо мною получено. Я нашел нужным препроводить его к моему священному правительству и просил у него ответа. После этого я получил ваше второе письмо, и я уяснил его содержание. Я не премину сообщить вам ответ, который я ожидаю по этому случаю от моего правительства».

И хотя Сеид Али, как он писал, «уяснил... содержание» письма Сенявина, турецкая сторона с ответом снова не спешила. Прождав 12 дней, вице-адмирал снова отправляет Скандракова с посланием к капудан-паше, а Поццо-ди-Борго передает с ним письмо к великому визирю и реис-эфенди.

Сенявин — Сеиду Али: «Благодарю ваше превосходительство за ответ на мое письмо и за поклон, который вы мне прислали. Кланяюсь и вам с тою же искренностью. Офицеру императорского флота Скандракову, который будет иметь честь вручить вам это письмо, поручено, если будет дозволено, отправиться в Константинополь с письмом от моего двора к его светлости великому визирю и его превосходительству реис-эфенди. Препоручаю его вниманию вашего превосходительства. Я ждал правительственного ответа, на который ваше превосходительство дали мне право надеяться. Сожалею, что до сих пор я не получил его».

Письма русского вице-адмирала прибавили забот послу Себастиани и его агентуре в Турции, которые делали все возможное, чтобы скрыть от населения стремление России к миру. С другой стороны, по распоряжению Сенявина турецким пленным на эскадре рассказывали о желании русских к замирению и с этой вестью их отпускали домой.

Сеид Али — Сенявину от 28 мая 1807 г.: «Достопочтенный

русский адмирал всего русского флота Дмитрий Сенявин. С должным почтением спрашиваю о состоянии вашего здоровья. Согласно вашему желанию, я послал в Константинополь ваше прежнее адресованное ко мне письмо, и я обещал доставить вам ответ, который я ожидал по этому поводу. Сегодня получил через посредство присланного вами ко мне офицера письма, которые вы желали, чтобы этот офицер сам отвез в Константинополь, но, так как наш прежний султан скончался и так как на престол вступил султан Мустафа, я полагаю, что новый государь слишком занят и было бы некстати отправлять теперь к нему вашего офицера»⁸.

В своем письме турецкий адмирал, понятно, умолчал о перевороте в Турции, в результате которого султан Селим III, «тень Аллаха на земле» на протяжении примерно двух десятилетий, был свергнут и брошен мятежными янычарами в тюрьму. Однако майские события, вопреки надеждам Петербурга, никак не отразились на внешней политике Порты.

Ознакомившись с содержанием последнего ответа капудан-паши, Поццо-ди-Борго в тот же день, 28 мая, обращается с письмом к вновь назначенному реис-эфенди. В нем он, в частности, ставит турецкого министра в известность, что имеет все полномочия для обсуждения и заключения предварительного соглашения о мире с Высокой Портой, что это соглашение ставит целью прекращение военных действий и выработку основ для заключения окончательного и прочного мира между обеими империями. И в заключение он пишет: «Сообщая Блистательной Порте о намерениях е.в-ва императора моего государя, я в то же время молю всемогущего Бога, творца мудрости и миролюбия, чтобы он просветил его высочество и его министров при обсуждении и принятии решений и побудил их избавить империю и оттоманский народ от всех бедствий войны, в которую они были вовлечены лишь в результате французского влияния. Если же против ожидания е.и.в-ва это торжественное свидетельство его справедливости и великодушия окажется напрасным, этот демарш оправдает в глазах всей Европы прошлое поведение России и ее будущие решения. Он не оставит у беспристрастных турок никаких сомнений относительно причин, в силу которых интересы и сама безопасность империи подвергаются столь явной опасности, и даст основание е. и. в-ву воспользоваться всеми правами победителя»^{8а}.

На этом дипломатическая переписка закончилась. Пришлось заговорить пушкам. 19 июня 1807 г. Сенявин разбил эскадру самоуверенного капудан-паши. Был захвачен линейный корабль «Седель-Бахри» — гордость турецкого флота. На нем оказались прикованные к пушкам 11 русских моряков с корвета «Флора». В январе 1807 г. у берегов Албании жестокий шторм разбил этот корвет; члены его экипажа попали в плен и были отправлены в Константинополь.

Итак, дипломатическая миссия Поццо-ди-Борго потерпела неудачу и не оправдала ожиданий Александра I.

27 июня министр иностранных дел Будберг из Главной квартиры в Тильзите отправил фельдъегеря со срочным пакетом на эскадру Сенявина. В депеше на имя Поццо-ди-Борго Будберг писал: «Из сообщений, которые вице-адмиралу Сенявину поручено Вам передать, Вы узнаете о заключении мира между е. в-вом императором и французским правительством. Поскольку эта важная перемена прекращает Вашу миссию, я прошу Вас, милостивый государь, возвратиться в С. Петербург любым путем, который сочтете подходящим»⁹.

Заключение Тильзитского мира явилось большой неожиданностью для опытного дипломата. Ему не оставалось ничего другого, как выйти в отставку.

А в это время уже находившийся в отставке Сергей Лазаревич Лашкарев готовился к мирным переговорам с Османской империей. Наконец Лашкарев дождался письма от Будберга, которое пришло из Тильзита 26 мая. Деловой стиль его не мог не обрадовать Сергея Лазаревича. Министр писал: «Письмо вашего превосходительства от 22 мая, в котором вы изъявляете желание Ваше приехать сюда, я получил и спешаю сим отвечать Вам на оное. Будучи совершенно уверен, что его величеству приятно будет увидеть Вас здесь, и находясь притом в уверенности, что приезд Ваш сюда не может быть не полезен для самой службы, я охотно удовлетворяю желание Ваше, прося ваше превосходительство по отправлении Вашем в Валахию направить путь Ваш чрез здешний город. В ожидании... свидания с Вами пребываю с совершенным почтением...» (ф. Канц., 1807 г., д. 2092, л. 11).

Ознакомившись с письмом, Лашкарев делает вверху страницы привычную помету: «Получено 4-го июня 1807 г. в первом часу пополудни». Такая надпись — мы уже об этом упоминали — свидетельствовала о том, что для него этот тонкий листочек бумаги был дорог и важен: можно наконец немедленно отправляться в дорогу. Ведь даже сам министр на сей раз счел нужным написать, что «спешает» с ответом. В Главной квартире Лашкарев должен был получить необходимые наставления и нужные полномочия.

Не мог же он знать, что и там спешить не будут: ему предстояло еще одно «сидение», на этот раз при особе императора. Предстояло потому, что в Главной квартире не знали еще, чем закончилась миссия Поццо-ди-Борго: курьер с эскадры Сенявина вынужден был добираться до Тильзита долгим, кружным путем. К тому же заключение мира с Наполеоном состоялось только 25 июня.

А три дня спустя, 28 июня, наконец был подписан следующий рескрипт: «Господин тайный советник Лашкарев! Почитая полезным в настоящих обстоятельствах пребывание Ваше в Молда-

вии и Валахии, я желаю, чтобы Вы немедленно отправились в сии княжества. В рассуждении же нужных Вам наставлений министр иностранных дел снабдит Вас оными для руководства Вашего в возлагаемом на Вас поручении. Я уверен, что Вы, побуждаемые ревностью, каковою Вы всегда преисполнены были к службе и пользе отечества, почитаете и в настоящем случае употребить старания Ваши к успешному исполнению поручаемого Вам дела и тем подадите мне новый случай изъяснить Вам мое благоволение. Пребываю в прочем Вам благосклонный Александр» (там же, л. б).

Лишь 29 июня Будберг смог сообщить Лашкареву: «При сем имею честь препроводить к вашему превосходительству высочайший рескрипт на имя Ваше относительно отправления Вашего в Молдавию и Валахию. Главный предмет оного, как то Вам уже известно, есть предполагаемое открытие мирных переговоров с Портою, и как по настоящему положению политических обстоятельств предполагать можно, что событие сие в непродолжительном времени может последовать, то его величество и соизволяет, чтобы по прибытии Вашему туда и по соглашению с главнокомандующим армиею на основании данных ему наставлений Вы употребили все старания Ваши по заключению перемирия между армиею нашею и турецкою под начальством верховного визиря».

Далее в письме подчеркивалось, что переговоры об окончательном мире с Турцией должны будут последовать после заключения перемирия. Но при этом особо оговаривалось следующее: «...ежели перемирие воспоследует, в таком случае армия наша должна возвратиться в свои границы, до того же времени... высочайшая воля есть, что бы Вы присутствовали в Диванах обоих княжеств по месту пребывания Вашего, как о том Главнокомандующему армиею уже и сообщено, и особое попечение приложили бы к прекращению беспорядков и злоупотреблений, каковые вкрались там по части продовольствия войск наших...»

Таким образом, Сергей Лазаревич, согласно «высочайшей воле», получил специальные административные полномочия в княжествах.

«Краткость времени,— писал министр в том же документе,— не позволяет мне распространяться по всем предметам, на которые в бытность Вашу в том крае весьма нужно, чтоб внимание Ваше обращено было, но о том не оставлю войти с Вами в рассуждение после». Иными словами, Будберг обещал Лашкареву прислать ему позднее подробные инструкции.

Не счел нужным министр сообщить Лашкареву об особых «наставлениях» государя главнокомандующему Дунайской армией. Еще до прибытия Сергея Лазаревича в Молдавию и Валахию Александр I повелел генералу И. И. Михельсону лично войти в контакт с великим визирем для заключения перемирия.

И такую попытку генерал Михельсон действительно предпринял, но турки отказались вести с ним какие-либо переговоры. Последнее обстоятельство, а также неудача Поццо-ди-Борго не могли не затруднить предстоящую миссию Лашкарева.

Перед своим отъездом из Тильзита (куда он вместе с князем Куракиным прибыл «по высочайшему повелению» вскоре после заключения мира с Наполеоном¹⁰) Лашкарев удостоился приема у Александра I. Прием этот сам Сергей Лазаревич назвал «ободрительным», поскольку император дал согласие, чтобы находившиеся на службе в Коллегии иностранных дел сыновья его — Сергей, Андрей и Григорий — сопровождали отца в этой поездке¹¹.

Спустя две недели, «по претерпении многих неприятностей по причине худой дороги и дождливого времени», как доносил Лашкарев Будбергу, он «июля 11-го дня прибыл в Яссы». Узнав о его прибытии, Михельсон, находившийся с войсками на марше, из деревни Вада-Исакулуй послал ему депешу. Он писал, что рад будет во всяком месте обнять Сергея Лазаревича «как старого друга и надежного помощника» своего (*там же, д. 2094, л. 76об.*).

Из Рымника 19 июля Лашкарев доносит Будбергу, что в Яссах он пробыл всего один день и только успел показать дивану данный ему высочайший рескрипт. При этом он «представил боярам ласковым образом, сколь неприятны его императорскому величеству и сколь вредны несогласия их и раздоры». Относительно же слухов, достигших в свое время Петербурга, о трениях между командованием Дунайской армии и местными правительствами, он сообщал министру, что никаких излишних притязаний со стороны начальников армии не усмотрел. Напротив, господарь Валахии князь Ипсиланти и главнокомандующий генерал Михельсон заверили его, что желание их «всегда было жить в согласии» (*там же, л. 36*).

В тот же день во втором своем «доношении» к Будбергу Лашкарев писал, что великий визирь прислал нарочного к генералу Михельсону с сообщением о прибытии в Русук (Русс) бывшего реис-эфенди Мехмеда Сеида Галиб-эфенди, которого султан «предназначил для трактования о перемирии». С этим же нарочным Галиб-эфенди передавал Лашкареву, что он его помнит еще с прежней войны и что, имея в то время «сношения с ним... весьма рад вступить опять в дела», «почему,— заключает Сергей Лазаревич,— я и смею надеяться найти в нем способного мне человека» (*там же, л. 35—35об.*).

В свою очередь, великий визирь через надворного советника Фацорди просил передать Лашкареву, что и он знает его еще с Мачина.

Командующий авангардом «визирского войска» ариф-паша Беглуг-бей, узнав о приезде Лашкарева, также поспешил напомнить о себе. Предваряя переговоры, он 22 июля писал: «Пре-

почтенный, проверный, преискренный старинный приятель мой господин генерал Сергей Лазаревич. Его светлость великий визирь, мой господин, прислал мне из султанского лагеря повеление за его печатью. Он пишет в своем фирмане, чтобы рая волохские возвратились из разных мест, в коих они находятся, в их поселения. Посылаю к вам моего селиктара Агу, пользующегося моею доверенностью. Я желаю также, чтобы рая возвратились к себе. Его величество султан будет весьма доволен, если вы не будете помехою желанию раев и если вы их отправите в их дома; пусть они также приносят с собою товары и торгуют без опасения от наших войск...» (там же, д. 2092, л. 39—39об.).

Цель этого письма была очевидной: показать, как правители Турции пекутся о благоденствии населения Дунайских княжеств. Лашкарев не замедлил ответить: «К Арифу Паше. Бухарест июля 26 дня 1807. Могушественный, пресчастливый и предостойный господин Беглуг Бей. Письмо ваше от 22-го июля 1-го дня луны Джамадийюль Ахыр года от Егыры 1222 чрез вашего селиктара Гассан Агу я получил. Вы пишете, что великому визирю и вам угодно, чтоб бояре и Райя валахские возвращались в их дома и имения для собирания произведений их земли и вели торги без всякого стеснения турков. В фирмане великого визиря также сказано, что Кырь Сердари имеют повеления смотреть, чтоб им не было никаких притеснений. Я, конечно, уверен, что оное как визирем, так и вами строго соблюдать[ся] быть может, однако есть точные примеры, что некоторые из турков, не соблюдая прав всенародных, входят в селения, свозят сено и снимают хлеб. Недавно даже дошло до нас, что они, поймав одного священника, ограбив, убили его. Слыша столь неприятные вести, не должны ли жители опасаться и удаляться от своих домов...» (там же, л. 41—41об.).

Как видим, забот в Бухаресте накануне переговоров у Лашкарева было предостаточно. И все же, когда после своего ответа ариф-паше в его поле зрения вдруг оказывается иранский эмиссар, русский дипломат решает во что бы то ни стало с ним встретиться. Попытаемся воссоздать детали этой встречи.

...Персидский посланец мирза Юсуф-бек как ни спешил, но до Константинополя добирался довольно долго. Правда, пробыл он там всего несколько дней и теперь отправлялся с важной миссией в дальнюю дорогу — в Главную квартиру Наполеона. Ехал он туда в сопровождении «французского сенатора Депотенкулана». По пути они остановились в Бухаресте. Узнав о прибытии этих особ в город, командующий русским корпусом генерал-лейтенант Милорадович решил их принять. На этот прием пришел и Лашкарев.

Познакомившись за столом с мирзой Юсуф-беком, Сергей Лазаревич пригласил его к себе «на кофей». Его весьма заинтересовал этот общительный, но вместе с тем чем-то серьезно озабоченный человек, направлявшийся к самому Наполеону. На

следующее утро на квартире, где остановился русский дипломат, они оживленно беседовали по-персидски. Любопытные подробности этой встречи оказались зафиксированными в документах.

— Я очень много добрых, благодарных слов слышал от своих соотечественников, посланников и посланцев, возвращавшихся в Персию из Петербурга. Сколько они осчастливлены были и обласканы в вашей столице и одарены разными подарками даже до самого нижнего служителя! Да притом все они были обеспечены дорожными экипажами. А когда они приезжали к русскому двору, приставы всегда представляли их одному генералу, который говорил на разных языках, принимал их наиучтивейшим образом, назначал им квартиру и содержание, принимал от них письма, докладывал эти послания государю своему, стараясь затем получить от него ответ. При отпуске же их на родину тот генерал представлял отъезжающих своему государю, который, по словам посланцев, никому ни руки, ни попы целовать не давал, но через того русского начальника желал им счастливого пути и велел кланяться их повелителю с уверениями оного в милостивом его дружеском покровительстве.

Внимательно выслушав гостя, Сергей Лазаревич не смог сдержать улыбку и после небольшой паузы сказал:

— Я и есть тот самый генерал, о котором вы только что рассказывали. И всегда так поступал по повелению моего государя. Должен сказать, что в обычае наших императоров так принимать гостей, посланных от наших восточных соседей.

Затем Мирза Юсуф-бек заметил:

— Не скрою, никак не ожидал я встретить здесь, в Бухаресте, того русского генерала. Однако вы совсем не любопытны и даже не спрашиваете меня, от кого я послан, где был и куда сейчас направляюсь.

— Отчего же... ваши сопровождающие мне сказали, что вас отправил в дальний путь Баба Хан...

— Да, это правда. Мой повелитель после покорения большей части Персии был провозглашен шахом. И государю моему весьма желательно быть в союзе с вашим государем.

Мысленно Лашкарев позволил себе сильно усомниться в искренности этих слов. Вспомнил он ему, какие опустошительные набеги совершали иранские войска в конце прошлого столетия на Грузию. А в 1799 г. он доносил Коллегии иностранных дел о полученных им сведениях, согласно которым этот самый «властвующий в Персии Баба Хан» намеревался учинить нападение на Дербент. Тогда же он, как управляющий Азиатским департаментом, представил предложение относительно необходимых, по его мнению, мер по защите этого города (*ф. СРП, 1728—1803 гг., д. 2, л. 93—93об.*).

— Вот вы едете во Францию, до этого побывали в турецкой армии, посетили Константинополь, приятные речи здесь мне говорили, а между тем ничего не сказали о том, что вы делали

в Турции и зачем отправляетесь к Наполеону. Дело ваше, но я на вас вашему государю не доносчик...

Гость улыбнулся и после некоторого замешательства, понимая, что его собеседник кое-что уже знает, а о многом, вероятно, догадывается, в доверительном тоне продолжал:

— Я несколько задержался в Константинополе, дожидаясь ответа от реис-эфенди, а дождался того, что у вас с турками торг о мире начался, почему с пустыми руками оттуда и выехал; да еще при отъезде моем французский министр при султанском дворе мне твердо объявил, что ваш государь и французский император уже подписали мирный договор и союз, так что, полагаю, и из Франции выеду пустым... Теперь, думаю, вам легко догадаться, зачем я странствую.

Лашкарев молчал, а гость, тем временем вынув из-за пазухи небольшую переплетенную в кожу книгу, как бы в ответ на молчание Сергея Лазаревича проговорил:

— Это священная книга, пред вами дружески клянусь на ней, что хотя я и небольшого звания человек, однако доверенная особа государя моего, чин имею бин-баши и всегда нахожусь неотлучно при его особе. По возвращении моем в Тегеран я не дам покою моему повелителю и доведу дело до того, что мой государь вступит с вашим государем в мирные переговоры. Нам нужно быть друзьями по причине соседства и торговли.

— Мое отечество всегда стремится к миру, и мы желаем всегда пребывать в тишине и покое... По возвращении вашем в Тегеран прошу прямо ко мне писать о себе... (ф. Канц., 1807 г., д. 2092, л. 36—37об.).

Проводив мирзу Юсуф-бека, Лашкарев решил сразу же написать донесение в Коллегию об этой важной встрече. Персидский посланец подтвердил его худшие опасения относительно поведения французов после Тильзита на Востоке: они настойчиво продолжали там плести интриги против России. Еще перед отъездом в Молдавию в Главной квартире Александра I Лашкарева предупредили, что французский посредник будет помогать ему в его предстоящих переговорах с турецкими властями о заключении перемирия. Тогда он встретил это известие настоятельно, поскольку никогда ранее не прибегал к «медиации» иностранных дипломатов. А вот теперь отчетливо понял, что французы будут ему только мешать.

Вскоре Лашкарев получил письмо от Михельсона, в котором генерал, препровождая к нему копию рапорта Милорадовича на свое имя, просит сделать соответствующие представления «начальству турецкому». В этом рапорте (от 28 июля 1807 г.) сообщается, что «вчерашнего числа турки сожгли мужицких изб в селениях: в Форештах — три, выше Форешт... две, в Дымпаце — одну, в Тимошештах — три, а за Аржишем в Кривцах был виден большой огонь. На poste же при Подупитулуй замечено, что турки, разъезжая по деревням под видом будто искать в ямах

ячменю и кукурузы, грабят, насильничают и прочие разные делают шалости» (там же, л. 91).

Положение княжеств было чрезвычайно тяжелым, что не мешало турецкому полномочному представителю настойчиво требовать их возвращения Османской империи «еще до постановления мира». При подобных обстоятельствах в начале своих переговоров с турецкой стороной в Слободзее¹² Лашкарев считает необходимым обратиться с реляцией к Александру I.

Зная сей край во всех его подробностях, он доносил, что Валахия и Молдавия, будучи под турецким игом, все более и более разоряются. При этом Турция «пользуется произведением и изобилием их земель в ущерб бедных христиан, обитателей оных». В документе особо подчеркивалось, что жители обоих княжеств хотели бы войти в состав Российской империи и «даже надеются в том, видя явную гибель и разорение, которое они должны претерпевать, возвратясь опять к Турции».

Копию этой реляции Сергей Лазаревич послал генералу Михельсону, который на следующий день поспешил с ответом: «Мысли вашего превосходительства во всеподданнейшем донесении его императорскому величеству я читал и нахожу, что ничто лучше не доказывает добрую волю Вашу и опытность, как оные» (там же, д. 2094, л. 43—43об., 97).

Не получив никакого ответа из Петербурга, Лашкарев 13 августа отправляет на имя императора вторую реляцию, в которой с тревогой сообщает: «Валахские и молдавские бояре в великом унынии и плаче теряют надежду быть навсегда под Российским скипетром...»¹³.

Конечно, Сергей Лазаревич нервничает: в ближайшие дни должны начаться переговоры, а он еще не получил из министерства обещанных ему инструкций, в которых должны были быть показаны те пункты, до коих «ему доходить должно». Он пишет об этом Будбергу в своем донесении еще 19 июля: «Смею надеяться, что по прибытии Вашем в Санкт-Петербург ваше высокопревосходительство отправили ко мне в силу обещания Вашего нужные для меня бумаги, почему и полагаю я их в дороге» (там же, д. 2092, л. 35об.).

Затем, 27 июля, он «покорнейше просит» не медлить присылкою нужных наставлений. А спустя четыре дня сообщает: «...вследствие обещания г-на Министра Иностранных Дел ожидаю из Петербурга курьера всякий день» (там же, л. 45).

Лашкарев исправно продолжал писать «доношения» в Петербург, но министр все не отвечал. Не знал он, да и не мог знать, что Будбергу пришлось «заболеть», поскольку он возражал против заключения Тильзитского мира с Наполеоном. Лишь 20 августа министр смог ответить. И ответ этот был получен Сергеем Лазаревичем в начале сентября, когда все указания уже были бессмысленны: переговоры давно закончились. Будберг писал: «Отношения ко мне вашего превосходительства, от

разных чисел и при разных случаях отправленные, все мною получены исправно и были представлены государю императору. Его величество с особою благодарностью усмотреть из них изволил усердные старания Ваши относительно возложенных на Вас поручений. Давнее знакомство Ваше с теми людьми, с коими теперь Вы в отношении, дают нам несомненную надежду, что все к доброму концу приведено будет». Но далее во изменение первоначальных своих наставлений министр указывает, что при заключении перемирия главное должно состоять в том, дабы в акте перемирия не делать постановления о выводе войск из княжеств, поскольку в случае каких-либо осложнений турки успеют в пять дней перейти из-за Дуная и занять невыгоднейшие места и укрепления, которые ныне, до заключения перемирия, находятся в руках русских. Русские же войска в случае возобновления военных действий, будучи отведены за Днестр, лишались всех своих стратегических преимуществ (*там же, л. 19—21*).

Новое предложение министра, весьма логичное, сделано было, к сожалению, очень поздно. К этому следует добавить, что в таком же духе высказывался и главнокомандующий Дунайской армией. Генерал Михельсон значительно раньше Будберга неоднократно доносил об этом Александру I. В этой связи министр того же 20 августа писал Михельсону: император «совершенно согласен с предыдущими донесениями Вашими, сделанными о неудобности, какая на случай несостояния окончательного с Портою мира может последовать от отступления наших войск по сю сторону Днестра». И далее Будберг пытался объяснить, почему в Петербурге изменили свое решение на сей счет: «Первоначальные о перемирии наставления, в сем смысле данные вашему высокопревосходительству в высочайшем рескрипте от 28 июня, были основаны на 22-й статье мирного нашего трактата с Франциею; но крайнее для нас неудобство меры сей неоспоримо доказывает[ся] несоразмерным расстоянием, в каковом обоюдные армии по их отступлении будут находиться от мест, ныне нами занимаемых» (*там же, д. 2094, л. 152—152об.*).

Вместе с тем в Петербурге не могли не отдавать себе отчет в том, что эти указания будут получены главнокомандующим слишком поздно. На этот случай Будберг «по высочайшему повелению» предлагал Михельсону: «Ежели, однако же (что крайне было бы сожалительно), сделано уже о том постановление и переменить того нельзя, то стараться по крайней мере под разными предлогами длить совершенный вывод войск до окончательного мира, что для нас, конечно, необходимо...» В этом документе было и такое указание: «К сему еще должен я присовокупить, что условленное постановление, дабы на случай несостояния мира военные действия начать не прежде весны, отнюдь не согласно с нашими выводами. С турецкой стороны желают того потому, что прежде весны не могут они получить подкреп-

ления в войсках из Азии, между тем как мы во всякое время превосходным числом можем усилить наши войска. По сим уважениям весьма нужно для нас переменить сию статью и вместо того постановить, чтобы на случай начатия вновь военных действий обе стороны обвестились о том наперед за тридцать дней...» (там же, л. 152—155).

Между тем «поспешил своим прибытием в Слободзею» французский дипломат полковник Арман Шарль Гильемино, которого Наполеон назначил своим посредником на переговорах (такое посредничество, как уже упоминалось, было предусмотрено в Тильзите). Граф Гильемино — впоследствии генерал-майор французской армии, дипломат, в 20-х годах XIX в. посланник в Турции. Нам еще предстоит встреча с ним на предпоследней странице нашего повествования, и мы умышленно опускаем здесь одну строку из послужного списка графа.

Прибыв 31 июля в Слободзею, Лашкарев сразу же встретился с французским дипломатом, которого поставил в известность о незаконных действиях турок: они, «перешед через р. Сержис в российские кордоны, косили и свозили сено, снимали кукурузу» (там же, л. 42—45). Однако посредник на это никак не реагировал. Они лишь условились о том, что официальные переговоры начнутся на следующий день в Слободзее. С самого начала у Лашкарева было недоверие к посредничеству французов. В его донесении об этой встрече в Коллегию иностранных дел читаем: «Вышед от меня, [Гильемино] побежал с переводчиком прямо к Галиб Эфенди (турецкий полномочный.— Г. К.). Живучи подле его дома, я послал к нему спросить, примет ли он меня. Он отвечал, что он идет к молитве», но вместо того «был он в переговорах с Гильемино» (там же, д. 2092, л. 42—45).

Тем самым Лашкарев давал понять Будбергу, что этот французский посредник переговоры с турками отнюдь не облегчит. Гильемино, выполняя распоряжение Наполеона, твердо стоял на страже турецких интересов. Вместе с тем несколько позднее Лашкарев из Рушук доносил Будбергу, что Порта «боится французов, чтоб они за труды свои не отбили у ней хороший участок». Остается добавить, что у Гильемино был еще и неофициальный помощник барон Мериаж, французский консул в Видине, действовавший по инструкциям генерала Себастиани.

Лашкарев знал о содержании рапорта командира дислоцированного в Сербин корпуса генерал-майора Исаева на имя Михельсона. Командир корпуса докладывал, что 28 июля его посетил секунд-майор Мериаж, который «казался быть посредником между нами и турками». «Французы,— писал Исаев,— стараются распусть слухи, что русские оставляют Сербию, Валахию и Молдавию». И далее: «Французы, как мне кажется, много мешают» (там же, д. 2094, л. 106об.— 107).

Вот почему какой-либо помощи от Гильемино Лашкарев ни-

как ожидать не мог и всячески старался нейтрализовать попытки полковника помогать Галиб-эфенди. Более того, в одном из своих донесений Михельсону он особо подчеркивал, что, если бы мог вести переговоры с одним только турецким представителем, ему было бы куда легче — «няньку же иметь трудно». Так что следует подходить с большой осторожностью к утверждениям великого визиря Мустафы-паши Байрактара, будто Лашкарев в Слободзее «был обманываем французским полковником Гильемино»¹⁴.

Здесь представляется уместным упомянуть об одном любопытном факте. В архиве хранится совершенно неожиданный на первый взгляд документ: сразу же после окончания переговоров в Слободзее Лашкарев просит министра иностранных дел России учинить «исходатайствование от щедрот монарших французскому полковнику Гильемину орден Св-ой Анны 2-го класса» (*там же, д. 2092, л. 50*).

Небезынтересна здесь и сама мотивировка такого предложения. Сергей Лазаревич, в частности, доносил: «Через него (Гильемино.— Г. К.) также несколько понял о послé их Себастиани, что мне к пользе служить могло».

Странно, не правда ли? В остальном поведение французского посредника вроде бы не давало повода к подобного рода ходатайству. Нет ли здесь какого-то противоречия? Думается, что нет. Сергей Лазаревич в данном случае отдавал дань принятому в те времена обычаю: после окончания такого рода важных переговоров подобные представления, как правило, делались. К тому же в данном случае можно сделать и одно осторожное предположение: Лашкарев как бы намекал министру, что и его самого не мешало бы представить к награде...

Вернемся, однако, к началу переговоров. Надо сказать, что условия для работы в Слободзее у Лашкарева были далеко не легкие. Поначалу он имел всего одного помощника — сына Сергея, выполнявшего обязанности секретаря. Двое же других сыновей приехали позднее. В наспех снятой квартире для канцелярии первое время не было даже стола, и подробные обстоятельные донесения министерству приходилось после каждой конференции писать по ночам «на диванных подушках» и притом на грубой голубой бумаге — другую достать не удавалось.

1 августа турецкий полномочный Галиб-эфенди нанес визит Лашкареву, во время которого в продолжение двух часов велись «партикулярные» беседы о предстоящем перемирии. В тот же день после обеда открылась официальная конференция, на которой присутствовали полномочные со своими секретарями и французский посредник.

Первое заседание, продолжавшееся четыре часа, было целиком посвящено сербскому вопросу. Галиб-эфенди решительным образом требовал вывода русских войск из Сербии и настаивал, чтобы сербы вообще не были даже упомянуты в перемирии.

В своем «доношении» в Коллегию иностранных дел Лашкарев передавал «доводы» турецкого полномочного в следующих словах: «Сии сербы неоднократно государю их (турецкому султану.— Г. К.) показали в измене и воевали противу него». Подобную позицию Турции русский полномочный находил несерьезной.

Лашкарев в категорической форме возражал против такого рода интерпретации сербского вопроса и заявил: «...везде, где Российские войска находятся, должно, чтобы перемирие служило в равной силе... я настаиваю, что и сербы подходят под перемирие...» (*там же*, л. 47).

На следующий день, 2 августа, генерал Михельсон писал Лашкареву: «Депешу вашего превосходительства сего числа в ночи я получил и теперь же в Петербург отправил. Сердечно поздравляю Вас с столь добрым дела началом, какового и окончания желаю. Особенно благодарю Вас, милостивый государь, за сербов...»

Спустя два дня Михельсон, получив депешу от Лашкарева, где сообщалось, что турки отказываются изменить свою позицию по сербскому вопросу, писал ему: «...пока не будет перемирия для сербов, до тех пор нельзя считать и здесь перемирия, ибо наш корпус там находится, которого не могу взять оттуда без перемирия...» И следом пришла еще одна депеша от генерала: «Спешу препроводить вашему превосходительству сведения... что турки продолжают грабить и жечь, от чего распространяется беспокойство и страх в жителях и помешательство в полевых работах» (*там же*, д. 2094, л. 93, 95, 100).

По этому же вопросу Михельсон направляет из Бухареста Лашкареву следующие инструкции: «Упорство со стороны турков велико, но ежели они уже никак не согласятся распространить перемирие на всю Сербию, то по крайней мере нужно, чтобы такое распространение было на ту часть Сербии, где наши войска находятся... Пускай постановят, что военные действия до окончательного мира прекращаются во всех местах, где только наши войска действовали, то я и сим доволен буду и прикажу корпусу Исаева следовать сюда». На этом документе помета: «Оригинальное отправлено к гр. Н. П. Румянцеву». (4 сентября 1807 г. Александр I поручил Румянцеву управлять Коллегией иностранных дел.)

Переговоры с турками всегда отличались большой сложностью — это Лашкарев хорошо знал по своему многолетнему опыту, — но на переговорах в Слободзее турецкий полномочный Галиб-эфенди проявлял какую-то особую неуступчивость. Обсуждение сербского вопроса — яркий тому пример. Было совершенно ясно, что за спиною Галиб-эфенди орудовал полковник Гильемино. Сербский вопрос так и не нашел в достигнутом перемирии удовлетворительного решения. В тексте перемирия лишь говорилось о том, что турецкие войска не предпримут никаких

неприятельских действий «у Видина и Фетх-Ислама, где есть русские войска, соединенные с сэрбами».

Между тем Лашкарев доносил Будбергу 3 августа из Слободзеи: «Мы еще до сих пор находимся на переговорах... они, кажется, все еще в даль тянутся» (там же, д. 2092, л. 88, 49об.).

На конференции 3 августа Галиб-эфенди предложил свой проект текста перемирия. Турецкий полномочный настаивал на восстановлении власти султана над княжествами еще до подписания мира. Лашкарев отверг эти домогательства, и было лишь условлено (ст. 3), «что как российские, так и турецкие войска оставят оба княжества и крепости, находящиеся по сю сторону Дуная, и перейдут одни за Днестр, а другие за Дунай в течение 35 дней» (там же, л. 51).

На последующих конференциях были согласованы остальные статьи договора. Так, в ст. 2 говорилось, что в случае, если переговоры о мире между обеими державами натолкнутся на трудности, заключенное перемирие потеряет силу 3(15) апреля 1808 г. Статья 4 определяла условия возвращения русских военных кораблей в свои порты и гарантировала передачу Турции всех кораблей, захваченных российским флотом во время войны.

Переговоры были закончены 12 августа. Посылая в Петербург к Будбергу специального курьера надворного советника Фацорди, Лашкарев доносил: «После почти двухнедельной переговоров успели мы наконец учинить перемирие, которое на сих днях будет подписано и ратификовано. Не могу не признаться вашему высокопревосходительству, что неизвестность, в какой я нахожусь о видах и желаниях высочайшего двора в рассуждении здешних обстоятельств, весьма затрудняла наши переговоры... Я всегда надеялся получить дополнительные наставления вашего превосходительства между тем, пока переговоры продолжаются, однако, не видя оных, должен был заключить перемирие. С детьми моими, прибывшими сюда за несколько дней перед сим, думал я также получить те бумаги, коих я столь нетерпеливо ожидаю, тогда как здесь со всех сторон спешат к скорейшему заключению мира, а наиболее с французской стороны весьма на то налегают». Далее он сообщал, что, сколько мог, старался удержать Порту не вмешиваться в управление обоих княжеств до начала переговоров о заключении мира.

На следующий день, 13 августа, Лашкарев отправляет новое «доношение» министру в Петербург и снова объясняет, сколь сложным было его положение на переговорах: «Вчера подписали мы перемирие, которое я отправил сегодня к главнокомандующему для ретификации. Прошу покорнейше ваше высокопревосходительство испросить мне от августейшего монарха милостивейшего прощения, естли я что-либо подписал противу видов двора нашего: Вам не безизвестно по прежним моим отношениям, сколько трудов стоило мне трактовать об оном, наиболее же потому, что до сих пор не имел известия получить от Вас ни до-

полнительных наставлений, ни полной мочи, по коим бы я мог вернее основывать свои переговоры». И далее, как бы в свое оправдание, русский полномочный представитель подчеркивал: «Естьли же что-нибудь противу мыслей двора нашего и подписал, то [так] как я почти во всех пунктах отношусь на мирные переговоры, то легко можно все сие исправить без всякого ущерба интересам нашим» (*там же*, л. 53—54об., 50).

Без всякого сомнения, генерал Михельсон утвердил бы подписанное Лашкаревым перемирие, поскольку он был полностью в курсе переговоров и также не имел дополнительных инструкций из Петербурга. Но Михельсон 19 августа скоропостижно скончался. Узнав об его «отчаянной болезни», Лашкарев отправился в Бухарест, но генерала в живых уже не застал. Прибывший сюда в тот же день генерал барон К. И. Мейендорф, как старший по званию, принял командование Дунайской армией. 22 августа Сергей Лазаревич сообщал в Петербург о вручении акта о перемирии барону Мейендорфу: «...пересмотрев все бумаги, касающиеся до перемирия, он ратификовал оное» (*там же*, л. 57об.).

Поступать таким образом генерал Мейендорф формального права не имел: у него не было полномочий на ратификацию этого документа от Александра I. И император по этому поводу выразил крайнее неудовольствие и не утвердил условия Слободзейского перемирия. Между тем 25 августа произошла «размена ратификаций» между Лашкаревым и Галиб-эфенди.

Получив 31 августа инструкцию Будберга относительно невывода русских войск из обоих княжеств, Лашкарев сообщал министру: «Теперь нет никакой надобности, чтоб войско наше выходило и опорожнило крепости, и оное может оставаться, пока обстоятельства потребуют, ибо мне есть отговорка, потому что турки начали врываться во все крайние деревни Валахии и Молдавии, объявляя бедным жителям, что теперь уже мир и они остаются по-прежнему в подданстве султана, и требуя с них разную провизию, яко с подданных, и деньги за прошедшее якобы время... Наилучшею причиною оставить войска наши в Княжествах нахожу я в том, чтобы отписать мне прямо к Галиб Эфендию и к Мустафе Паше и сказать им, что войска наши не могут никак выйти из сих Княжеств до прихода полномочных для мира, ибо нельзя никак их предать в руки разного звания бродягам, которые ходят толпами из Журжи и из других мест, даже из-за Дуная».

В этом же донесении Лашкарев объяснил, почему пришлось спешить с заключением перемирия: «...господин полковник Гильемино понуждал меня к скорому окончанию сего дела, которое я, однако, длил около месяца, упоминая во всех почти конференциях о статье мира, между государем и Наполеоном постановленной и до сего касающейся...» (*там же*, л. 62, 61об.).

Отправляя Акт о перемирии на «высочайшее утверждение»,

генерал Мейендорф уведомлял русского полномочного: «...до возвращения курьера, посланного в Санкт-Петербург, все дела остановились и войски могут быть в нынешнем их расположении».

22 августа барон Мейендорф сообщает Лашкареву, что генерал-майор Исаев в рапорте на его имя доложил: уже после подписания перемирия, 18 августа, турки со стороны Видина «усиливаются переходить на сю сторону Дуная и уже несколько перешло их в Калафате». Барон просит Сергея Лазаревича «учинить о сем сношение с турецким полномочным к отвращению сих беспокоеств и затруднений, за коими (из-за которых,— Г. К.) единственно и остается генерал-майор Исаев в тамошних пределах, не смея выступить, пока край не обеспечен совершенно».

Спустя несколько дней Лашкарев, в свою очередь, доносит Мейендорфу, что «со стороны турков не престают происходить своевольства, нарушающие постановления перемирия». В ответ барон уведомляет русского полномочного, что в этих обстоятельствах он вынужден «поставить пикеты и учредить кордонную цепь» (*там же*, д. 2094, л. 119, 124об., 166).

Итак, грубые нарушения Портой ст. 3 Слободзейского перемирия давали русскому командованию в княжествах повод не выводить оттуда войска.

В ожидании реакции Петербурга на заключенное перемирие Лашкарев уделяет много времени делам «по части хозяйственного управления» княжествами. Из переписки с генералом Мейендорфом можно заключить, что Сергей Лазаревич занимался наведением порядка на почтовых станциях, следил за исправностью дорог, рассматривал рапорты коменданта Аккермана полковника Люберха «в рассуждении родившейся соли в озерах Аккерманских», принял решение по делу армянского архиепископа Григория. Правда, по последнему делу, по мнению Мейендорфа, Лашкарев выказал излишнее усердие. А произошло вот что.

Херсонский военный губернатор генерал-лейтенант герцог Ришелье уведомлял барона Мейендорфа, что в феврале 1807 г. «отлучился в Молдавию для исправления надобностей» армянский архиепископ Григорий, а «теперь,— пишет Ришелье,— нужно пребывание его в Григориополе¹⁵ для дачи отчета в знатных суммах, казенных и армянской нации принадлежащих». Вот почему военный губернатор и просил объявить архиепископу Григорию, «чтоб не замедлил прибытием своим в Григориополь». В свою очередь, Мейендорф отправляет по этому поводу бумагу Лашкареву, в которой просит «посредством молдавского дивана приказать выполнить» требование херсонского военного губернатора.

Получив такое распоряжение, Сергей Лазаревич, понимая, что в такой ситуации архиепископу нет резона добровольно воз-

вращаться в Григориополь, принял надлежащие меры. Он приказал отправить его туда «силою за частным присмотром, дабы он не бежал». Мейендорф, узнав о сделанных Лашкаревым распоряжениях, счел нужным написать ему следующее: «Спешу Вас, милостивый государь мой, уведомить, что отношение мое к Вам по сему предмету не простиралось до такой меры, ибо и господин военный губернатор не требовал более, как токмо объявить архиепископу Григорию, чтобы он поспешил прибытием в Григориополь» (там же, л. 156, 165).

Вскоре Александр I назначает главнокомандующим Дунайской (Молдавской) армией фельдмаршала А. А. Прозоровского, который срочно из Петербурга выехал в Бухарест. По дороге, из Умани, он поспешил направить 11 сентября срочную депешу Лашкареву, в которой, в частности, писал: «Долгом моим поставляю уведомить ваше превосходительство, что его императорское величество всемилостивейше соизволил пожаловать меня в генерал-фельдмаршалы и вместе с тем назначить меня на место покойного генерала Михельсона... Государь император не мог утвердить некоторых пунктов перемирия... Я не имею у себя всего перемирия, да и не читал оного... По прибытии же моем в Букорест я вникну подробно во все обстоятельства и тогда в состоянии буду преподать Вам мои советы» (там же, л. 237—238).

Это назначение не могло не озадачить Лашкарева, который знал, что особых полководческих талантов за Прозоровским не числилось. Назначение престарелого и немощного князя главнокомандующим и впрямь выглядело более чем странным. Д. Н. Бантыш-Каменский так характеризует этот период в жизни фельдмаршала: «Ему было семьдесят пять лет; он страдал от подагры и хирагры; каждое утро приказывал натирать тело свое спиртом, без чего чувствовал крайнее расслабление».

Фельдмаршал, разумеется, понимал, что при таком расстроенном здоровье ему командовать армией будет весьма затруднительно. И он решает попросить себе в помощники боевого генерала Михаила Илларионовича Кутузова, активного участника русско-турецких войн, который штурмовал в свое время Хаджибей, брал Бендеры и особенно отличился при штурме Измаила. Обращаясь с просьбой о направлении к нему Кутузова, князь Прозоровский писал Александру I: «Буду употреблять его вместо себя, когда с силами не соберусь что-либо сам смотреть»¹⁶.

И Кутузов был назначен начальником Военного совета и штаба Молдавской армии.

Сам же главнокомандующий не замедлил прибыть в Яссы, и в этой связи 28 сентября 1807 г. Лашкарев послал в Петербург фельдъегеря Кулижовского с донесением, в котором писал: «Его сиятельство господин генерал-фельдмаршал князь Прозоровский прибыл сюда на сих днях и был встречен у самого въезда в город всеми боярами, здесь пребывающими... Они ожидают

с нетерпением окончания их участи и явно оказывают желание быть навсегда в подданстве милостивого монарха России». И далее Сергей Лазаревич сообщает о весьма странном распоряжении Прозоровского относительно дальнейших переговоров с турками: «Господин генерал-фельдмаршал изъявил мне желание, чтобы я немного пообождал в рассуждении перемены артикулов, кои его императорское величество не соизволили принять...» (там же, д. 2092, л. 66).

И такое вот распоряжение было сделано вопреки письму министра графа Н. П. Румянцева Прозоровскому от 4 сентября, где содержалась недвусмысленная инструкция: «Государь император возлагает на ваше сиятельство чрез посредство г. тайного советника Лашкарева объявить турецким полномочным, что заключенное перемирие его величество соглашается оставить в своей силе не иначе как с изъятиями, в сей депеше упомянутыми, особливо же относительно двух первых статей о кораблях и сроке перемирия...» А о бароне Мейендорфе в этой же депеше указывалось, что утверждение им Акта о перемирии не может быть действительно, так «как он от высочайшего двора к тому не был уполномочен» (там же, д. 2094, л. 242об.—243).

И все же упомянутое выше распоряжение А. А. Прозоровского может показаться странным только на первый взгляд. Оно, как и все последующие указания, умышленно обрекало Сергея Лазаревича на бездеятельность. Все письма Прозоровского к Лашкареву, изобиловавшие мелкими придирками, всячески ограничивали его административную деятельность в качестве председательствующего в диванах и в конечном счете подготавливали почву для отзыва его в Петербург.

Чем же объяснить столь явно несправедливое отношение фельдмаршала к Лашкареву? Он был наслышан о том, что Сергей Лазаревич слыл любимцем князя Потемкина, и уже одного этого факта оказалось достаточным, чтобы перенести на него чувство острой неприязни, которое испытывал мстительный Прозоровский к Потемкину.

Известно, что светлейший не только не жаловал Прозоровского, но при случае мог зло посмеяться над ним. Когда, скажем, Екатерина II в 1790 г. назначила Прозоровского московским генерал-губернатором, Потемкин не без иронии писал императрице: «Ваше величество выдвинули из Вашего арсенала самую старую пушку, которая непременно будет стрелять в Вашу цель, потому что своей не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала в потомстве имя вашего величества».

И вот Прозоровский хладнокровно и расчетливо расправляется с человеком, виновным только в том, что в свое время принадлежал к ближайшему окружению Потемкина. Благо предлог для этого нашелся. Ведь две статьи Акта о перемирии, как известно, «не апробованы его величеством». Но, не утвердив их, Александр I не предполагал предпринимать какие-либо дисципли-

линарные меры в отношении Лашкарева. Чтобы убедиться в этом, следует ознакомиться с написанным в спокойном тоне письмом Румянцева Прозоровскому. Приведем заключительные строки этого письма: «В окончании сего остается мне уведомить ваше сиятельство, что его величество, не сомневаясь, чтобы стараниями Вашими Акт перемирия не был заключен с переменами вышеупомянутыми, предварительно наименовать изволил ваше сиятельство верховным полномочным для трактования об окончательном мире. В полномочные же, которые от Вашего сиятельства имеют быть наименованы, е.и.в. находить изволил способными: 1. генерал-лейтенанта Милорадовича, 2. тайного советника Лашкарева, 3. действительного статского советника Пизани...»¹⁷.

А теперь остается выяснить, было ли предпринято что-либо на основании важных предварительных решений, упоминаемых в цитированном только что письме министра иностранных дел. Обратимся к архивным материалам. Удалось обнаружить дело 2, заголовок которого более чем подробно освещает интересующий нас вопрос: «Концепты полномочий, данных генерал-фельдмаршалу князю Прозоровскому, генерал-лейтенанту Милорадовичу, тайному советнику Лашкареву и действительному статскому советнику Пизани для заключения с Портою мира».

В деле находим указание обер-секретарю Коллегии иностранных дел Илье Карловичу Вестману о том, чтобы документы для полномочных были заготовлены «без огласки», число же «на полной мочи» (на документе для А. А. Прозоровского) «выставить около 15 октября» 1807 г.

Сразу же приступив к исполнению указания, педантичный в канцелярских делах Вестман столкнулся с непредвиденными затруднениями и вынужден был обратиться к секретарю Азиатского департамента Остелецкому с запиской, в которой с раздражением писал: «Я Вас сегодня по всему городу искал, милостивый государь мой Исак Александрович, но нигде не нашел. Вы напрасно так уходите, не сказавшись дома, да и ключи со шкапов Коллегии не оставляете, чтоб без Вас можно было найти, что надобно...»

На записке Вестман в спешке дату не проставил, но из текста других бумаг дела нам представляется, что написана она была между 7 и 10 октября. Можно предположить, что, если бы в тот злполучный день Остелецкий не ушел с работы без разрешения начальства, мы, вероятно, и не узнали бы, с какой поспешностью в Коллегии готовили документацию для мирных переговоров.

В деле 2 есть еще одна важная для нас записка. Статский советник Шулепов адресует ее тому же Вестману. В ней сообщается, что назначение русских представителей на переговорах уже состоялось. Вторым полномочным назван С. Л. Лашкарев. И дата: «10-го октября». Выходит, не зря так спешил обер-секретарь министерства.

Здесь же, в деле, — копии «Концептов полномочий», данных Лашкареву на русском и итальянском языках. Позволим себе привести небольшой отрывок: «Мы (Александр I.— Г. К.) восхотели определить в качестве нашего полномочного, по нашей к его искусству, верности и усердию к нашей службе доверенности, нам любезноверного Лашкарева, нашего тайного советника и ордена Св. Анны 1-го класса, Св-го равноапостольного князя Владимира 3-й степени, кавалера и державного ордена св-го Иоанна Ерусалимского командора, и через сие действительно определяем его, Сергея Лашкарева, в качестве нашего полномочного, давая ему полную мочь и именно повелевая ему вступить в переговоры и соглашаться с полномочными от Блистательной Оттоманской Порты, равномерно же полной мочью снабженными, о постановлении мирного трактата и оный заключить, подписать и печатью своею утвердить...» (ф. ПГА, разр. I-10, 1807—1808 гг., д. 2, л. 4, 34, 23—24об.).

Документация для предстоящих переговоров составлялась в Коллегии на основе специально затребованных из архива материалов, в свое время предназначенных для мирных переговоров с турками в 1791 г. в Яссах. Так, «полная мочь» для князя Прозоровского была изготовлена точно по образцу аналогичного документа, данного князю Потемкину Таврическому «для трактования о мире».

Итак, все приведенные выше материалы — письмо министра иностранных дел и особенно дело 2 — представляются чрезвычайно важными: выходит, в Петербурге вообще не считали Лашкарева в чем-либо виноватым, раз назначили его полномочным на планируемых важных переговорах о мире с Турцией. Пока, в первой половине октября 1807 г., он пользуется полной доверенностью Александра I и министра иностранных дел Румянцева.

Однако само намерение государя к такому использованию Лашкарева, о котором, как известно, фельдмаршал Прозоровский узнал из письма к нему Румянцева, лишь подлило масла в огонь. Заметим, кстати, что сам Сергей Лазаревич так и не узнал о том, что он был назначен вторым полномочным на переговорах.

И тут фельдмаршал предпринимает меры и, надо сказать, проявляет при этом поразительную энергию. Он всячески старается усилить «неудовольствие» монарха подписанным Лашкаревым соглашением о перемирии.

Спешно сочиняются на Лашкарева так называемые компрометирующие материалы, специально предназначенные для Александра I, у которого, по свидетельству современников, всякий, даже самый лживый, донос пробуждал подозрительность¹⁸.

Прозоровский отправляет в Петербург курьера «с самонужнейшими депешами». В пакете «на высочайшее имя» содержалась также его переписка с Лашкаревым и ходатайство об отст-

ранении Мейендорфа и Лашкарева от их обязанностей. Двор не замедлил дать этому делу надлежащий ход. О том, что инициатива в этом принадлежала именно Прозоровскому, свидетельствует обнаруженное в архиве письмо министра, адресованное фельдмаршалу и датированное 12 ноября.

Приведем выдержку из этого важного документа (помета получения — 25 ноября): «Милостивый государь, князь Александр Александрович! Вашему сиятельству известно уже теперь, что самовольно принятая решимость бар. Мейендорфа ратифицировать перемирие и привести оное в исполнение навлекло ему гнев государя и что последствием того была без просьбы данная ему отставка... Его величество *уважил совершенно* (курсив наш.— Г. К.) представление вашего сиятельства касательно тайного советника Лашкарева и в изъявление своего к нему негодования приказал мне отозвать его с предписанием ему ехать в свои деревни» (ф. АГДА, 1807—1808 гг., кн. 3, л. 68—68об.).

Заметим, что точно так же Прозоровский через год поступит и с М. И. Кутузовым, который пользовался огромным авторитетом в войсках. Фельдмаршал пожаловался на Кутузова Аракчееву, и этого было довольно, чтобы государь удалил его, назначив генерал-губернатором в Вильно. Любопытны подробности разговора Кутузова с Прозоровским перед его отъездом к новому месту службы в Литву. Когда Михаил Илларионович сообщил фельдмаршалу о получении «высочайшего рескрипта», тот, заблаговременно осведомленный о его содержании, выразил, однако, свое крайнее удивление в следующих выражениях: «Да кому же поручат армию? Я дряхл, могу умереть каждую минуту. Кто займет мое место? Нет, это не должно, не может исполниться: я напишу к государю». По свидетельству историка П. Г. Буткова, правителя канцелярии князя Прозоровского, стоило Кутузову только закрыть за собой дверь, как фельдмаршал, улыбаясь, сказал: «Письмо мое принято милостиво, пускай он едет в Литву...»¹⁹.

11 декабря 1807 г. император подписывает с нетерпением ожидаемый князем указ об отзыве Лашкарева из княжества. Спустя десять дней Прозоровский направляет Сергею Лазаревичу еще одно официальное письмо, объясняя в нем мотивы, по которым должен удержать с него деньги, якобы неправильно выданные Лашкаревым своему сыну, направленному в качестве курьера в Петербург. Любопытно, что подорожную курьеру подписал сам фельдмаршал, а теперь он задним числом пытается обвинить в этом Лашкарева.

Приведем отрывок из этого по своему любопытного письма, где кроме всего прочего четко проявляется своеобразный характер его автора: «...сверх того нашел я, что Вы из экстраординарной суммы употребили 100 червонных 11-го декабря сыну Вашему надворному советнику Лашкареву для отправления его курьером в Санкт-Петербург. Поелику же Вы тогда имели уже

высочайшее повеление, которым Вы отсюда отозваны и, следовательно, не состояли более в должности, то посему и не имели права отправлять более курьеров на счет казенный. Почему я сих денег на счет экстраординарной суммы по армии принять не могу. По просьбе Вашей согласился я велеть Вам дать подорожную на курьерских лошадях для сына Вашего в том единственно предположении, что Вы, может быть, имеете какие-либо партикулярные надобности, поспешности требующие, а отнюдь не в том виде, чтобы Вы отправляли курьеров на счет казенный. И для того принужденным нахожусь приказать означенные сто червонных вычесть из причитающихся Вам в выдачу, как выше упомянуто, денег...» (ф. Канц., 1807 г., д. 2094, л. 350—350об.).

Наконец князь Прозоровский не без внутреннего удовольствия (вспомним только что приведенную сцену расставания его с Кутузовым) подписал Лашкареву последний документ — его подорожную. Оскорбленный и уязвленный Сергей Лазаревич был вынужден удалиться в «свои деревни».

Опала эта и стала как бы последней строкой в длинном послужном списке российского дипломата. Только теперь можно было сдать в архив его личное дело.

А между тем перемирие с турецкими войсками, подписанное С. Л. Лашкаревым, фактически продолжалось до весны 1809 г. Затем наступили длительные трудные переговоры, закончившиеся 16(28) мая 1812 г. Бухарестским мирным договором. Османская империя уступила России Бессарабию; Россия получила право торгового судоходства по всему течению Дуная. Этот договор был ратифицирован Александром I в Вильно 11(23) июня, за день до вторжения Наполеона в Россию.

В 1812 г. один из французских отрядов под командованием полковника, орудовавшего в Витебской губернии, ворвался для грабежа в Дымово — имение С. Л. Лашкарева. Командир первым вбежал в барский дом, но вдруг остановился как вкопанный. Надо же такому случиться — полковник узнал Сергея Лазаревича, с которым был коротко знаком. Потрясенный Лашкарев глазам своим не поверил: перед ним стоял бывший французский дипломат полковник Гильемино, тот самый Гильемино, которого он каких-то пять лет тому назад даже представлял к награде... Командир отряда быстро вывел мародеров из имения, и оно уцелело...

* * *

На дипломатическом поприще Сергей Лазаревич Лашкарев прослужил более четырех десятилетий. Его общественное положение, казалось, давало ему возможность подолгу жить в Петербурге, блистать при дворе и добиваться чисто «внутрикол-

лежкой» карьеры. Но он избрал беспокойную дипломатическую службу вдали от столицы, где умело отстаивал государственные интересы России.

Современники подчеркивали, что Лашкарев по справедливости пользовался славой искусного дипломата, «командировки которого всегда имели многозначительные цели и не оставались без важных последствий». Действительно, он, как правило, оказывался на самых трудных участках дипломатического фронта на Востоке. Наконец, Лашкареву принадлежит заслуга создания Азиатского департамента Коллегии иностранных дел России — уже одного этого достаточно, чтобы вписать его имя в историю русской дипломатии. Вся многогранная деятельность Сергея Лазаревича Лашкарева была посвящена служению Отечеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

На фронтисписе — портрет тайного советника С. Л. Лашкарева работы В. Л. Боровиковского.

Введение

¹ В архивных документах весьма часто встречается неправильное написание этой фамилии через «о» — Лошкарев. Фамилия Сергея Лазаревича происходит от грузинского «лашкар» (солдат, воин); это слово встречается во многих восточных языках, а в грузинский попало из турецкого языка.

² Об этом факте любезно сообщила в письме автору от 11 февраля 1982 г. заведующая отделом Одесского художественного музея Л. Н. Калмановская.

³ Любопытно, что один из внуков Лашкарева подарил предполагавшейся «выставке портретов 1812 г.» небольшое полотно кисти художника Е. Ф. Календовского, на котором изображен сын Сергея Лазаревича Александр — участник Отечественной войны 1812 г. В настоящее время портрет хранится в Государственном историческом музее.

⁴ По-видимому, галерея Главного архива даже на время не спешила расстаться со своими сокровищами. И Дягилеву пришлось обратиться в министерство иностранных дел. 15 января 1905 г. в адрес Главного архива была послана телеграмма министра графа В. Н. Ламздорфа о выдаче требуемых полотен. Вскоре их получил, как указывается в другом документе, «содержатель позолотного, рамочного и иконописного заведения» А. А. Грабье. 28 февраля Дягилев известил Главный архив о том, что отобранные портреты «благополучно прибыли в выставочные залы Таврического дворца» (ЦГАДА, д. 5134, л. 1—4, 16).

⁵ Советские архивы. 1966, № 1, с. 27.

⁶ Вопросы истории. 1948, № 3, с. 126.

Глава I

¹ Дела этого фонда хранятся в ЦГАДА.

² Для иллюстрации назовем заголовки лишь нескольких дел (в скобках указан год их заведения в архиве: ЦГАДА, ф. 180, оп. 7): «О доставлении в Азиатский департамент выписки из Бухарского столбца 1620 года № 1 касательно пребывания в Бухаре и Самарканде российского посланника дворянина Ивана Хохлова» (1842—1843); «О получении из Азиатского департамента министерства иностранных дел каталога рукописям профессора восточных языков Кера» (1843); «О препровождении к барону Л. К. Боде копии с памяти ближнему боярину князю Василию Васильевичу Голицыну о выдаче рещикам Григорию Иванову и Якову Ефимову денег за высеченное ими из камня изображение львов и орлов на крыльце Грановитой палаты» (1843); «О доставлении к С. С. Лашкареву, состоящего во время переговоров с Турцией в 1791—1792 годов о мире, донесения князя Безбородки, в котором он

отзывался в лестных выражениях о родителе Лашкарева» (1845); «О справке по указу Правительствующего Сената касательно жалованной грамоты, выданной 27-го июня 1798 г. тайному советнику Лашкареву грузинским царем Георгием» (1854); «По справке в делах Архива о путешествии Екатерины II-ой в Крым и об экспедиции вице-адмирала Сенявина в Средиземное море» (1854); «По запросу директора Азиатского департамента графа Капниста о документах, относящихся к учреждению Азиатского департамента» (1895); «По запросу Альфонса Пинара о материалах для словаря американских языков, высылаемых в 1789 по 1792 гг. испанским правительством в Санкт-Петербург по просьбе Екатерины II-ой» (1902); «О доставлении в департамент личного состава и хозяйственных дел сведений о службе П. А. Левашова, бывшего советником русского посланника в Константинополе с 1763 по 1768 год» (1913).

³ Лашкарев С. С. Биография тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева, с. 6.

⁴ Тарле Е. В. Екатерина II..., с. 10.

⁵ Подробнее см.: Белокуров С. А. О Посольском приказе, с. 53—55.

⁶ Очерк истории министерства иностранных дел, с. 24.

⁷ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом, с. 214.

⁸ Полное собрание законов, с. 217.

⁹ Очерк истории министерства иностранных дел, с. 41.

¹⁰ Там же, с. 44.

¹¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики, с. 32.

¹² Сборник Московского Главного архива..., с. 91—98.

¹³ «Промемория № 827

Из канцелярии Академии Наук в Государственную Коллегию Иностранных Дел. Указом ея императорского величества, присланным из Правительствующего Сената в канцелярию Академии Наук, велено: купленную в Китае в бытность нынешнего каравана всему Китайскому государству историю, состоящую в шестнадцать томах, перевезь находящемуся при Академии прапорщику Россохину на российский язык в непродолжительном времени, а для вспоможения ему, Россохину, в переводе придать из имеющихся при Коллегии Иностранных Дел знающих китайского и манджурского языков переводчика одного, которому и жалованье производить на то время, сколько при переводе пробудет от статс канторы; и по тому ея императорского величества указу в канцелярии Академии Наук определено в Государственную Коллегию Иностранных Дел послать промеморию и требовать, чтоб соблаговолено было в силу указа Правительствующаго Сената для вспоможения в переводе предписанной книги прапорщику Россохину прислать в канцелярию Академии Наук одного переводчика, знающего китайский и манджурский языки; и Государственная Коллегия Иностранных Дел благоволит учинить о том по ея императорского величества указу.

Маия 15 дня 1757 года.

И. Шумахер

Михайло Ломоносов

Я. Штелин

Иван Тауберт

Регистратор Дмитрий Тимофеев» (ф. ВКД, разр. 27, 1756 г., д. 42, л. 80б).

¹⁴ В Дипломатическом словаре ошибочно указывается, что Я. И. Булгаков поступил на дипломатическую службу в 1761 г.

¹⁵ В эти годы печатание переводной литературы сосредоточивается в Академии наук. Создается даже специальная типография «для печатания книг на иностранных языках». Для их перевода Академия стремится привлечь хороших специалистов. В Петербурге печатаются специальные объявления — приглашения для лиц, пожелавших заняться переводами. Для этого, в частности, используется газета «Санктпетербургские ведомости», редакцией которой с 1748 по 1765 г. заведует М. В. Ломоносов. Так, в 1748 г. в этой газете (№ 1^а) можно было прочесть такое необычное для того времени объявление: «Понеже многие из российских как дворян, так и других разных чинов

людей находятся искусны в иностранных языках, того ради по указу ея императорского величества канцелярия Академии Наук чрез сие охотникам объявляет, ежели кто пожелает какую книгу перевести с латинского, французского, немецкого, итальянского, английского или с других каких языков, то б явились в канцелярию Академии Наук с тем намерением, что от них сперва будут пробы взяты их переводов, а потом буде найдется их искусство довольно по переводу книг, то дана будет книга для перевода, а как скоро она будет переведена и, переписав начисто, принесена в канцелярию, то за труды оному, по печатании с его именем, ежели пожелает, выдано ему будет в подарок сто печатных экземпляров той же книги» (цит. по: Русская старина. 1888, июль, с. 120).

Следует иметь в виду, что уже в это время переводчики Коллегии иностранных дел были заняты многочисленными переводами с китайского, персидского, турецкого и других восточных языков на русский язык книг по истории и географии, а также всевозможных трактатов, договоров и других важных дипломатических документов. Правда, такие переводы, как правило, были рукописными и исполнялись всего в нескольких экземплярах.

Что же касается приведенного выше объявления, то желающих переводить на изложенных в нем условиях, видимо, нашлось немного. Во всяком случае, в 1761 г. в тех же «Санктпетербургских ведомостях» (№ 70) было напечатано вторичное обращение к переводчикам: «Сим объявляется, что имеющие у себя исправно переведенные на российский язык книги, которые бы для народной пользы могли быть напечатаны, объявили оные в академической книжной лавке, за что чинено будет им пристойное награждение деньгами или равномерно некоторым числом экземпляров по напечатании той книги. Ежели кто пожелает в свободное время переводить книги из платы, то оные даны будут ему из оной же книжной лавки, выбирая такие материи, к которым кто наиболее склонности и способности иметь будет» (там же, с. 121).

Вскоре нужда в подобных объявлениях отпала, поскольку уже многие переводчики пожелали «переводить книги из платы». В Петербурге и позднее в Москве открывались частные, так называемые вольные типографии для печатания переводных книг, количество которых с каждым годом возрастало. Однако не все еще переводы выполнялись «исправно». Вот, например, что писала 21 апреля 1787 г. Екатерина II своему статс-секретарю Александру Васильевичу Храповицкому по поводу перевода «Манифеста о дуэлях», изданного в Киеве: «Надо сказать правду: этот несчастный манифест страшно искажен в переводе... переводчик был в одних местах несказанно ленив относительно выбора слов, а в других понабавил фраз, кои не только не сделал подлинника понятнее, напротив, уклонился от смысла и от энергии. Я отметила многие места на полях крестом, но можно бы отмечать каждую строку, потому что сочинение вышло неузнаваемо... Я вышла из терпения на седьмой странице и перестала читать дальше» (Русский архив. 1872, с. 2070).

¹⁶ Русский архив. 1879, № 2, с. 266.

¹⁷ Русский Архив. 1878, № 1, с. 104.

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Британская политика.— Дизраэли.— Эмигранты.— Мадзини в Лондоне.— Турция, с. 8.

¹⁹ Цит. по: Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар..., с. 12.

²⁰ Русский архив. 1886, кн. 4, с. 216—217.

²¹ Цит. по: Антелава И. Г. Грузины в Отечественной войне 1812 года, с. 77—79.

²² Жихарев С. П. Записки современника, с. 338.

²³ Русская старина. 1873, май, с. 616—619.

²⁴ Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2, с. 58—59.

Глава 2

¹ [Левашов П. А.]. Цареградския письма..., с. 71.

² Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 6, с. 156.

³ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря, с. 318.

⁴ Соловьев С. М. История России... Кн. XV, с. 163.

⁵ Екатерина II — князю Н. В. Репнину: «Божиею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. Нашему генералу, чрезвычайному и полномочному послу, князю Репнину.

По написании здесь включенного первого рескрипта получили мы подтвердительное известие, что минувшего июля 5 числа переехал из Кефы (Кафа, ныне Феодосия.— Г. К.) в крепость Тамань турецкий военный начальник, называемый Арди Агаси, с небольшим числом турков, а на место свое оставил в Кефе при двух стах военных турков командиром так называемого Кара Махмет Баш чауша, да сверх сих под видом торгова находится в том же городе до четырех сот человек турецких военных людей. Вы, говоря с тамошним министерством по содержанию первого рескрипта об оставленных в Крыму и на Тамани турках, имеется теперь [возможность] утвердительнее в том настоять и требовать, дабы к вящему удостоверению о твердости желания Порты сохранять невредимо торжественно постановленный мир и вечное доброе согласие с нашею империею она повелела немедленно и без изъятия выехать из всей Крымской области всем оставшимся там турецким военным людям, и с их командирами, и что дальнейшее их там пребывание ваш высочайший двор принять может нарушением святости того трактата, тем наипаче, что оно ни к чему другому служить не может, как только к вящему разврату противу мирного положения всего крымского правления. И пребываю Вам в прочем императорскою нашею милостию благосклонны. Дан в Москве 9 августа 1775 года. Екатерина» (ф. КМ, 1775—1776 гг., д. 611, л. 13—13об.).

Глава 3

¹ Соловьев С. М. История России... Кн. VIII, с. 60.

² Богословский М. М. Петр I, с. 152—153.

³ В одном из рескриптов, подписанных Екатериной II, фамилия капитана Козлянинова была ошибочно передана как Козлянинов. Стахийев, Лашкарев и др., знавшие об этой ошибке, все же сами в документах не решались писать его фамилию правильно. Здесь и далее при цитировании соответствующих архивных документов эта ошибка нами исправлена.

⁴ См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого, с. 164.

⁵ Турция обязалась уплатить России 7,5 млн. пиастров, или 15 тыс. мешков с деньгами.

⁶ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. XV, с. 181—182.

⁷ Общий морской список, с. 185—186.

⁸ В 1782 г. Тимофей Гаврилович Козлянинов был произведен в бригадиры (см.: Общий морской список, с. 186).

Глава 4

¹ Дубровин Н. Присоединение Крыма к России, с. 336.

² Там же, с. 281.

³ Секретарь посольства в Константинополе Иван Северин 31 октября 1782 г. был пожалован в надворные советники и определен генеральным консулом в Молдавию, Валахию и Бессарабию вместо С. Л. Лашкарева.

⁴ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2, с. 149.

⁵ Русский архив. 1884, кн. 2, с. 19.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ Там же, с. 23.

⁸ Русская старина, 1876, май, с. 53.

⁹ Цит. по: Дружинина Е. И. Северное Причерноморье, с. 92—93.

¹⁰ Русская старина. 1876, май, с. 50.

¹¹ Русский архив. 1884, кн. 2, с. 23.

¹² [Болотов А. Т.]. Жизнь и приключения Андрея Болотова ... с. 381—392.

¹³ Открытая грамота: «Божиею поспешествующею милостию мы, Екате-

рина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская: Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская; царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, царица Херсониса Таврического, государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных; государыня и великая княгиня Нова-города Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондидийская, Витепская, Мстиславская и всея северные страны Повелительница, и государыня Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследная государыня и обладательница. Всем, кому сие предъявится, наше поздравление. По настоящей между нашою империею и Персидским государством издавна соседственной дружбе и по силе древних с оным трактатов мы за благо признали для утверждения сей сугубой и обеими сторонами равно полезной связи и для всяких между ими случающихся дел и изъяснений учредить в Персидском государстве нашего поверенного в делах. Будучи известны о добрых качествах и способностях к сему служению нашего канцелярии советника Сергея Лашкарева, похотели мы облечь его таковым публичным качеством, и для того настоящею нашою императорскою грамотою учреждаем и постановляем его нашим поверенным в делах в Персидском государстве, и потому требуем и желаем благосклонно по состоянию каждого от всех в оном правителей, высокостепенных ханов и гражданских начальников, кому где какое надзирание следует, дабы они, каждый в своем месте и в своем ведомстве, поманутого нашего канцелярии советника Лашкарева признавали за нашего поверенного в делах с дозволением ему по всему пространству Иранского государства на основании непременных и непреложных естественных законов совершенной и полной свободы в отправлении возложенного на него от нас служения, совершенной же и бесприкосновенной беспечности в его особе, в его свите, в его доме и во всем, ему принадлежащем, — словом, всех тех прав и преимуществ, каковые характеру его принадлежат и принадлежать могут по всенародным обычаям и по правилам, везде одинаково и свято наблюдаемым в рассуждении послов, посланников, министров и резидентов дружеской державы, ибо качество поверенного в делах, имея равную с ними цель, бесспорно, принадлежит в их класс, а при том еще подавали ему всякую веру во всем том, что он в делах, ему от нас поверенных именем нашим или от двора нашего, предлагать будет высокостепенным ханам и правителям Иранского государства, кои в соответствии высочайшего нашего к ним благоволения не отрекутся, конечно, как подавать ему, канцелярии советнику и поверенному в делах Лашкареву, полную веру и всякое вспоможение в случае нужды, так опять и доставлять чрез посредство его свои прошения и свои надобности к престолу нашему, где оные, конечно, с особливым вниманием по обстоятельству каждого дела принимаемы, уважаемы и, по колику возможно, удовлетворяемы будут на укрепление доброго соседства, доброго согласия и приятного пособия между обоими государствами — империею Российскою и владениями Иранскими. Во свидетельство того повелеваем мы сию нашу императорскую грамоту учредить нашою государственною печатью. Дана в Санктпетербурге апреля 3-го дня 1786-го, а государственования нашего двадесять четвертого года» (ф. СРП, 1722—1796 гг., д. 2, л. 137—137об.).

Глава 5

¹ Еще 31 декабря 1781 г. Коллегии иностранных дел именным указом было «повелено присутствовать в оной Коллегии по секретной экспедиции генерал-майору Безбородку» (ф. СРП, 1782 г., д. 1190, л. 7).

² Цит. по: Россия и освободительная борьба молдавского народа..., с. 105—106.

³ Первое письмо, отправленное Я. И. Булгаковым из Семибашенного замка к А. А. Безбородко: «Сиятельный граф! Милостивый государь! Варварский турков со мною поступок, конечно, уже вашему сиятельству изве-

стен, но не знаю, известны ли оногo обстоятельства и мое положенне, хотя я много просил интернунция донести о том подробно. По возвращении моем я тотчас приметил, что головы совсем здесь скружились. Две мои конференции и курьер от 22 июля то уже доказывали. Визирь, не видя для себя иного спасения, пустился на последнюю крайность. 1 августа взял множество денег у банкиров для подкупления голосов. 2-го собрал Совет, на который нагнал даже янычарских офицеров, и читал пред держанием халифское заклятие с смертною казнию всем, кто отважится вынести тайну. 3 [августа] склонил султана Бог весть каким обманом. 4[-го] прислал звать меня к Порте, а 5[-го], в бытность мою у него, отправил в Едникуль. Выслушав его объявление, я вошел в рассуждения, но он прервал, говоря, что трактатов больше нет, и требовал моего согласия на уступку Крыма и на заключение нового трактата, прибавляя, что инако все старики и малолетние пойдут на войну. Я едва удержался от вопроса: да кто же останется стеречь столицу и султана? На требование мое в силу трактата выехать всем россиянам безопасно с их именем отвечал, что трактатов у Порты с Россиею нет. Муфтий был при Порте, и визирь, оставя меня, видно, обманом вынудил от него фетву на войну. Дворы Порты наполнены были военными людьми, и в зале аудиенции, когда все были высланы, один из его служителей стоял надо мною, держа руку на кинжале, как бы боялись, чтоб я не заколол визиря. При провожании чины Порты почти плакали. Дорогою, кроме уныния, на всех лицах [ничего] не было заметно, и ни одного слова никто не произнес. Поселили меня в доме коменданта, который за час был о том уведомлен и не успел еще выбраться из покоев. Поступают со мною учтиво, но прервали все сообщения и не допускают никого не только ко мне, но даже в крепость, а мне самому не дозволяют выходить из покоев и все приносимое осматривают.

Интернунций, сколько ни старался обо мне, всегда с презрением и даже с ругательством был отвергаем. В несчастии моем нашелся, однако, человек, который оправдал совершенно и мою доверенность, и свою преданность к высочайшему двору, а именно г. Гонфрис. Он в самой день моего заключения изыскал средство прислать ко мне все нужное и находит оныя поныне меня кормить, содержать, утешать и доставлять известия о происходящем.

По всем догадкам заключаю, что визирь, отвергнув все о моей свободе предательства, намерен меня с собою взять, но то его несчастье, что никто на войну идти не хочет, нет палаток, и он не в состоянии выступить ниже через 4 месяца. Станется также, что поджидают кап[удан]-пашу, дабы его здесь оставить. Но как бы то ни было, опасность для меня велика. Визирь или при неудаче поступит со мною варварски, или сам, конечно, будет изрублен, а в сей суматохе и я пострадать могу несумненно; но все в руках Божьих. Для меня все кончилось, не надеюсь уже способным быть к службе, осталось только ждать успехов неминуемых оружия нашей всемиростивейшей монархини. Взятие Очакова, Суджака, Ахалциха, почитаемых здесь за непреоборимую ограду, не только в крайнюю приведет робость турков, и без того уже едва от страха дышущих, но и отняли б надежду, подпору и пристанище у диких народов, коих послали возмущать против России начиная от Суджака до самого Каспийского моря. При получении сего письма эскадры их держаться в море уже не могут и должны или погибнуть, или сюда воротиться. При слове о мире не нужны нам никакия медиации, которые только крайний вред принесут.

Сколь ни скоростижно меня схватили, успел я скрыть наиважнейшие бумаги, цифры, архиву моего времени, дорогие вещи и пр. Казна також в целости, хотя и невелика. Прочее поныне не разграблено, но что последует, не знаю. О моем не забочусь*. Все что ни имею, имею все от щедрот всемиростивейшей нашей матери, ибо во всю службу нигде и ничем не корыстовался

* В январе 1788 г. Я. И. Булгаков писал А. А. Безбородко: «Имение мое... как то: мебели, посуда и пр. ... продано с аукциона, но сей аукцион должен был походить на город, взятый приступом и отданный на грабеж. Едва набрали десять тысяч за то, что мне стоило больше тридцати тысяч пиастров» (ф. СРТ, 1788 г., д. 706, л. 2об.).

ни во время оной, ни в предосуждении моему характеру, чему свидетелями и по смерти моей послужат все, кто только меня знали.

Такое беспорочное всегда мое поведение дает мне смелость просить всепокорнейше ваше сиятельство повергнуть меня в последний, может быть, раз к освященным стопам и отдать справедливость моему усердию, верности и старанию, с каковыми я исполнял на меня возложенное. Дерзаю також, исполняя долг природы, слезно просить о неоставлении бедного моего отца, ежели он жив, беспомощной моей фамилии и того еще несчастливых маломерных моих детей, коих не имел я времени и воспитать годными к высочайшей службе. Не могу я не упомянуть еще о г. Гонфрисе. Он болен и был на отъезд в Англию, куда призывают его и попечение о здоровье, и нужда привести в порядок немалое наследство, но все[м] пренебрег, дабы быть полезну в моем несчастье, несмотря ни на какие следствия. Живу я его деньгами и на всякий случай заберу у него до двух тысяч червонных, что все прошу приказать заплатить из моего жалованья. Прочие дела и расходы мои поручил я держать барону [банкиру Фридриху] Гипшу под ведомством интернунция. Пишу украдкою и не знаю еще, как доставлю.

Служа под повелениями вашего сиятельства, мог Вас чем прогневать или не умел оных исполнить. Ожидаю в нынешнем моем наглом и опасном положении Всевышнего прощения. Беру в свидетели Бога, который все видит и пред которым вскоре предстану, что когда в чем и погрешен был, то же с умысла и против моей воли. Кто не подлежит, впрочем, зависти и клевете?

Имею честь в последний, может быть, раз назваться с должным почтением и нелицеприятною преданностью

Милостивый государь вашего сиятельства всепокорнейший слуга Яков Булгаков

25 авг./5 [сентября] 1787. Едикуле» (ф. СРТ, 1787 г., д. 697, л. 92—93об.).

⁴ Цит. по: Россия и освободительная борьба молдавского народа... с. 108.

⁵ Даже граф Сегюр вынужден был признать: «Шуазель добился от Порты, чтобы она выдала ему Булгакова, но русский посол не хотел получить свободу от него: он требовал, чтобы его освобождение было полным и прямым удовлетворением для России. По-моему, это было благородно (см.: Русский архив. 1907, кн. 3, с. 401).

⁶ Там же, с. 390.

⁷ Это издание, озаглавленное «Voyge pittoresque de la Grèce», появилось в Париже в 1782 г. Выпады против России содержались в авторском предисловии к книге.

⁸ Русский архив. 1907, кн. 3, с. 416.

⁹ В книге Н. М. Молевой «Дмитрий Григорьевич Левницкий» (с. 200) ошибочно указано, что Шуазель-Гуфье жил в Петербурге с 1791 г. На самом деле он появился там в начале 1793 г.

¹⁰ Жозеф (в русских документах — Иосиф) Фонтон, испугавшись бурного развития революционных событий во Франции, через некоторое время после своего вступления на пост «начальника нации» вместе со своим братом Пьером (Петром) и племянником Антуаном перешел на службу в русское посольство в Константинополе. Эта династия драгоманов, сохранившая тесные связи с фанариотами и французским посольством, особой лояльности по отношению к России не проявляла.

¹¹ Русская старина. 1876, июнь, с. 233.

¹² Там же, № 9—12, с. 23—24.

¹³ Русский архив. 1907, кн. 3, с. 389.

¹⁴ Русская старина. 1876, июнь, с. 227.

¹⁵ Там же, № 9—12, с. 206, 209—210.

¹⁶ Там же, № 9—12, с. 212—213.

¹⁷ Цит. по: Брагин М. Кутузов, с. 43.

¹⁸ Всемирная история, с. 663.

¹⁹ Этой реляции, написанной рукой прославленного полководца, не оказалось в следующем издании: Суворов А. В. Сборники документов. Т. 3. Документы 1791—1798. М., 1952.

²⁰ Русская старина. 1876, № 9—12, с. 648.

²¹ Русский архив. 1884, кн. 2, с. 27.

²² Верельский мир завершил русско-шведскую войну 1788—1790 гг. 3 августа 1790 г. обеими сторонами был подписан мирный договор в Верели (ныне г. Вяръяля в Финляндии).

²³ Русская старина. 1876, № 9—12, с. 647.

²⁴ Любопытно, что придворный турецкий историограф Джевдет (1822—1895) также называет Лашкарева «Серчо».

²⁵ Русский архив. 1884, кн. 2, с. 29.

²⁶ Русская старина. 1876, № 9—12, с. 647.

²⁷ «К шести часам пополудни, как свидетельствует Державин при описании праздника, во дворце собралось все знатное «обоего пола» дворянство. Далее знаменитый поэт рисует картину торжества: «Все были в маскарадном платье. Хотя от множества карет заперлись улицы, но в доме был такой простор, что можно бы, без сомнения, пригласить такое же или еще большее число гостей. Наконец прибыл двор... Как скоро высочайшие посетители соизволили воссесть на приготовленные им места, то вдруг загрела голосовая и инструментальная музыка, из трех сот человек состоявшая. Торжественная гармония разлилась по пространству залы. Выступил от алтаря хоровод, из двадцати четырех пар знаменитейших и прекраснейших жен, девиц и юношей составленный. Они одеты были в белое платье столь великолепно и богато, что одних брильянтов на них считалось более нежели на десять миллионов рублей... Уже наступила ночь, и, когда из театра возвращались в залу, предвозвещено было концертом великолепнейшее зрелище... Вступили в освещенные чертоги. Что же представилось?.. Сто тысяч лампад внутри дома: карнизы, окна, простенки — все усыпано чистым кристаллом, наполненным возжённого белого благовонного воску. Граненые паникадила и фонари, висящие с высоты, а со стороны позлащенные светильники, одни как жар горят, а другие как воды переливаются и, совокупляя лучи свои в веселое торжественное сияние, все покрывали светозарностью...» ([Державин]. Сочинения... Т. 1, с. 392—395).

Но пышное празднество это не могло успокоить Потемкина: он теперь отчетливо понимал, что былого влияния ему не вернуть. Первенствующее положение при дворе было навсегда утрачено.

²⁸ Сборник Московского Главного архива..., с. 121—124.

²⁹ По обычаю, Лашкарев должен был одаривать деньгами людей из свиты турецких полномочных, посетивших его после церемонии.

³⁰ Полномочия русским представителям по ведению переговоров, заключению и подписанию трактата о Ясском мире: «Ее императорского величества самодержицы Всероссийской всемилодивейшей государыни моей генерал-фельдмаршал, Главнокомандующий армиями российскими, действующими на Юге, всюю легкою конницею, регулярною и нерегулярною, флотами на Черном, Азовском, Каспийском и Средиземном морях, сенатор, Государственной военной коллегии президент, Екатеринославский, Таврический и Харьковский генерал-губернатор, ее величества генерал-адъютант, действительный камергер, войск генерал-инспектор, лейб-гвардии Преображенского полку подполковник, корпуса кавалергардов, полку Кирасирского своего имени, Санктпетербургского Драгунского и Екатеринославского гренадерского шеф, мастерской оружейной палаты верховный начальник и орденов российских Святого апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, военного Святого великомученика и победоносца Георгия и Святого равноапостольного князя Владимира первых степеней, королевских польских Белого орла и Святого Станислава, прусского Черного орла, датского Слона, шведского Серафимов и великокняжеского голстинского святых Анны кавалер граф Григорий Потемкин Таврический. Священная Римская империя князь, великий гетман императорских казачьих войск Екатеринославских и Черноморских, объявляю чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что как по взаимному ее императорского величества всемилодивейшей государыни моей и его султанского величества соизволению на прекращение настоящей между Российской империею и Блистательною Портою Оттоманскою войны и восстановление мира я со стороны ее императорского величества доверенности уполномочен

к соглашению, постановлению, заключению и подписанию мирного трактата между обоими государствами с высочайшим повелением или самому вступить в переговоры с Верховным визирем Порты Оттоманской, или же, избрав, назначая и уполномочая от себя достойных особ, чрез них таковые переговоры и соглашения производить с уполномоченными от Блистательной Порты Оттоманской о постановлении мирного трактата и оный заключить, подписать и печатями своими утвердить, то я вследствие сего избираю и уполномочиваю первым действительного ее императорского величества камергера правителя канцелярии высочайшего Совета и кавалера разных орденов господина генерал-поручика Александра Самойлова, вторым — господина генерал-майора Командующего гребным флотом и кавалера разных орденов Иосифа де Рибаса, третьим — господина статского советника и кавалера Сергея Лашкарева, с тем что все, ими обще с уполномоченными от Блистательной Порты Оттоманской постановленное, заключенное и подписанное, за благо принято, твердо и непоколебимо всегда содержится и точно исполнено будет, так, как в высочайше данной мне полной мочи обещано. Во уверение того и утверждаю сие рукою и печатью герба моего в Главной квартире в Яссах октября 2-го дня 1791 года. Потемкин Таврический» (ф. ВКД, 1791 г., д. 598, л. 1).

³¹ Сборник Московского Главного архива..., с. 128.

³² Русская старина. 1876, № 9—12, с. 652.

³³ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй, с. 748.

³⁴ Русский архив. 1877, май, с. 37.

³⁵ Сборник Московского Главного архива..., с. 126.

³⁶ Ключевский В. О. Письма..., с. 385.

³⁷ Тарле Е. В. Екатерина II и ее дипломатия, с. 31—32.

³⁸ 2 января 1797 г. Кочубей доносил в Петербург: «Третьего дня получено с нарочным из Кипра известие о трагической смерти находившегося там в сылке смененного драгомана Порты Мурузия. Его убили 1/12 декабря 1796г.» (ф. СРТ, 1797 г., д. 846, л. 32—32об.).

³⁹ С. Л. Лашкарев — А. А. Безбородко от 3 июня 1792 г.: «Милостивый государь, граф Александр Андреевич! Давно бы мне оставить должно было уже Яссы, ежели б я не принужден был ожидать присылки от наследников покойного светлейшего князя известной Вашему сиятельству доводящейся мне от них на расплату покойного долгов суммы денег, которой я и по сию пору еще не получил, и до такой крайности доведен, что я никогда таких укоризней и притеснений от кредиторов не терпел, какие ныне без всякой моей вины терплю. Наконец, по долговременном того ожидании решился против воли моей всем кредиторам дать вексели, чтобы мог выехать отсель. Многие кредиторы просили на меня господаря, и он дал мне знать, чтоб я без удовольствия просителей не оставил. Сие было для меня удивительно, но должен был снести. Теперь готовлюсь в путь; я принужден и на дорогу задолжиться, ибо не с чем мне отсель и тронуться. Спасибо! Некоторые по мне поручились, а то бы и более стыда притерпел. Вот как часто надежда обманывает! Думал ли я, что покойный светлейший князь прежде меня умрет и меня в слезах и хлопотах оставит?.. Бога не бояться его наследники: получив толикое наследство, предать меня забвению, жалея уделить для расплаты его, покойника, долгов ничего незначащую для них часть!

Ваше сиятельство! Заступите меня: извлечите из сей крайности, каким способом рассудить за благо изволите; я всю надежду на милостивое вашего сиятельства покровительство полагаю, не имея более к кому прибегнуть; и ежели я столь буду счастлив, удостоюсь Вашего заступления, что покойного светлейшего князя наследники удовольствуют меня, я даже до гроба благоденствие вашего сиятельства чувствовать буду.

С достолюбезным высокопочитанием и неограниченною преданностью имею честь быть.

Милостивый государь! Вашего сиятельства всенижайший слуга Сергей Лашкарев.

Яссы, июня 3 дня 1792 года» (ф. СРТ, 1792 г., д. 1853, л. 28—28об.).

⁴⁰ Русский архив. 1902, 9, с. 69.

⁴¹ См.: *Лашкарев С. С.* Биография тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева, с. 15—16.

Глава 6

¹ Во всех архивных документах фамилия князя писалась на русский манер — Чавчавадзе.

² Между прочим, 15 декабря 1783 г. Екатерина II распорядилась, чтобы княгиня Е. Р. Дашкова напечатала «в Академии на грузинском и российском языках» текст трактата (*ф. ВАД, 1783 г., д. 9, л. 223*).

³ *Брегвадзе А. И.* Славная страница истории, с. 81.

⁴ Этим алмазом (его называли «Лазаревский» и «Орлов») весом около 200 каратов, особенно гордилась Екатерина II.

⁵ Грамота и нота Павла I были посланы Фетх Али-шаху через Мирзу Мохаммеда — чиновника неожиданно умершего иранского посланника.

⁶ В АВПР текст этого донесения обнаружить не удалось.

⁷ Русский архив. 1901, кн. 2, с. 219.

⁸ [*Державин*]. Сочинения... Т. 6, с. 670.

⁹ Приведем образец такого указа, датированный декабрем 1796 г.: «Государь император изволил повелеть находящегося в ведомстве Коллегии Иностранных Дел надворного советника Якима Даниловского выкинуть из нынешнего места без абшита» (*ф. ВКД, 1796 г., д. 7210, л. 20*).

¹⁰ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи..., с. 140.

¹¹ По существу, у управляющего Азиатским департаментом Лашкарева заместителя не было, поскольку Константинов часто хворал, а в апреле 1798 г. для «излечения болезней его» был уволен «на год с сохранением его жалованья» (*ф. ВКД, 1796—1797 гг., д. 7211, л. 138*).

¹² Речь идет о мирзе Мухаммеде Юсуфе Байкшиеве.

¹³ Посланник Петра I на Востоке..., с. 141—142.

¹⁴ По замечанию А. Соколова, «джаргуций, равный чином российской императорской службы штаб-офицеру, из чиновников китайской Коллегии иностранных дел (Ли-фу-юань [Лифаньюань] называемой) определяется от оной Коллегии на границе китайской» (*ф. СРКит, 1779—1801 гг., кн. 22, л. 123*).

¹⁵ См.: *Лашкарев С. С.* Биография тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева, с. 21—22.

¹⁶ Там же, с. 20.

¹⁷ Описка Лашкарева, следует: 28 февраля.

¹⁸ В настоящее время — Лошкаревка (Днепропетровская обл., Никопольский р-н).

¹⁹ В Энзели отправлял консульскую должность по 1793 г. актуарнус Савва Матвеев.

²⁰ В подлиннике документа ошибка: вместо слова «сорок» рукой Ростопчина написано «четыреста».

²¹ Сын фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

Глава 7

¹ А. Я. Будберг — С. Л. Лашкареву: «Пред самым отъездом государя императора из Петербурга его величество изволил заниматься избранием чиновника, который бы был уже удостоен высочайшей доверенности, соединял вместе и большую опытность в делах, и все знания, нужные для трактования с турецким министерством на случай, когда бы мирные с Портою переговоры открылись. Краткость времени и множество дел не допустили его величество назначить своего выбора к препоручению столь важному. После уже высочайшего отбытия из столицы устремил внимание мое на сей предмет. По сделании всех соображений я уверен был, что никто лучше исполнить того не может, как ваше превосходительство. Зная неограниченное усердие и любовь Вашу к государю и к Отечеству, я уверен был и в том, что Вы не отречетесь принять на себя сего временного препоручения, ежели только здо-

ровые Ваше то Вам позволит. Вот причина первого письма, которое при отъезде из Петербурга я к Вам отправил. По прибытии сюда я немедленно донес о том государю императору, и его величество в полной мере одобрит изволил все мною учиненное. Я донес также в свое время его величеству и о приезде Вашем в Петербург, но разные обстоятельства были причиною, что отправление Ваше до сей поры не могло последовать. Хотя и теперь не пахнет еще время о мирных переговорах с Портою, но как то может и вскоре последовать, то его величество за нужное признавать изволит, чтобы на всякий случай Вы ближе находились от того пункта, где переговоры сии могут открыться.

Между тем подошли еще и другие обстоятельства, для которых пребывание вашего превосходительства в том крае было бы весьма полезно. Со времени выступления войск наших в турецкие границы последовали разные неудовольствия как со стороны начальников наших в том крае, так и от местных правительств, особливо же в Молдавии, по причине отсутствия... Главнокомандующего армию и князя Ипсилантия. Для прекращения всяких быть могущих злоупотреблений в правительстве и вообще в отвращении всяких беспорядков и излишних притязаний с обеих сторон признано за нужное, чтобы в Молдавском Диване был один председательствующий с нашей стороны. Место сие государь император предлагает вашему превосходительству в ожидании, когда переговоры с Портою откроются, [и] тогда Вы будете употреблены уже там, как то и есть в настоящее назначение Ваше, но между тем Вы, конечно, решительным образом исполните бы и сие новое поручение, к чему Вы более нежели кто-нибудь имеете удобства по знанию тамошних обычаев, обрядов и языка. Ваше превосходительство сами изволите почувствовать, впрочем, что при занятии сей должности для сохранения наилучшего порядка и устройства во взаимных сношениях весьма нужно поставить себя на хорошей ноге с господарем, князем Ипсилантием, который с давних лет оказывал усердие к России, ее покровительством возведен в сие достоинство, за преданность к ней гоним был Портою и ныне, особливо со вступления в этом крае наших войск, приверженности сей при всех случаях дал новые доказательства. Государь весьма его уважает, и его величеству будет приятно и, конечно, полезно для дела вообще доброе с ним согласие начальств наших.

Хотя я и не сомневаюсь, чтоб Вы, изъявив уже готовность свою быть употребленным в том крае, не приняли и сего нового предложения, но чтобы дело сие теперь кончить, объяснив Вам все, я буду ожидать решительного от Вас на сие ответа, дабы в случае согласия Вашего последовало назначение нужных сумм как на проезд Ваш, так и на содержание в продолжение сей временной комиссии.

В прочем имею честь быть с совершенным почтением
вашего превосходительства покорнейший слуга Андрей Будберг. Бартенштейн

мая 11/23 дня 1807» (ф. Канц., 1807 г., д. 2092, л. 7—10.).

² Внешняя политика России ... Т. 2, с. 131.

³ Там же, с. 316.

⁴ Шильдер Н. К. Император Александр I ..., с. 351.

⁵ Подробнее см.: Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар..., с. 163—166.

⁶ Внешняя политика России... Т. 3, с. 738—739.

⁷ Цит. по: Тарле Е. В. Три экспедиции русского флота. М., 1956, с. 385.

⁸ Приведенные выше документы цит. по: Давыдов Ю. Сенявин, с. 162—163.

^{8a} Внешняя политика России... Т. 3, с. 606.

⁹ Там же. Т. 4, с. 9.

¹⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества, с. XXXIV.

¹¹ «Из Государственной Коллегии Иностранных Дел его превосходительству господину тайному советнику и кавалеру Лашкареву. Высочайшим именованным его императорского величества указом, данным сей Коллегии за собственноручным его величества подписанием в 28 день минувшего июня месяца, повелено находящихся в ведомстве сей Коллегии надворных советников Сергея, Андрея и Григория Лашкаревых считать при вашем превосходительстве до окончания возложенных на Вас особых поручений в Молдавии и Валахии

с произвождением каждому из них ныне получаемого жалованья с добавлением вексельного курса и сверх того экстраординарной дачи по 20 червонных на месяц и выдав одновременно на почтовые их издержки по 150 червонных из сумм, вообще на департамент иностранных дел отпускаемых, о чем по приказанию Коллегии сим вашему превосходительству для сведения и сообщается.

Секретарь Лопов

С. Петербург. Августа 31 дня 1807-го года. № 1094» (ф. Канц., 1807 г., д. 2092, л. 27—27об.).

¹² Ныне г. Слобозия в Румынии на р. Яломнице — притоке Дуная.

¹³ «Слободзея, 13[25] августа 1807 г.

Всемилоштивейший государь! Валахские и молдавские бояре в великом унынии и плаче теряют надежду быть навсегда под Российским скипетром, а более для того, что с самого отъезда князя Ипсилантия в Петербург Порта назначила господарем Александра Суцо, который чрез разных приобретенных им из турок друзей при Порте неоднократно письменно уверял оную, что валахские бояре — первые изменники: встретили Российское войско с колокольным звоном и присягнули публично Российскому государю, и поименно большую часть из бояр таковыми изменниками объявил. Во время с французами войны успел он, Суцо, обратиться на свою сторону и двор Французский и посла, который ему по сих пор хороший друг и подпора. Порта по сей причине и нарекла его, Суцо, господарем и, не медля нимало, отравила его в армию к верховному визирю, чтобы быть ближе к Валахии. Побыв у визиря, переселился он в Рушук, откуда еще ближе к Букаресту, и всегда насылает прокламации свои, в коих страшает и ласкает бояр султанской милостью и даже назначил уже своих наместников; но я в переговорах о перемирии отвратил оное тем, что Молдавия и Валахия до прибытия полномочных должны быть управляемы местными их начальствами. Он пишет и к тем, кои с семейством находятся в Трансильвании и от боязни не приезжают в дома свои в ожидании лучшей судьбы.

Равная участь и Молдавского княжества: туда назначен некто Калимаки, который уже и в дороге. И он также определил от себя наместника, но я дал ему знать, чтоб он и не осмелился того делать.

Верховный визирь — человек простой, добрый и весьма наклонен к миру, князя Суцо не любит, но опасается тех, кои его, князя, при Оттоманской Порте поддерживают, а более французов. Мне наверно сказал один старик, из давних времен знакомый, что, находясь в стане у визиря близ Силистрии, сам визирь врасплох проговорился ему: „Столько лет не раз была война, и мы сами между собою мирились, наши нравы с русскими сходны, а теперь вошел между нами влиятельный француз, который наблюдает свой интерес, а не наш. Дай Бог, чтобы Порта избавилась от такового защитника, который за добрую его услугу метит я знаю куда и возьмет. Оттоманская Порта и Российский двор всегда без медиаторов мирились, и оба оставались довольными“.

Посол Себастиани назначен к конгрессу нашего мира. Он охотно имел бы тут же и Суцо полномочным со стороны Оттоманской Порты, но хочет избавить себя от нареkania, ибо явна уже их дружба. Уверяют, что вместо него назначен Калимаки. Французский посол имеет весьма сильную связь с Суцо, который по умерщвлении Портой старика Ипсилантия послал вместо себя постороннего и купил дом его, стоящий в Терапии, со всеми мебелями и частью с серебром за 400.000 левов, в коем ныне живет Себастиани. Меня, однако, наверно уверяли, что он совсем подарен г-ну послу.

Если обстоятельства воспрепятствуют освободить эти два княжества от турецкого ига и Всевышнему не угодно будет подвести их под благодетельный скипетр в. и. в-ва, то по крайней мере дерзаю предложить об избавлении сих бедных людей от вышесказанных господарей и назначить других. В мирном же трактате можно выговорить, чтоб каждый государь оставался до пяти или шести лет на своем месте, а если Порта Оттоманская найдетса недовольною кем-либо из оных и намерена переменить, в таком случае дружески должна отнестса к в. и. в-ву.

В случае если Молдавии и Валахии Промыслом Божиим не определено счастье благоденствовать под мирным скипетром Вашим, осмеливаюсь всеподданнейше донести Вам, государь, что крепость Хотин и принадлежащую к оной раю при мирных переговорах легко можно присвокупить к державе Вашей. Тогда, ежели надобность потребует, то из Жванца с войском прямо можно идти в Яссы и Букарест. В крепости и рае Хотинской находится не менее 20 000 душ христиан, народа твердого, трудолюбивого и достаточного в скотоводстве. Сии жители весьма простыми и ничего не значащими турками изнурены, из которых всякий издалека приезжает в оные деревни и строит самовольно хутора. Нет деревни, которая бы не имела по 4, по 5 хуторов. Рабство сих христиан до того доходит, что едва имеют время на себя работать.

Здесь несется скрытное эхо, что французский император всячески ищет присвокупить к себе всю Сербию, которая почти на одном кряже с Албаниею, а потом и Морею.

Милостивый, ободрительный прием, коим угодно было в. и. в-ву в Тильзите осчастливить меня на исходе дней моих, дает мне смелость всеподданнейше поднести к подножию трона Вашего сии мои слабые мысли в рассуждении здешних обстоятельств.

Есмь с глубочайшим благоволением... Сергей Лашкарев»

(ф. Канц., 1807 г., д. 2094, л. 52об.—54об.; см. также: Внешняя политика России... Т. 4, с. 32—33).

¹⁴ [Краснокутский А. Г.] Дневные записки...

¹⁵ Григориополь — небольшой город в Тираспольском уезде Херсонской губернии, на Днестре. Основан в 1792 г. армянами—выходцами из Турции; назван в честь князя Григория Потемкина. В 1803 г. здесь поселились молдаване. Ныне — поселок городского типа в Дубоссарском р-не Молдавской ССР, пристань на Днестре.

¹⁶ Бантыш-Каменский [Д. Н.]. Словарь достопамятных людей Русской земли..., с. 50.

¹⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества, с. 137.

¹⁸ Русский архив. 1902, кн. 1, с. 93.

¹⁹ Бантыш-Каменский [Д. Н.]. Словарь достопамятных людей Русской земли, с. 55.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ *

- абшид* (абшит) — увольнение от службы или уход в отставку
ага — начальник; составная часть наименований многих должностей и званий, преимущественно воинских
актуариус (актуарий) — канцелярист, регистратор
амбань — китайский пограничный чиновник
апробация — одобрение
ариф — начальник стрелков
Архипелаг — острова Греческого архипелага в Эгейском море и само это море
аталык — один из высших чинов в бухарской придворной иерархии, vizирь
барат (берат) — патент, свидетельство
беглербег (русифицированная форма от тур. «бейлербей») — турецкий эквивалент российского термина «генерал-губернатор»
бей (бег) — титул военачальников или правителей у турок, крымских татар и других тюркских народов, форма обращения к влиятельному лицу
Белое море (тур. Акдениз) — Средиземное море
бин-баши — тысячник, майор
бохче — квадратный платок или кусок материи, в который заворачивают подарки; узел, сверток, пакет
бунчук — древко с золотым шаром и пучком конских волос на конце, знак различия для пашей разных рангов, например для трехбунчужного пашы (см.)
верстаться — сравниваться
вершник — конник, верховой, ездок
вилавый (вилавый, виловой) — лукавый, хитрый, уклончивый, двуликий
вскабула — отдельное слово иностранного языка с переводом на родной язык
герменевтика — истолкование текста древних литературных произведений
глазет — парча
господарь — титул правителя Молдавии и Валахии, назначался указом турецкого султана
деньга — полкопейки
диван — совещательный орган при султানে; аналогичные советы имелись у великого vizира и у провинциальных наместников; совет при государе в Молдавии и Валахии
диздар — военный чиновник, обычно комендант небольшой крепости
дондеже — доколе, покуда, пока, пока не
драгоман — официальный переводчик при дипломатических представительствах на Востоке
драгоман Порты — ответственный переводчик при правительстве Османской

* Словарь ставит своей задачей дать трактовку слов, терминов и некоторых географических названий не в их исторической эволюции, а лишь применительно к периоду, о котором идет речь в данной работе (вторая половина XVIII — начало XIX в.).

- империи; выполнял функции помощника реис-эфенди (см.); обычно назначался из числа фанариотов (см.)
- Едикуль** (русифицированная форма от Едикуле) — Семибашенный замок, крепость в Стамбуле, служившая тюрьмой для государственных преступников
- ефта** — тафта
- иеромонах** — монах-священник
- изражение** — выражение, высказывание
- имение** — имущество, собственность
- именной указ** — лично государем данный указ
- интернунциус** (интернунций) — дипломатический представитель «Священной Римской империи»
- кади** (кадий) — мусульманский судья, обычно глава административно-судебного аппарата округа, называвшегося каза
- калентарь** (колентарь) — букв.: воин в доспехах из крупных металлических пластин, прикрывающих грудь и спину; вероятно, военно-административный чин
- камбиял** — заемное письмо, вексель
- канцелярское** (канцелярное) **семя** — кошениль, краска алого цвета, добываемая из червеца (вид насекомого)
- канцлер** — в России высший государственный чин; министр иностранных дел
- капитан-паша** (русифицированная форма от тур. «капудан-паша») — главнокомандующий всеми морскими силами Османской империи, адмирал
- квартирмейстер** — в русском флоте (до 1910 г.) специалист по парусному и такелажному делу унтер-офицерского звания
- кегайя** (кегая) (русифицированные формы от тур. «кетхуда», «кяхья») — управляющий делами, помощник крупного османского чиновника
- кега(й)я-бей** — помощник великого визиря, ведавший главным образом внутренними делами Османской империи
- келянтарь** см. **калентарь**
- конфирмовать** — утвердить, подписать
- концепт** — свод
- кредитивная грамота** — верительная грамота
- куверт** — конверт; столовый прибор
- куранты** — газеты, ведомости; вести, вестовые письма
- кыр сердары** (ист.) — начальник военного отряда, следящего за безопасностью передвижения на дорогах
- лев, левок** — турецкая серебряная монета с изображением льва
- магазин** (магазин) — склад для хранения оружия
- медиатор** — посредник
- медиация** — посредничество в международном споре третьей, не участвующей в споре державы
- мемориал** (мемория) см. **промемория** — официальное письменное заявление, декларация
- местечко** — фарфоровое блюдо
- мешок** (денег) — 500 пиастров (см.)
- министерство** (высокое министерство) — Коллегия иностранных дел
- Морея** — средневековое название п-ова Пелопоннес
- мурза** (мирза) — титул члена владетельной феодальной семьи в Крымском ханстве, на Кавказе, у ногайских татар и некоторых других народов
- муфти** (муфтий) — мусульманский богослов; глава османских улемов, наивысший авторитет в вопросах шариатского права
- мягкая рухлядь** — меха
- набойка** (набой) — ружейный заряд
- намет** — часть украшения герба, обрамляющая щит
- неготиации** — дипломатические переговоры
- ниже** — ни даже, отнюдь не, и не, нисколько; обычно образует вторичное отрицание после *не* или *ни*
- нисанджи** (точнее, нишанджи) — один из высших придворных чинов в Турции; хранитель султанской печати

отпуск — копия, список документов
пара — серебряная мелкая турецкая монета, $\frac{1}{40}$ часть левка (см.)
Пера — пригород Стамбула, район расположения дипломатических миссий
перфекция — совершенство
пиастр — европейское название разменной турецкой монеты, равной 60 коп.
полная мочь — полномочия; документ, предоставляющий определенные полномочия данному лицу
Порта (Высокая, Блистательная) — европейское название правительства Османской империи
промемория — официальное письмо, служебная записка, декларация
растах — остановка на отдых, дневка
рая (райя, ран, райи) — подданные-немусульмане в Турции; их поселения; округа, подчиненные властям турецких крепостей, расположенных на территории Молдавии
резидент — дипломатический представитель третьего ранга
реис-эфенди — помощник великого визиря; начальник канцелярии Порты, ведавший вопросами внешних сношений
рейтар — кавалерист
рекредитивная грамота — отзывная грамота
репорт — рапорт
рескрипт — письмо монарха к подданному (обычно высокопоставленному лицу) с выражением благодарности за оказанные услуги, с объявлением о награде и т. п.; грамота
санзация — сенсация, сильное впечатление
сеймен — солдат одной из частей янычарского корпуса
селиктар (русифицированная форма от тур. «силахдар») — оруженосец, одна из высших должностей при султанском дворе
сердар (сардар) — главнокомандующий войсками
сераль — европейское название султанского двора
тарковский шамхал см. *шамхал*
трактовать — договариваться
трехбунчужный паша — высший ранг паши (см. бунчук)
трибунал — Палата по делам вассальных территорий (Лифаньюань); эквивалент министерства иностранных дел
трухменцы — туркмены
туранский — бухарский
турский — турецкий
уповательно — вероятно
уцмий — титул правителя Кайтага, области в Дагестане
фанаришоты — богатые греки, живущие в стамбульском квартале Фанар
фетва — письменный ответ муфтия на юридические вопросы; каноническое толкование акта или события на основе Корана
хан — 1) тюркский и монгольский титул феодального правителя в государствах Ближнего и Среднего Востока; 2) дарованный за заслуги участок земли с домом, усадьба
хирагра — подагра в кисти руки
цейхмейстер — начальник артиллерии
цесарский — австрийский
цидула — служебная записка, циркуляр
цифры — шифр, код
цынут (цинут) — административная единица в Молдавии; округ
чауш (чавуш) — страж, пристав; в обязанности чаушей входила охрана высокопоставленных заключенных, выполнение поручений султана, в частности, дипломатического характера
чегодарь (русифицированная форма от тур. «чухадар») — камердинер, слуга; курьер, вестовой
червонный — червонец
черен — рукоятка кинжала
Черное море — Красное море

- шамхал* (шавкал) — титул правителей кумыков в Дагестане. Резиденция шамхала в рассматриваемое время находилась в селении Тарки
- шебека* — парусное трехмачтовое судно, оснащенное 14—22 орудиями небольшого калибра
- шнуровая книга* — прошнурованная и скрепленная сургучной печатью приходно-расходная книга
- эгрет* — торчащее вверх перо или какое-либо другое украшение, прикрепляемое к женскому головному убору или прическе; плюмаж, султан
- экзипериенция* — опыт, практика
- эфенди* — господин, сударь; форма обращения к духовным лицам и вообще ко всем невоенным в Османской империи
- янычары* — привилегированная пехота в Османской империи, состоявшая на жалованье у государства

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР** — Архив внешней политики России
ф. АГДА — Архив Главнокомандующего Дунайской армией
ф. АД — Административные дела
ф. АсД — Астраханские дела
ф. ВАД — Высочайше апробованные доклады по сношениям России с иностранными государствами
ф. ВКД — Внутренние коллежские дела
ф. ГА — Главный архив
ф. ДЛС — Департамент личного состава и хозяйственных дел. Формулярные списки
ф. Канц. — Канцелярия Коллегии иностранных дел
ф. КМ — Константинопольская миссия
ф. ПГА — Санктпетербургский Главный архив
ф. РГК — Российское генеральное консульство в Яссах
ф. СМ — Секретные мнения Коллегии иностранных дел
ф. СРБ — Сношения России с Бухарой
ф. СРГ — Сношения России с Грузией
ф. СРКит — Сношения России с Китаем
ф. СРКр — Сношения России с Крымом
ф. СРП — Сношения России с Персией
ф. СРС — Сношения России с Имперским собранием
ф. СРТ — Сношения России с Турцией
ф. СРФ — Сношения России с Францией
ф. ТД — Ташкентские дела
ф. УОВЯ — Учебное отделение восточных языков
ф. ЯпД — Японские дела
- ЦГАДА** — Центральный государственный архив древних актов, ф. 180, оп. 7.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. и Энгельс Ф. Британская политика.— Дизраэли.— Эмигранты.— Мад-
зийи в Лондоне.— Турция.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.
т. 9.
- Антелива И. Г. Грузины в Отечественной войне 1812 года. Тб., 1983.
- Бантыш-Каменский [Д. Н.]. Словарь достопамятных людей Русской земли.
Ч. 2. Прибавление ко второй части словаря знаменитых россиян. СПб.,
1847.
- Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
- Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906.
- Бильбасов В. А. История Екатерины II. Т. 1—2. Берлин, 1900.
- Богословский М. М. Петр I. Т. 5. Материалы для биографии. М., 1948.
- Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им
для своих потомков: 1771—1795. М.— Л., 1931.
- Брегадзе А. И. Славная страница истории. М., 1983.
- Брагин М. Кутузов. М., 1970.
- Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885.
- Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год.
Ч. 1—3. СПб., 1869.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского
министерства иностранных дел. Серия первая. 1801—1815 гг. Т. 2—4. М.,
1961—1965.
- Вопросы истории. 1948, № 3.
- Всемирная история. Т. 5. М., 1958.
- Грибовский. Записки об императрице Екатерине II. М., 1864.
- Григорович Н. Канцлер кн. Александр Андреевич Безбородко в связи с со-
бытиями его времени. Т. 1. СПб., 1879.
- Давыдов Ю. Сенявин. М., 1972.
- [Державин]. Сочинения Г. Р. Державина. С объяснительными примечаниями
Я. К. Грота. Т. 1—9. СПб., 1864—1883.
- Дипломатический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 1—3. М., 1985—1986.
- Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье. М., 1959.
- Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Т. 4. СПб., 1889.
- Жихарев С. П. Записки современника. Ч. 2. Дневник чиновника. М.— Л., 1935.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967.
- Каландадзе Ц. П. Участие Грузии в культурной и общественной жизни Рос-
сии в 1-й половине XIX века. Тб., 1984.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 5. М., 1937.
- Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.,
1968.
- [Краснокутский А. Г.]. Дневные записки Александра Григорьевича Краснокут-
ского о поездке в Константинополь в 1808 г., самим им писанные. М.,
1815.
- Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики.— Избранные со-
чинения. Т. 5. М.— Л., 1958.
- Лашкарев С. С. Биография тайного советника Сергея Лазаревича Лашкаре-
ва. СПб., 1858.
- Левашов П. А. Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельные
описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царьграде по
объявлении войны и при войске, за которым владели их в своих похо-
дах. С приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошед-

- шую войну и многих странных, редких и любопытных происшествий. СПб., 1790.
- Левашов П. А.* Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны ото дня объявления оной до 1773 года. СПб., 1790.
- [*Левашов П. А.*] Цареградския письма о древних и нынешних турках, и о состоянии их войск, и Цареграде и всех окрестностях онаго... СПб., 1789.
- Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя начала XIX века. М.—Л., 1947.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 г. Ч. 1—2. СПб., 1843.
- Молева Н. М.* Дмитрий Григорьевич Левицкий. М., 1980.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984.
- Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря.—Избранные сочинения. М.—Л., 1951.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 [Б. м., б. г.].
- Общий морской список. Ч. 2. СПб., 1885.
- Ос്മнадцатый век. Кн. 1. М., 1868.
- Очерк истории министерства иностранных дел (1802—1952). СПб., 1902.
- Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956; Сб. 6. М., 1963.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
- Петров А. Н.* Вторая турецкая война в царствование Екатерины II: 787—91. Т. 1—2. СПб., 1880.
- Полное собрание законов. Сер. 1. Т. 7. СПб., 1830.
- Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986.
- Российское посольство в Константинополе 1776 года. СПб., 1777.
- Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига (1769—1812): Сб. документов. Под ред. Н. А. Мохова и Д. М. Драгнева. Кишинев, 1984.
- Русская старина. СПб.
- Русский архив. М.
- Русский биографический словарь. Т. 1—25. М.—СПб., 1896—1918.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 89. СПб., 1893.
- Сборник Московского Главного архива министерства иностранных дел. Вып. 5. М., 1893.
- Советские архивы. 1966, № 1.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 15 книгах. Кн. VIII (т. 15—16). М., 1962; кн. XV (т. 29). М., 1966.
- Справочный энциклопедический словарь. Под ред. А. Старчевского. Т. 12. СПб., 1853.
- Станиславская А. М.* Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции 1798—1800 гг. М., 1984.
- Тарле Е. В.* Екатерина II и ее дипломатия: Стенограмма лекции. М., 1945.
- Тимошенко В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев, 1984.
- Ульяницкий В. А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. Ч. 2. М., 1883.
- Ульяницкий В. А.* Русские посольства за границей в XVIII веке. Ч. 2. М., 1889.
- Цагарели А. А.* Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII столетии. СПб., 1890.
- Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и деятельность. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1904.
- Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Глава 1. Студенты «ориентальных языков»	
Глава 2. В Царьграде	
Глава 3. «Вице-консул» в Дарданеллах	
Глава 4. Генеральный консул, резидент	
Глава 5. Третий полномочный	
Глава 6. «Имея на попечении моем азиатские дела...»	
Глава 7. Секретное поручение императора	
Примечания	
Объяснительный словарь	
Список сокращений	
Библиография	

Гавриил Леонидович Кессельбрэннер

**ХРОНИКА
ОДНОЙ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
КАРЬЕРЫ**

**(Дипломат-востоковед
С. Л. Лашкарев
и его время)**

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *С. Верховский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Л. И. Письман*
OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г. Хайфа
ИБ № 15960

Сдано в набор 06.03.87. Подписано к печати 30.09.87. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Вклейка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17.5+0.125 вкл. Усл. кр.-отт. 18,51. Уч.-изд. л. 18,30. Тираж 10 000 экз. Изд. № 6141. Зак. № 224. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

По ея Высочайшему повелению Милости МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
Императрица и Самодержица Всероссийская: Московская, Киев-
ская, Владимирская, Новгородская: Царства Казанская, Царства Астрах-
анская, Царства Сибирская, Государыня Пензенская, и Великая Княгиня
Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Шверинская,
Угорская, Псковская, Вятская, Болгарская, и иных Государыня, и Великая
Княгиня Новагорода Низовскихъ Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская,
Брянская, Курская, Обдорская, Кондеевская, и всея Сибирския Страны поименительница
и Государыня Иверскихъ Земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскихъ Земли
Черкесскихъ и Горскихъ Князей и иных, наследная Государыня и Обладательница. Сибир-
скихъ и Славянскихъ Крестовыхъ и всехъ Татарскихъ Нородовъ Ханъ Шагинъ Бирекъ Наша
Императорская Милость и поздравление. МЫ за благо рассудили отозвать находящагося при
Вашей Святости НАШЕГО Полномочнаго Министра Величнаго для употребленія при дѣлахъ:
а на место его **опредѣлить въ наместникъ Residenta НАШЕГО Надворнаго Советника Сергея Лашарета,**
котораго сия Святость желаетъ и требуетъ, чтобы въ дозволении ему всегда по потребованію дѣлъ и
обстоятельствъ свободной изъ себя доступъ и подавали шрестъ нести, что онъ Вашей Святости именовъ
Нашимъ и Двора НАШЕГО предлагать вѣдетъ, а особливо уверениямъ предпринимательнаго НАШЕГО поведе-
нія объ истинномъ вѣствѣ Вашей Святости и сей Области Татарской. Дано за подписаніемъ собствен-
ною Нашею рукою и съ приложениемъ Императорской печати въ столичной Нашеихъ Городъ Санктъ-
петербургъ въ 30. день Января ижеца отъ Рождства Христова 1783: а Государствования НАШЕГО
двадцать перваго Лета.

Екатерина

«Имея на попечении моем азиатские дела...» — словами этими начиналось одно из служебных писем Лашкарева, датированное декабрем 1798 г. Но Сергей Лазаревич вправе был написать так и несколькими годами ранее, скажем в 1794 г., поскольку именно тогда Екатерина II поручила ему заниматься дипломатическими сношениями России со странами Востока. Следует при этом иметь в виду, что в то время в штате Коллегии иностранных дел соответствующего департамента еще не существовало — именно Лашкареву надлежало его создать. Для этого он трудился с полным напряжением всех своих сил.

